

Стихийный сон

Кристина Юраш

Глава первая. Пятый угол и пятая колонна

- А потом мы решили узаконить отношения!

- Штамп в паспорте?

- Нет, штамп в справке!

Я даже не поняла, как именно мы познакомились, но уже вечером, на жарких, раскаленных простынях я металась и стонала, чувствуя мучительные приступы слабости. Утром была мелкая трясучка озноба и слипшийся комок мыслей, сводившихся к слову «угораздило». В теплом домике из одеяла я лежала и смотрела воспаленными глазами в стену, сгорая от стыда. Наши отношения развивались стремительно и предсказуемо, как сюжет в пафосном индийском блокбастере. Помню, как предложила узаконить это безобразие, но он снова потянул меня в кровать, намекая на огромные очереди и бюрократию. Еще бы! Он был категорически против даже моей работы. И лишь когда мне позвонили и потребовали срочной явки, он сдался, изъявив желание познакомиться с моими коллегами. Почему-то из всех он выбрал именно Свету, чтобы несколько дней судорожно метаться между нами. Помню, как Света смотрела на меня с укором в покрасневших глазах, помню, как мне почему-то было неловко перед ней. Когда она не вышла на работу, мне стало понятно: у них серьезно и надолго. Мне оставалось лишь вспоминать бессонные ночи, попивая его любимый чай с большой долькой лимона, кутаясь в его любимое одеяло. Рядом со мной лежал носовой платок, в который я роняла скупые слезы. Да... Такого гриппа в моей жизни еще не было.

- Леся, крути педальки быстрее! Тебя уже ждут! - игриво возмутился один мужчина в самом расцвете сил, по кличке «Карлсон». Жизнерадостный толстенький балагур - директор с остатками рыжей шевелюры и внушительным брюшком очень любил пошутить. Над сотрудниками. В присутствии клиентов. «Ой, Света, а у тебя - двойной подбородок! Третьего ждем?» - прикалывался он, поглядывая на солидного заказчика. «Дима, ты про эту девушку говорил, когда хвастался чистыми носками?» - веселился директор, глядя на молоденькую заказчицу. «Леся, протри монитор и нос! А то мухами засижено!» - балагурил наш руководитель, глядя, как я пытаюсь вразумить принтер, шмыгая своим веснушчатым безобразием. «Я разрядил обстановку!» - невозмутимо пожимал плечами Карлсон, удивляясь, как это он еще не выступает на одной сцене с метрами отечественного юмора? Но мы уже готовы были скинуться ему на путевку для сплава по реке на большом теплоходе вместе с единомышленниками, но пока столько не зарабатывали. «По реке плывет директор ООО «Проект-монтаж». Не волнуетесь, не утонет благодетель наш!» Карлсон, который живет «на крысе», потихоньку «крысятничает» нашими зарплатами, но и мы в долгу не остаемся, тихонько «крысятничая» заказами в обход фирмы. Так и выживаем.

Разведя ноги, постанывая и думая о переднем месте, я ехала в автобусе. Я на всякий случай поискала глазами табличку «Экскурсии для гномов и хоббитов к Одинокой горе», понимая, что хоббиты и гномы, после победы над злом, обросли льготами, и сидячие места предусмотрены исключительно для них.

С немой укором я посмотрела на большую тетку с шуршащим пакетом, которая положила огромную руку на спинку моего сидения, не прекращая рассказов невидимому собеседнику о тридцати трех несчастьях, постигших семью Игнатенко. Икалось всем

членам семьи, включая тех, кто недавно переехал на покой, и тех, кто еще не успел родиться. За время повествования мне показалось, что родились все члены семьи даже не в понедельник, а в пятницу тринадцатого, сразу после того, как баба с пустым ведром перебежала дорогу черной кошке, чтобы тут же быть убитой невесть откуда взявшейся молнией в виде акции кармического устрашения.

Автобус вкопался на светофоре, аккуратно напротив объявления на столбе: «Куплю волосы. Дорого!». Я еще раз с подозрением посмотрела на попутчицу. Наверняка есть специальные люди, которые постигли искусство вырывания женских волос в общественном транспорте, чем, собственно, и зарабатывают на жизнь. Судя по объему пакета и моим потерям по вине мадам, рыжие волосы сейчас в цене, и еще две остановки обеспечат ей «достойную зарплату», а мне – внушительные проплешины. Я быстро сплела косичку, забила в угол сидения и прижала к груди черновик проекта и ноутбук.

Тетка еще раз оперлась о спинку моего сидения, нависая надо мной всей тушей. Судя по громкости разговора, собеседник мог прекрасно слышать мадам и без телефона, даже находясь на другом конце города. Через две остановки она уже щедро давала советы всему автобусу по уходу за ребенком.

– Извините, а вы не могли бы положить руку на поручень? – возмутилась я, заворачивая остатки волос в гульку и сдвигаясь к окну. – И на полтона тише, пожалуйста...

– Слышь, ты, хамло, рот закрой! Не указывай мне, как стоять! – огрызнулась мадам, чтобы тут же переключиться на телефон, – Олечка, ты клизму не ставь! Ни в коем случае! Он потом у тебя этим... вырастет! Ты меня поняла... Лучше дай ему таблеток... Сейчас-сейчас... «Дристалгон»... Нет, кажется, «Какалгин»! Забыла, как называются... Посмотри в интернете...

Тетка медленно перешла от темы «недорослей» на тему «у кого что болит» и «кто чем лечится». В разгар пугающих объяснений про новый коварный штамм вируса гриппа, который чихать хотел на антибиотики, я решила громко покашлять, достав сморщенный платок. Если мой бывший перейдет к ней, то я была о нем лучшего мнения! Кашляла я так, словно из меня лезет сам дьявол. Тетка с суеверным ужасом покосилась на меня. Я снова зашла в приступе мнимого кашля, а потом трубно высморкалась в платок. Через пару секунд «слониха» стала продвигаться по салону, сменяя всех на своем пути, чтобы отодвинуться подальше от источника заразы. «Источник заразы» тут же спрятал платок и проверил телефон.

Клиенты настойчиво вызванивали меня, пока я смотрела на длинную и унылую пробку. Последние спокойные минуты моей жизни. Мой мозг готовился к свиданию, лихорадочно перебирая мысли, как модница гардероб, пытался приукрасить действительность, как красавица с косметичкой, причесывал все планы и понимал, что сейчас ему придется целиком отдаться работе.

Бывают такие клиенты, в процессе общения с которыми приходится на всякий случай лезть в Уголовный Кодекс и узнавать, сколько дают за убийство в состоянии аффекта. Эти люди достанут тебя из-под земли, выкопают из могилы, найдут в реанимации, вырвут из комы и отдерут от капельницы, чтобы нежно и с наслаждением заняться любовью с твоими полушариями. Было у меня такое чувство, что я откликнулась по объявлению: «Семейная пара господ ищет девушку – рабыню для частых встреч на нейтральной территории». Устав заниматься истерически-оральной любовью с полушариями друг друга, они решили найти кого-то третьего.

Пока мои политически-зависимые соседи смотрят передачи про всемирный заговор, скрипя «массонским ложем» и подвергая всех на площадке «санкциям» в виде политической информации на повышенных децибелах в ночное время, мне в страшных снах снится пятая колонна. Именно на ней держится длинный, как кишечник, балкон. Легким движением алчной руки финансового кризиса роскошный дворец с огромными окнами превратился в теремок. Теремок мерзко шурился «туалетными» бойницами, скинув с себя все архитектурные излишества. Есть у меня вполне обоснованные предположения, что на этой мансарде разместят тех самых гномов, которые уже съездили на экскурсию и мечтают отдохнуть в тишине и покое. На эту мысль наталкивают окна-бойницы на уровне колен и общая высота потолков – полтора метра. Но пока утешаю себя мыслью о том, что в переводе с древне – персидского «сарай» переводится, как «дворец», а это, что я – мастер «дворцовых» ансамблей с прилегающим курятником, поросятником, собачатником, козлятником и гаражом.

– Ни в коем случае не уменьшайте площадь! – в один голос орали заказчики, стоя у меня над душой и елозя пальцами по монитору. Если бы у меня была книга «Камасутра для мозгов», то я робко протянула им книгу и ручку и скромно попросила у них автограф.

Они караулят меня с утра, как в шпионских триллерах, приезжают в обеденный перерыв, заставляют сидеть на работе до десяти вечера, выслушивая многочисленные пожелания, а потом звонят ближе к двенадцати ночи, дабы удостовериться в том, что я про них не забыла. Где-то затаился настоящий монстр – Мама. Именно Мама является основным генератором бредовых идей, большинство из которых были горячо поддержаны «инженером» и «дизайнершей». Они полагают, что проект, за который они собирались заплатить сущие копейки, торгуясь с директором до почечных колик, должен стать смыслом моей жизни. Я не должна забывать о нем ни на минуту! И если в одиннадцать вечера я не сразу «въеду» в тему разговора, сонно, оглядываясь по сторонам, если в час пик, когда с одной стороны меня подпирает бомж, а с другой бабка, пахнущая перловкой, я не сразу вспомню расстояние от окна до центра комнаты, то это значит, что я «подхожу к вопросу несерьезно».

Есть вещи в этой жизни, которые можно измерять только ненормативной лексикой. Так вот, в эквиваленте ненормативной лексики этот «теремок» потянул уже на трехтомник, изданный и переизданный минимум пятью соавторами. Все специалисты, которые работали над «теремком» до меня, были «некомпетентными», а я – «не профессионал», что «сразу видно», но «чуть лучше других», о чем мне неоднократно напоминали при каждом удобном случае.

Судя по тому, что раньше над проектом работали Света Квакшина, Дима Мышенко, Катя Зайчук, Виктория Лисицына, Павел Волков, то вполне логично, что «теремок» перешел «по наследству» мне, Лесе Медведевой. И мне предстояло развалить его окончательно.

Я добралась до работы и открыла проект. Отгадайте загадку? Без окон, без дверей, полна горница людей? Огурец? Не-е-ет! Огурец – это пятизвездочная гостиница по сравнению с трехоконным бараклом мутно-болотного цвета с длинным несуразным балконом. Говорила я мозгам, что если любви не избежать, то нужно просто расслабиться и получать удовольствие. Но мозги расслабляться не хотели, всячески противясь моральному изнасилованию.

Дверь открылась с игривым «тук-тук», и я поняла, что в этой семье царит полный матриархат. «Полный матриархат» тут же занял два стула, распределив вес сразу на

восемь ножек, спустил со сморщенных рук ридикюль, скептически осмотрел наш офис, фыркнул себе под нос: «шарага!», – а потом поджал тонкие алые губы и брезгливо посмотрел на мою невытую кружку. За ней вбежал малец лет пяти в оранжевой кепке, прыгая от восторга, а под конец ввалились мои палачи.

– Пятую колонну нам не надо! – возмутилась заказчица, тыкая пальцем в трехмерную модель дома. – Игорь, иди, посмотри!

И тут сквозь последствия гриппа я ощутила удушающий запах едкого и кислого, как уксус с мускусом, мужского парфюма, вызвавшего у меня компактное чувство глубочайшего отвращения. В этот момент я была уверена, что туалетная вода называется «Верный муж» и продается в трехлитровых банках вместе с мощным разбрызгивателем для усиления «бракоохранительного» эффекта. Было у меня так же подозрение, что этот аромат был разработан в секретных лабораториях в качестве биологического оружия. Группу ученых – изобретателей по окончании эксперимента решили на всякий случай убрать как свидетелей, а рецепт положить в папку «Совершенно секретно» и запереть на кодовый замок. И вот, последний ученый, по законам жанра умирая от собственного «детища» в камере, куда пустили эту вонь, отчаянно барабанил в дверь, умоляя открыть ее, а потом поник, скользя ослабевшей рукой по пуленепробиваемому стеклу. А теперь разработки рассекретили и пустили на поток на радость потребителям.

– И-и-ира! И-и-игорь! – визгливо и по-старушечьи заметила неизвестно еще чья мать, ощупывая каталоги. – Надо к Коноваловым заехать. Мне Люся таз обещала!

– Я вам как инженер говорю, что будет держаться балкон без пятой колонны! – с гордостью заметил супруг, елозя пальцем по моему монитору. – У меня в онлайн-программах получался отличный дом! Мы же рассказывали вам, что в игре – симуляторе мы с женой построили такой ....

«Не путайте СНИПы и СИМы», – мысленно огрызнулась я, люто, до почечной колики ненавидя сопение на ухо, стояние над душой и тыканье пальцем в монитор моего компьютера. Я попыталась выглянуть и отследить взглядом, что умудрилась сломать «оранжевая кепка».

– И-и-ира! И-и-игорь! – снова раздался голос мамы. – Надо будет заехать к Наде. Она мне полотенца новые обещала!

Малец тем временем подбежал к принтеру и стал тыкать все кнопки подряд, открывая крышку и заглядывая внутрь. В тишине что-то щелкнуло, завалилось и раздалось детское: «ой!».

– Вы мне показывали! Очень интересно! – вежливо заметила я, стараясь разучиться дышать. Опять что-то завалилось.

– Прошу вас, успокойте вашего ребенка! – занервничала я. Родители даже не удосужились посмотреть, что доламывало их не в меру любознательное чадо, а лишь автоматически выдали: «Илюша! Сядь рядом с бабушкой!».

– И-и-игорь! И-и-ира! Надо будет заехать к Веселовым и попросить у них укропа! – отозвалась бабка, шурша каталогами. – А потом к Авериным. У них помидоры поспели!

– Мы хотим максимально удешевить проект! – закатила глаза заказчица, поглядывая в сторону своего нервного благоверного. – Может, где-то продаются очень дешевые стройматериалы? Вы должны знать!

«Принесите из леса камни, ветки, мох, кашки, глину и закатайте рукава», – мысленно взывала я, понимая, что сейчас лягу лицом на клавиатуру и забьюсь в предсмертных конвульсиях и судорогах.

– И-и-игорь! И-и-ира! Надо будет зайти к Ткаченко и взять у них огурцов! – снова выдала бабка. – А потом заехать к Ларисе за бутылками!

– Поищите акции в гипермаркетах, – снова вежливо улыбнулась я, глядя, как печатается «огурец». Всеобщая маман сидела на двух стульях и с омерзением пыталась когтем соскрести дорожную фасадную краску с образца. Принтер занервничал, заскрипел, а потом заглох.

– Мам! Пап! Сотри! – орало чадо, топая как стадо слонов. – Сотри сюда! Сотри, как я умею! Ля-я-янь!

У меня зазвонил телефон. Я сбросила, посмотрев кто меня хочет. Опять! Я снова сбросила. И снова! Да что там? Всех убили, а мой номер набрали окровавленными руками, чтобы прохрипеть «спаси меня»? Я снова сбросила. И снова! Пришлось взять трубку.

– Алло, Лесюнчик! У меня горе... – плаксиво заявил голос одной знакомой. – Ты говорить можешь?

– Нет, Марина. Я занята. перезвоню позже, – закатила глаза я, глядя, как маман прячет веер образцов фасадных штукатурок себе в сумку.

– Короче, слушай, я вчера взяла его телефон, стала обзванивать все подозрительные номера, так вот, на номере «Коля Элитмонтаж», трубку взяла женщина!!! Представляешь! Она сказала, что она – жена Коли, а Коля сейчас в гараже... Но я не ве...

– Марина, я тебе перезвоню! – возмутилась я, сбрасывая вызов. И снова звонок.

– Но я не верю... Это он просто договорился... Я не знаю, но чувствую, что он мне изме... – икал голос, а я снова сбросила вызов. Через минуту пришла СМС-ка. «Леся, я с тобой больше не разговариваю! Ты – просто хамка! У меня такое горе, а ты...»

Я увидела краем глаза, как малец взял с чужого стола маркер и стал рисовать на обложке распечатанного проекта, за которым в понедельник приедут заказчики. Я молча встала, раздвинула «родителей», подошла к юному дарованию и отобрала «этюдик» и «кисть».

– Вот зачем вы отобрали у ребенка фломастер! – возмутился отец, глядя на растерянного от моей «наглости» сына.

– Дайте ему свой паспорт! Пусть он в нем рисует! – нехорошим голосом заметила я, заталкивая проект на верхнюю полку. Подальше от детских рук.

– Так, Игорь! Мне не нравится, как она с нами разговаривает! И Илюшеньку обидела! – возмутилась «дизайнерша». При слове «обидела» Илюшенька торжественно встал в центре комнаты и зашелся такими рыданиями, от которых сотрясались стены. В семье «инженера» и «дизайнерши» подрастал настоящий «артист». К всеобщему ору подключилась бабка. Она орала громче всех.

– Вы знаете, мы с вами не сработаемся! – заявил глава семейства. Маман с характерным «чмяк» отлипла от дерматиновых стульев, деловито пакуя в пакет наши образцы рулонных штор. – Запомните, раз вы работаете сфере услуг, клиент – всегда прав! С таким подходом у вас не будет клиентов!

«Дизайнерша» уже истерически высказывала все, что обо мне думает, Карлсону. Дверь они закрыли от души. Да так громко, что наш впечатлительный принтер испугался и принялся допечатывать последние страницы проекта.

Я протяжно зевнула и открыла окно, чтобы проветрить помещение. Пока я сгребала проект дома с бассейном и трамбовала его в пакет, у меня снова зачирикал телефон.

– Алле, Лесенька, мы посмотрели твой буклетик... – елейным голосом зашебетала моя бывшая коллега, которая устроилась работать в строительную фирму. Этот «буклет» я делала «за шоколадку», которая до сих пор лежит на прилавке магазина. – Мы тебе на почту сбросили техзадание. Смотри, логотип должен быть не посередине, а сбоку. Это – раз. Текст надо сдвинуть на миллиметр правее... Это – два... И фотографии... Там на восьмой странице техзадания мы все написали.

– Послушай, Люда, – я призывала дух пофигизма, дабы объяснить все, не опускаясь до слов «халява», «наглость» и «задолбали». – Люда, мы как договаривались? Что ты мне говорила? Сделай быстренько простенький буклетик «на свой вкус» за шоколадку? Так было дело? «На мой вкус» – за шоколадку. «Техзадание» – за деньги.

– Леся, раз уж ты взялась, то доделывай! – возмутилась Людмила, пока я вспоминала ее «хищные» очки и рваную стрижку. – Мы тебя не торопим. До понедельника ты сделаешь?

– Нет, – категорично ответила я, глядя, как из принтера вылезает последний листок. – Я свою шоколадку отработала. Сколько предлагает начальство за буклет?

– Леся! Мы же с тобой за шоколадку договаривались! Короче, зря я на тебя понадеялась! Подвела ты меня! – возмущалась Люда.

Одним движением руки я сбросила не только вызов, но и «нахлебницу».

Я сгребла ноутбук, проект и закрыла офис. Суббота, однако. Можно было не приезжать на работу. Кто виноват, что у нас фирма «нетрадиционной» ориентации? Именно так можно охарактеризовать излишне «клиентоориентированный» бизнес. Когда за жалкие гроши любой клиент может измываться над сотрудником, как ему вздумается. А потом Карлсон горестно вздыхает, мол, никто работать не хочет! Не успеваем! Караул! Аврал!

Он позвонил тут же. Я не помню, чтобы терялась, но если родители уверяли, что нашли меня в капусте, то директор свято верил, что нашел меня на помойке. Я сидела, обдувая озябшие пальцы и доедая тухлую селедку, кутаясь в вонючее пальто, найденное в соседнем контейнере, пока на меня не упал луч света в виде «вы нам подходите!». Благотетель подобрал меня, протянул руку помощи, предложил достойную, как для опустившегося алкоголика, зарплату, чтобы я отплатила «черной» неблагодарностью. На том же месте, где он меня «нашел», по его словам, сидит еще с десяток опустившихся бомжей, которых можно в любой момент осчастливить, предложив такую крутую вакансию. Назвать крупную строительную фирму – помойкой, у меня язык не поворачивался, но Карлсону виднее.

Я заглянула в магазин, выстояла очередь, дождавшись, когда мне взвесят два лимона, и положила купюру на прилавок.

– Шесть рублей поищите! – потребовала продавщица, глядя на мой увесистый пакет и ноутбук. Я отрицательно покачала головой. Нет у меня шести рублей, а акробатические номера в виде выворачивания всех карманов и ловлей упавшего пакета я проворачивать не собиралась.

– Куда к витрине прислоняешь? Мне уже одну разбили! Тоже грамотная, как ты, привалилась – и все! – завелась продавщица. – Давай, не задерживай очередь! Кто следующий? Вам хлеб? Минералку сами берите из холодильника... Чай в пакетиках или заварной? Что смотрите на меня? Заварной? Пальцем ткните, где вы видели этот чай....

Я молча забрала деньги, развернулась и вышла под недовольное бурчание продавщицы, которая, оказывается, уже пробила мои лимоны. Дома меня застал очередной звонок.

– Алле, Леся, – на том конце трубки кто-то что-то ел. – Мы тут все переиграли! Короче, подружки невесты теперь будут не в розовом, а в нежно-еловом! А еще мы отмечаем в столовке. Ну, знаешь столовку на Пушкина? Завтра в шесть.

Трубку положили, а я при мыслях о предстоящем торжестве громко чихнула. Правда-правда!

Сначала свадьба должна была пройти в ресторане «Парадиз», но после покупки платья, заказа лимузина и найма фотографа стало понятно, что гостей придется кормить манной небесной. И снова звонок. С того же номера.

– Алле, тут только что звонила тамада, сказала, что все должны быть по парам! Так надо! У тебя сейчас кто-нибудь есть?– поинтересовалась «невеста». – Если нет, то будешь с Геной!

Я чуть не подавилась и срочно достала пудреницу, дабы проверить наличие больших ушей. «Теперь я вместе с Геной, он – необыкновенный, он самый лучший в мире крокодил!»

Гена был человеком, который пришел в этот мир с великой миссией. Он нес огромную воспитательную функцию. Не будь Гены, на кого еще мамочки показывали пальцем, чтобы страшным голосом говорить: «будешь так себя вести, будешь как он»? Гена невольно заставлял престарелых адептов культа Великого Тонометра переключить все внимание на себя, даже если в радиусе спокойно стоял на посту бордель при боевой раскраске. Гена исправно выполнял религиозную функцию. При виде него представители всех вероисповеданий взывали к своим святыням. Так же образ Геннадия всегда добавлял шарма всем окружающим молодым людям, обеспечивая им конкурентное преимущество в глазах прекрасного, но очень разборчивого пола. Природа, как выяснилось по ранним фотографиям, продемонстрированным мне однажды невестой, была к нему достаточно благосклонна, но Геннадий в душе был бунтарем, в связи с чем подарок природы не оценил. Теперь у него туннели размером с ободок моей чайной кружки, пирсинг по всему лицу, татуировки по всей поверхности щуплого тела и раздвоенный язык. Пока что Геннадий перебивался случайными заработками и связями, будучи убежденным «веганом». И двоюродным братом невесты. По совместительству. Он готов был нести свою «гастрономическую религию» в массы, активно осуждая тех, кто смеет смотреть на мясо без должного омерзения и у кого хватает денег на его покупку.

Я уныло перебрала в голове список всех знакомых, которых можно «арендовать» на короткий вечер. Никого. Перед глазами снова промелькнуло, с позволения сказать, лицо Гены. Именно оно сподвигло меня зарегистрироваться на сайте знакомств. Нет, а почему бы и нет? Надо же как-то устраивать свою личную жизнь.

Я грустно посмотрела на свои фотографии, особенно на те, которые были в профиль. Нет, в профиль природа фотографировать мне не рекомендовала. Римские Императоры, так любившие увековечивать свои огромные клювы на местной валюте, присвистнули бы от зависти, увидев мой благородный профиль. Если у мужчин такие профили называют «орлиные», то я напоминала попугайчика. На моем «клюве» располагалась целая плантация веснушек, что, как ни прискорбно, является непременным атрибутом рыжих от природы волос. Не обращая внимания на общие рекомендации подсобрать денег и лечь на операционный стол, чтобы обзавестись изящным носиком, к таким мерам прибегать я не собиралась, в надежде, что где-то парит мой «гордый орел», который оценит мой клюв по достоинству.

Аккаунт создан, фотография сделана, обработана и выложена. Я уже собиралась окунуться в мир заманчивых перспектив приятного общения, как вдруг раздался звонок.

– Ой, Лесюнчик, забыла тебе сказать! Помнишь, я просила подарить постельное с

розами? Так вот, не надо... Дари деньги! И еще... возьми с собой пару тысяч... ну, тысяч пять... на всякий случай. Конкурсы будут платные... Тамада сказала, что мы свадьбу окупим сто процентов! И, если можно, прихвати из дома закрутки. Огурчики, помидорчики... Аджику тоже можно! – заявила невеста, что-то жуя.

Я посмотрела на красивый сверток «заказанного» постельного белья с розами. Я потратила неделю, чтобы найти белье «как на фотографии», выложила за него кучу денег, потому что по уверениям продавщицы, его строчила не Баба Клава в соседнем подвале, а какой-то известный в узких кругах дизайнер своими золотыми ручками.

На спинке стула висело розовое платье, купленное неделю назад специально для этого случая вместе с туфлями, за которые пришлось отдать половину зарплаты. Я представила, как бегаю раненной антилопой по всем магазинам, ищу платье нежно-елового цвета и туфли в тон. А потом каракатицей тащусь на мероприятие, неся шесть трехлитровых банок с маринадом и кошелек со всеми деньгами, потому что туалет, вероятно, будет платным. Отличная идея для новобрачных. Стоит очередь, а тамада поигрывает ключом от клозета и мешком. «Приуныли наши гости, словно трупы на погосте! Сразу видно вам не сладко, отгадайте-ка загадку! Кто загадку отгадает, тот и ключик получает! Кто загадку не решит, тот деньгою пусть шуршит! Зимой – белый, летом – серый, в межсезонье – грязный, в техпаспорте – красный!». И понеслись ответы: «Жигуль», «Москвич» и так далее. А тамада игриво, подмигивая жениху и невесте: «Вы, увы, не угадали! Быстро тысячу достали!». Деловито пересчитывая выручку, она с характерным задором выдает: «Половина отравилась! Наша свадьба окупилась!» Еще бы! А что вы хотите от столовой, где, судя по отзывам, тараканы заживо съели санэпиднадзор? «Кто не хочет есть руками, пусть заплатит нам деньгами! Если кто пойдет курить, будет денежку платить!» – веселилась тамада, глядя на будущих миллионеров, которые завтра проснутся без друзей и родных.

– Извини, но я, наверное, не приду. Приболела, – ответила я, подкашливая для убедительности. – Плохо себя чувствую. Подарок потом подарю...

И что тут началось!

– Да за тебя деньги плачены! – орала невеста, но я ее уже не слушала. – Да у тебя совести вообще нет! А еще подруга, называется!

Я взяла со стола зеркальце и посмотрела на себя.

– Я похожа на Рокфеллера? Нет, не похожа, – вслух заметила я, убирая новое платье и туфли в шкаф, а постельное закидывая в диван. Колхозный раут отменяется. «Дверь на ключик закрывали, чтобы гости не сбежали! Горько! Горько! Горько!» – несло локомотив воображения по рельсам импровизации. Это был тот самый случай, когда горько всем гостям.

Я попыталась удалить уже ненужную анкету, но мне пришло несколько сообщений. На меня грустно смотрела аватарка современного Алладина, в его бытность обычным воришкой, на фоне ковра-самолета отечественного производства. «Привет! Как дила? Прописка?». «Прописки» мне не хотелось. Алладин искал настоящую принцессу, с параметрами модельными, материально и жильем обеспеченную, готовую не просто обласкать, но еще и прописать его на своей территории. Поскольку я не отвечала

данным параметрам, как архисложное приложение на тормозящем телефоне, пришлось удалить сообщение. Вторым был «мастер» фотошопа, изучавший физику по китайским боевикам с «шур-шур-шур» по крышам, «кия!» в воздухе и «нча-нча-нча» с мечом в полете. Он вырезал себя по контуру и повесил в воздухе на фоне шикарных апартаментов, не додумавшись подвести яркость и контрастность. Следующее послание в виде: «Привет!» написал мне товарищ из будущего! Наверное, в будущем, до которого я вряд ли доживу, машины, которые сейчас стоят миллионы, будут продаваться за копейки на каждом углу. А любой автослесарь научит их парить над землей, предварительно закрасив номера! Следующий кандидат со своим «Приветом!» тоже любил фотошоп. Но, в отличие от предыдущих мастеров, он не отбрасывал тени, не отражался в зеркалах и имел красные глаза, чем меня и настораживал. Я уже хотела открыть платные курсы «фотошопа», собрав всех «мастеров», благо, их тут было много.

Ценители «внутреннего мира» присылали мне разнокалиберный инструментарий, предназначенный для его глубокого познания, возвышенные товарищи – стихи, нагло скопированные с просторов интернета, а «ищу немеркантильную девушку» интересовались наличием у меня транспортного средства и недвижимости. Один товарищ, который, судя по анкете, искал «добрую и отзывчивую девушку» настоятельно первым сообщением просил прислать ему содержимое моего бюстгалтера. Так же в анкете было указано, что он готов предложить руку и сердце. Я написала, что не против обменяться внутренними органами. С него в посылке «рука и сердце», а с меня «правая или левая». На выбор. Но только после получения его посылки. Адрес и индекс я укажу. Видимо, я не та, с кем он мечтает «смотреть на звезды», не та, с кем он готов «воспитывать детей». Жа-а-аль.

Престарелый «холодец» искал свою «юную горчичку», «суповой набор» – верную собачку, «господин» – рабыню, «раб» – госпожу, а студент интересовался, шарю ли я в матанализе. Через час мне написал вполне симпатичный парень с подозрительно знакомым лицом. Представляете, как я обрадовалась, узнав, что его брат – близнец сейчас снимается в новом блокбастере и проживает по ту сторону океана! Эх, как судьба – то над братьями пошутила! Ей-богу. Мама! Да они тройняшки! Вы, ребята, пока поболтайте друг с другом. Наверняка вам есть, что друг другу сказать.

Завязалась беседа с одним «гендерным философом», который рассуждал про «священный женский долг» – готовить, стирать, убирать и рожать. И работать наравне с мужиком! А мужик – устал. Он – добытчик. И за этого надо целовать его в ноги, молиться на него как на икону, облизывать со всех сторон и всячески ублажать! В ход пошли аргументы в виде «доисторических времен», которые «философ», судя по возрасту, явно застал. И когда по тепленькой земле бегали Мамонты и Папонты, он лично добывал их, затаскивая в одиночку тушку в свою пещеру. Но сейчас возраст уже не тот, поэтому мне следует надеяться на дохлую мышь, которую должна целовать вместе с потными ногами «кормильца». И если меня данный расклад не устраивает, то я «меркантильная», «испорченная» и «со мной говорить не о чем».

Толстенький дядечка интересовался, сколько я стою. Я на всякий случай посмотрела на себя, но ценника так и не увидела, поэтому решила не отвечать.

Если отбросить сантименты и сантиметры, то я хоть немного расслабилась.

Последнее время я чувствую себя даже не белкой в колесе, а носком в центрифуге. Белка хотя бы сама раскручивает колесо, а меня центробежная сила размазывает по стенкам жизни. А поскольку носки – существа парные, то где-то в той же центрифуге мотает точно такой же носочек. Есть вероятность, что его уже выбросили, так и не

найдя ему пару. Или он таинственным образом исчез в процессе стирки. Так что пока в моей жизни мне попадают одни труссы. Понимайте, как хотите...

Все последние годы вертятся в порочном круге «дом-работа-дом», отличаясь периодами, когда я «собираю на...», «собираюсь на...» и «собираюсь послать все на...». «Да ты жить не умеешь!» – заявляли «друзья» и тут же предлагали «научить». За мой счет, разумеется.

Я зевнула и села за проект дома с бассейном на крыше. Время измерялось кружками чая, нервы – кликами мышкой, а степень отчаяния – тихим хныканьем в тишине съемной квартиры. Под конец я выползла на балкон, завернувшись в одеяло, подышать свежим воздухом перед сном. Было у меня такое чувство, что я живу в худшем из миров, но пока что подтверждения своей теории я не находила. Судя по некоторым высказываниям, долетающим из открытого окна неугомонных соседей, ведущий передачи про необъяснимое сегодня вещает на нашей планете, доказывая, что инопланетяне существуют. А завтра у него прямой эфир на Альфе Центавре, где он с пеной у рта доказывает представителям иной цивилизации, что люди существуют. И самое интересное, что никто и нигде ему не верит.

Через десять минут я потушила свет и улеглась спать. Обычно перед сном я думаю, что нужно завтра купить. Перечень покупок приходит всегда в тот момент, когда у меня под рукой нет ни бумаги, ни карандаша, поэтому утром я благополучно его забываю.

Внезапно я сильно ударилась головой, причем так больно, что я сначала не поняла, обо что. Меня отбросило куда-то неведомой силой. Сердце на секунду замерло, вызывая у меня паническое чувство сонного падения и слабость всех конечностей одновременно.

Я открыла глаза и увидела огонь. Целая стена огня и крики людей. Моя рука была обожжена, часть волос обгорела, губы пересохли, а мутная пелена перед глазами плясала языками пламени.

– Убей ее! Убей ее! – орала толпа в моем сне. Я выставила вперед руку, глядя на внушительный ожог. Пальцы двоились, троились, а к горлу подступала тошнота. Я вздохнула полной грудью, ощупывая себя. На моей руке было с десятков браслетов, на шее с десятков каких-то висюлек, тесемочки, веревочки и цепочки которых переплелись в один спутанный жгут. Я сорвала жгут с шеи, закашлялась, вслушиваясь в крики и глядя на огонь. Из огня ко мне навстречу шагнул высокий силуэт.

«Убей ее! Убей ее!» – раздавалось радостное со всех сторон. Чтобы так орали, надо не просто отправить на тот свет десятков таких «крикунов», но еще и быть пойманной с поличным. Я не видела ничего, кроме человека, который возвышался надо мной. В руке у него был огненный шар размером с волейбольный мяч. И если он сейчас даст мне пас, то я проснусь в холодном поту.

– И что же мне с тобой сделать? – поинтересовался силуэт моего будущего убийцы. – У тебя есть последнее желание?

Я попыталась отползти в сторону, понимая, что моему воспаленному воображению пора

давать кинопремию за лучший сценарий. За моей спиной была стена огня.

– Чай в пакетиках, два лимона, килограмм сахара, кило гречки, половинку хлеба, рыбные консервы в масле! – деловито перечисляла я, по инерции повторяя список завтрашних покупок. – И мусорные пакеты... Обязательно! А то в ведро стелить нечего... Зубную пасту...

Огонь в руке нападающего стал медленно угасать. Разочарованная толпа скандировала: «Убей ее!», а я лихорадочно щипала себя, чтобы проснуться.

По законам жанра он должен спросить: «Карточка есть? Пакет пробивать?», но вместо этого раздался опьяненный азартом голос:

– Значит так, да? У меня есть предложение получше!

Через секунду я увидела лицо того, кто только что хотел поиграть со мной в волейбол огненным мячом. Я даже сглотнула от удивления. Длинные золотые волосы, небрежно разбросанные по его плечам, и золотые глаза, в которых плясало пламя. Он склонился так, словно собирается меня поцеловать.

Воцарилась тишина.

Ну вот это я понимаю – хороший сон! Так бы сразу! Приятно, что для того, чтобы поцеловаться во сне, знакомиться вовсе не обязательно. Можно сделать это просто так.

Я почувствовала поцелуй на губах, а толпа неожиданно, но очень громко «ахнула». По невидимой за стеной пламени публике пополз шепот восторга.

Нет, такой сон мне очень нравится! Теперь я сама готова была выдать премию своему воображению за столь неожиданный сценарный ход.

Я целовалась так, как в последний раз. Отличный сон. Чудесный. Волшебный. И запах приятный, и губы. Черт! Мне уже и просыпаться не хочется! Почаще бы такие сны снились!

– Эй, лизальщица, – прошептал «целовальщик», отрываясь, – закругляйся! А то раскатала губу...

Он смотрел на меня такими глазами, словно только что лизнул ободок общественного туалета, а потом украдкой сплюнул. Раздался свист и аплодисменты.

Я смотрела на этого подонка с нескрываемым омерзением и ненавистью, пытаюсь

мысленно представить в руке увесистый фотошоп, чтобы внести долгожаживающие коррективы в очаровательный портрет.

В свете последних событий толпа убивать меня передумала, обсуждая столь внезапный порыв. Зато я в долгу не осталась. И пока «герой» отряхивался, я нашла в себе силы, встала, глядя на него, как снайпер на жертву, сквозь прицел смертельной женской обиды. Сжав кулаки, я дернулась вперед, резко толкнув его плечом в сторону огненной стены. От неожиданности он сделал шаг за огненную черту. Что тут началось! Крики оглушили меня, вызывая смятение. Я даже разобрать не могла, что они кричали, оглядываясь по сторонам. Через секунду я почувствовала резкую слабость и медленно села на землю. Браслет на руке порвался, а по каменным плитам задорно поскакали разноцветные бусинки.

В этот момент я проснулась дома, в холодном поту, пытаюсь прийти в себя. С работой надо закругляться. На руках не было никаких украшений и ожогов, а в комнате было умиротворенно, тихо и темно. Я повернулась на другой бок, вызывая силой воображения сцены из каких-то фильмов, обняла подушку, сплюнула волосы и ...

Глава вторая. Пускать по кругу

И в банке с красивой эмблемой,

Где акция долго цвела.

Хорошая девочка Леся

Кредит беспроцентный взяла.

Я проснулась на чем-то дьявольски твердом и колючем, со стоном переворачиваясь на бок. Как будто вчера я съела пакет печенья в один присест прямо в кровати, а потом всю ночь занималась йогой на хлебных крошках. Мне срочно требовалась стая голодных воробьев, дабы облегчить мои мучения... Я со стоном перевернулась на другой бок. В углу мелькала чья-то тень.

– Эй! – возмутилась я от неожиданности, пытаюсь привстать. Место было незнакомое. С каких это пор мне снятся столь реалистичные сны?

Тень замерла в углу. Я вздрогнула. Тень метнулась к двери, унося с собой ... стул...

У меня во сне украли стул. Я вздохнула, закрыла глаза, пытаюсь представить себе что-нибудь приятное. Я почувствовала ветерок возле моего лица и снова открыла глаза. Это как надо устать, чтобы попытаться спать во сне?

Чья-то рука проверила, сплю ли я или нет, чтобы попытаться выдернуть у меня из рук увесистый мешок. Я даже не заметила его, когда проснулась. Мешок порвался, тень метнулась в сторону двери, а на пол со звоном выкатились золотые монеты, которые тень начала лихорадочно собирать. Отличное начало. Даже во сне я не хотела расставаться с кровно заработанными, поэтому вскочила на ноги, едва завидев, как тень метнулась к двери и хлопнула ею со всей силы. Дверь была открыта настежь. На двери было несколько странных символов, я даже растерялась не понимая, что они означают. Ни замка, ни щеколды, ни замочной скважины не было. Отлично, просто чудесно! Я дотронулась до одного символа, дверь закрылась. Я подергала ручку и поняла, что открыть ее не могу.

Комната представляла кошмар проектировщика. Волосы встали дыбом, но не полностью, а все потому, что уперлись в потолок. Еще немного, и мне бы пришлось склониться в вынужденном поклоне перед этим убожеством.

Судя по висящей на веревке сухой и ветхой простыне, я – еще та хозяйшюка. Под кроватью, которая представляла собой деревянный щит с соломенным матрасом, стоящий на ножках из плесневелых книг, спрятался ушат, на донце которого сиротливо лежал ковшик. Треснутый горшок с отбитой ручкой намекал на то, что я должна быть как минимум снайпером, чтобы попадать в него. Ожог на руке горел так, что я старалась лишний раз не шевелить конечностью. Очертания возле стены напоминали стол с разошедшимся стулом, вокруг и на которых лежали потрепанные книги. Было такое чувство, что школьники десятилетиями на них спускались с горки, били друг – друга по голове, проливали на них все, что только можно пролить, а потом бросили в пыльный угол до худших экзаменационных времен.

Я разлепила сначала глаза, а потом страницы первой попавшейся книги. Написана она была на языке мне неведомом, а следовательно – непонятном. Иллюстрации к ней делал садист с большим производственным стажем и богатой фантазией. Вот тень горящего человека, вот силуэт человека, которого ударила молния... Бе! Есть книги, перед прочтением которых нужно мыть руки, но после этих хотелось руки еще простерилизовать. Части страниц не хватало, некоторые страницы были сожжены и покрыты черной плесенью. Я потрясла головой, вглядываясь в буквы, и через минуту клинопись, от которой у меня начинался душевный скрежет, стала превращаться на глазах в знакомые слова. Ничего себе! Я протерла глаза, морщась от наваждения. В комнате было маленькое заросшее паутиной окно, почти такое же, как и в проектированном мною теремке, за которым был слабый источник света. На столе лежало несколько писем. Первое письмо было написано на качественной бумаге красивыми буквами.

«Элесса, еще один отказ от поединка – и мы вынуждены принять меры. Будьте так любезны ...»

Дальше письмо было сожжено. «Внести разнообразие в культурный досуг местного населения?» – с интересом предположила я, не понимая, о чем идет речь. А под ним лежала записка, написанная почерком, смахивающим на мой. Я даже удивилась.

«Последнее письмо. Я не знаю, кто его читает, но если его читают, значит, меня больше нет, а Феникс получил корону. Я не знаю, каким был бой, но судя по моим «талантам», он был очень коротким. Но так даже лучше, потому что я его... (зачеркнуто). Я, наверное, живу в худшем из миров, поэтому мечтаю разорвать этот порочный круг. Так что если вы читаете это письмо, то моя душа уже где-то далеко. Наверное, там светло. Может быть, даже есть солнце, о котором все говорят... Я – трусиха. И это знают все. Я

не была рождена для поединков. И я рада, что все закончилось именно так... Нет дыма, без огня... Элесса»

Я снова посмотрела на кровать, сделанной по принципу «знала бы, где упала, соломки подстелила». В дверь раздался стук. Я даже отпрянула, зажмурившись и пытаюсь проснуться у себя дома. Стук был настойчивым.

– Зелье от ожогов не надо, Крыса? – раздался противный до внутреннего передергивания мужской голос. – Или ты решила так походить? Учти, заражение, нагноение, омертвление, а в лучшем случае – рубцы!

Не помню, чтобы я вызывала скорую помощь на дом. Я наугад потыкала по символам на двери, и она открылась. На пороге стоял маленький круглый мужик с характерными залысинами. На нем была грязная роба в каких-то радужных потеках, а в руках у него было некое подобие потертого саквояжа.

– Зелье покупать будешь? – поинтересовался «дохтур», глядя на мои руки. – Да... Неплохо он тебя отделал! Еще бы! Стояла, дура, как вкопанная! Мне показалось, что ты у нас второй Трусливый Столб!

– И сколько стоит зелье? – поинтересовалась я, глядя на «эскулапа».

– Эм... Если бы купила заранее, то пять соларов. А так, поскольку оно тебе нужно... восемь... Нет, даже десять... Одиннадцать соларов. Исключительно потому, что шрамы не украшают женщину! – заметил заботливый «доктор», пока я мысленно ставила ему диагноз. – Будешь долго думать – цена вырастет до пятнадцати!

Так, скорая медицинская помощь подспела, а вот скорая финансовая задерживается в пути. «Ребята! Реанимируйте до последнего! Ему еще ипотеку и два кредита выплачивать!» – вопит «санитар», проверяя пульс полутрупа. А труп лежит и улыбается счастливой улыбкой...

– Ты мне еще денег должна! – заметил «медик», шаря бегаящими глазками по моим «роскошным» апартаментам. – Платить будешь? Или мне прислать ребят, чтобы разобрались?

– Расписка где? Где документ, подтверждающий мой долг? – мрачно заметила я, протягивая обожжённую руку.

– Ах так? Ну хорошо! Выздоровливай, как умеешь! Больше я с тобой не работаю! Жди гостей! – заявил обиженный «дохтур», разворачиваясь и закрывая дверь. – Да чтоб у тебя рука отсохла! Да чтоб тебя так изувечили в следующем бою, что живого места не осталось! А Феникс на тебя зол, ой, как зол! Я был у него... Он тебя не просто проклинает, он желает задушить тебя голыми руками! Еще бы! Единственное поражение за всю историю... В полушаге от короны! Дисквалификация на два месяца! Да он тебя испепелит! А желающих на корону знаешь, сколько! И твоя...

«Эскулап» пошатал дверь, проверяя ее на прочность.

–... дверь тебя не спасет! Да чтоб у тебя... – продолжал этот «доброжелатель», обиженно сопя.

Я уже собиралась внести свою короткую, но емкую лепту в борьбу с сонным хамством, но потом передумала. «Добрый Доктор Шоб Ты Сдох, возомнил, что он есть Бог. Он теперь двумя руками за мои «вперед ногами!» Тьфу!

Дверь захлопнулась. Простыня на веревке вяло покачнулась.

«Вам покрепче? Или обычные?». «Покрепче! Самые крепкие, какие только есть!» – вздыхаю я, стоя в очереди за нервами. Они теперь мне не только наяву, они мне и во сне нужны! А ожог реально болит.

На мне была юбка из какой-то шторы, которую я успела умыкнуть с какого-то пепелища под возмущенные крики погорельцев, нижнее белье сомнительной чистоты, укороченный свитер, который был снят явно с трупа очень больших размеров и небрежно укорочен по талию, да так, что из растянутого ворота были видны мои плечи. Интересно, какого цвета он был, когда был еще свитером, а не половой тряпкой? Белым? Мой любимый цвет! Кроме зацепок на свитере других зацепок обнаружено не было. Ах да, я была босиком. Я посмотрела на свои почерневшие от грязи ноги, пошевелила пальцами, понимая, что песня «ай-я-яй, девчонка, где взяла такие ножки» – это про меня! Мужчины, завидев мои ноги, оборачиваются мне вслед, надеясь, что я не положила на них глаз. И целовать песок, по которому я ходила, вряд ли кто-то бы отважился!

С прической дело обстояло куда более поэтично. Это был чей-то парикмахерский дебют, сопровождающийся в лучшем случае: «Ой, простите, сейчас исправим!», а в худшем: «Волосы – не уши! Отрастут!». Причем, дебют был в полном смысле этого слова. Этому парикмахеру не доверяли даже вырезать снежинки в детском саду. Складывалось впечатление, что встреча со мной и первое знакомство с ножницами, как ни прискорбно, совпали.

Изо рта у меня пахло ушедшей на Луну кошечкой. Судя по запаху, ушла она туда давно, оставив бранные останки перевариваться в моем урчащем от голода желудке.

Под моей ногой лежала сверкающая монетка с изображением солнца. Если моя «победа» была столь триумфальной, то какого черта у меня в мешке от силы двадцать одна монета? Я только что высыпала на кровать и пересчитала полную сумму. Станный сон.

И снова стук в дверь! У меня сегодня во сне день открытых дверей! Осталось поправить коврик «добро пожаловать» и достать топор.

– Эй, открывай! – раздался грубый голос, сопровождающийся ритмичным стуком. Стучал явно не один человек, а несколько. – Почему свет потушила? Жить надоело?

Я пошарила глазами в поисках выключателя, посмотрела на потолок в надежде, что там болтается старая люстра, но на потолке вместо люстры... Нет, я всегда мечтала о пушистом молчаливом, спокойном домашнем животном, которое не будет вечером бросаться под мои усталые и заплетающиеся ноги с криком на своем, животном языке: «Жра-а-а-ть!», которое не будет орать дурным голосом, развлекая впечатлительных соседей, пока меня нет дома, не будет драть занавески и дегустировать подошву тапка, глядя на меня глазами, полными раскаяния. Кажется, во сне у меня сбылась мечта. Отличный вариант для тех, кому лень развлекать животинку, кому не хочется слушать истошные крики. Паук. Размером с мой кулак, при этом пушистый, как мужская коленка. Сверившись со своими ассоциациями, я решила назвать его Геннадием.

– Открывай! – орали по ту сторону двери, выстукивая по деревяшке все, что обо мне думают. Радист Морзе покраснел, вслушиваясь в стук. Геннадий, заслышав стук, поспешил забиться в щель в потолке и выглядывать оттуда, чем дело кончится.

Я опасливо протянула руку к двери и открыла. На пороге по-хозяйски расположилась целая компания из пяти готичных «электриков». Ни проводов, ни стремянки, ни характерного чемодана с инструментарием не было. Даже запаха перегара я не уловила! Зато был взгляд, словно я у них сегодня первая, а вчера была последней, о ком они думали, отмечая профессиональный праздник. Если их целью является проверить напряжение, то пусть не проверяют. Я и так напряглась.

– Ты почему не зажгла свет? – процедили товарищи, глядя на мой домашний уют. Один из них подошел к стене, откинул простыню, глядя на отпечаток обугленной руки. Я думала уже бежать за моющим, чтобы оттереть его. Желательно вместе со стеной. Смотрели «гости» на меня так, словно лично и очень близко знают мою маму, причем могут небезосновательно утверждать о периодических изменениях в ее личной жизни по их вине. Я во сне где-то накосячила, но еще не уверена где. Это чувство мне очень знакомо.

«Электрики» снова бросили на меня тяжелый взгляд, который должен был придавить меня к полу и, желательно, размазать по нему тонким слоем. В комнате ничего не изменилось. Ни свет не зажегся, грязи тоже не стало меньше. Разве что корявый рисунок солнца, нарисованный на стене, загорелся изнутри.

– И чтобы это было в последний раз! – возмутился последний уходящий. – А то сначала одна не зажжет свет, потом двое... Забывают, видите ли!

Нет, сон какой-то чересчур логичный. И ... хм... осязаемый... Есть у меня подозрение, что с этим сном явно что-то не так.

– Он тебя просто по стене размажет за то, что ты сделала... – решил внести оптимистичные коррективы в мое пессимистичное настроение один из визитеров. – Надо же! Вытолкнула за пределы круга!

- Сейчас проверим список должников! – перебил его один из управляющей компании. – Элесса... На тебе долг висит, Крыса!

Ну хоть не тройное убийство с отягчающими обстоятельствами! И что значит «Крыса»?

- Распечатку мне всех неоплаченных счетов! – потребовала я, уже имея опыт общения с тремя управляющими компаниями. – И официальное извещение о сумме долга! С печатью и подписью!

- Долг по воде... Десять соларов... Так, долг за ремонт помещения... Пятьдесят соларов. Долг за уборку мусора... семь соларов... Штраф за свет... эм... три солара.... – начал товарищ со списком, поглядывая на мешок, зажатый у меня в руке и пытаюсь опытным взглядом уравнивать свои личные потребности и мои финансовые возможности.

- Где подписанный мною акт о пользовании услугами?– поинтересовалась я, глядя на мокрые от сырости стены. Если то, что по ним стекает – это и есть водоснабжение, то пошли они все в ... душ!

Я перевела взгляд на монетку, зажатую в руке, а потом на доблестных коммунальщиков. Не светит и не греет им получить всю имеющуюся во сне наличность.

- Я думаю, то часть долга ты погасишь прямо сейчас! – усмехнулся один из «коммунальщиков», подмигивая другому. Тот посмотрел на меня и скривился так, словно я постигла искусство вырывания зубов плоскогубцами и спешу опробовать его в деле. Они снова переглянулись. Мне не нравится этот сон!

- По очереди или все сразу? – поинтересовался самоуправленец, приближаясь ко мне.

- Давай по очереди! Чего толпиться? – махнул рукой второй «электрик», намекая явно на что-то нехорошее.

- Потрепанная... Согласен! – усмехнулся один из электриков.

- Видать, давно по рукам ходит! – согласился самоуправленец, поглядывая в мою сторону.

Это что? Про меня? Да как у них язык...

Он сделал шаг вперед, оттолкнул меня и ... взял со стола большую книгу. Другой вырвал у меня из рук мешок с деньгами. И тут я разозлилась не на шутку! В комнате стало трудно дышать. Все заволело едким дымом, от которого вытекали глаза и першило в горле. Я сама закашлялась. Слезаясь глазами я посмотрела по сторонам. Пахло так, словно компания скурила три пачки сигарет на лестничной клетке в один присест, не

забыв потушить окурки о стены. И теперь каждый, кто выходит из квартиры, чувствует себя, как официант на сходке гангстеров в Гарлеме.

Раздались туберкулезные угрозы, несколько проклятий и спешные шаги. Дверь захлопнулась, пока я пыталась понять, что горит! Пришлось залезть на стол и открыть окно. Фу! За окном была темная ночь. По небу плыли черные облака. Больше ничего разглядеть не удалось. Дым немного выветрился, а источник самовозгорания обнаружить не удалось. Я посмотрела на свои руки, из которых вырываются сгустки вонючего дыма. Крыса пошла на повышение и стала скунсом.

Я закрыла дверь.

Ну все, с долгами, вроде бы, рассчитались! Опять стук. Я осмотрелась вокруг. Если так посудить, то выносить тут нечего, кроме моего мозга. Но его вынесли еще днем и, судя по всему, вперед ногами, поэтому я молча посмотрела на дверь, нетерпеливо ожидая, когда этот идиотский сон закончится.

– Открывай, Крыса! Ты когда долг вернешь? – раздался очень вежливый и внушающий безграничное доверие хриплый голос. – Мы за тобой. Ты когда обещала нам вернуть долг? Сегодня – последний срок! И не надо оправдываться, что на тебя никто не ставил, поэтому ты ничего не заработала!

То есть как это не заработала? А деньги, которые...

– Крыса, мы не шутим! Иначе мы запечатаем твою дверь снаружи! – голос мотивировал меня быстрее проснуться. Я прямо чувствовала, как по ту сторону двери стоят парочка мордоворотов. – Ты должна деньги за обучение!

То есть я еще чему-то училась? Отлично! И на кого, простите за нескромный вопрос, я училась? Я посмотрела на свои апартаменты. На дизайнера интерьеров?

– Наш Мастер Эгрегор требует, чтобы ты вернула ему долг! Немедленно! – в дверь отчаянно колотили инвесторы моего высшего образования. Такое чувство, что я закрылась в единственном рабочем туалете в радиусе триста километров. А это – рабочие, чей санузел я так ловко экспроприировала.

Никогда еще в моей жизни столько мужчин не интересовалось моей скромной персоной. Так что возьму рецепт на заметку. Я всегда чувствовала себя не очень популярной девушкой, а тут прямо толпы! Я теперь даже знаю универсальный рецепт без гадалок и магии, как заставить понравившегося парня постоянно думать о себе... Возьму на заметку!

В дверь отчаянно молотили ногами, а я, как ни странно, открывать не собиралась. Спасибо, одним уже открыла!

Чтобы отвлечься, я решила подумать об этом странном и неприятном сне с юмором. Я скоро проснусь, посмотрю на свою кристально чистую кредитную карму, успокоюсь, выпью кружечку кофе и пойду на работу. Я никогда не связывалась с финансовыми организациями, начитавшись про них таких кошмаров, что Альфред Хичкок сгрыз все ногти и выпил все успокоительное.

«Спросите об этом у банка,

что в доме напротив живет.

Он с именем этим ложится

и с именем этим встает».

Ничего себе! Вот это экспромт! Сама не ожидала! А ну-ка! Я схватила пропахшую вонючим дымом простыню, завернулась в нее, на манер римской тоги, поискала глазами лавровый венок, но, видимо, еще не заслужила, поэтому продолжила.

Недаром на каменных плитах,

где милый ботинок ступал,

"Верни или будешь зарыта!"

в отчаяньи он написал.

Класс! Никогда не думала, что у меня так получится! Оказывается, во мне живет поэт!

Под дверью нагадил. Записки

совал он в железную дверь,

Стучал он по месту прописки,

Узнать, где должника теперь!

Я прокашлялась, чувствуя, что мне необоснованно весело. Еще бы! Правильно говорят, что плохой сон всегда можно сделать хорошим, если постараться! Стук прекратился.

Звонил на работу, без толку.

Соседей в час ночи поднял!

И суммой злосчастливого долга

В подъезде этаж исписал!

Я рассмеялась, глотая горький дым. А потом залезла на шаткий стул и шепотом закончила.

В оконном стекле отражаясь,

По миру идет неспеша,

На банк и на мир обижаясь,

Заёмщицы злостной душа!

Хоть из дома во сне не выходи. Хорошо, что это – просто сон. И очень скоро я проснусь. Ребята ошибаются. У меня, оказывается, не высшее, ... а возвышенное образование! В следующей анкете так и напишу. Девушка с возвышенным образованием ищет работу по специальности! Интересно, что предложат?

В дверь ударили так, что я чуть не слетела со стула, чувствуя, как шатаются его разошедшиеся ножки. Знакомство с сонной бюджетно – финансовой сферой продолжается!

– Крыса, ты как думаешь, если выиграла один поединок, можно снова спрятаться у себя в норе? А ну быстро взяла шар и одобрила завтрашний вызов! – выкрикнул неприветливый женский голос. С таким голосом хорошо работать в какой-нибудь госструктуре. «Алле, «тепловодозенергосбыт» слушает вас...»

Где-то есть в моем сне агентство «Добрые услуги», где работают очень злые люди. Еще немного и наступит завтра, а я буду сидеть и пить кофе, читая новости и всякую ерунду, пока на плите будет подгорать моя яичница!

– Крыса, ты так не шути! Ты еще со мной за жилплощадь не рассчиталась! – заметил женский голос. – И так бесплатно три месяца живешь, рассказываешь мне сказки про то, что скоро заплатишь! Кстати...

Голос приобрел некий оттенок многообещающего злорадства.

– ... Феникс вне себя. Так что расплачивайся побыстрее, а то есть у меня подозрение, что тебя завтра-послезавтра прибудут... Если не в круге, то здесь! Так что гони деньги!

Я решила отморозиться.

– Я не шучу! Иначе будет худо! – заметила женщина за дверью, а потом я услышала шаги. Было у меня такое подозрение, что кто-то притаился. Я притаилась тоже, делая вид, что сдохла на радостях от внезапной победы над...

Я с усмешкой представила, как кто-то уже приготовил шампанское, заказал банкет на сто персон в честь победы, разослал приглашения, а теперь очень огорчается. Преимущественно матом.

Я забралась на кровать с ногами, накрылась простыней и попыталась уснуть, чтобы проснуться дома. И тут под тем, что можно условно считать подушкой, что-то загорелось. Я дернулась, отпрянула, отбрасывая солому, завернутую в какую-то тряпку. На грязной простыне лежал темный шар, сверкающий странным светом. Я присмотрелась, и мне показалось, что в шаре застыла модель вселенной. Осторожно дотронувшись до него, я увидела, как по нему побежали голубоватые искры. Из всего, что я видела сегодня, это, пожалуй, самое красивое.

«Вызов!» – высветилось слово внутри шара. «Ниа! вызывает Алессу!» И появилось две точки. Красная и зеленая. Прямо как на телефоне. Интересно, это мне во сне кто-то звонит? Я не беру трубку, когда мне звонят с незнакомых номеров, поэтому я положила палец на красную точку. Шар засветился и ... «Вызов принят!». Чего? «Завтра в 6:00 в Круге».

Так, я что-то не поняла... Саперы в фильмах режут красный провод, вызов на телефоне сбрасывается красной кнопкой, красный свет светофора говорит «стоп!»... Так какого ... хм... красная кнопка означает «принять вызов»?

Ладно, мне –то чего парится. Я скоро проснусь, и пусть хоть под балкон приходят орать «Леся! Выходи! И мячик возьми!», мне будет все равно. Я швырнула шар в угол, слушая, как он катится, и улеглась на кровать. Побыстрее бы проснуться!

И, о, чудо! Я открыла глаза в своей кровати, спрятавшись под одеяло с головой и зарывшись лицом в горячую подушку. Сонно зевнув, посмотрела на часы. Пять утра! На автомате сделала кофе, усмехаясь своим странным сном, глядя, как на улице медленно гаснут фонари, а одинокие «трудоголики» спешат на первые автобусы. Пока я задумчиво смотрела в окно, грея руки о кружку и шаря ногой под стулом в поисках второго тапка, сон постепенно начинал выветриваться. Ладно, посижу еще немного над проектом...

В семь часов раздался звонок. На экране высветились мои вчерашние «клиенты».

- Вы доделали проект? - поинтересовался «инженер». - У нас есть коррективы. Записывайте! Во - первых, дом должен быть не зеленым, а персиковым. Это раз! Второе. Балкон должен быть с другой стороны! Это два. И нас не устраивает планировка первого этажа! Увеличьте кухню на два метра за счет спальни, спальню увеличьте за счет коридора... Тоже метра на два... Коридор увеличьте за счет ванной... А там посмотрим... Мы сегодня в девять часов будем!

- Хорошо, - закатила глаза я, черкая карандашом на черновике. Ванная один квадратный метр? Отлично! Просто чудесно!

Глава третья. Самая обонятельная и увлекательная!

Пусть тебе приснится ... Пальма-де-Майорка...

Тьфу ты, стирка и уборка(!)...

Я физически чувствовала, как скрипят мои извилины, глядя на «перепланировку». Мой мозг с утра уже получил тяжкие моральные повреждения. Кофе остыл окончательно, в приоткрытое окно задувал осенний ветер, а яркое осенней солнышко спряталось за тучки. В раскрытом блокноте поперек страницы были сделаны расчеты, а мне постоянно трезвонили «отходчивые», но все никак не «уходчивые» из моей жизни «дизайнерша» и «инженер».

- А у меня в игре помещалось! - как-то обиженно заметила «дизайнерша», выхватывая трубку у мужа и «муза» по совместительству.

Я потрясла головой, отгоняя антисанитарные ужасы про «универсальную дырку в полу», видимую мною однажды на заре туманной юности в детском лагере «Солнечный», где вожатые пили наперегонки с подопечными, чистых матрасов не было уже лет тридцать, а скрипучая кровать помнит всех поименно.

- Если расширить ванную нельзя, что вы предлагаете? - уныло осведомилась я, прижимая трубку плечом к уху.

- Послушайте, мы платим вам деньги! - заметила «дизайнерша», а я почувствовала себя бюджетной и валютной одновременно. - Это вы должны нам предлагать, а не мы вам! Мы вам объясняли! Спальню, кухню, коридор не трогать!

Я сосредоточенно смотрела на проект и понимала, что выбор страшен и жесток.

- Мама! Я покакал! - вопит ребенок из душевой.

- Смой водичкой! И ножкой протолкни! – орут родители. – И душиком побрызгай. Побыстрее! Папа тоже в туалет хочет!

Пауза затянулась. С каждой секундой промедления «инженер» и «дизайнерша» все больше сомневались в моей «компетенции». На линии был еще один звонок. Я извинилась и приняла его.

- Алле! – взволнованно произнес мужской голос. – Короче, мы глянули ваши фотографии и отложили кирпичи!

Я украдкой достала карманное зеркало, чтобы понять, что именно повергло в такой ужас мужскую психику. Зеркало твердило, что не все так плохо, а преисполненный тоски голос на том конце трубки намекал, что моделью мне не быть. Разве что ... в музее медицины. А что? Сначала подиум и анорексичка, потом костлявое пособие и методичка. Сначала на тебе разглядывают платица и кофточки, а потом связки и косточки. Карьерный рост, однако.

- Вам какого цвета? Есть темно-коричневые, светло-коричневые, желтые, бурые, есть с зеленцой, есть серые... – перечислял голос в трубке продукты коллективного труда. – Вам все привозить?

Я сглотнула, пытаюсь понять, кто так низко пал жертвой моей неземной красоты.

- Вам на когда кирпичи нужны? Если не срочно, то придется подождать до вторника. Мы тогда еще посмотрим ваши фотографии и другие отложим... Если есть желание, мы вам всю стену облепим нашими образцами! – вздохнул неведомый творец. На заднем плане играла задорная музыка, которую тут же убавили до невнятного бормотания.

- А кто это? – робко поинтересовалась я, глядя на свой проект.

- ООО «Строймат», – вздохнул мужик. – Ваш директор позавчера сбросил нам фотографии фасадов. Я до него не могу дозвониться... На сайте нашел ваш номер. Лена, кажется, да? Так что уточните у директора, когда привозить стенд. Договаривались на понедельник.

Да, у нашей фирмы есть сайт. Когда я впервые на него взглянула, мои глаза потекли по щекам. Теперь я с уверенностью могу сказать, что многое повидала в своей жизни. Администратор сайта – личность бесконечно творческая, поэтому творил, что хотел. Он даже изобрел свой язык, имеющий некоторое сходство с литературным, но лишь отдаленное. Помимо огромной галереи проектов, на главной странице были указаны наши телефоны. Это последнее, что сделал админ до момента самопроизвольного исчезновения. Все ключи, логины, пароли он унес с собой. У Светы в номере ошиблись цифрой и вместо нуля вклеили восьмерку, Дима резко поменял пол и стал Диной. Мне повезло больше. Мой номер был указан правильно, зато я почему-то переименовалась в Лену.

- Так что вы можете нам предложить? – «дизайнерша» снова набрала мой номер, пока я

грела чайник и мыла тарелку, пользуясь затишьем.

– Научиться мыть руки и купаться в унитазном бачке или гадить в душевую, – ответила я, записывая номер «кирпичников». На всякий случай. Директор не отвечал. Не только на звонки, но и за свои слова.

– Да как вы можете такое говорить! Где только набирают таких «профессионалов»? Вы должны предложить бюджетный вариант и дорогой! А мы обсудим и выберем! – возмутился «инженер», у которого в игре наверняка все помещалось.

– Хорошо, если хотите подешевле – большая универсальная дырка в полу, два крана и шланг! – огрызнулась «профессионал» в моем лице. В голове играла музыка к одноименному фильму, и к вертолету медленно шел Бельмондо. Именно такой походкой я прихожу к той мысли, что где-то в душном офисе сидит одинокий проектировщик, который не догадывается о том, что через пару дней на его пороге появится дружная семья разобиженных «дизайнеров и инженеров», тыкая пальцем в мой проект и сетуя на то, что девочка, с которой работали – «просто капец какая тупая». И Вы, уважаемый, поможете нам довести до ума наш домик. В этот момент должна заиграть тревожная композиция «Ничто не предвещало беды».

– Так, все, с вами работать невозможно! Зря мы с вами связались! Что за город, ни одного профессионала нет! – фыркнула «дизайнерша». А я пожалела, что образцы кирпичей привезут только в понедельник.

Может сходить куда-нибудь? Нет, не туда, куда меня посылают, а в кино, например. Я посмотрела на анонсы, помялась, увидев цены, и поняла, что фильм могу посмотреть и дома. Если куда-то идти, то только с кем-то. А одной... я зевнула и потянулась, не хочется. Гендерный философ с сайта знакомств усиленно доказывал мне, что мужская обязанность – «построить жену, посадить седалище в альковы дивана, вырастить пивное пузо». Со своей стороны я построила вполне цензурное предложение – несогласие, посадила его в черный список, предложив вырастить хотя бы одно полушарие.

Я включила любимые мультики и фильмы, которые знаю наизусть, и занялась домашними делами.

Сказочная жизнь! Я почувствовала себя Золушкой, которая снимает жилье напололам с Рапунцель с непрекращающейся линькой. Справившись с уборкой, я героически доползла, как Герда, до царства Снежной Королевы, откуда отвоевала промерзлый кусок ... Кая... Тьфу ты, фарша. На остатках пакетика, в который завернут «фарш», значилось: «...ай и ... кай!». Про «ай» я не знаю, но Кая вечная мерзлота явно не пощадила. Я вспомнила пакетик-рекламу «покупай и запекай!» и успокоила свое разыгравшееся воображение. Мне удалось отыскать теплые штаны в Нарнии, где уже давно идет борьба за место на полках и за призовые места на трех вешалках. Попутно я передавала теплые приветы Русалочке, пылесосила ковер – самолет, который если что и умеет поднимать в воздух, то только пыль, протирала скатерть-самодранку, пытаюсь отскрести от нее прилипшее варенье, приблизила встречу Дюймовочки и Эльфийского Принца, раздавив ее второго жениха. А потом подошла к волшебному запотевшему зеркалу, протерла его и изрекла: «Я ль на свете всех прекрасней? О! Молчанье – знак согласия!». Все! Справилась! День прошел не зря. Уря!

Где-то в столовой на Пушкина еще одна семейная шлюпка была спущена на воду. Молодые сейчас налегают на шампанское и весла, а гости щедро инвестируют экспедицию за семейным счастьем. Предчувствие мне подсказывает, что золотая свадьба – это не только пятьдесят лет совместной жизни... То, что жених пару раз был уведен под пение сирен, чтобы побыть несколько лет в одиночестве, невесту ничуть не смущало. Совет да любовь, дорогие мои.

Я снова посмотрела на себя в зеркало, гордо вскинув веснушчатый нос. «Ловить мужиков надо! Иначе вообще одна останешься!» – со знанием жизни твердила «невеста», сдувая пылинки со своей добычи. Когда я в первый раз закинула невод, пришел невод с Зеленой Тоской. От полочки до полочки он ходил чернее тучки. И ныл, ныл, ныл. Если в названии одной шведской группы сделать ошибку, то получится основная причина нытья – «БАБА». Мы три месяца жили «шведской семьей». Я, он, его бывшая и ее нынешний. Я жила с Тоской, а Тоска, как потом выяснилось, жил на ее страничке, изучая все ее фотографии с новым мужем. Однажды Тоска забыл телефон дома. И в этот день я поняла, что в подметки не гожусь этой чудо-женщине. Она – космонавт, программист, пожарник, бухгалтер и так далее. Он каждый день поздравлял ее с очередным профессиональным праздником. В итоге группа «БАБА» сменила вторую вокалистку в моем лице, и до сих пор где-то гастролирует. Где – не знаю и знать не хочу, потому что история про их отдых в Анапе и первое свидание у меня отлетает от сточенных в порыве ревности зубов.

Второй раз закинула я невод, пришел невод с Одной Скотиной. Врал он каждый день, на ровном месте, да так, что если бы у него в процессе вранья увеличивалась выпирающая часть тела, как у Пинокио, то в книге рекордов Гиннеса в алфавитном указателе на букву «н» или на букву «ч» сто процентов отсвечивала его фамилия с пометкой «самый длинный». И был бы он либо самым страшным мужчиной на свете, либо самым желанным. Недолго думая моя яхта отправилась в закат, обдуваемая морским бризом, а его потрепанная шхуна по всем портам, где у него уже был целый список знакомых... людей.

Третий раз закинула я невод, пришел невод с Золотым Рыбом. Или где-то в море впадала труба, щедро выливая отходы вредного производства, либо пора бить всемирную экологическую тревогу, но Золотой Рыб требовал, чтобы я выполняла его желания. Поддай, принеси, отнеси, поддержи, купи, найди, унеси и снова принеси. Пока Раджа отдыхал после трудного рабочего дня, я должна была скакать вокруг него золотой антилопой. Услышав в очередной раз упрек за промедление в виде раздраженного: «Ну!» – золотая антилопа превратилась в антилопу Гну. И вместо опახала помахала рукой на прощание.

Завтра рано на работу, поэтому я улеглась спать пораньше, любясь свежим постельным бельем. Воображение настроилось на ласковое море и нежный прибор, как вдруг... перед глазами возникло все то же гнусное место, все тот же соломенный тюфяк вместо матраса и ожог, который выглядел очень тревожно. На дверь наседали, тарабанила в нее всеми конечностями. «Крыса! Открывай! Тебя на бой вызвали!». Через секунду стуки прекратились после слов: «Сдохла, наверное...». Геннадий предусмотрительно заполз в свою щель и забился в нее. Мне безумно захотелось крикнуть: «Гена, подвинься!», но я не успела. Мощная вспышка и дверь вылетела с петель, заставив меня вжаться в мокрую и холодную стену.

– Вот ты где! А ну быстро на бой! – заорал какой-то мужик, вытаскивая меня за шкуру. «Леся, проснись!» – твердила я, усиленно жмурясь. – «Плохой сон, плохой сон...»

Мое тело тащили по кривой освещенной улочке, навстречу мне высыпала толпа. Через минут десять меня опустили на землю. Разглядеть мне так ничего и не удалось. Я попыталась встать и осмотреться, сжимая кулаки. Внутренние органы слиплись в один ком, подбираясь к горлу с криками: «Спасайся кто может!». Ноги прогибались. Я не удивлюсь, если уползу отсюда коленками назад.

Кто-то, я даже не увидела кто, надел мне на шею какой-то флакон на цепочке. Я попыталась его рассмотреть, но тут же меня толкнули в черный круг, где уже стоял мужик средних лет в какой-то роскошной хламиде. Вокруг нас вспыхнуло пламя.

- Ну что, друзья, - раздался громоподобный голос. - Готовы к представлению?

Толпа подтвердила свою готовность оглушительным ревом. Внутри меня какой-то виртуоз пилил на одной единственной струне нечто похожее на музыку из «Криминального Чтива» под аккомпанемент моих стучащих зубов.

- Готовы, я спрашиваю? - голос явно подначивал толпу, которая уже бесновалась так, что пора бежать за экзорцистом. - Итак, сегодня в круге ... Ниал Работорговец, которого мы все прекрасно знаем! И... Элесса, по прозвищу Крыса. Бедная девочка...

Голос притворно всхлипнул, вызывая чей-то свист.

- ... Посмотрите на нее! Она слишком труслива для поединка! Посмотрите, как трясутся ее руки и как прогибаются ее колени! Но... Вдруг это отвлекающий маневр? Ниал, не вздумай ее целовать...

Толпа шутку оценила сразу.

- Что-то я сегодня многословен! Да начнется бой! - оглушительно закричал голос.

«Леся! Просыпайся!» - простонала я, щипая себя и оглядываясь по сторонам. И тут в меня устремилась ослепительная вспышка, от которой я дернулась вправо, чувствуя, как по телу пробежала волна ужаса. Вторая вспышка прошла мимо, пока я пыталась сориентироваться, как загнанная в угол мышь. Я уже подумывала броситься сквозь стену огня, но тут раздался этот самый противный голос:

- Элесса, ты уже однажды была дисквалифицирована. Так что второй раз этот номер не пройдет! И вместо дисквалификации тебя ждет смерть!

Что-то пролетело мимо меня, заставляя мои волосы встать дыбом от ужаса. Я бросилась бежать по кругу, понимая, что в этом страшном сне у меня нет никаких шансов.

- Просыпайся! - твердила я себе, лихорадочно уворачиваясь от летящих в мою сторону

огненных вспышек. «Может... может... – я сглотнула, задыхаясь от ужаса, – у него манна кончится раньше, чем... чем... Я?»

Мне пришлось упасть на землю, пропуская мимо себя огромную струю пламени. Своего противника я даже не успевала разглядеть. Толпа шумела, галдела, орала во все горло. А вы говорите, Олимпийские Игры! Да я сейчас превращусь в Олимпийский Факел!

Я едва сумела вскочить на ноги, чувствуя, как что-то жаркое прошло рядом с моим плечом. Прокашлявшись и сжав кулаки, я увидела, как из них струится дым. Пришлось снова упасть, чтобы меня не сожгло заживо. Мама! Мамочки! За что мне все это! Я дышала, как насос, пытаюсь определить, откуда пронесется новая вспышка, толпа ликовала, глядя, как я бегаю по кругу, спасаясь от смерти. Пора включать задорную музыку из «Деревни Дураков», единственным населением которой, по итогам последней переписи, являлась я.

Почему я – не великий.... Ай! Еще немного бы и... Черт! Фух! ... маг? И все остальные маги мне завидуют? Ибо они всю... Да что ты будешь делать! ... жизнь учились, посадили зрение над древними фолиантами, а мне стоит чихнуть, и всё! Всадники апокалипсиса уже стучат копытами по душу аллергена! Мама! Мы так не договаривались! Ну почему я не древний артефакт, равный по силе одной атомной и двум водородным бомбам? И не секс – бомба с радиусом поражения километр на километр? Чтобы все мужики при виде меня не то что заклинание произнести, а двух слов связать не могли, молча пуская слюни в измученную мечтами обо мне ладошку? Пронесло! Повезло! Какое счастье! Именно этой ладошкой они полируют рукоять меча, который в любой момент готов встать на защиту моих конституционных прав! Ай! Еще немного бы, и... Может, во мне такая древняя кровь течет, что даже комары прикладываются ко мне с благоговейным трепетом? Сомневаюсь! Очень... сомне... ваюсь!

Нет! Нет! Право? Лево? Все равно! Я снова закашлялась, чувствуя, как смерть уже приготовила пакетик для моих останков. Веник и совок ... Да что такое! Из рук пошел вонючий едкий дым, который заволок все вокруг, пока я судорожно пыталась понять, с какой стороны костлявая помашет мне косой.

Дым становился гуще, вызывая у зрителей явный интерес. Я понимала, что мне самой тяжело дышать. Оторвав кусок одежды, я стала думать, чем бы ее намочить. Огненная вспышка полыхнула где-то совсем близко, я побежала наобум, пока не наткнулась с разбегу на нечто холодное и твердое. Наощупь, мне показалось, что это – колонна. На груди болталось увесистое украшение, пока я дрожащими пальцами мяла тряпку, пытаюсь проглотить приступ мучительного кашля. Фляга. С пробкой... Нет, чтобы с крышечкой! Садисты! Я попыталась вытащить зубами пробку, тревожно оглядываясь по сторонам. А штопор где?

Где-то справа раздался надрывный кашель. Я замерла на месте, вжимаясь в колонну и пытаюсь обойти ее с другой стороны. Пробка не поддавалась, но я слышала, как что-то плещется внутри. Кашель переместился, и сквозь дым я увидела новую вспышку. Мамочки! Я тянула пробку изо всех сил, проклиная того, кто ее так глубоко засунул. Хлоп! Пробка вылетела, а я лихорадочно стала поливать тряпку жидкостью, на поверку оказавшейся обычной водой. Приложив мокрую тряпку к лицу, я застыла на месте, сжимая в руках пустой флакон. Не скажу, что дышать стало легче, но все-таки... Толпа кричала со всех сторон. Еще одна вспышка где-то неподалеку. Опять кашель. Я снова поменяла место дислокации, немного обойдя колонну по кругу. «Вы верите в жизнь после смерти?» – когда-то спрашивали меня тетечки с книжечками, заглядывая в мои глаза. Мне очень хотелось расплакаться, потому что в данный момент мне хочется

верить во все что угодно! «Лесенька, проснись!» – тихо стонала я, скривившись так, словно съела лимон без сахара. – «Лесенька, умоляю! Давай, ты сейчас закроешь глазки, а потом откроешь – и будешь лежать в теплой и уютной постельке!»

Я сглотнула, закрывая глаза так, как не закрывала в стоматологическом кресле. Посчитав до трех, я открыла их. Пейзаж не изменился, а я чуть не стала натюрмортом, но успела дернуться в сторону. Внезапно из дыма появилась рука, которая схватила меня за горло. Раздался сиплый голос:

– Попалась!

Холодные пальцы держали меня за горло. Я попыталась ударить его коленом в пах, но цепочка от чьего-то подарка впилась в мое горло вместе с холодной рукой. Я схватилась за руку, меня держащую, краем глаза глядя на очертания огромного огненного шара, которые был совсем близко.

– Одно движение – я тебя испепелю! А ты юркая! – смех перешел в кашель. Дым развеивался, а я чувствовала, как не могу пошевелиться. Толпа орала, вопила, свистела, а я куда-то плыла...

Через минуту я проснулась на своей кровати, сглатывая и хватаясь за сердце. Родная подушка и любимое одеяло! Тяжело дыша, как будто только что пробежала марафонскую дистанцию, я вглядывалась в темноту. Нашарив ногой тапки, включив свет и добежав до кухни, я щелкнула чайник, сполоснула кружку и забралась на стул с ногами, кутаясь в махровый халат. Глоток кофе меня слегка привел в чувство. Девять вечера. Десятый час. Я допила кофе, чувствуя, как меня клонит в сон. Пришлось наливать вторую кружку. Я выпила вторую кружку, отгоняя навязчивые и незабываемые впечатления.

В подъезде хлопнула железная дверь, и раздалось громкое: «Се-е-екс!». На лестничной площадке жила дама средних лет, у которой было то, чего пока еще не было у меня. Секс, Норка и Лексус. Но у меня все еще впереди. Секс был воистину чудовищным. Лексус тоже был не первой свежести. Норка выглядела вполне прилично. «Секс! Куда пошел! Иди к мамочке!». В ответ слышалось «мяу!». Для adeптов Великого Тонoметра, вестницей которого была Скорая Помощь, их звали Кекс, Норка и Уксус. Дверь снова с грохотом закрылась, отвлекая меня от постижения смысла питья. Третья кружка подошла к концу.

Меняхватило до двенадцати ночи. Я ходила по комнате, прикидывала какие таблеточки надо пропить, и к какому доктору стоит записаться на прием, чтобы избавиться от этих кошмаров. За неимением доктора, за мое лечение взялся интернет. Он мне советовал расслабиться и выбросить все из головы. За два часа я освоила позу лотоса, научилась мычать на зависть всем коровам, почти постигла тайны вселенной, пропуская сквозь себя поток невидимой космической энергии, омывающий мои засоренные чакры. Сверху доносилось: «... наши дороги строили представители иных цивилизаций, с целью последующего порабощения землян. Посмотрите внимательно на карту города. Все дороги соединены между собой и представляют....»

«Представьте себе, как чакры начинают чиститься и раскрываться! Поток космической энергии смывает всю грязь! Расслабьтесь. Представьте, как невидимая вода смывает

весь негатив!». Я представила, поглядывая на холодильник, журчащий водопад, фонтан, душ, ведро воды, смыв в туалете, проливной дождь. Ом.... Ом-м-м.... Я еще раз посмотрела на холодильник, сделала бутерброд и окончательно впала в нирвану. Никогда не занимайтесь йогой рядом с холодильником! Иначе «Омम्म!» превратится в «Ом-ном-ном!»

В десять минут первого я поняла, что вот-вот отключусь. Ладно, попробуем подумать о хорошем! Я мысленно рисовала морское побережье, красавца – мужчину, который бежит мне навстречу с криками «Любимая!», орущих чаек, которые негодуют от того, что мы не взяли с собой буханку хлеба. Ну вот, вроде бы представила....

Я очнулась в комнате с зеркалами. Неподалеку стояла группа девушек. Одну из них, очень симпатичную блондинку, толкнули в сторону прохода. Она расправила плечи, изобразила самый томный взгляд, а потом двинулась так, что маятник позавидовал бы амплитуде колебаний роскошных бедер. На ней было бирюзовое платье. Я выглянула, чтобы посмотреть, куда, собственно, ее послали, и не сходить ли мне по тому же адресу, если там есть санузел? Пока она шла по подиуму, зал гудел. Ну вот это совсем другой сон! Я даже обрадовалась. Толпа заволновалась, но девушка так и не вернулась в наши знойные ряды. Следом за ней поплыла брюнетка с волнистыми волосами в черном платье. Грациозно, как пантера, она скользнула на подиум, и толпа разразилась овациями. Удачная модель. Ищите на всех прилавках Парижу, ЛондОна и местном вещевом рынке. Брюнетка не вернулась. Я поискала глазами кутюрье, но он, видать, был стеснительным и робким человеком, поэтому не появлялся. Зато гримеры были просто отличные. Два шифоньера уже вытаскивали забившуюся в угол шатенку с короткой стрижкой и детским личиком. Модель либо очень сильно стеснялась того, что на нее нахлобучили, либо чувствовала, что анорексия не даст ей дойти до конца подиума без приключений, поэтому всячески сопротивлялась возможному конфузу. Ее вытолкнули на подиум, и она совсем не модельным шагом посеменила демонстрировать белое платье. Зал притих, а потом довольно зашумел. Вот еще одна вешалка в бутике скоро будет занята. Совесть мне намекала, что древнейшие эксперты у подъезда безошибочно определяют место работы его обладательницы, стоит хотя бы раз увидеть обновку.

Я посмотрела на себя в зеркало и увидела редкостное чучело-мяучело. Нет, лицо мое было точно таким, каким я знаю его много лет, правда, грязи на нем не убавилось, а ветхие лохмотья, которые художественно висели на мне, придавали показу изюминку смелого дизайнерского эксперимента. Ладно, я иногда смотрела модные показы, так что мой образ еще не самое страшное, что может выползти из-за кулис. И все это под прикрытием модного дома, возглавляемого дизайнером, у которого не все дома. Мне самой иногда хотелось взять пистолет и выносить каждому модному чудовищу консервативный приговор. Но потом я понимала, что модель не виновата в том, что в платье – стекловата. Остальное из одежды – босоножки и сережки.

Наверняка я – звезда программы, раз меня оставили на десерт. Вот на подиум шагнула девушка, робко делая шаги навстречу мировой известности и глянцевым журналам. На ней было платье – шинель. «Шинель номер пять» – мысленно прозвала я эту практичную модель, потому что красавица была пятой по счету. Девушки убывали. Некоторые, правда, возвращались обратно, где их переодевали, и через несколько заходов они снова возвращались на подиум.

И вот настала моя очередь. Я встала, а потом медленно направилась в сторону «подиума». Стоило мне выйти «в люди», как раздалось многозначительное «у-у-у!». Невидимое жюри выставяло светящиеся оценки. Если по пятибальной шкале, то я – молодец, если по десятибальной, то ... так себе... Двадцать три? Неужели по стобальной? Ну тогда пора отдать дизайнеру должное. Эксперимент не оценили. Двадцать три так и висело в воздухе. Раздался шепот, и появилось пятьдесят. Пятьдесят исчезло, и

появилось пятьдесят ... один. Господа, да у меня дома такие лохмотья даже бомжи не носят! Пятьдесят один засветилось еще раз, и ...

- Феникс, - раздался насмешливый голос. - Ты не хочешь прикупить себе?

- Я предпочитаю не покупать девочек, а завоевывать, - раздался голос. Шутку оценили, и торг продолжился.

- Продано! - постановил голос. Ладно, куда дальше? Меня повели по залу и вручили какому-то противному старику, который критично осмотрел меня со всех сторон.

- Пойдет! - буркнул старик, расплачиваясь с моими провожатыми. Через десять минут меня тащили по улице два потных мужика под руководством старика, который показывал дорогу. Я занервничала, пытаюсь проснуться, потом попыталась выкрутиться, но меня держали как родную. Красивая дверь открылась, и меня втолкнули в прихожую, уставленную витринами с какими-то склянками.

- Ну что ж! - радостно проскрипел старик, осматривая свои хоромы. - Приступим-с.

Меня завели в мрачную комнату, где из мебели стоял огромный стол, шкаф со всякими бутылочками и стул. В углу лежала горстка пепла.

- На чем мы остановились? Защита от заклинания «огненный вихрь». Ну-ка, ну-ка! - старик помусолил свою бороду, отпуская «доставку». - Интересно, интересно...

Глава четвертая. Опытная подопытная крыса

Требуется опытная крыса для работы подопытной крысой.

Опыт работы обязателен!

Почему-то мое воспаленное воображение рисовало мне тайную лабораторию, сумасшедшего гения, принесшего в жертву науке свой рассудок, дичайшие эксперименты, благодаря которым на свет появились почти все супергерои. Так что у меня будет выбор: стать просто героем посмертно или супергероем. Я и так покушать не всегда нормально успеваю, а тут каждую секунду кого-то нужно будет спасать. Метеорит упал, новый вирус шагает по планете семимильными шагами, терроризм, падение самолета, взрывы и наводнения. Сходил Супергерой в туалет, называется. Отлучился на десять минут. И пусть весь мир подождет. И мир подождал. Что-то я не помню, чтобы супергероям платили зарплату. А у меня с недавних пор есть правило. Приносить домой не только радость, но и деньги. Кстати, в маске и в плаще меня можно увидеть каждую пятницу, когда я, завернувшись в одеяло, стою возле зеркала и читаю на упаковке, через сколько смывать эту белую пасту, размазанную по всей физиономии. Глядя на свое отражение, я понимаю, что узрев меня, мир предпочел бы спастись сам. И, возможно, даже бегством!

Да. Это – не сон. Ну не может быть так, чтобы все было как по-настоящему! Я ничего не понимаю. Почему никто не летит ко мне с энциклопедическими знаниями о данном месте, не выдает в первые же секунды моего пребывания экстренную географическую и историческую сводку? Где нудные рассказы, как в эпоху Царя Гороха всем жилось вполне неплохо? Где местные краеведы, историки, географы, культурологи с ведром лапши и ценными сведениями, которыми они щедро делятся со всеми, кто покажется им «потерянным и не найденным» с наивным взглядом полусумасшедшего? Где все? Ау!

– Простите, пожалуйста, – вежливо произнесла я, глядя на скрюченную спину старика, перемешивающего какие-то настойки и довольно крякавшего, глядя на цвет получившейся мешанины. – А не могли бы вы сказать, где я?

– Ась, ась? – прислушался старик, хмуро глядя на меня. – Что ты там мямлишь?

– Где я? – заорала я, глядя на волосы, которые торчали кустами из ушей деда.

– Вот! Теперь слышу! Ты? Ты в Единственном Городе Кадингере! У лучшего фармацевта! Меня зовут Великий Мог! И мы с тобой... – старик прищурился, перемешивая содержимое склянки. – ... будем заниматься наукой.

Чувство сопричастности к великому научному открытию омрачалось только тем, что прорыв в науке сделают за мой счет. И пока кто-то двигает науку, мне пора двигать отсюда ноги.

– Кадингер? – уныло, но достаточно громко переспросила я, понимая, что игра в города здесь не практикуется. По вполне понятным географическим причинам. Меня шатало от голода и обезвоживания. Во рту не было даже маковой росинки и дико хотелось пить.

– Ась? Ась? Не мешай мне! Твои разговоры меня отвлекают от важного дела! – рявкнул старик, пипеткой добавляя какую-то муть в получившееся зелье. Это мне напомнило те моменты, когда убираешь со стола после гостей, сливая все недопитое в один фужер, чтобы по окончании банкета залпом осушить его ... в раковину.

– А попить можно? Водички? – громко попросила я. Мне дали воды. Когда я пила воду, у меня возникло чувство, что я выросла в пустыне и единственным утешением в моей жизни был кактус. А теперь я сижу, ностальгирую кактусом, растущим на подоконнике, поглядывая, как за окном строители ссыпают груды песка. Во рту снова пересохло.

– А можно еще? – закричала я, протягивая миску.

– Нет. Одна миска воды в день. Больше не полагается! – рявкнул дед. – Воду тоже надо заслужить!

Пипетка отмеряла капли, зелье в колбе мутнело, а мой пустой желудок сворачивался в трубочку при мысли, что мне придется его пить. Я осторожно двинулась в сторону двери, стараясь не привлекать к моей скромной персоне излишнего внимания. Я – не трус, но вот конфуз. Дверь закрыта. Кучка пепла в углу мотивировала не хуже фильмов про апокалипсис в череде серых будней беспросветной экзистенциальной тоски.

– А теперь осталось подождать конца реакции и ... – обрадовался старик, придирчиво глядя на промежуточный результат.

– А как так получилось, что здесь всегда темно? – напрягая связки до предела, спросила я, с глухим стоном осматриваясь по сторонам. Чувствую я себя совсем неважно.

– Многие магические воздействия не любят свет, – заметил старик, глядя, как внутри колбы что-то загорается. Мне показалось, что там утопили светлячка.

– Нет, я не про ваш дом. Я про все вокруг. Просто я мало знаю. И мне все интересно! – заметила я, вспоминая о том, что старики любят поговорить. Особенно глухие.

– Ну что ж... – ученый поправил бороду, сплетая пальцы на груди, поглядывая на свое зелье. – Отчего бы и не рассказать? Этот город много сотен лет назад был построен магами для магов. Именно здесь процветало наше искусство. Сюда стекались колдуны и маги со всего мира! Все, у кого был дар, нашли свое место здесь. Нас пытались поставить на колени, обложить законами, но для магов нет законов! Мы уважаем только силу. Но эти твари не смирились. Они хлынули на нас, мечтая стереть Кадингера с лица земли. Наши предкам это не понравилось, и весь мир заволочла тьма. Знаешь, как испугались эти неумехи? Они приползли к нам на коленях, требуя вернуть все обратно. Те, кто еще недавно сжигали нас, теперь стояли на коленях перед нашим городом, умоляя вернуть солнце. Тысячи людей стояли на коленях перед Кадингером, а мы смеялись над ними. Мы, в отличие от них, умеем обходиться без солнца. Нам не нужен солнечный свет, если у нас есть сила. Вырастить растение при помощи магии – пара пустяков! Мы просто ждали, когда эти неумехи и слабаки поубивают друг друга, в борьбе за щепотку ресурсов. Всю пыль их цивилизаций, все, чем они так гордились, всю культуру, искусство, историю сдуло черным ветром отчаяния. Они гибли за стенами, умирали от голода, жрали друг друга, плевали на собственные законы, пока мы здесь пировали и наслаждались жизнью...

Старик гордо умолк. Я настроилась слушать дальше, но «дальше» не было. И все? А где рассказ про целую вереницу правителей, сменяющих друг друга, как листки отрывного календаря? Да, сдавать здесь экзамен по истории одно сомнительное удовольствие.

– Здесь нет никаких законов? – поинтересовалась я, обводя мутным взглядом комнату. Когда за тебя некому заступиться, сразу вспоминаешь о законах.

– Ась? Законы? Законы – это щит слабых. А слабым не место в Кандингере. Сильные не должны подстраиваться под слабых. Люди хотели, чтобы мы, маги, обладающие силой, подстраивались под них, считались с их мнением и жизнями, – заметил старик, отслеживая реакцию в своей мензурке. – У слабого есть два пути. Стать сильным и стать нужным. Ну что ж. Давай-ка для начала займемся твоим ожогом. Ты будешь говорить мне, что чувствуешь, а я буду записывать. Итак.

Идея была плохой. Я сразу представила протокол с моими односложными восклицаниями. Через лет сто шкалу от «мля, это невыносимо!» до «ой-ой-ой, щиплет!» назовут моим именем. Если вы вдруг мечтаете внести свой вклад в науку, не обязательно получать научные степени и участвовать в конференциях. Можно просто задумчиво смотреть сквозь прутья клетки на людей в белых халатах.

Мне в руку дали пузырек с синей жидкостью, вызвавшей у меня ассоциации с антифризом и прочими производными химической промышленности.

- Я не буду пить! – категорически ответила я, вспоминая, какого цвета у меня жидкость для чистки сантехники. «При попадании на кожу – промыть водой, при попадании в глаза – промыть водой и обратиться к врачу, при попадании внутрь – обращаться к патологоанатому!».

- А кто тебе сказал, что это надо пить? Лей на ожог, – заметил ученый, отслеживая пузырьки на дне своего нового изобретения. – Я немного изменил формулу. Сделал его слабей. Если все пойдет нормально, то ожог слегка залечится...

- А нет такой штуки, которая вылечит его сразу? – поинтересовалась я, опасливо глядя на склянку и ее содержимое.

- Зачем? Мне это не выгодно. Это зелье лишь вызовет легкий эффект заживления. То что нужно, чтобы обзавестись постоянными клиентами! – воскликнул старик, пристально глядя на результат.

Я посмотрела на руку, зажмурилась – и полила ее. Кожа слегка порозовела, волдыри уменьшились. Повезло. Было лишь легкое покалывание и пощипывание.

- Больно? – поинтересовался старик, разглядывая мою руку.

- ДИСКОМФОРТНО! – заметила я, радуясь, что боль, к которой уже почти привыкла, прошла.

- Вот нечего себе там шептать под нос! Говори нормально! Надо еще разбавить. Нормальное зелье для лечения ожога вызывает дикую боль. А это – разбавленное в пропорции один к десяти. Чтобы вылечить ожог нужно купить десять банок. Десять банок по двадцать это уже двести. Неплохо. Пятнадцать банок по пятнадцать – двести двадцать пять.

Это чудодейственное снадобье сделано из вытяжки крыльев бенгальской акулы, и отлично помогает вам избавиться от ... лишних денег. Это снадобье лежало рядом с чудодейственной молекулой, от которой набралось невероятных целебных свойств!

За стеной раздались шаги и окрик. Старик делал какие-то записи, не обращая внимания на стук. Кто-то уже сломал об дверь правую руку, теперь ломает левую. Я молчала. Через минуту в дело пошли ноги, пытаюсь выбить дверь. Правая нога уже устала, поэтому ей на помощь через некоторое время поспешила левая! Судя по тому, что после паузы стук возобновился, у меня появилось подозрение, что пришел мужчина. А все потому, что женщина не была бы такой настойчивой.

- Кто-то стучится! – громко заметила я.

- Где? Стучат? А? – встрепенулся Мог, бросая записи и со скрипом вставая со скрипучего стула. – Так чего ты молчишь? Мой предыдущий раб предупреждал меня о клиентах!

Сейчас, очевидно, стучались головой.

- Иду-иду! – произнес старик, глядя на свое незаконченное детище. – За мной, живо!

Я только сейчас заметила у себя на левой ладони странный круг из знаков. Я попыталась его оттереть, но круг засветился, и невидимая сила поволокла меня вслед за стариком, который шоркая, как лыжник и откашливаясь, как счастливый обладатель квартиры неподалеку от цементного завода, открыл дверь в свой магазин. Теперь мне удалось рассмотреть его как следует. На полках стояли разнообразные флаконы, выставленные со всей педантичностью и скрупулёзностью.

- Яды заканчиваются, – тяжело вздохнул «фармацевт», глядя на два пузырька. Я тоже заметила, что жить стало лучше и веселее! Стук в дверь усилился. – Да заходите уже!

Мое внимание привлекла большая клетка со следами чужой активной жизнедеятельности, стоящая в углу. Либо хомяк, ранее обитающий, вырос до размеров медведя, ни в чем себе не отказывая, либо...

Прямо так и хотелось воскликнуть: «поздравляем с официальным оформлением на работу!». Белые тапочки зарплаты, полный суицидальный пакет, официальное оформление похорон. Не знаю, полагается ли мне премия за храбрость и надбавка за добавку, но сверхурочные, я так понимаю, здесь практикуются со страшной силой.

Дверь скрипнула, запуская какого-то сутулого немолодого мужика в дорогом костюме с золотым шитьем и блестящими пуговицами. Исходя из его внешности, самый долгий роман в его жизни был с алкоголем. Иногда он перемежевывался мучительными расставаниями, а потом радостной встречей и очередным бредовым месяцем.

- Проходите, проходите... Что вас интересует? – участливо поинтересовался старик, изображая всю клиентоориентированную вежливость. – Я так вижу, что вы у нас впервые? Вы раньше у Горана отоваривались?

- Да, у него. Но у него закрыто. Поэтому решил зайти к вам! Мне нужно зелье лечения ожогов, - глухо, сквозь зубы, ответил мужик, разглядывая многочисленные полки в поисках панацеи.

- Ась? Ась? - напрягся дед. - Мой бывший раб всегда помогал мне работать с клиентами!

- ОЖОГИ ОН ЛЕЧИТЬ СОБРАЛСЯ! - озвучила я на повышенных децибелах, чувствуя, что у меня в горле першит от такой работы.

- А ожог большой? - поинтересовался Мог, теребя кончик бороды. Складочки уютно теснились друг к другу, пряча в пыльных недрах разноцветное содержимое.

- БОЛЬШОЙ! - почему-то очень резко, но с гордостью ответил товарищ. У меня тоже большой ожог, но я как-то им совсем не горжусь! И меряться ожогами я не собираюсь!

- Болит? - участливо спросил аптекарь, снова изучая ассортимент.

Мужик посмотрел на него глазами кастрированного кота, который еще помнит все прелести межсезонья, но уже забыл, зачем просился на улицу.

- Мне. Нужно. Зелье. Для. Лечения. ОЖОГОВ! Больших ожогов! - процедил клиент, оглядываясь по сторонам. - Зелье. Ожоги. Вы меня понимаете? Почему Горан понимал, а ты нет?

Если он ищет зелье для лечения ожогов души, то нужно брать что-нибудь спиртосодержащее.

- А где у вас ожог? - поинтересовался Мог, перебирая склянки и доставая точно такую же, которой я поливала рану. - Вот, возьмите. Но сами понимаете, для комплексного лечения вам необходимо купить минимум двадцать штук. Я могу показать, как оно действует! Эй ты, выставь руку.

Я с готовностью предоставила свою конечность, в надежде, что моя несчастная рука еще хоть немного подлечится.

- Я вам говорю. Мне не нужно зелье для лечения ожогов. Мне нужно зелье для лечения ОЖОГОВ! - заметил товарищ, а я поняла, что мне еще повезло с клиентами.

- А я вам что даю? - возмутился дед, взбалтывая содержимое пузырька.

- У меня вопрос не стоит! Перспективы вяловаты! - вспылil клиент, теряя терпение. - Не всегда. Только сегодня!

Сертификат «героя-любовника» висящий над кроватью был заменен на утешительную грамоту «за прошлые заслуги».

– Говорите, что вам нужно! – зашелся Мог, перерывая свои сокровища. Его белые узловатые крючковатые пальцы хватили все пузырьки подряд, стирая с них пыль.

– У него инструмент не работает! Настойка для настройки нужна! – громко заметила я, чувствуя себя работником инфостойки. – Не мужик он сегодня, короче!

В детстве я мечтала стать переводчиком. Кажется, я делаю первые успехи! Из руки клиента в меня полетела сверкающими брызгами молния, от которой я успела увернуться. А такими темпами я быстро стану токопроводницей.

– А!!! Только у меня это называется «средство с улучшенной формулой»! – сориентировался Мог, доставая небольшой флакончик и протягивая его клиенту. Тот расплатился и вышел, преисполненный негодования.

Мог отвернулся, а я осторожно сдвинулась к двери, поглядывая в сторону старика, заставшего напротив ядов. Только я собиралась дернуться к двери, как она распахнулась. На пороге стоял и пытался отдышаться тучный посетитель, которому срочно нужно чудодейственное средство от несварения. А поскольку аптекарь, у которого он раньше отоваривался, почему-то закрылся, толстяк обратился к нам.

– Мне нужно средство от желудочного конфуза! Срочно! Плачу двойную цену! – прошептал толстячок, потев и страдая. – Или как оно у вас называется? Только срочно!

– СРЕДСТВО С УЛУЧШЕННОЙ ФОРМУЛОЙ! – громко озвучила я, глядя на то, как Мог достает знакомый флакон, получает двойную плату и вручает ее клиенту. Как я зла! Еще бы немного! А мужик пусть развлекается. Одно другому не мешает.

Дверь закрылась. Я несколько раз глубоко вздохнула, чтобы собраться с силами, глядя как хозяин проводит ревизию своих владений. Колени тряслись, я нервничала.

Я уже почти продвинулась к двери, как на пороге возникла мадам, одетая так, словно только что отпустила клиента. Вульгарная, растрепанная, неухоженная посетительница ткнула список в лицо Могу. Тот приложил бумажку к носу, пытаясь разобрать буквы. После нескольких тщетных попыток старик прокряхтел, что забыл, куда положил очки и сунул список мне, дескать, читать умеешь – читай.

– Средство от Любовной Горячки, средство от Пикантных Поцелуйчиков, средство от ....

Так я заочно познакомилась с названиями местных венерических болезней. После этого

листочка мне хотелось вымыть руки с мылом три раза. Бррр!

– Это все? – спросил дед. – Возьми с полки то, что нужно! Учти! Разобьешь хотя бы один флакон – я тебя убью! Эти зелья стоят дороже, чем ты! В сто раз!

С таким подходом аккуратность – мое второе имя!

– Там все подписано! – кряхтя, произнес старик. – Не вздумай перепутать!

После этих слов честность и ответственность – мое третье имя!

– И приглядывай за товаром! Мало ли! Унесут и не заплатят! – Мог открыл шкаф и достал оттуда недостающие зелья, расставляя их на свободные места.

Стоит ли говорить, что внимательность – моя фамилия?

Мне вот интересно, пакетик предлагать? Карточку спрашивать? Чек рисовать? Сгребая покупки и расплачиваясь, дама заметила, что раньше здесь никогда ничего не покупала. Но все другие почему-то закрыты. Буквально минут сорок назад работал Филин, но теперь дверь закрыта, и в окнах не горит свет.

Ну да, это мы – круглосуточный супермаркет, а я – единственный кассир, который едва держится на ногах.

Я снова посмотрела на дверь, думая, как бы получше улизнуть, но следом за разукрашенной мадам пришел взволнованный молодой мужчина в синем, воровато оглядываясь. На руке у него было три кольца с разноцветными камнями, два кольца без камней.

– МОГ! – заорал Властелин Колец, нетерпеливо барабанил пальцами по столу и всеми голосовыми связками давая понять, что он – постоянный клиент.

Старик высунулся из подсобки, куда нырнул за новой порцией товара. В худой руке старика очутилась мятая записка. Мог, внезапно нашедший свои очки, прочитал ее и посмотрел на флаконы.

– Сто солнц, – произнес он, оглядываясь по сторонам. Мужик кивнул и положил на прилавок кошель, поглядывая на дверь.

– И зелье защиты от огня. Такое, чтобы хватило минимум секунд на десять! – добавил клиент, осматриваясь по сторонам.

Мог полез внутрь витрины и достал флакон, покупатель рассчитался за него отдельно, придирчиво осматривая содержимое.

- Я могу проверить зелье? – поинтересовался покупатель, поглядывая на меня.

Есть у меня предчувствие, что по окончании карьеры «подопытного кролика» я гордо вскину и закину на плечо нос, сделаю третью грудь колесом, сожму двумя руками зарплату, а третьей вежливо помашу на прощание, утру хвостом скупую слезу, текущую по моей чешуйчатой щеке. А все, кто будут провожать мои формы взглядом, я с удовольствием подмигну третьим глазом, для которого придется делать дырку чуть пониже спины. Зато теперь никто не застанет меня врасплох. В том числе и финансовый кризис. Я всегда могу показывать себя за деньги. Меня возьмут со всеми руками и со всеми ногами и прочими запчастями, от которых взвыл бы даже разработчик боссов для дешевых компьютерных игр про последствия ядерной войны.

- Сто. Если яд, то двести... пятьдесят, – произнес аптекарь, выглядывая из подсобки. – Если собираетесь пробовать заклинания – то только возле стенки. Если с увечьями, то сто пятьдесят. А то на вас не напасешься. Не могу я каждый месяц покупать себе нового!

Я побелела, посерела, поседела одновременно.

- Дороговато, – с сожалением заметил мужик, пристально разглядывая флакон.

Вот так финансовый кризис только что спас мне жизнь.

Как только дверь закрылась, старик взял склянку с маленькой молнией на прикрепленной к горлышку бумажке, разбавил его из другого флакона, довольно крякая от полученного результата. Зелье вернулось на полку с чуть примятым уголком бирки. Записка, которая могла пролить свет на таинственную просьбу, загорелась в морщинистых руках, отплясывая отблесками в каждом сосуде. Я нервничала, не зная, когда лучше предпринять попытку побега. И как только Мог отвернулся, а я уже мысленно сказала: «на старт, внимание...», влетел какой-то мужик средних лет в костюме среднестатистического цыганского барона.

- Приходил? Ты сделал все, как я просил? Мне зелье защиты от молний. Быстро! – процедил он, оглядываясь по сторонам. – Быстро-быстро-быстро... У меня через десять минут поединок! Быстрее!

Через секунду в руку аптекаря лег мешочек. Покупатель исчез, унося с собой недавно разбавленное зелье. Поединок обещает быть интересным.

Я уже вся изнервничалась. Дверь притягивала взгляд, но рисковать не хотелось. Я попыталась пустить дым, но получалось как-то слабо. Стоило мне снова подумать о побеге, в магазин влетела разъяренная женщина. Вид у нее был такой, словно она перепутала телефонную трубку и раскаленный утюг. Половина ее лица представляла

собой ожог.

– Иди сюда, паскуда! – прошипела змеей она, откашливаясь и кривясь. – Мог! Иди сюда, тварь! Какие десять секунд? Ты что мне продал? Да меня чуть не убили!

Мог молча выслушал оглушительные крики, глядя на испорченную красоту.

– Индивидуальная особенность организма. Сами понимаете. У всех по-разному, – невозмутимо заметил старик, хотя я уже догадывалась, в чем дело. – В следующий раз берите два флакона. Могу предложить кое-что посильней! Но оно стоит дороже, разумеется!

Женщина сдула с обезображенного лица обгоревшую прядь, выкладывая деньги и стребая зелья от ожогов. Дверь за ней закрылась с грохотом, от которого зазвенело все содержимое полок. Мог снова отвернулся, а я прошептала себе: «сейчас или никогда», бросившись к двери. Я не сводила глаз со старика, пытаюсь нашарить дверную ручку, но меня поймали.

На пороге стояла та самая золотоволосая дрянь, которая мастерски вытерла ноги об мою самооценку, оставив неизгладимый шрам смертельной обиды в моей ранимой женской душе. На нем была темная куртка, которая застегивалась на два ряда пуговиц, а на двух верхних пуговицах болталось украшение в виде алого камня с двумя золотыми крыльями.

– Меня уже встречают с распростертыми объятиями! Я тоже очень рад тебя видеть, – с усмешкой заметил Феникс, глядя на меня ясными глазами и протягивая ко мне руку, украшенную золотыми кольцами. – Даже не представляешь как.

Глава пятая. Путевка на двоих

– У тебя есть планы на вечер?

– У меня их куча! План побега, план захвата мира,

запасной план к запасному плану...

Если бы не тот эпизод, я бы подумала, что ко мне с небес спустился ангел. Ведь именно такими рисовали обитателей облаков во времена Эпохи Возрождения. Златокудрые, с молчаливым укором, от которого у созерцателей должен пробежать по спине могильный холодок, а в голову настойчиво стучаться мысли о вечности. И улыбкой меня не проведешь. В глазах стоит смертельная, холодная обида, от которой у меня должно разыграться чувство раскаяния. Сольный концерт Глубочайшего Раскаяния, после которого меня великодушно казнят. Чувство раскаяния забыло свою партитуру, выбиваясь из общего оркестра эмоций, грянувших в момент нежданной и нежеланной встречи, и его решила подменить Женская Обида, с удовольствием разминая пальцы, готовясь

виртуозно сыграть на чужих нервах. Концерт «Прости меня, пожалуйста» был отменен по техническим причинам, афиши заклеены, а администратор исчез вместе с деньгами.

И тут бы мне переступить через гордость и попросить его о помощи, но гордость я не роняла. Я смотрела на него с обидой, по масштабам отнюдь не меньшей, чем у него. А со стороны это выглядит так, словно мы уже имели несчастье друг для друга встречаться, причем не только взглядами, а теперь, случайно столкнувшись, моментально прокрутили в голове все гадости, которые сделали друг другу.

– И как ты собираешься выпутываться из этой ситуации? – холодно поинтересовался он, демонстрируя мне Смертельную Обиду со всех сторон. Такое чувство, будто она лежит на вращающейся витрине, а теперь весь мир должен быть прикован взглядами только к ней.

Я промолчала, возвращаясь на свое место. Если мне когда-то и хотелось кушать, то это было давно. Теперь мне просто хочется жрать. И пока жизнь кормит меня свежими впечатлениями, я чувствую неприятное жжение в желудке, который уже забыл, когда в последний раз видел что-то съедобное.

Мой взгляд снова остановился на золотых локонах. Я помню его глаза, когда он был на кураже, помню его улыбку, словно он был опьянен победой, помню легкость, с которой он принял эпохально-нахальное решение испортить мне настроение и пристрелить на месте мою очень нежную, не самую стабильную женскую самооценку.

По заказу клиента я молча достала нужные пузырьки, которые заняли половину стола. Аптекарь исчез в подсобке и с концами, изредка звеня стеклом.

Не знаю, что чувствуют кассирши, когда поднимают глаза и видят своего бывшего вместе с его очередной пассией, скупающие все необходимое для романтического вечера. То же самое вино, те же самые комплименты, но работница кассового аппарата утешает себя мыслью о том, что на закуске уже три раза перебили срок годности, поэтому ночь обещает быть незабываемой.

Я считала в столбик сумму покупки, отгибая бирки с ценниками и вспоминая принципы сложения без калькулятора. Складывать в столбик, записывая промежуточный результат и проверяя его по несколько раз, было непривычно. Где-то открывала коньяк моя математичка, воздев руки к небу. Посмотрев на меня колючим взглядом сквозь роговую оправу хищных очков, она мысленно припомнила мне тот день, когда я надменно заявила про то, что люди изобрели калькулятор не просто так.

– Пакетик нужен? Карточка есть? – устало спросила я, подражая равнодушной интонации любой кассирши, мельком взглянувшей на десятиметровую очередь с телегами.

В ответ послышалось задумчивое «нет».

– С вас четыреста двадцать один рубль, – подавляя улыбку и придавая голосу все то же

раздраженное равнодушие. – Вы в акции участвуете? Фишки собираете? У нас розыгрыш путевки.

Тишина. Есть две категории работников. Те, кто сидят на стуле ровно, и те, кто сидят на проценте от продаж. В данном случае я просто стою. В сторонке. Ставка – фиксированная, мотивация – нулевая, так что берите фонарь, идите в лес и ищите там мое рвение и старание.

– Рассчитываться как будете? Безналом? – гнусным и грустным голосом профессиональной «пи-пи-пакетик надо?» женщины, поинтересовалась я, проверяя калькуляцию. При всем уважении к таблице умножения, я предпочитала пользоваться обычным сложением.

– А нала нет? – машинально спросил Феникс, рассматривая какую-то пузатую склянку с зеленым содержимым. Пребывал он в состоянии крайней задумчивости, изредка поджимая губы и одаривая меня таким взглядом, после которого не отмоешься с лучшим гелем для душа.

– «А налом» мы не принимаем. Только наличными, – заявила я, глядя на покупки и стягивая углы рта в бантик, чтобы не выдать предательскую улыбку от сиюминутного прозрения.

Я бросила взгляд на него взгляд, который бросают все великие сериальные детективы, внезапно прозревая за пятнадцать минут до конца серии. Сомнения? Нет, что вы! Это именно тот самый случай, когда узнаешь соотечественника за границей по каким-то мимолетным необъяснимым движениям. Не всегда это будет попытка перебежать шестиполосный автобан в десяти метрах от подземного перехода с криками на родном и могучем: «Ой, мать твою! Сейчас задавит!». Скорее, это на уровне интуиции.

Я посмотрела в глаза, в которых было написано: «Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу. Провал молчал, как мог. Мог только что уронил что-то в подсобке!».

В голове заиграла музыка из кинофильма «Семнадцать мгновений весны», перед глазами прокрутилась пленка, застыв на том месте, где Радистка Кэт прижимает к себе двух детей.

– И что там за путевка на двоих разыгрывается? – поинтересовался агент, проваливший явку, глядя на меня. Нет, ну с путевкой я не ошиблась.

– А куда ты хочешь, чтобы я тебя послала? – доброжелательно заметила я, тяжело вздыхая. Тяжело быть местным туроператором. Даже послать некуда.

– То есть я ее выиграл? – я почувствовала себя пробкой, в которую ввинчивается штопор взгляда. – Путевку сюда. Без нее я никуда не уйду.

Я невозмутимо взяла бумажку и на секунду задумалась, глядя на девственные просторы для творчества. Нет, посылать его прямым текстом опасно. Я взглянула на золотые кольца, особенно на то, которое напоминало коготь. Коготь провел по столу, оставляя глубокую царапину. Я мельком увидела, как из него появилось, а потом исчезло острое лезвие, блеснувшее неприятностями.

Наскоро нарисовав солнышко, как рисуют его первоклассники, парочку кривых облачков, я задумалась, чтобы изобразить еще. Горы? Море? Лес?

– Достаточно, – произнес Феникс, глядя на мои каракули и вырывая у меня листок. Он молча сбросил все зелья на пол и направился к двери. Я дернулась за ним, понимая, что клиент не расплатился, а охрана из меня никудышная. На звук бьющегося стекла прибежал Мог. Вцепившись старческой рукой в дверной косяк, разглядев мутные лужи среди осколков, старик мысленно пожалел... но не меня, а то, что поставил за прилавок такого ответственного человека. Я работаю всего часа четыре, поэтому синдром вахтера еще не выработался.

– Жаль, она у вас такая неловкая! – с улыбкой заметил Феникс, глядя, как растекается по полу содержимое флаконов. – Очень жаль. Но меня такое обслуживание не устраивает.

– Ах, ты! – зашелся аптекарь, трясаясь от ярости и негодования, глядя на меня. Я вспомнила, как меня недооценили на местной ярмарке вакансий, поэтому тут же спряталась под стол. В стол ударило заклинание. Дверь захлопнулась. Сверху на меня посыпались склянки с разноцветным содержимым.

– Убью, бестолочь! – орал Мог, швыряя в меня заклинание. И тут печать на руке засветилась, и мое тело самостоятельно вылезло из убежища, встало так, что промахнуться трудно, и застыло на месте. И теперь мне светит уже не пособие по безработице, а полноценное пособие по инвалидности. В лучшем случае!

Я попыталась пригнуться, но спина была деревянной. Тело направилось к стенке, стало ровненько, словно для фотографии на паспорт. Есть что-то общее в фотографии на документы и смертью от магии. Вспышка. Губы рефлекторно растянулись в неуместной сардонической улыбке.

Дверь распахнулась, впуслав в себя огненную вспышку, и на месте Мога сквознячок развеивал горстку пепла.

– Я тут случайно вспомнил, что путевка на двоих, – услышала я, глядя, как на моей руке исчезает волшебная печать. Пепел на полу засветился, печать на моей ладони погасла навсегда.

Свобода, которая должна была встретить радостно меня у входа, смотрела как-то не радостно. И если бы в руках Свободы был меч, то я бы поостереглась. Я промолчала. На экскурсиях, куда я его сто раз мысленно послала, вполне можно обойтись без экскурсовода.

- Я вообще-то имела в виду тебя и твою обиду, которая будет занимать отдельное место!
- осторожно заметила я, пытаясь уловить разницу между воздухом свободы и воздухом рабства.

- Хорошо, значит, ты – ручная кладь, – холодно заметил тот, кто только что жарко и быстро поспорил с хозяином.

- Нет, я – забытый дома фотоаппарат, хранящий лучшие воспоминания о тебе! Ладно, хуже уже не будет, – ответила я, глядя, как горстка пепла просела. – Я на это искренне надеюсь.

Совість превратилась в большую тетку в белом халате, уселась за стол, достала карточку, посмотрела на меня с укором. «В районе – эпидемия наглости и хамства. Придется укольчик делать! Для профилактики!» – постановила она, доставая огромный шприц. – «Колоть тебя буду!». Я закрыла глаза, понимая, что это – внеплановая вакцинация.

Стоило мне выйти за порог, как по прилавку, по полу и полкам заплясал огонь. Пузырьки, мензурки, флаконы лопались и взрывались, как артиллерийские снаряды. Когда дверь закрылась, я прислушалась. Такое чувство, словно за вывеской «лучшие зелья» начались мафиозные разборки, а в ход пошел последний аргумент.

- Вот зачем было все громить? – с сожалением вздохнула я, вспоминая, сколько стоят все эти пузырьки.

- Чтобы почистить твою биографию и обеспечить конкурентное преимущество в круге. Рабыня погибла вместе с хозяином, – мрачно бросил Феникс, таща меня за руку. – У меня к тебе есть вопрос. Марка твоего первого телефона?

А-а-а! Он пытается вычислить мой возраст.

- Да я старше, чем линолеум в сельской поликлинике! – ответила я, поражаясь прелестной наивности собеседника. – А к чему такие вопросы?

- Отлично. Примерный возраст я уже вычислил. Совершеннолетняя, – постановил мой обидчивый и злопамятный собеседник.

- А для чего тебе эта информация? – прищурилась я, подозрительно глядя на него и потирая грязный нос.

- Ты будешь сражаться вместо меня, пока я дисквалифицирован. Твоя задача – не дать никому выбиться в лидеры. Этого достаточно. А после того, как я прикрою все аптеки, у тебя появится шанс. Откроются они не скоро. Зелья, которыми торгуют из-под полы, не самые качественные, – спокойно сообщил Великий Провокатор.

- Послушай!- возмутилась я праведным гневом пацифиста. - Сражаться - это мужское дело! Я, между прочим, за существенную разницу между датой смерти и датой рождения!

- Я предлагаю тебе свою защиту, - теряя остатки терпения, заметил Феникс. Он вздохнул, стараясь не смотреть на меня. - И бонус в виде регулярного...

Я напряглась, прикидывая, что между нами может быть регулярного, кроме нервотрепки.

- ... питания, - закончил он. По его губам чуть не скользнула улыбка.

Меня еще никогда не соблазняли сковородкой и кастрюлей, но, как видите, все в жизни бывает в первый раз.

- А что у меня еще будет регулярным?- осведомилась я, вспоминая, что я - одинокая женщина, которая привыкла готовить исключительно по желудочному велению и собственному хотению. А тут на диване лежит дегустатор-эксплуататор, пока я готовлю, стираю, убираю, снимаю фартук и бегу сражаться в круге. А потом мне в руки суют пустую тарелку со словами: «И что бы ты без меня делала, милая! Я знал, что ты без меня пропадешь!».

- Нервотрепка. Если будешь плохо себя вести, - процедил любитель домашней кухни, мечтая поставить меня у плиты напротив огромной, как моя любовь к готовке, кастрюли. Где-то висят носки и нижнее белье владельца самомнения. Бытовуха, она такая!

Да нет, спасибо. Я уж как-нибудь сама... Я не из тех, что коней на скаку останавливает без полосатого жезла и свистка, залетает в горящую избу, чтобы проверить, выключила ли плиту. Из всего, что мне удавалось тормознуть, я бы выделила такси, отношения и себя.

Разглядеть красоты города мне удалось мельком. Город был отлично освещен. Вокруг него были огромные стены, которые горели яркими огнями. Я присмотрелась к огням наверху, прикидывая, сколько жителей живет здесь. Сами стены представляли собой нагроможденные в хаотичном порядке домишки. В стенах тоже живут люди. Меня втащили в дверь полноценного, по сравнению с моим местным обиталищем, дома, который, как ни странно, не был частью стены.

- Ты у цыганского барона арендуешь жилье? - осведомилась я, глядя на позолоту повсюду. В жилище не было единого стиля, что заставило меня взгрустнуть о просторном минимализме. Все, что было не золотым, было алым и навевало мысли о распродаже всего «красного» в ближайшем мебельном.

- У тебя вообще вкус есть? - осведомилась я, разглядывая золотые вензеля на фоне алого бархата.

- А у тебя есть не только вкус, но и цвет, и запах, - парировал хозяин, закрывая дверь.

Я подошла к огромному зеркалу, посмотрела на себя и вздохнула полной грудью. Домовенок Кузя по сравнению со мной - сама стерильность. Цвет моих волос лишь приблизительно угадывался, все лицо было чумазым, покрытым ссадинами, огромный ожог на предплечье, разбитые колени, грязные босые ноги. Да на фоне меня любая Золушка - принцесса! Мойдодыр, который неизвестно что делал в маминной спальне, должен был пулей вылететь оттуда и запинать меня кривыми и хромыми ногами, а потом задушить полотенцем.

- А теперь я хочу посмотреть на ту, которая стояла мне короны. Давай, вперед!- заметил Феникс, махнув рукой. На диван легли рубашка и полотенце. - Крысу чистой никто не видел, так что отмывайся.

В уютной ванной была... горячая вода. Я недоверчиво посмотрела на два символа над ванной, не увидев ни кранов, ни душевого шланга. Один символ, похожий на печать, был красный, второй был синий. Ну-ка! Я положила руку на красный символ, и из наполненной ванной пошел пар. А если так? Я положила руку на холодный символ. Пар исчез. Я прикоснулась к воде и поняла, что подледная рыбалка никогда не станет моим хобби. Кое-как настроив температуру воды, я обратила внимание на еще два символа, светившихся на стене. Стоило положить руку на один из них, как ватерлиния тут же стала опускаться. А что, если положить руку на его соседа? Ватерлиния поднялась. Отлично! Красивые флаконы стояли в ряд, не имея ни этикеток, ни других опознавательных знаков. Я попыталась сориентироваться по запаху, но потом решила поэкспериментировать. Если в ванную заползло самое грязное и несчастное чудовище на свете, то через полчаса из ванной, в облаке пара и с блаженством на лице, кутаясь в юбку полотенца и застегивая на себе чужую рубашку, выползло самое счастливое существо в маленькой мире. Я попыталась расчесать волосы, но, видимо, в последний раз они видели расческу на картинке.

- Рыжая? - скептически заметил хозяин, переодевшись в обычную одежду и глядя на мою шевелюру и веснушки. И тут же добавил, чтобы добить мою еще агонизирующую самооценку окончательно. - А нос почему не помыла? Или это не смывается?

В качестве проверки он потер мой нос пальцем, убедившись, что, да, веснушки не смываются. Пока он тер, я смотрела на него тяжелым и задумчивым взглядом хладнокровного убийцы нервных клеток.

- Я просто рыжих не перевариваю, - небрежно заметил Феникс, внимательно отслеживая мою реакцию. - А если еще и с веснушками...

- А ты не ешь, - огрызнулась царица-лягушка в моем лице, критично осматривая Ивана Царевича и почесываясь стрелой. Нет, ну по нему видно, что мечтал он о молчаливой Русалочке, но, как говорится, какой водоем, такой и улов. Ква!

Он стоял и смотрел со странной улыбкой на мое отражение, задумавшись о чем-то своем, пока я мужественно продирала заросли на голове при помощи чужой расчески. Расческа в процессе лишилась половины зубьев, но я не сдавалась, дойдя почти до половины. То,

что творилось с концами, не может себе представить ни один производитель шампуня от секущихся кончиков.

– Ножницы есть? – поинтересовалась я, протягивая обожжённую, но чистую руку. – Дай, пожалуйста.

Да, я еще не настолько богатая, чтобы забыть слова «спасибо» и «пожалуйста».

Через десять минут, вспоминая нехорошие слова в алфавитном порядке, я обстригла все, что не удалось расчесать. Нет, ну если один глаз закрыть, другой – прищурить, отойти подальше и повернуться спиной, то смотрится нормально. Если рубашкой с чужого плеча меня обеспечили сразу, то штаны с чужой... хм... мне выдали, чтобы отобрать у меня полотенце.

После примерки, я почувствовала, как меня обнимают.

– Та-а-ак! – занервничала я, выкручиваясь, как уж, дергая плечами.

– Знаешь, – очень нежно и ласково заметил Феникс, прижимая меня к себе. Я посмотрела на отражение в зеркале. В его глазах была вся нежность, которую только может себе представить женщина. – Пожалуй, на счет рыжих я погорячился... Рыжие девочки иногда бывают очень... очень ...

Что-то не то. Где-то подвох! Я отстранялась, чувствуя, как он заводит мои руки за спину. Через секунду я поняла, что они связаны. Ноги тоже оказались связаны.

– Попалась! – обычным и холодным голосом заметил гостеприимный хозяин, открывая огромный шкаф и доставая несколько пузырьков. – Сейчас мы поиграем в больничку. Анестезиолог у нас в отпуске, терапевт заболел, хирург уволился. Так что лечить тебя будет патологоанатом... Шучу. Зелья стопроцентные, поэтому придется потерпеть...

Меня толкнули на диван, откуда я попыталась уползти с четкой установкой, что как-нибудь само заживет.

– Иди сюда, гусеница! Сейчас добрый доктор будет упиваться твоими страданиями! – меня схватили за ногу, пока я отчаянно ползла в сторону подушек.

Меня подтянули к себе, зафиксировав руки. Я простонала, отрицательно трясая головой.

– Итак, вы поступили в ожоговое отделение. Узнаю. Моя работа, – доктор зло вывернул пробку, прижав меня к дивану. Его волосы скользнули по моей щеке.

– Ну что? Ты готова? – заметил Феникс, прижимая меня к дивану, не смотря на мои протесты.

– А, может, – всхлипнула я, пытаюсь выкрутится. – Может, потихоньку... Осторожненько... Не сразу...

– Ты имеешь в виду с десятков сомнительных процедур? Нет. Если лечить, то сразу. Мы лечим, а не залечиваем! – постановил доктор, закрывая мне рот рукой.

Через секунду я почувствовала дикую боль, от которой на глазах выступили слезы. В последний раз я так плакала, когда клиенты потребовали удалить несущую стену и примеряли зеленые обои в красный горошек по всей оставшейся поверхности стен. Боль прекратилась через несколько мучительных секунд.

– Молодец, – меня по волосам потрепала рука, а потом вытерлась об меня же. – Почти не плакала. Поехали дальше.

«Пока еще не поздно нам сделать остановку! Кондуктор, нажми на тормоза-а-а-а! А!» – пронеслось у меня в голове, когда обрабатывали мои ссадины. Ну это было куда терпимей, чем лечение ожога. Я стойчески вздохнула, смахивая ресницами слезы.

Где-то пахло едой. И если это то, что я думаю, то ... В глазах отразилась надежда и подозрение. Я внимательно посмотрела на приоткрытую дверь, потом на хозяина. Слюнки бежали наперегонки, но я стойчески терпела. Мне было как-то неловко даже за возможность привести себя в порядок.

Через пять минут меня затащили в комнату, где стояло две тарелки. Я подозрительно осмотрелась по сторонам. Содержимое тарелок свидетельствовало, что кто-то готовил, а отсутствие мамочки, жены или служанки наводило на мысль, что готовил...

Я взяла ложку, рассматривая еду. Во взгляде хозяина читалось только одно: «Попробуй, скажи хоть слово, что недосолено, пересолено, недоварено и так далее, я тебя прикончу на месте!».

У меня есть три степени оценки вкусовых качеств потребляемой пищи. Первое. Если еда вкуснее упаковки, то это – отличный вариант. Второе. Если вместе с едой спокойно ешь упаковку и лишь под конец замечаешь конфуз. Третье. Если после дегустации присматриваешься к упаковке, в надежде, что она окажется вкусней.

То, что лежало на моей тарелке, идентификации сходу не поддавалось. Оно было жутко, просто чертовски сдобрено специями, от которых по щеке покатила скупая слеза. Я украдкой дыхла в сторону, в надежде, что пламя не вырвется у меня изо рта и не испортит стену. Я смотрела на него слезящимися глазами, глотая ртом воздух, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Хотелось что-то сказать, но я молчала. Нет, не потому, что очень стеснительная, а потому что очень и очень ранимая. И мне бы не хотелось повторить процесс лечения свежих ожогов еще раз. Я чахла над тарелкой, пытаюсь проглотить этот термоядерный кусок.

- Что не так? – недружелюбно спросил повар, глядя на мои потуги и слезы на лице.

- Фше... фолофо... Офень... ф...ф...фкуфно... – простонала я, пытаюсь проглотить обжигающее и пересоленное содержимое щек. Как только я проглотила, на глаза навернулись слезы, которые должны быть истолкованы, как слезы искренней благодарности. Я положила вилочку на стол, украдкой вытирая слезы. На меня смотрели пристально.

- Ты не голодна? – осведомился автор этого шедевра для тех, кто любит поострей. Если мне и хотелось выразиться, я предпочла выразить молчаливую признательность. Судя по его взгляду, который переходит от тарелки, отодвинутой подальше от соблазна, мои страдания были предусмотрены сценарием.

- Что-то не так? – поинтересовался Феникс, отодвигая свою тарелку.

- Если ты хотел насолить мне, – вздохнула я, глядя на него. – То, считай, что уже насолит. А теперь у меня к тебе нескромный вопрос. Можешь сделать так, как было? Я имею в виду, чтобы меня здесь не было?

- В свете твоих прошлых заслуг звучит заманчиво, – он украдкой попробовал из моей тарелки, а потом молча подsunул свою. – Доедай и становись к стеночке. Утешай себя тем, что перед смертью – покушала. Можешь глазки закрыть. Принеси сразу веник и совок. Тебе придется отсюда выметаться со страшной силой. Тебя такой вариант устроит? Умрешь здесь – умрешь там.

- Нет, не устроит, – я донесла вилку до рта и попробовала. Чуть терпимей. Но все равно перебор. – Я имею в виду, сделать так, чтобы в том мире я была, а здесь меня не было?

- Рыжик, я одиннадцать лет мучаюсь над этим вопросом. Ты сама испортила свое счастье. Не вытолкни ты меня за пределы круга, подождала хотя бы минут пять, признала поражение – и проснулась бы в своей кровати, думая о том, какой бред тебе приснился, – Феникс сплел пальцы, глядя куда-то в стену. – А теперь я, мало того, что не получил желаемое, так еще и дисквалифицирован. Турнирная таблица двигается. Есть уже несколько лидеров, которые в любой момент получают корону. И можно ждать до бесконечности, когда новый обладатель короны сдохнет, чтобы снова началась битва за власть. Эта корона – ключ от двери с надписью «выход». Ключ от солнца. В тот момент, когда мне удалось бы ее заполучить, я бы вернул миру солнце, а мы с тобой проснулись бы и больше никогда не видели этот город порока. Но видишь, как все повернулось?

- Ну, во – первых, я тогда ничего не знала! – возразила я, понимая, что стрелочки указывают на меня. – А во – вторых, ты поступил по-свински! Кто тебя за язык тянул?

- Хватит! – вспыхнул он. – Доедай и проваливай на свой диван!

Я встала и поплелась в сторону дивана, где не было ни подушки, ни одеяла. Свернувшись

калачиком, мне удалось уснуть.

Проснулась я от того, что мой телефон орет на всю громкость. За окном вовсю щебечут птички, гудят машины, а на часах полдень. Скинув одеяло и ежась от зябкого осеннего утра, я бросилась к телефону, который именно в тот самый момент, когда моя рука взяла его, прекратил звонить. Пятьдесят четыре пропущенных! Мой личный рекорд! Наскоро одеваясь, чистя зубы и пытаясь накраситься, я собирала ноутбук.

Вылетев пулей из подъезда, я добежала до остановки, где, как назло, не было ни одного автобуса. У меня такое чувство, что уже несколько дней подряд я не сплю. Тело вроде отдыхает, но я чувствую дику моральную усталость. Что-то подъехало, выгружая пассажиров, а я скользнула вместе с потоком внутрь, прижимаясь к окну на задней площадке. Бесконечный день. Телефон опять зазвонил. Я украдкой смотрела списки пропущенных, чтобы прикинуть, кому перезванивать первым. Звонили «кирпичи», «дизайнерша и инженер». Сначала вместе с одного номера, потом каждый со своего, звонил незнакомый номер с незнакомого оператора, звонил директор, звонила Света, звонил Дима, звонил кто-то, кто записан у меня как "3 поросенка". Не думаю, что они звонили мне все вместе, дабы пожаловаться на проекты домов, но память меня усердно подводила, поэтому вспомнить, кто это, я не могла.

Пока я пыталась понять, как меня угораздило проспять, автобус повернул на кольцо налево. Я занервничала, вспоминая, что не посмотрела номер маршрута. И вот он идет в сторону противоположную от офиса.

- На следующей! - завопила я, нетерпеливо глядя на магазины и пешеходов. Кошелек остался дома, поэтому я выскребла всю мелочь из карманов, прикинув, что добраться до работы сумею без «подайте на проезд!».

Дорогу я перебежала по принципу кошки, у которой в запасе есть минимум девять попыток. Светофор уже мигал красным, а я неслась по зебре к неудовольствию водителей.

Проверив номер автобуса, я села в него и добралась до работы. Офис был закрыт. Света все еще болеет, а Дима взял отпуск по уходу за девушкой. Трех дней ему вполне хватает.

Открыв дверь, я влетела и бросила ноутбук на стол, чувствуя, что к пятидесяти четырем вызовам прибавилось еще десять. Подключив ноутбук, я поняла, что забыла дома мышку. Пришлось стащить ее у Светы. И это только два дня и две ночи. А что будет, если я так годами буду жить?

Позвонил директор и сказал, что у меня на папке лежит визитка. Мы создаем нормальный сайт. И теперь я всецело должна сотрудничать и способствовать его созданию на волонтерских основаниях.

Света просила распечатать ее проект и отдать заказчикам, а деньги положить в стол. Дима просил сбросить ему на почту проект с «голубой крышей и круглым окном на чердаке». Файл не открывается. Приехали кирпичи вместе со стендом и вопросом

«куда?». Стенд был размером в половину стены, шаткий, как мое материальное положение, и грустный, как моя жизнь. Пока я освобождала место, глядя на образцы, товарищи-носильщики откровенно скучали и торопили. Наконец-то мы его впихнули, разбив один кирпич на две части. Но я – не я, если не засуну его обратно и не скажу, что так и было.

Звонки сменялись посетителями, и уже в четыре часа дня я чувствовала, что мы с чайником закипаем по принципу «кто быстрее!». К шести часам я вяло реагировала на внешние раздражители в виде постоянных СМС и звонков, делая понятные одной мне пометки в блокноте. Пришел какой-то мужик, расписывая, что его братья уже построили дома на оставленном в наследство и поделенном на троих участке. Теперь его очередь. Старший построил каменный дворец в три этажа, средний – деревянный каркасный двухэтажный коттедж, а у нашего героя денег только на картонную коробку. И то не от каждого холодильника, поэтому моя задача изобразить что-то мегапафосное и дешевое, придумать такой проект, от которого все ахнут, а у него останутся деньги на покупку новой машины. Я устало посмотрела на опоздавшего поросенка, которому досталась сиська в задней части свиноматки, сообщила ему, что миссия – невыполнима. Я – не Василиса Премудрая, хотя и знаю, сколько нужно шлакоблоков, чтоб дворец построить в срок. Судя по лицу Феникса, я – царевна лягушка. И у меня лучше всего получается махать руками. Так что я махнула рукой на корявые эскизы, отложив их до лучших времен.

Все попытки доработать существующие заказы заканчивались бездумным созерцанием архитектурных элементов. Я уперлась, как баран в новые ворота одного коттеджа, допивая чай, которые стащила из Светиноного стола вместе с ее ложечкой. Стоило мне собраться домой, как тут же прилетели «инженер и дизайнерша», тыкая меня носом в ванную метр на метр.

– Метр! Вот – метр! – психанула я, делая большой шаг. – Что вы на этом метре собираетесь уместить? Объясните мне, пожалуйста! Туда поместится только душевая кабинка или унитаз. На выбор!

Это уже пройденный этап. В проекте, который делала им Света, ванная тоже была метр на метр. И все попытки увеличить ее заканчивались истерикой со стороны «дизайнерши», которая требовала не трогать соседние комнаты.

– А давайте возьмем по чуть-чуть с каждой комнаты? – устало предложила я, делая разметку на бумажке.

– Нет! Увеличьте ее, но не за счет соседних комнат и коридора! – требовал «инженер». Это точно наша вселенная? Сомневаюсь. «Абра-кадабра брысь! Лишние три метра квадратных из ниоткуда появись!». Примерно на это рассчитывают заказчики, глядя на меня.

– Хорошо, я еще подумаю, – вздохнула я, чувствуя, что совсем нос повесила.

Отужинав, чем бог послал, искупавшись тем, что послал бойлер, я послала работу подальше и легла на кровать. Просто полежу. Спать не буду. Точно не буду! Спать...

Очнулась я на мягкой подушке, укутанная одеялом. Меня так сильно ненавидят, что, пока я спала, обеспечили подушкой, пахнувшей чужим запахом и теплым, очень мягким одеялом.

Глава пятая. Путевка на двоих

- У тебя есть планы на вечер?

- У меня их куча! План побега, план захвата мира,

запасной план к запасному плану...

Если бы не тот эпизод, я бы подумала, что ко мне с небес спустился ангел. Ведь именно такими рисовали обитателей облаков во времена Эпохи Возрождения. Златокудрые, с молчаливым укором, от которого у созерцателей должен пробежать по спине могильный холодок, а в голову настойчиво стучаться мысли о вечности. И улыбкой меня не проведешь. В глазах стоит смертельная, холодная обида, от которой у меня должно разыграться чувство раскаяния. Сольный концерт Глубочайшего Раскаяния, после которого меня великодушно казнят. Чувство раскаяния забыло свою партитуру, выбиваясь из общего оркестра эмоций, грянувших в момент нежданной и нежеланной встречи, и его решила подменить Женская Обида, с удовольствием разминая пальцы, готовясь виртуозно сыграть на чужих нервах. Концерт «Прости меня, пожалуйста» был отменен по техническим причинам, афиши заклеены, а администратор исчез вместе с деньгами.

И тут бы мне переступить через гордость и попросить его о помощи, но гордость я не роняла. Я смотрела на него с обидой, по масштабам отнюдь не меньшей, чем у него. А со стороны это выглядит так, словно мы уже имели несчастье друг для друга встречаться, причем не только взглядами, а теперь, случайно столкнувшись, моментально прокрутили в голове все гадости, которые сделали друг другу.

- И как ты собираешься выпутываться из этой ситуации? - холодно поинтересовался он, демонстрируя мне Смертельную Обиду со всех сторон. Такое чувство, будто она лежит на вращающейся витрине, а теперь весь мир должен быть прикован взглядами только к ней.

Я промолчала, возвращаясь на свое место. Если мне когда-то и хотелось кушать, то это было давно. Теперь мне просто хочется жрать. И пока жизнь кормит меня свежими впечатлениями, я чувствую неприятное жжение в желудке, который уже забыл, когда в последний раз видел что-то съедобное.

Мой взгляд снова остановился на золотых локонах. Я помню его глаза, когда он был на кураже, помню его улыбку, словно он был опьянен победой, помню легкость, с которой он принял эпохально-нахальное решение испортить мне настроение и пристрелить на месте мою очень нежную, не самую стабильную женскую самооценку.

По заказу клиента я молча достала нужные пузырьки, которые заняли половину стола. Аптекарь исчез в подсобке и с концами, изредка звеня стеклом.

Не знаю, что чувствуют кассирши, когда поднимают глаза и видят своего бывшего вместе с его очередной пассией, скупающие все необходимое для романтического вечера. То же самое вино, те же самые комплименты, но работница кассового аппарата утешает себя мыслью о том, что на закуске уже три раза перебили срок годности, поэтому ночь обещает быть незабываемой.

Я считала в столбик сумму покупки, отгибая бирки с ценниками и вспоминая принципы сложения без калькулятора. Складывать в столбик, записывая промежуточный результат и проверяя его по несколько раз, было непривычно. Где-то открывала коньяк моя математичка, воздев руки к небу. Посмотрев на меня колючим взглядом сквозь роговую оправу хищных очков, она мысленно припомнила мне тот день, когда я надменно заявила про то, что люди изобрели калькулятор не просто так.

– Пакетик нужен? Карточка есть? – устало спросила я, подражая равнодушной интонации любой кассирши, мельком взглянувшей на десятиметровую очередь с телегами.

В ответ послышалось задумчивое «нет».

– С вас четыреста двадцать один рубль, – подавляя улыбку и придавая голосу все то же раздраженное равнодушие. – Вы в акции участвуете? Фишки собираете? У нас розыгрыш путевки.

Тишина. Есть две категории работников. Те, кто сидят на стуле ровно, и те, кто сидят на проценте от продаж. В данном случае я просто стою. В сторонке. Ставка – фиксированная, мотивация – нулевая, так что берите фонарь, идите в лес и ищите там мое рвение и старание.

– Рассчитываться как будете? Безналом? – гнусным и грустным голосом профессиональной «пи-пи-пакетик надо?» женщины, поинтересовалась я, проверяя калькуляцию. При всем уважении к таблице умножения, я предпочитала пользоваться обычным сложением.

– А нала нет? – машинально спросил Феникс, рассматривая какую-то пузатую склянку с зеленым содержимым. Пребывал он в состоянии крайней задумчивости, изредка поджимая губы и одаривая меня таким взглядом, после которого не отмоешься с лучшим гелем для душа.

– «А налом» мы не принимаем. Только наличными, – заявила я, глядя на покупки и стягивая углы рта в бантик, чтобы не выдать предательскую улыбку от сиюминутного прозрения.

Я бросила взгляд на него взгляд, который бросают все великие сериальные детективы, внезапно прозревая за пятнадцать минут до конца серии. Сомнения? Нет, что вы! Это именно тот самый случай, когда узнаешь соотечественника за границей по каким-то мимолетным необъяснимым движениям. Не всегда это будет попытка перебежать

шестиполосный автобан в десяти метрах от подземного перехода с криками на родном и могучем: «Ой, мать твою! Сейчас задавит!». Скорее, это на уровне интуиции.

Я посмотрела в глаза, в которых было написано: «Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу. Провал молчал, как мог. Мог только что уронил что-то в подсобке!».

В голове заиграла музыка из кинофильма «Семнадцать мгновений весны», перед глазами прокрутилась пленка, застыв на том месте, где Радистка Кэт прижимает к себе двух детей.

– И что там за путевка на двоих разыгрывается? – поинтересовался агент, провалившийся явку, глядя на меня. Нет, ну с путевкой я не ошиблась.

– А куда ты хочешь, чтобы я тебя послала? – доброжелательно заметила я, тяжело вздыхая. Тяжело быть местным туроператором. Даже послать некуда.

– То есть я ее выиграл? – я почувствовала себя пробкой, в которую ввинчивается штопор взгляда. – Путевку сюда. Без нее я никуда не уйду.

Я невозмутимо взяла бумажку и на секунду задумалась, глядя на девственные просторы для творчества. Нет, посылать его прямым текстом опасно. Я взглянула на золотые кольца, особенно на то, которое напоминало коготь. Коготь провел по столу, оставляя глубокую царапину. Я мельком увидела, как из него появилось, а потом исчезло острое лезвие, блеснувшее неприятностями.

Наскоро нарисовав солнышко, как рисуют его первоклассники, парочку кривых облачков, я задумалась, чтобы изобразить еще. Горы? Море? Лес?

– Достаточно, – произнес Феникс, глядя на мои каракули и вырывая у меня листок. Он молча сбросил все зелья на пол и направился к двери. Я дернулась за ним, понимая, что клиент не расплатился, а охрана из меня никудышная. На звук бьющегося стекла прибежал Мог. Вцепившись старческой рукой в дверной косяк, разглядев мутные лужи среди осколков, старик мысленно пожалел... но не меня, а то, что поставил за прилавков такого ответственного человека. Я работаю всего часа четыре, поэтому синдром вахтера еще не выработался.

– Жаль, она у вас такая неловкая! – с улыбкой заметил Феникс, глядя, как растекается по полу содержимое флаконов. – Очень жаль. Но меня такое обслуживание не устраивает.

– Ах, ты! – зашелся аптекарь, трясаясь от ярости и негодования, глядя на меня. Я вспомнила, как меня недооценили на местной ярмарке вакансий, поэтому тут же спряталась под стол. В стол ударило заклинание. Дверь захлопнулась. Сверху на меня посыпались склянки с разноцветным содержимым.

– Убью, бестолочь! – орал Мог, швыряя в меня заклинание. И тут печать на руке

засветилась, и мое тело самостоятельно вылезло из убежища, встало так, что промахнуться трудно, и застыло на месте. И теперь мне светит уже не пособие по безработице, а полноценное пособие по инвалидности. В лучшем случае!

Я попыталась пригнуться, но спина была деревянной. Тело направилось к стенке, стало ровненько, словно для фотографии на паспорт. Есть что-то общее в фотографии на документы и смертью от магии. Вспышка. Губы рефлекторно растянулись в неуместной сардонической улыбке.

Дверь распахнулась, впусив в себя огненную вспышку, и на месте Мога сквознячок развеивал горстку пепла.

– Я тут случайно вспомнил, что путевка на двоих, – услышала я, глядя, как на моей руке исчезает волшебная печать. Пепел на полу засветился, печать на моей ладони погасла навсегда.

Свобода, которая должна была встретить радостно меня у входа, смотрела как-то не радостно. И если бы в руках Свободы был меч, то я бы поостереглась. Я промолчала. На экскурсиях, куда я его сто раз мысленно послала, вполне можно обойтись без экскурсовода.

– Я вообще-то имела в виду тебя и твою обиду, которая будет занимать отдельное место! – осторожно заметила я, пытаюсь уловить разницу между воздухом свободы и воздухом рабства.

– Хорошо, значит, ты – ручная кладь, – холодно заметил тот, кто только что жарко и быстро поспорил с хозяином.

– Нет, я – забытый дома фотоаппарат, хранящий лучшие воспоминания о тебе! Ладно, хуже уже не будет, – ответила я, глядя, как горстка пепла просела. – Я на это искренне надеюсь.

Совість превратилась в большую тетку в белом халате, уселась за стол, достала карточку, посмотрела на меня с укором. «В районе – эпидемия наглости и хамства. Придется укольчик делать! Для профилактики!» – постановила она, доставая огромный шприц. – «Колоть тебя буду!». Я закрыла глаза, понимая, что это – внеплановая вакцинация.

Стоило мне выйти за порог, как по прилавку, по полу и полкам заплесал огонь. Пузырьки, мензурки, флаконы лопались и взрывались, как артиллерийские снаряды. Когда дверь закрылась, я прислушалась. Такое чувство, словно за вывеской «лучшие зелья» начались мафиозные разборки, а в ход пошел последний аргумент.

– Вот зачем было все громить? – с сожалением вздохнула я, вспоминая, сколько стоят все эти пузырьки.

- Чтобы почистить твою биографию и обеспечить конкурентное преимущество в круге. Рабыня погибла вместе с хозяином, – мрачно бросил Феникс, таща меня за руку. – У меня к тебе есть вопрос. Марка твоего первого телефона?

А-а-а! Он пытается вычислить мой возраст.

- Да я старше, чем линолеум в сельской поликлинике! – ответила я, поражаясь прелестной наивности собеседника. – А к чему такие вопросы?

- Отлично. Примерный возраст я уже вычислил. Совершеннолетняя, – постановил мой обидчивый и злопамятный собеседник.

- А для чего тебе эта информация? – прищурилась я, подозрительно глядя на него и потирая грязный нос.

- Ты будешь сражаться вместо меня, пока я дисквалифицирован. Твоя задача – не дать никому выбиться в лидеры. Этого достаточно. А после того, как я прикрою все аптеки, у тебя появится шанс. Откроются они не скоро. Зелья, которыми торгуют из-под полы, не самые качественные, – спокойно сообщил Великий Провокатор.

- Послушай! – возмутилась я праведным гневом пацифиста. – Сражаться – это мужское дело! Я, между прочим, за существенную разницу между датой смерти и датой рождения!

- Я предлагаю тебе свою защиту, – теряя остатки терпения, заметил Феникс. Он вздохнул, стараясь не смотреть на меня. – И бонус в виде регулярного...

Я напряглась, прикидывая, что между нами может быть регулярного, кроме нервотрепки.

- ... питания, – закончил он. По его губам чуть не скользнула улыбка.

Меня еще никогда не соблазняли сковородкой и кастрюлей, но, как видите, все в жизни бывает в первый раз.

- А что у меня еще будет регулярным? – осведомилась я, вспоминая, что я – одинокая женщина, которая привыкла готовить исключительно по желудочному велению и собственному хотению. А тут на диване лежит дегустатор-эксплуататор, пока я готовлю, стираю, убираю, снимаю фартук и бегу сражаться в круге. А потом мне в руки суют пустую тарелку со словами: «И что бы ты без меня делала, милая! Я знал, что ты без меня пропадешь!».

- Нервотрепка. Если будешь плохо себя вести, – процедил любитель домашней кухни,

мечтая поставить меня у плиты напротив огромной, как моя любовь к готовке, кастрюли. Где-то висят носки и нижнее белье владыцы сомнений. Бытовуха, она такая!

Да нет, спасибо. Я уж как-нибудь сама... Я не из тех, что коней на скаку останавливает без полосатого жезла и свистка, залетает в горящую избу, чтобы проверить, выключила ли плиту. Из всего, что мне удавалось тормознуть, я бы выделила такси, отношения и себя.

Разглядеть красоты города мне удалось мельком. Город был отлично освещен. Вокруг него были огромные стены, которые горели яркими огнями. Я присмотрелась к огням наверху, прикидывая, сколько жителей живет здесь. Сами стены представляли собой нагроможденные в хаотичном порядке домишки. В стенах тоже живут люди. Меня втащили в дверь полноценного, по сравнению с моим местным обиталищем, дома, который, как ни странно, не был частью стены.

– Ты у цыганского барона арендуешь жилье? – осведомилась я, глядя на позолоту повсюду. В жилище не было единого стиля, что заставило меня взгрустнуть о просторном минимализме. Все, что было не золотым, было алым и навевало мысли о распродаже всего «красного» в ближайшем мебельном.

– У тебя вообще вкус есть? – осведомилась я, разглядывая золотые вензеля на фоне алого бархата.

– А у тебя есть не только вкус, но и цвет, и запах, – парировал хозяин, закрывая дверь.

Я подошла к огромному зеркалу, посмотрела на себя и вздохнула полной грудью. Домовенок Кузя по сравнению со мной – сама стерильность. Цвет моих волос лишь приблизительно угадывался, все лицо было чумазым, покрытым ссадинами, огромный ожог на предплечье, разбитые колени, грязные босые ноги. Да на фоне меня любая Золушка – принцесса! Мойдодыр, который неизвестно что делал в маминной спальне, должен был пулей вылететь оттуда и запинать меня кривыми и хромыми ногами, а потом задушить полотенцем.

– А теперь я хочу посмотреть на ту, которая стояла мне короны. Давай, вперед! – заметил Феникс, махнув рукой. На диван легли рубашка и полотенце. – Крысу чистой никто не видел, так что отмывайся.

В уютной ванной была... горячая вода. Я недоверчиво посмотрела на два символа над ванной, не увидев ни кранов, ни душевого шланга. Один символ, похожий на печать, был красный, второй был синий. Ну-ка! Я положила руку на красный символ, и из наполненной ванной пошел пар. А если так? Я положила руку на холодный символ. Пар исчез. Я прикоснулась к воде и поняла, что подледная рыбалка никогда не станет моим хобби. Кое-как настроив температуру воды, я обратила внимание на еще два символа, светившихся на стене. Стоило положить руку на один из них, как ватерлиния тут же стала опускаться. А что, если положить руку на его соседа? Ватерлиния поднялась. Отлично! Красивые флаконы стояли в ряд, не имея ни этикеток, ни других опознавательных знаков. Я попыталась сориентироваться по запаху, но потом решила поэкспериментировать. Если в ванную заползло самое грязное и несчастное чудовище на свете, то через полчаса из ванной, в облаке пара и с блаженством на лице, кутаясь в юбку полотенца и застегивая на себе чужую рубашку, выползло самое счастливое

существо в маленькой мире. Я попыталась расчесать волосы, но, видимо, в последний раз они видели расческу на картинке.

– Рыжая? – скептически заметил хозяин, переодевшись в обычную одежду и глядя на мою шевелюру и веснушки. И тут же добавил, чтобы добить мою еще агонизирующую самооценку окончательно. – А нос почему не помыла? Или это не смывается?

В качестве проверки он потер мой нос пальцем, убедившись, что, да, веснушки не смываются. Пока он тер, я смотрела на него тяжелым и задумчивым взглядом хладнокровного убийцы нервных клеток.

– Я просто рыжих не перевариваю, – небрежно заметил Феникс, внимательно отслеживая мою реакцию. – А если еще и с веснушками...

– А ты не ешь, – огрызнулась царица-лягушка в моем лице, критично осматривая Ивана Царевича и почесываясь стрелой. Нет, ну по нему видно, что мечтал он о молчаливой Русалочке, но, как говорится, какой водоем, такой и улов. Ква!

Он стоял и смотрел со странной улыбкой на мое отражение, задумавшись о чем-то своем, пока я мужественно продирала заросли на голове при помощи чужой расчески. Расческа в процессе лишилась половины зубьев, но я не сдавалась, дойдя почти до половины. То, что творилось с концами, не может себе представить ни один производитель шампуня от секущихся кончиков.

– Ножницы есть? – поинтересовалась я, протягивая обожжённую, но чистую руку. – Дай, пожалуйста.

Да, я еще не настолько богатая, чтобы забыть слова «спасибо» и «пожалуйста».

Через десять минут, вспоминая нехорошие слова в алфавитном порядке, я обстригла все, что не удалось расчесать. Нет, ну если один глаз закрыть, другой – прищурить, отойти подальше и повернуться спиной, то смотрится нормально. Если рубашкой с чужого плеча меня обеспечили сразу, то штаны с чужой... хм... мне выдали, чтобы отобрать у меня полотенце.

После примерки, я почувствовала, как меня обнимают.

– Та-а-ак! – занервничала я, выкручиваясь, как уж, дергая плечами.

– Знаешь, – очень нежно и ласково заметил Феникс, прижимая меня к себе. Я посмотрела на отражение в зеркале. В его глазах была вся нежность, которую только может себе представить женщина. – Пожалуй, на счет рыжих я погорячился... Рыжие девочки иногда бывают очень... очень ...

Что-то не то. Где-то подвох! Я отстранялась, чувствуя, как он заводит мои руки за спину. Через секунду я поняла, что они связаны. Ноги тоже оказались связаны.

– Попалась! – обычным и холодным голосом заметил гостеприимный хозяин, открывая огромный шкаф и доставая несколько пузырьков. – Сейчас мы поиграем в больничку. Анестезиолог у нас в отпуске, терапевт заболел, хирург уволился. Так что лечить тебя будет патологоанатом... Шучу. Зелья стопроцентные, поэтому придется потерпеть...

Меня толкнули на диван, откуда я попыталась уползти с четкой установкой, что как-нибудь само заживет.

– Иди сюда, гусеница! Сейчас добрый доктор будет упиваться твоими страданиями! – меня схватили за ногу, пока я отчаянно ползла в сторону подушек.

Меня подтянули к себе, зафиксировав руки. Я простонала, отрицательно трясая головой.

– Итак, вы поступили в ожоговое отделение. Узнаю. Моя работа, – доктор зло вывернул пробку, прижав меня к дивану. Его волосы скользнули по моей щеке.

– Ну что? Ты готова? – заметил Феникс, прижимая меня к дивану, не смотря на мои протесты.

– А, может, – всхлипнула я, пытаюсь выкрутиться. – Может, потихоньку... Осторожненько... Не сразу...

– Ты имеешь в виду с десятков сомнительных процедур? Нет. Если лечить, то сразу. Мы лечим, а не залечиваем! – постановил доктор, закрывая мне рот рукой.

Через секунду я почувствовала дикую боль, от которой на глазах выступили слезы. В последний раз я так плакала, когда клиенты потребовали удалить несущую стену и примеряли зеленые обои в красный горошек по всей оставшейся поверхности стен. Боль прекратилась через несколько мучительных секунд.

– Молодец, – меня по волосам потрепала рука, а потом вытерлась об меня же. – Почти не плакала. Поехали дальше.

«Пока еще не поздно нам сделать остановку! Кондуктор, нажми на тормоза-а-а-а! А!» – пронеслось у меня в голове, когда обрабатывали мои ссадины. Ну это было куда терпимей, чем лечение ожога. Я стойчески вздохнула, смахивая ресницами слезы.

Где-то пахло едой. И если это то, что я думаю, то ... В глазах отразилась надежда и подозрение. Я внимательно посмотрела на приоткрытую дверь, потом на хозяина. Слюнки бежали наперегонки, но я стойчески терпела. Мне было как-то неловко даже за

возможность привести себя в порядок.

Через пять минут меня затащили в комнату, где стояло две тарелки. Я подозрительно осмотрелась по сторонам. Содержимое тарелок свидетельствовало, что кто-то готовил, а отсутствие мамочки, жены или служанки наводило на мысль, что готовил...

Я взяла ложку, рассматривая еду. Во взгляде хозяина читалось только одно: «Попробуй, скажи хоть слово, что недосолено, пересолено, недоварено и так далее, я тебя прикончу на месте!».

У меня есть три степени оценки вкусовых качеств потребляемой пищи. Первое. Если еда вкуснее упаковки, то это – отличный вариант. Второе. Если вместе с едой спокойно ешь упаковку и лишь под конец замечаешь конфуз. Третье. Если после дегустации присматриваешься к упаковке, в надежде, что она окажется вкусней.

То, что лежало на моей тарелке, идентификации сходу не поддавалось. Оно было жутко, просто чертовски сдобрено специями, от которых по щеке покатилась скупая слеза. Я украдкой дыхла в сторону, в надежде, что пламя не вырвется у меня изо рта и не испортит стену. Я смотрела на него слезящимися глазами, глотая ртом воздух, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Хотелось что-то сказать, но я молчала. Нет, не потому, что очень стеснительная, а потому что очень и очень ранимая. И мне бы не хотелось повторить процесс лечения свежих ожогов еще раз. Я чахла над тарелкой, пытаюсь проглотить этот термоядерный кусок.

– Что не так? – недружелюбно спросил повар, глядя на мои потуги и слезы на лице.

– Фше... фолофо... Офень... ф...ф...фкуфно... – простонала я, пытаюсь проглотить обжигающее и пересоленное содержимое щек. Как только я проглотила, на глаза навернулись слезы, которые должны быть истолкованы, как слезы искренней благодарности. Я положила вилочку на стол, украдкой вытирая слезы. На меня смотрели пристально.

– Ты не голодна? – осведомился автор этого шедевра для тех, кто любит поострей. Если мне и хотелось выразиться, я предпочла выразить молчаливую признательность. Судя по его взгляду, который переходит от тарелки, отодвинутой подальше от соблазна, мои страдания были предусмотрены сценарием.

– Что-то не так? – поинтересовался Феникс, отодвигая свою тарелку.

– Если ты хотел насолить мне, – вздохнула я, глядя на него. – То, считай, что уже насолит. А теперь у меня к тебе нескромный вопрос. Можешь сделать так, как было? Я имею в виду, чтобы меня здесь не было?

– В свете твоих прошлых заслуг звучит заманчиво, – он украдкой попробовал из моей тарелки, а потом молча подсунул свою. – Доедай и становись к стеночке. Утешай себя тем, что перед смертью – покушала. Можешь глазки закрыть. Принеси сразу веник и совок. Тебе придется отсюда выметаться со страшной силой. Тебя такой вариант

устроит? Умрешь здесь – умрешь там.

– Нет, не устроит, – я донесла вилку до рта и попробовала. Чуть терпимей. Но все равно перебор. – Я имею в виду, сделать так, чтобы в том мире я была, а здесь меня не было?

– Рыжик, я одиннадцать лет мучаюсь над этим вопросом. Ты сама испортила свое счастье. Не вытолкни ты меня за пределы круга, подождала хотя бы минут пять, признала поражение – и проснулась бы в своей кровати, думая о том, какой бред тебе приснился, – Феникс сплел пальцы, глядя куда-то в стену. – А теперь я, мало того, что не получил желаемое, так еще и дисквалифицирован. Турнирная таблица двигается. Есть уже несколько лидеров, которые в любой момент получают корону. И можно ждать до бесконечности, когда новый обладатель короны сдохнет, чтобы снова началась битва за власть. Эта корона – ключ от двери с надписью «выход». Ключ от солнца. В тот момент, когда мне удалось бы ее заполучить, я бы вернул миру солнце, а мы с тобой проснулись бы и больше никогда не видели этот город порока. Но видишь, как все повернулось?

– Ну, во – первых, я тогда ничего не знала! – возразила я, понимая, что стрелочки указывают на меня. – А во – вторых, ты поступил по-свински! Кто тебя за язык тянул?

– Хватит! – вспыхнул он. – Доедай и проваливай на свой диван!

Я встала и поплелась в сторону дивана, где не было ни подушки, ни одеяла. Свернувшись калачиком, мне удалось уснуть.

Проснулась я от того, что мой телефон орет на всю громкость. За окном вовсю щебечут птички, гудят машины, а на часах полдень. Скинув одеяло и ежась от зябкого осеннего утра, я бросилась к телефону, который именно в тот самый момент, когда моя рука взяла его, прекратил звонить. Пятьдесят четыре пропущенных! Мой личный рекорд! Наскоро одеваясь, чистя зубы и пытаясь накраситься, я собирала ноутбук.

Вылетев пулей из подъезда, я добежала до остановки, где, как назло, не было ни одного автобуса. У меня такое чувство, что уже несколько дней подряд я не сплю. Тело вроде отдыхает, но я чувствую дику моральную усталость. Что-то подъехало, выгружая пассажиров, а я скользнула вместе с потоком внутрь, прижимаясь к окну на задней площадке. Бесконечный день. Телефон опять зазвонил. Я украдкой смотрела списки пропущенных, чтобы прикинуть, кому перезванивать первым. Звонили «кирпичи», «дизайнерша и инженер». Сначала вместе с одного номера, потом каждый со своего, звонил незнакомый номер с незнакомого оператора, звонил директор, звонила Света, звонил Дима, звонил кто-то, кто записан у меня как "3 поросенка". Не думаю, что они звонили мне все вместе, дабы пожаловаться на проекты домов, но память меня усердно подводила, поэтому вспомнить, кто это, я не могла.

Пока я пыталась понять, как меня угораздило проспять, автобус повернул на кольце налево. Я занервничала, вспоминая, что не посмотрела номер маршрута. И вот он идет в сторону противоположную от офиса.

– На следующей! – завопила я, нетерпеливо глядя на магазины и пешеходов. Кошелек остался дома, поэтому я выскребла всю мелочь из карманов, прикинув, что добраться до

работы сумею без «подайте на проезд!».

Дорогу я перебежала по принципу кошки, у которой в запасе есть минимум девять попыток. Светофор уже мигал красным, а я неслась по зебре к неудовольствию водителей.

Проверив номер автобуса, я села в него и добралась до работы. Офис был закрыт. Света все еще болеет, а Дима взял отпуск по уходу за девушкой. Трех дней ему вполне хватает.

Открыв дверь, я влетела и бросила ноутбук на стол, чувствуя, что к пятидесяти четырем вызовам прибавилось еще десять. Подключив ноутбук, я поняла, что забыла дома мышку. Пришлось стащить ее у Светы. И это только два дня и две ночи. А что будет, если я так годами буду жить?

Позвонил директор и сказал, что у меня на папке лежит визитка. Мы создаем нормальный сайт. И теперь я всецело должна сотрудничать и способствовать его созданию на волонтерских основаниях.

Света просила распечатать ее проект и отдать заказчикам, а деньги положить в стол. Дима просил сбросить ему на почту проект с «голубой крышей и круглым окном на чердаке». Файл не открывается. Приехали кирпичи вместе со стендом и вопросом «куда?». Стенд был размером в половину стены, шаткий, как мое материальное положение, и грустный, как моя жизнь. Пока я освобождала место, глядя на образцы, товарищи-носильщики откровенно скучали и торопили. Наконец-то мы его впихнули, разбив один кирпич на две части. Но я – не я, если не засуну его обратно и не скажу, что так и было.

Звонки сменялись посетителями, и уже в четыре часа дня я чувствовала, что мы с чайником закипаем по принципу «кто быстрее!». К шести часам я вяло реагировала на внешние раздражители в виде постоянных СМС и звонков, делая понятные одной мне пометки в блокноте. Пришел какой-то мужик, расписывая, что его братья уже построили дома на оставленном в наследство и поделенном на троих участке. Теперь его очередь. Старший построил каменный дворец в три этажа, средний – деревянный каркасный двухэтажный коттедж, а у нашего героя денег только на картонную коробку. И то не от каждого холодильника, поэтому моя задача изобразить что-то мегапафосное и дешевое, придумать такой проект, от которого все ахнут, а у него останутся деньги на покупку новой машины. Я устало посмотрела на опоздавшего поросенка, которому досталась сиська в задней части свиноматки, сообщила ему, что миссия – невыполнима. Я – не Василиса Премудрая, хотя и знаю, сколько нужно шлакоблоков, чтоб дворец построить в срок. Судя по лицу Феникса, я – царевна лягушка. И у меня лучше всего получается махать руками. Так что я махнула рукой на корявые эскизы, отложив их до лучших времен.

Все попытки доработать существующие заказы заканчивались бездумным созерцанием архитектурных элементов. Я уперлась, как баран в новые ворота одного коттеджа, допивая чай, которые стащила из Светиного стола вместе с ее ложечкой. Стоило мне собраться домой, как тут же прилетели «инженер и дизайнерша», тыкая меня носом в ванную метр на метр.

– Метр! Вот – метр! – психанула я, делая большой шаг. – Что вы на этом метре собираетесь уместить? Объясните мне, пожалуйста! Туда поместится только душевая кабинка или унитаз. На выбор!

Это уже пройденный этап. В проекте, который делала им Света, ванная тоже была метр на метр. И все попытки увеличить ее заканчивались истерикой со стороны «дизайнерши», которая требовала не трогать соседние комнаты.

– А давайте возьмем по чуть-чуть с каждой комнаты? – устало предложила я, делая разметку на бумажке.

– Нет! Увеличьте ее, но не за счет соседних комнат и коридора! – требовал «инженер». Это точно наша вселенная? Сомневаюсь. «Абра-кадабра брысь! Лишние три метра квадратных из ниоткуда появись!». Примерно на это рассчитывают заказчики, глядя на меня.

– Хорошо, я еще подумаю, – вздохнула я, чувствуя, что совсем нос повесила.

Отужинав, чем бог послал, искупавшись тем, что послал бойлер, я послала работу подальше и легла на кровать. Просто полежу. Спать не буду. Точно не буду! Спать...

Очнулась я на мягкой подушке, укутанная одеялом. Меня так сильно ненавидят, что, пока я спала, обеспечили подушкой, пахнувшей чужим запахом и теплым, очень мягким одеялом.

Глава шестая. Статус Ква!

Я могу не только в жилетку поплакаться, но и в руку высморкаться!

Я протерла глаза и простонала так, что звукорежиссеры обязательно прилепили бы этот звук к любой постельной сцене. Потом я тихо захныкала без слез, понимая, на что меня обрекла судьба. В памяти промелькнули светлые денечки, когда я тихо роптала на скучную жизнь, бегая в порочном круге опостылевшей рутины, чтобы прийти домой и завалиться спать.

– Чего нос повесила? – услышала я голос с интонациями, от которых хотелось повесить не только нос.

– На работе клиенты... – начала я, видя перед глазами огромный барак с мелкими бойницами, но меня тут же оборвали. Феникс сидел в кресле, как на троне, что навело меня на мысль, что эту величественную позу он тренировал перед зеркалом, продумывая свою торжественную коронацию.

– Как тебя зовут? – спросил, перебивая мои попытки пожаловаться, Феникс, глядя, как я складываю одеяло и рассматриваю на подушке длинный волнистый золотистый волос. Проводить генетическую экспертизу было бессмысленно. Достаточно просто посмотреть в сторону кресла. Волос либо сам принял решение покинуть голову, в которой неизвестно что творится, либо кто-то рвал волосы от обиды на вселенскую несправедливость. А вот и его золотистый собрат-беженец, который нашел на подушке политическое убежище.

– Леся, – ответила я, пряча одеяло под подушку.

– Так вот, Леся! Давай договоримся. Мы сохраняем статус кво. Мне все равно, кто у тебя на работе, в постели и в жизни. Мне по тангенсу, кто у тебя и в какой очередности сдох в твоих заботливых руках в глубоком детстве. Мне фиолетово на твоих подружек, друзей, родных и коллег, даже если они являются всадниками апокалипсиса и хорошими людьми по совместительству. Мне наплевать, что у тебя было на ужин, какое платье и сумку ты себе урвала на распродаже в местном торговом центре. Мне глубоко начхать на то, строится ли за тобой очередь из мужиков, или ты коротаешь вечера, пылесоса кошачью шерсть. Мне все равно, есть ли у тебя дети, их численность и отчества. Мне абсолютно не интересно, сколько раз ты примеряла свадебное платье, и кто из женихов оказался большим козлом, а кто меньшим. Договорились? – спросил Феникс, убирая волосы назад и протягивая мне руку.

– А мне плевать, как тебя зовут! Сколько у тебя было жен, сколько раз и с каким успехом ты был отцом. Мне сморкаться на твои и в твои извещения об алиментах и зарплатную ведомость. Мне фиолетово, какую девочку видел недавно на улице, какие у нее «буфера» и «мордашка». Мне по тангенсу, в каком баре ты пропиваешь зарплату, есть ли у тебя машина и как часто она ломается. Мне параллельно, на каком конце галактики ты обитаешь, сколько у тебя братьев и сестер, или ты – единственный кукушонок в семье. Мне плевать на проблемы Коляна, Толяна, Сереги и остальных бесспорно интересных личностей, с которыми ты иногда бухаешь по пятницам, описывая им тяготы своей жизни. Мне все равно, сколько ты зарабатываешь, сколько кредитов на тебе висит, и на какого дядю и с каким успехом горбатиться. Мне откровенно пофигу, сколько стекол ты разбил в дремучем детстве, сколько косичек оторвал, кого ты любил в пятом классе и сколько у тебя в четверти по химии, – тем же голосом ответила я, гордо протягивая ему руку в ответ. Но, если честно, мне было неприятно. Почему-то мне казалось, что ему будет интересно узнать обо мне как можно больше, а я бы с удовольствием узнала о нем. Но если так, то ....

Мы гордо пожали друг другу руки, как враги, заключившие временное перемирие.

На столе в соседней комнате стояли две тарелки. Я опасливо поднесла ложку ко рту и осторожно попробовала. Уже лучше... Есть можно. Господи, у кого-то есть мужик, который умеет готовить! А потом усмехнулась про себя, что с таким характером ему нужно было как-то обеспечивать себе конкурентное преимущество не только за счет внешности. Так всегда бывает. Для кого-то влюбленный принц на белой лошадке, а для кого-то – воспаленный прыщ, противный и гадкий.

– Итак, что ты решила? Будем ждать, когда корону завоюет кто-то другой? Ты сегодня как? На работу успела? Ой, прости, чуть не нарушил правило, – ядовито заметил Феникс, скрывая нехорошую улыбку. – Я бы на твоём месте давно уже зарегистрировался на сайте вакансий и подыскивал работу, где требуется вечно опаздывающий сотрудник, с лицом мятым и взглядом блуждающим. Только в анкете укажи, что ты – целеустремленная, если дело касается туалета, коммуникабельная, с удовольствием

часами консультируешь родственников и друзей в рабочее время на личные темы, амбициозная, когда речь идет о зарплате, и быстро учишься на своих многочисленных ошибках.

Ударил, так сказать, по больному. Смотрю, он умеет находить слабые места, чтобы размахнуться и ударить в них в самый неподходящий момент. Стоило обмолвиться о «работе», как тут же оп! Прилетело!

– Я не стану переписывать твоё резюме. Это – нарушение авторских прав, – кротко и коротко заметила я.

– А теперь бери унылую перспективу, растягивай её на долгие годы, добавляй ностальгию по тем временам, когда тебе снились сны о прекрасном принце, перемешивай с усталостью, которая перейдет в хроническую стадию через месяц-два. Главное – постоянно думай о том, что смерть во сне или наяву – смерть везде. Не смотри на меня так. Ты думаешь, что мы с тобой тут первооткрыватели? Уверю, что нет. Я лично знал несколько человек. Один из них работал строителем – шабашником, вечно пилимый женой из-за отсутствия денег. Очнулся в Круге, продержался девять месяцев. В один прекрасный день его нашли мертвым здесь. Зная фамилию, имя, отчество, возраст и город, я без труда нашел его страницу в соцсетях с соболезнованиями от близких и свечками. Жена убивалась больше всех. Сорвался с крыши во время работы. Сразу и насмерть. Усталость. Невнимательность. Одна женщина, образцовая мать двоих детей, любящая и верная жена очнулась здесь случайно, в тот момент, когда её пытался убить заклинанием её любовник. Два месяца и неделя. Убил уже другой любовник. Отравил, чтобы завладеть имуществом. И снова свечки-ленточки на страничке. Умерла во сне. А какие оргии она здесь устраивала! Кстати, это – её бывший дом. Любовнику пришлось быстро выметаться отсюда. Но есть у меня подозрение, что он не до конца вымелся. Забился под плинтус.

Повисла тишина. Я чувствовала, что мне нехорошо. До этого момента это было что-то сродни компьютерной игре, где у меня в запасе есть жизни и зелья, а после этих слов, разумеется, если они правдивы, до меня начало доходить, что это – уже не игра. В животе заворочался еж. Какая-то странная противная слабость накатила на меня, заставив вглядываться в золотой орнамент на стенах. Золото плыло перед глазами, пока меня тошнило от его блеска.

– Слушай, я пойду, наверное. Спасибо тебе за все... Я попробую здесь найти работу... Лучше я буду потихоньку что-то делать...эм... склянки переставлять, книжки протирать и так далее, чем сражаться в Круге, – тихо произнесла я, обдумывая перспективы трудоустройства. – Думаю, что работа для меня найдется. Пусть мир и маленький, но он явно не без добрых людей!

– Примеры добрых людей? – заинтересовался Феникс, положив локти на стол. – Мне тоже очень хочется с ними познакомиться! Я очень хочу знать, кто дал тебе мешочек денег на первое время и позаботился о том, что у тебя во время поединка было зелье защиты от огня в красивом флаконе с цепочкой? Интересно, кто же это был? Как ты думаешь? А я знаю. Это – очень скромный герой, который пожелал бы и дальше остаться неизвестным, не зайдя разговор о «добрых людях».

Я посмотрела на него, понимая, что мне нужно задуматься о карьере детектива.

- Хорошо, Рыжик. Уговорила, – серьезно заметил он, разглядывая коготь и выпуская лезвие. – Давай выберем тебе работу вместе!

Я залезла с ногами на стол, понимая, что в этом мире мне не светит даже солнце. Феникс театрально призадумался.

- Вас приветствует центр занятости Кадингера. Итак, как на счет продавщицы? Для этого тебе нужно знать два способа оплаты. Нал и безнал. Нал – это когда тебе на прилавок высыпают деньги, а безнал... – улыбнулся он, показывая огонь к руке. – Встань к стеночке. Прорепетируем оплату по безналу.

Никуда я вставать не собиралась, поэтому огонь сорвался с его руки и врезался в стену, оставляя черную отметину на роскошных обоях.

- А еще я бы хотел... – Феникс улыбался, снова зажигая пламя в руке и поднося его ко мне. – Оставить отзыв о зелье, которое вы мне продали вчера. И отзыв об артефакте....

Пламя снова мелькнуло возле моего лица. Я смотрела на него как зачарованная.

- ...который вы мне продали месяц назад. Я почему-то решил использовать его в сегодняшнем поединке... – задумчиво продолжал он, пока я смотрела на языки пламени и отблеск золотых колец. – И вместо десяти секунд защиты, он почему-то сработал на три... Примите мое искреннее недовольство! И мебель у вас никудышная. И посуда у вас отвратительная!

Рядом на обоях появился второй черный круг.

- Нет! Я не буду продавщицей! – отрицательно покачала головой, сопоставляя полученный опыт и дырки на обоях, представляя, как в этот момент хозяин лавочки прячется в подсобке.

- Тогда мы можем вам предложить вакансию юриста, – усмехнулся Феникс. – Юрист – это очень интересная профессия. Особенно в Кадингере. Но перед этим я должен подготовить тебя как следует. Тебе предстоит выучить законы. Итак. Закон первый. Убил, выжил – молодец! Закон второй. Украл, выжил – молодец! Закон третий. Изнасиловал, выжил – молодец! Закон четвертый. Обманул, выжил....Ну, Рыжик, продолжай!

- Молодец, – мрачно заметила я. Его рука потрепала меня по волосам.

- Ничего себе! Сдала экзамен с первого раза! Еще никому не удавалось! – саркастично заметил он. Через пару секунд мне дали в руки свернутую бумажку. Феникс закусил губу, подавляя улыбку, сделал серьезное лицо и положил руки мне на плечи.

– Дорогой выпускник юридической Академии Кадингера, – с расстановкой и издевкой произнес он. – Вот и подошло к концу наше долгое обучение. Эти две минуты пролетели незаметно... Мы долго продирались сквозь законодательные дебри, постигали азы законотворчества... Теперь, когда в твоих руках диплом...

Он посмотрел на меня, содрал тесемку от шторки.

– ...красный диплом, все дороги перед тобой открыты. Выбирай любую, дорогая выпускница. И выучи эти дороги, потому что посылать тебя по ним будут часто! – закончил напутственное слово представитель импровизированной альма-матер. – Я даже дам денег на то, чтобы ты открыла свой юридический кабинет. Думаю, что от клиентов у тебя отбоя не будет! Будешь отбиваться, как умеешь.

Я посмотрела на красную тесемку и бумажку в руке, а потом попыталась методом исключения вычислить предположительную профессию нового знакомого. Юрист?

– Как же так, Рыжик? Не хочешь быть юристом? – воротничок на моей рубашке расправили. – Видишь, у тебя даже рубашечка есть. А за пеньковым галстуком не постоит. А как на счет духовной карьеры? Что тебе ближе? Алчность? Червоугодие? Тщеславие? Похоть? Гнев? Уныние? Зависть? Лень? Вот, собственно, весь местный пантеон. Только храмов нет. Службы проходят на дому.

– А еще варианты? – тоскливо заметила я, со вздохом глядя на красный шнурок. Отличилась, молодец.

– Есть еще один вариант трудоустройства. Единственное место, где полное отсутствие опыта ценится так же, как его наличие. Зарплату платят за красивые глаза. Единственная отрасль, где актуален девиз «дай дорогу молодым». Так что диплом тебе не пригодится, – у меня из рук вырвали бумажку и бросили на стол.

– И какое? – мрачно поинтересовалась я. В последний раз я так мрачнела, когда читала газету городских вакансий, где требуются «правые руки» руководителей. Что конкретно будут делать эти «правые руки» никто вразумительно ответить не мог, но, судя по зарплате, что-то очень нехорошее. Но, как говорится, если работодатель предлагает тебе работать, закатав рукава, значит, работа предстоит грязная.

– Есть вероятность карьерного роста. Результаты зависят от коммуникабельности и трудолюбия. Зарплата – высокая. Не работа, а сплошное удовольствие! – меня приблизили к себе, но я активно сопротивлялась. – Не обольщайся. Лично в моем рейтинге ты уже переплюнула и оставила далеко позади черную кошку, пятницу тринадцатое и рассыпанную соль. Поэтому тьфу на тебя... Три раза...

– Полный соцпакет тебе на голову! – возмутилась я, вспоминая символическое «тьфу!», сопровождаемое тихо усмешкой. – Я тебе сейчас по голове три раза постучу!

– Не хочу тебя разочаровывать, но мне кажется, – спокойно заметил Феникс, улыбаясь, – что ты не подойдешь... Для такой легкой работы в сфере услуг у тебя слишком тяжелый

характер. Тем более, что в случае выбора данной вакансии у тебя будут большие неприятности. И виной всему будет...

- Совесть? – скептически поинтересовалась я, понимая, о какой работе идет речь.

- Нет, не совесть. Я, – палец скользнул по моему носу, вызывая у меня желание отгрызть руку по плечо.

«Бдзень!» – сделал палец на самом кончике моего носа после увлекательного спуска.

Да... И из всего произошедшего со мной за четыре года неустанной работы, сон, пожалуй, был единственным отпуском. Именно во сне я наслаждалась морским прибоем, летала над городом, спасалась от чудовищ, штурмовала бесконечные высоты, общалась с очень интересными и многогранными личностями, по сравнению с которыми пациенты, состоящие на принудительном лечении в местном психиатрически-оздоровительном комплексе, показались бы очень логичными и приятными собеседниками. Именно во сне у меня была личная жизнь, когда прекрасные принцы бережно поднимали с пола, обдували и отряхивали мою самооценку, целуя не только ее, но и меня. А иногда дело поцелуями не ограничивалось. В моих снах с часу ночи до семи тридцати сбывались самые сокровенные желания, осуществлялись самые интересные мечты. Я пела в опере, танцевала на невидимой сцене, купалась в золоте, жала руку президентам. Были и кошмары, но наступало утро, и я понимала, что сон растаял с первыми лучами рассвета. И нет никаких чудовищ, нет никакой погони. Есть только лучик света, пронзающий штору, кружка чая с лимоном и брелочек на ключах в виде маленького зайчика, приносящего мне удачу.

- Ладно, я согласна, – ответила я. Да что ж такое-то! Ну зачем же так делать! Не нравится нос – убери руки подальше и не смотри на него! Развел, понимаешь ли, "Диснейленд"!

Палец, вопреки моим протестам, еще раз скатился с горки, вызывая у меня бурю возмущений.

- Отлично. Если будешь слушать меня – риск с твоей стороны будет минимальным. Поверь мне, магия решает не все. Мы с тобой продумаем все детали, запасные планы, варианты и так далее. И будем откровенно жульничать. Держи, Рыжик, – усмехнулся Феникс, снимая кольцо – коготь со своей руки и протягивая его мне.

Нет. Это шутка? Я не... Нет, нет и еще раз нет!

- Дает бонус к привлекательности, – заметил Феникс, – в моих глазах. Небольшой, правда, но все же... Оп! И я уже не замечаю твоих веснушек.

Кольцо – коготь было надето мне на палец, пока я, будучи знатоком местного законодательства, прикидывала, как стать «молодцом!».

- Чтобы к тебе не протягивали руки. Скажи мне, Рыжик, ты когда-нибудь убивала что-нибудь, кроме времени с восьми до шести? «Ой, какая гадость!» и «уберите это насекомое от меня!» не в счет. Мне просто интересно, способна ли ты убить человека? – спросил «даритель», показывая, как выставляется лезвие.

Палец опять решил подразнить мой нос, скользнув по его изгибу. Я отреагировала мгновенно, выставив лезвие и приблизив его к шее бывшего владельца.

- Какая прелесть! – улыбнулся Феникс, глядя на бывшее оружие. – Мне даже хочется убрать палец от греха подальше... Видишь, какая волшебная штука?

Было у меня подозрение, что он – ветеринар. И общение с животными отложило отпечаток на его психику. Теперь он постоянно проверяет состояние моего здоровья! Хотя, не факт. Он просто издевается надо мной, вот и все. Да что ты будешь делать! Опять!!!

- А теперь будем придумывать твой новый имидж. И я, кажется, знаю какой, – усмехнулся Феникс, убирая руку с моего носа. – Правда, я уверен, что тебе он не понравится, но публика должна его оценить.

Он встал и ушел в комнату, пока я смотрела на кольцо, выставляя лезвие и заправляя его обратно. Теперь попробуйте ко мне притронуться! Я вооружена и очень прекрасна! Что бы мне ни говорили! Ну, мне так кажется.

- Меряй! – на меня упало платье. А я-то думала, что мне синтетический костюм супергероя принесут и обязуют носить его круглосуточно, до приобретения сверхспособностей. Чтобы весь мир знал, чем пахнет добро. Вы чувствуете едкий запах пота? Где-то повеяло носками-ветеранами? Запах усиливается? Это добро спешит на выручку! И пусть зло задыхается, и не только от злобы. «В бой идут одни старики!» – гордо заявляло мне одно чудо, выбирая из ассортимента ношенных носков, которые нельзя стирать ни в коем случае, самые матерые и опытные.

Я принялась, бросая взгляд на золотые волосы. И контрольный. Нет, носками тут и не пахнет.

Если что, я – Пофигмен! Собаки заминировали песочницу? Бабки взяли в заложники скамейку? Дети совершили ограбление века, украв две газеты из почтового ящика? Бомж, который иногда навевается в подъезд, терроризирует все обонятельные рецепторы жильцов? Чистюля хлопает ковровую дорожку на головы прохожим? Я молча прохожу мимо несправедливости, внутренне осуждая и негодуя, сохраняя при этом хладнокровие суперагента, заброшенного и забытого во вражеском тылу! Я такой же – Пофигмен, как и многие! Вместе мы – сила! Нас ничем не проймешь! Нас рать!

Платье налезло и даже сошло. Там, где заканчивалось декольте – начинался разрез. Я поняла, что в таком виде можно только стоять на обочине, провожая взглядом автомобили, а потом озвучивать прайс тем, кто решил притормозить. Такое платье отлично заменяет запись в трудовой книжке и резюме. В таком наряде нужно приходиться на собеседования, чтобы все сразу видели, что ты претендуешь на должность «правой

руки директора».

- Ты прикалываешься? – опешила я, глядя на свое отражение в зеркале и покраснев от смущения.

- Я абсолютно серьезен, Рыжик, – услышала я голос, чувствуя, как горят мои уши. – В таких нарядах ты будешь сражаться.

- За что... – я сглотнула и попыталась стянуть декольте на груди. – За что сражаться? За остатки репутации?

- Послушай меня внимательно. Понравишься публике – считай, что убить тебя никто не осмелится. Сегодня убьешь ты против воли публики, завтра убьют тебя. И зрители на этом настоят. Так что больше всего на свете публика не любит разочаровываться. И мы ее не разочаруем. Осталось навешать на тебя украшений, и вперед, – усмехнулся Феникс. Хотелось верить в то, что он смотрит на платье, а не на то, что символически прикрыто под ним.

- Нет! Я в таком на улицу не выйду! – возмутилась я, пытаюсь стянуть разрез на ноге.

- Боишься простудиться? – осведомился мой «имиджмейкер». – Рыжик, в этом конкурсе красоты фраза «я за мир во всем мире» – неправильный ответ. Правильный – «я за мир, который лежит у моих ног!». А чтобы к тебе не протягивали руки – есть я. Вне круга на тебя мало кто рискнет посягнуть. Так что считай это – сценическим образом, который дает тебе очень много интересных преимуществ и возможностей. Женщин, которые сражаются, мало. В основном они сражаются не ради короны, а ради заработка, болтаясь в самом конце турнирной таблицы. Так что ты будешь выигрышно выделяться среди крокодилов, которых можно выводить на улицу только в вечернее время суток и в наморднике.

- В канализацию такую самостоятельность и тебя, как продюсера восходящей звезды разврата! – фыркнула я, наморщив нос.

- За такие слова мне очень хочется тебя убить, но глядя на это платье я резко передумываю, – подбодрил меня Феникс. – Когда мужчина смотрит на девушку в таком платье, ему так и хочется подойти к ней и поинтересоваться: «тепло ли тебе, девица?». А потом предпринять все возможные попытки согреть бедняжку. Начиная от алкоголя, заканчивая одеялом. Но если ты хочешь быть убитой в первом же поединке, то пожалуйста! Надевай обноски, делай целомудренное лицо, выкрикни пару пафосных лозунгов: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда буду я!».

Я молчала, недовольно осматривая себя, скривившись так, словно съела лимон целиком.

- А если меня в таком виде увидят дети? – заметила я, ужасаясь непоправимому урону, который нанесу неокрепшей детской психике. – Это же непедagogично!

- Непедагогично собирать деньги всем классом на новые шторы, при условии, что старые еще не до конца съела моль! Вот это непедагогично! – я почувствовала, что терпение – это не основная добродетель моего нового знакомого.

Что-то меня неприятно кольнуло, а в душе что-то неприятно заволновалось. Осведомленность в таких вопросах свидетельствует, что у него есть ребенок. Я вспомнила поцелуй и скривилась еще сильнее. Мне почему-то стало стыдно и неловко. Я вспомнила, как Света недавно нудила, бегая за директором хвостиком, требуя аванс, чтобы сдать деньги в детский сад на нужды группы. Услышав сумму, большая часть родителей тут же сходили по нужде. «Уважаемые соседи, у нас – нужда! Займите до получки! Ребенку в садик надо сдавать деньги». Мы с Димой не смогли промолчать, когда узнали, насколько большая нужда постигла детский сад «Соринка»... тьфу ты... «Росинка» в это сложное и крайне тяжелое время.

- Ты прав, – спокойно заметила я, изучая его реакцию. – Непедагогично- это когда в детский сад сдают по три тысячи за каждого ребенка.

Меня о чем-то хотели спросить? А что такое? Сам придумал это правило.

- А если детей трое... – деловым голосом продолжала я, примеряя на себя образ примерной «яжематери», – то это половина зарплаты уходит!

Я вспомнила Свету и протерла липовый орден матери-героини. С такими расценками даже у Рокфеллера начинался приступ асфиксии.

- С имиджем мы определились. Ночная бабочка, – усмехнулся Феникс, переводя тему. Что-то он задумался и задумал. Мы посмотрели друг на друга взглядами примерных семьянинов.

- Ты хоть раз видел, что ночью слетается к фонарю, чтобы сдохнуть в его недрах? – поморщилась я от такого сравнения.

- Тебе никто не говорил, что ты – тяжелый человек? – поинтересовался он, вздыхая.

- Только те, кто в силу своей доходяжности не смог меня поднять! – огрызнулась я. – Хорошо. Пусть будет по-твоему. Тебе видней. Но если меня убьют, то это будет на твоей совести!

- К ней в последнее время мало что прилипает. А теперь обувайся, и на выход. Будем знакомить публику с твоим платьем. И с тобой, за компанию.

***

Когда мы вышли на улицу, все встречное мужское население смотрело на меня так, словно потеряло бумажник в моем декольте, и теперь не знает, как его оттуда извлечь. Присутствие телохранителя немного поумерило их пыл.

В круге шла отчаянная схватка. Какой-то престарелый бородатый мужик против молодого парня. Оценить навскидку шансы было сложно, но если критерием победы являлась обгоревшая борода старца, то опыт и мудрость проигрывали молодости и наглости со значительным отрывом. Отрывом... руки... Мама! Я тут же почувствовала, как в животе зашевелился перепуганный ежик.

– Тише, успокойся. С тобой так никто не поступит, – заметил Феникс, придерживая меня за локоть, пока трибуны наперебой давали советы, как лучше завершить поединок. И, поверьте, малой кровью там и не пахло. – Дедка давно ненавидят за то, что он прикончил одного чудака, которого публика решила пощадить. Был один убогий клоун, который сильно забавлял публику своими идиотскими комментариями. Люди ему симпатизировали. Убивать его не позволяли. А тут не выдержали старые нервишки, и клоун быстро развеялся.

Я смотрела словно зачарованная на происходящее, глядя, как огненная вспышка ударила в черный столб.

– Все, спасибо. Я посмотрела. Очень увлекательно и занимательно. Честно, я уж лучше освою какую-нибудь мирную профессию, – икнула я, не видя происходящего за стеной огня.

– Все, что отпадет, мы обязательно пришьем на место, – подбодрили меня, прижав к себе и тут же отпустив. Я стояла и стыла, чувствуя, как у меня шевелятся от ужаса волосы.

Пока зубы отбивали ритм «я – не трус, но я боюсь!», ноги приросли к земле, категорически отказываясь делать шаг навстречу смерти. Чувствую, что одно неверное движение, и ... все. Через два месяца, поскольку я заплатила наперед, меня обнаружат в своей кровати, успешно косплеящую Нефертити. Любопытные соседи выстроятся в очередь, чтобы одним глазком взглянуть на мои останки. Политически активные товарищи поймут, что в мавзолей ехать уже не надо. Бабушки передумают отправляться в религиозное турне, а те, кто мечтал об отдыхе в Египте, выберут что-нибудь из отечественных курортов.

– А как же путевка на двоих? – осведомился Великий Комбинатор, глядя на мое замешательство.

– На тот свет? – подавилась я, пытаюсь рассмотреть происходящее. Поединок закончился. Зрители все еще обсуждали увиденное. И симпатии были явно не на стороне старости.

– Ну что ж! – раздался громкий голос. – Вы все сами видели! Отличный бой! Это должно было произойти! Аншар побежден и больше никогда не переступит Круг. Нергаль снова показал себя на высоте! Итак, есть ли желающие бросить вызов судьбе? Если вы понравитесь публике, то она будет носить вас на руках и осыпать золотом! Ну же! Где же

смельчаки?

Толпа все еще скандировала имя победителя, постепенно успокаиваясь. Смельчаки? Это точно не ко мне! Я не...

- Куда ты меня тащишь? - возмутилась я, раскорячившись несчастной кошкой, которую решили внеурочно искупать. - Отпусти! Я не...

- Неужели никто не решится? - подначивал голос. - Неужели не осталось мужчин, готовых сразаться и доказать всем ...

Феникс втокнул меня в круг, и нас разделила стена огня. Толпа зашуршала, заинтересовалась. Надо что-то говорить... Я растерялась...

- Да, кстати... - тихо начала я, а потом прокашлялась. - Вы что-то говорили он настоящих мужчинах? Я тоже хочу на них посмотреть.

Толпа загудела, заволновалась.

- А что ты умеешь? - спросил голос.

- Все! - ответила я, входя в роль, чувствуя, как толпа начинает меня подбадривать. - Или вы имеете в виду магию?

Шутку народ оценил бурными овациями. Я еще немного осмелела.

- А ты не боишься, что твое симпатичное личико изувечат? - выкрикнул кто-то из толпы.

- Я больше боюсь испачкать платье! - ответила я. Со дна души поднималось странное чувство уверенности. Толпа одобрительно зашумела.

- Расскажите о себе! - поинтересовался голос.

Я сделала глубокий вдох и выдох. Перед глазами возникли женские анкеты с сайта знакомств, которые я просматривала в качестве образца.

- Я - девушка прямолинейная. Откройте свои кошельки, посмотрите внимательно. Если там дырка, то пусть она, а не я, утешает вас долгими одинокими вечерами, - я украдкой сглотнула, чувствуя, как толпа притихла. Я вспомнила даму - автора с тройным подбородком, отросшей черной шевелюрой и поджатыми губами, обильно, но криво

намазанными алой помадой. Именно с этих заманчивых слов начиналась ее обильное повествование о себе. Дополняла красоту, запечатленную самолично владелицей на фоне пожелтевшего от постоянных вливаний унитаза, толстая дряблая рука, сжимающая камеру.

– Если единственное, чем вы можете накормить девушку – обещания, то ешьте их сами. Я не настолько слежу за своей фигурой, чтобы питаться одними иллюзиями! – я вспомнила анкету одной мадам, которая по праву могла занять первое, второе и сразу третье место на любом пьедестале. Она смотрела с фотографии красноречивым взглядом: «Все олигархи пока заняты, но и ты сойдешь!». Кушала она так, словно поставила себе цель вытеснить всех других женщин и максимально расширить свои охотничьи угодья.

– Если вас интересует чистая и горячая любовь, то это, увы, не ко мне. Я могу дать вам только грязный и холодный расчет! – слово в слово повторила я анкету одной самоуверенной и дерзкой красавицы предпенсионного возраста с огромными щедро одобренными блеском губищами, занявшими половину фотографии. На ней была шуба на голое тело, в которую она кокетливо куталась. Дополняли общую картину красный сапог на высокой шпильке, непонятно для чего задранный в фокус камеры, и поникший фикус на фоне разбросанной постели и пыльного ковра.

Ничего себе, как меня понесло... А все притихли, слушают...

– Меня трудно найти, легко потерять и сложно... забыть, – усмехнулась я, вспоминая фразу, с которой начиналась большая половина всех женских представлений. – У меня – золотое сердце. И единственное, что его радует – золото!

И тут что-то звякнуло недалеко от меня. Я присмотрелась и увидела, как по земле катится монетка. Я наклонилась, вызывая явный интерес публики, а потом демонстративно опустила монетку в декольте. Через секунду в мою сторону полетели деньги. Собрав полное декольте золота, я послала публике воздушный поцелуй.

– Так что, настоящие мужчины, жду ваших приглашений на свидания, которые начнутся здесь, а где закончатся ...хм... ! – кокетливо заметила я, виляя бедрами. Я подняла еще одну монетку, сделала вид, что целую ее, а потом сунула ее в свой «кошелек». – На эти деньги я куплю себе новое платье. И обязательно покажу его вам, при первом же удобном случае... А пока что это – сюрприз!

– Как же зовут тебя, девушка с золотым сердцем? – поинтересовался голос.

– Меня не зовут. Я прихожу и ухожу, когда мне вздумается. Прямо как кошка, – усмехнулась я, вспоминая анкеты разновозрастных кис разной степени лохматости и побитости жизнью. Надо мной застыла внушительная турнирная таблица. И внезапно в самом низу появилось: «Кошка».

Так! Стоп! Эм... А... Если бы я знала, то придумала бы себе что-нибудь поинтересней...

- Я не люблю быть снизу, – обиженно заметила я, глядя на таблицу. Ничего себе! Феникс был в лидерах... Да что там в лидерах! А теперь напротив него стоит пометка «дисквалификация».

Толпа развлекалась, свистя и всячески выражая свой восторг от моей шутки.

Я, звеня своим заработком, двинулась в сторону. И тут передо мной упал шар. Точно такой же, как я когда-то держала в руках. Я наклонилась, придерживая грудь, которая очень выросла на инвестициях, подняла шар, помахала рукой и двинулась в сторону огня. Пламя расступилось передо мной, пока толпа пребывала в двусмысленном восторге.

***

Меня колотило, уши полыхали, совесть ставила мне сотый укол, а я сидела на диване, завернувшись в одеяло и набросив его на себя. Оставалась маленькая щелка, в которую проникал свежий воздух, который не давал мне задохнуться от стыда. На столе лежало все, что мне удалось выгребсти из декольте.

- Эй, мешочек с комплексами, я вывожу свои скромные активы, – заметил Феникс, подбрасывая одну монету в воздух.

Я сидела, спрятавшись от всего мира, вспоминая, какую чепуху городила, как вызываяще и вульгарно себя вела. Сломанная лопата, предназначенная для самокопания, была отброшена в сторону. Теперь там работала профессиональная спецтехника!

- Кушать будешь, самокопательница? – поинтересовался голос надо мной. Я пробурчала что-то невразумительное. – Ну хоть нос высунь из своего убежища, а то я по нему уже соскучился...

- Я и правда несла какую-то чушь? – спросила я, осторожно расширяя дыхательное отверстие.

- Как бы тебе так сказать? Сойдет! Главное – результат, – заметил Феникс, продавливая диван рядом. Я всей своей палаткой переехала в сторону. Платье валялось на полу, вызывая у меня угрызения совести и мучительный стыд.

- Прости, пожалуйста, за то, что вытолкнула тебя из круга, – простонала я, добравшись до пласта воспоминаний о том, с чего все началось. – Я больше так не буду.

- Прости, пожалуйста, за то, что я тебя поцеловал, – передразнили меня.

Я ждала продолжения. Но его не было.

Глава седьмая. Победителей не будят!

Сегодня я – левый, а завтра – правый,

Мир жесток.

Мне это не по нраву!

Носок.

Я свернулась клубочком на диване, сопя в чужую подушку. Отвернувшись к спинке, поджав по себя ноги и накрывшись одеялом с головой, я лежала и переваривала все произошедшее. Несварение впечатлений вызывало у меня словесную диарею, которую я мужественно пыталась побороть. Внутренняя лаборатория занималась жестокими экспериментами над мухой-дрозофилой. Ученые всего мира с замиранием сердца следили за чудовищной эволюцией безобидной мушки. Скоро муха обзаведется попоной, хоботом и украсит собой упаковку цейлонского чая! Мне очень хотелось схватить первое попавшееся тело, зафиксировать его как следует, а потом с азартом ребенка, которому доверили украшать новогоднюю елку, сидеть и развешивать по жертве сопли, требуя, чтобы меня похлопали по плечу, сказали: «пустяки, дело-то – житейское», – а под конец сообщили: «да нормально все! Никто ничего не заметил!». Но я буду возражать, сопротивляться, приводя все новые и новые аргументы. И так будет продолжаться до тех пор, пока не защищу диссертацию на тему «Взаимосвязь моего позора и грядущего апокалипсиса». И несчастному слушателю сразу же захочется послать меня на ... какой-нибудь симпозиум научных светил.

– Можешь покинуть свою пещеру страданий и обитель скорби? Или хотя бы приоткрыть вход в ее мрачные недра? – поинтересовался голос. Сомневаюсь, что он решил сдать мне в аренду свою жилетку и предоставить в лизинг свои уши и мозги.

Я повернулась на другой бок, чувствуя, как диван скрипнул под чужим весом, и мне пришлось компактно сдвинуться.

– Я уже соскучился по моей горке. По тебе – нет, а по горке – да, – чужая рука расширила дыхательное отверстие моей умиральной ямы.

– Аттракцион закрыт в связи с участившимися несчастными случаями! – фыркнула я, сморщив гордость персонального «Диснейленда».

– А в комнату страха можно? – осведомился самый преданный фанат, приводя меня в замешательство. Я перебрала все возможные достопримечательности, как условно открытые для экскурсий, так и закрытые, прикидывая, что удостоилось такого названия.

– И пока Рыжик думает над тем, где у нее находится комната страха, и поливает из леечки свои комплексы, она может одобрить вызов, – перед моим носом оказался шар.

– Давай, – мою руку вытащили из-под одеяла и одобрили вызов. – Поединок будет завтра. В двенадцать. Так что ложись спать пораньше.

– Так! – возмутилась я, понимая, что волчок-каннибал, который просто обязан укусить меня сначала за правый, потом за левый бочок, дабы приблизить мою фигуру к совершенству, почему-то засмутился и сообщил, что если придет, то нескоро. – Ты хочешь сказать, что мы теперь будем всю ночь тренироваться?

– Нет, моя заочница, я тебе и так зачет поставлю! – сообщил «почетный тренер». Я знаю, что ты ходила на все лекции, на все семинары, участвовала в субботнике от кафедры, поэтому неси зачетку.

Он, случайно, не преподаватель? Я представила: сидит унылая группа, которая в силу очень серьезной специальности – «Болтология и ерундистика», состоит из прекрасного и очень одинокого пола. Дверь открывается, а на пороге стоит это золотоволосое существо, глядя на всех сквозь оправу аккуратных очков, оценивая умственный потенциал каждой женской особи. И пока он оценивает сначала правое полушарие, потом левое, каждая из них мысленно клянется ходить на все лекции, факультативы и штурмовать кафедру с «вопросиками». Через день с соседнего вещевого рынка исчезнут все полупрозрачные кофточки с разрезами. И даже самые матерые зубрилки – отличницы захотят сдать экзамен по безналичному расчету и большой любви.

На меня смотрели с улыбкой, чуть сузив глаза. Меня пытаются пустить по ложному следу? Он – не преподаватель. Хорошо, сейчас-сейчас...

– Знаешь, когда я впервые тебя увидела, то почувствовала что-то родное. Прямо вспомнила своих подопечных, – вздохнула я, нежно улыбаясь, глядя, как сдвинулись чужие брови, выражая недоверие и скепсис. – Извини, но мне рано вставать. У нас на свиноферме за опоздания штрафуют.

Я отвернулась багажником знаний и опыта, почесала его украдкой под одеялом и почувствовала, как спружинил диван. Меня оставили в одиночестве.

В голове вращался комок противных мыслей, одна из которых обожгла меня, заставив встрепенуться. А вдруг завтра – последний день моей жизни? Я открыла глаза, глядя в бархат дивана. Последний день моей жизни. Почему-то мне всегда казалось, что я еще успею огорчить Пенсионный фонд. Он уже и так задрал планку пенсионного возраста до уровня аксакалов. Еще немного, и пенсию по возрасту будут получать эльфы, вампиры, драконы и Дункан Маклауд. Не удивлюсь, если за его голову будет назначена награда. Я почему-то уверена, что кирпич, который внезапно падает на головы – полноценный сотрудник Пенсионного фонда, получающий отдельную зарплату и премию. Я даже догадываюсь, что передачи из серии «лечим все, кроме доверчивости», где успешно практикуют уринотерапию, культивируют мочевые компрессы при тромбофлебите и ищут новое применение картофельным очисткам, спонсируются за счет... А, впрочем, не важно. Я такое все равно не смотрю.

Черт! Я уже представила, как специально беру «боевую палку», которая дает плюс сто пятьсот урона всяким «охломонам», вставляю челюсть, готовясь клеймить позором «подростающее поколение». На скамейке уже сидят такие же бабушки. «Ой, че-то бабочку ломит... Погода меняется!». «А мне в розочку капельницу ставили....». «Упала вчера... Если бы не силикон в груди, то точно перелом был бы...». Я прохожу мимо остановки, где висит объявление о «пропавшей бабушке с расстройством памяти». Характерные черты. Филеры в губах и татуировка внизу живота в виде вензеля и надписи «seхu». Бабушка сама плохо ориентируется, поэтому просьба сообщить о ее местонахождении. Я дохожу до почты, смеряю взглядом народ, «хороводящийся» возле единственного стула, поправляю платок, дающий плюс сто к громкости скандала, потому что плотно зажимает мои уши, и занимаю очередь. Занимаю чем-нибудь полезным. Например, обсуждением последних новостей, нравственного облика подросткового поколения, цен и политики. В качестве неоспоримого примера я буду приводить, что в наше время даже гопники в подворотне отжимали имущество со словами: "А не изволите ли, сударыня, дать нам свою сумочку. Вам наверняка тяжело ее нести! А вы, сударь, будьте так любезны отдать нам свой мобильный телефон! Спасибо! До встречи в полиции!". Я буду очень одинокой и очень общительной старушкой.

И тут, не смотря на теплое одеяло, по спине пробежал холодок. А ведь может и не быть чудесной встречи с моим будущим возлюбленным. Не будет первого поцелуя, когда сердце отказывается верить в то, что это происходит на самом деле. Не будет маленького колечка, на которое я буду смотреть сквозь слезы в глазах, когда меня обнимут, поцелуют в висок и тихо прошепчут: «Еська, выходи за меня замуж!». И пока я буду тихо плакать от счастья, мои руки будут греть в своих руках, успокаивая мое разволновавшееся сердце. Не будет двух полосок, о которых я на ушко сообщу любимому, смущаясь и радуясь. Меня не поцелуют, не возьмут на руки, пока я буду тихо плакать от счастья... Не будет теплых ладошек, не будет восторженного: «мама пришла!», не будет детских рисунков, развешанных по стенам, где красный треугольник со шваброй на голове – мама, а огурец с мячом – папа, а к ним тянет ручки-веточки маленький кривой колобок.

Я открыла глаза у себя дома. В окошко сквозь занавеску пробивалось солнце, падая лучами прямо на мои ноги. Вскочив и одернув «ночную» футболку, я бросилась делать себе чай. Мельком взглянув на свою старенькую кружку со сколом на ободке и полустертыми цветочками, я на секунду задумалась. Эта кружка – ветеран всех моих переездов, почетный инициатор чаепитий, автор корявого символа олимпиады на каждом черновике, который я подкладываю под нее, чтобы не поритить чужой стол. Но у меня есть от нее большой секрет. В красивой коробочке, на верхней полке стоит самая красивая кружка на свете. Мне ее подарили на предыдущей работе. Тонкая, длинная, с золотой каймой и рельефным фарфоровым бантом, украшенным блестящими стразами. Я иногда достаю мою "принцессу," люблюсь ею и ее маленький блюдечком, а потом бережно укладываю в коробочку и ставлю обратно на полочку.

Чайник закипел, сахарница была наготове, а моя старая треснувшая кружка ждала, как ждут немолодые, располневшие ворчливые жены своих супругов, все еще веря в свою неотразимость. Даже трещина на ручке ее не смущала. Так что моей «принцессе» так и суждено умереть старой девой, не изведав всех бурлящих страстей.

Я насыпала сахар в старую кружку, забросила удочку чайного пакетика и села ловить кайф, думая о том, что не все так плохо.

Нацепив облезлую, но теплую кофту, джинсы и накинув куртку, у которой на правом кармане отлетел замок, собрав свои пожитки, я выдвинулась на работу. Я провожала

взглядом витрины, зная, что за поворотом будет небольшой магазинчик с претензией на бутик, в котором на витрине висит изумительное платье, облекая идеальную фигуру безликого манекена. Два месяца назад цена его кусалась, как бешеная собака, месяц назад царапалась, как припадочная кошка, а сейчас, в связи с сезонной распродажей, она выглядела очень заманчиво. Мысленно я примерила его раз пятьдесят. В своих мечтах я даже сходила в нем на свидание, произвела невероятное впечатление и была щедро обласкана комплиментами. Вот оно! Я прильнула к стеклу, пожирая взглядом белый кружевной воротничок и манжеты. Но к такому платью нужен явно не потертый портфель ноутбука и ботинки – ветераны. Как говорила моя бабушка: «Куда новое? Носи старое, пока не сносится! А новое если наденешь, так угваздаешь! Пущай висит! Целее будет!». Вспомнив бабушку, я поняла, что покупку такого дорогого красивого платья она бы не одобрила! Никогда!

Первым делом я доделала проект дворца в три этажа и сбросила заказчикам, которые через час позвонили и сказали, что все устраивает. Они приехали на офис, забрали проект, вызвонили Карлсона, который где-то летал, расплатились и ушли. Я потеряла ручки в надежде, что левая сейчас зачешется со страшной силой, но директор молча достал тарелку с «завтраком», большую ложку и начал меня кормить, продвигаясь в сторону выхода, где столкнулся с Димой. Поговорив с директором один на один, Дима молча собрал свои вещи, подарив мне на память свою ложку и пакет с оставшимся кофе.

– Короче, – молния на фирменном Димином портфеле застегнулась с истошным визгом. – Работу нормальную предложили. Крупные объекты. Госзаказ. Зарплата в два раза больше. Официальная. Ладно, пока! У тебя на почте три проекта. Теперь – твои. Я телефоны заказчиков написал и предупредил. Разберешься.

Дверь закрылась. Я провожала его с грустью и тоской. Нет, ну классно, что есть место, где зарплата выше и есть официальное оформление. Хотя! А вдруг не выше? Вдруг такая же? Или меньше... А бедные работники каждый день грустно заглядывают в пустые кошельки, жуют сухарик, запивая кипятком, и работают по инерции, вспоминая обещания работодателя? Я сразу представила, как захожу в кабинет, а там со всех углов на меня шипят новые «сотрудники». И директор в черном плаще дышит мне в спину, как Дарт Вейдер, проверяя ежесекундно мою работу, обещая «секир – зарплата» в случае малейшей ошибки. Все. Попустило.

Карлсон улетел, но обещал вернуться. Полетел баловаться плюшками со своей Фрекен Бок, пока я, как Малыш, застыла у окна. Кошелек есть, а зарплаты в нем нет.

Я попыталась реанимировать оптимизм, не подававший признаков жизни. Мы его теряем! Срочно нужны хорошие новости! Нет? Как нет? Над беднягой склонились Большая Шоколадка, Кофе и Хорошая Музыка. Оптимизм дернулся. Потом еще раз. И, наконец, пришел в себя. «Где я? – слабым голосом прошептал он, – Где моя Зарплата?». Все Приятности скорбно переглянулись. Оптимизм притих, снова потеряв сознание.

На три часа мой мозг арендовали «инженер» и «дизайнерша». Из ящика стола выглядывала шоколадка, которую я уже успела надкусить. Свежие правки требовали убрать «несущую стену», чтобы «расширить пространство», сделать обитаемый чердак, чтобы «еще было место», как-то «поиграться» с размерами кухни и спальни, увеличив их по максимуму.

В пять часов мне позвонил какой-то унылый Игорь, сообщив, что наш директор договаривался с его директором о том, что мы будем делать сайт.

– Лена, с вас техзадание... И фотографии, – вздохнул «программист». – Директор сказал, чтобы побыстрее. Я нашел ваш старый сайт.... Он говорит, что вам должны были дать нашу визитку. И вы должны были перезвонить... Они еще обсуждали рекламу. Я дам вам телефон Иры, которая будет заниматься визитками и буклетами. А по поводу баннеров по городу сказали, что потом решат.

Я клятвенно пообещала собрать всю информацию сегодня, а потом посмотрела на себя в зеркало и поняла, что уже прошла этап фотографии в паспорте и ее неудачной ксерокопии. Теперь семимильными шагами приближаюсь к ксерокопии с ксерокопии. Следующим этапом будет фоторобот. Димины клиенты не отвечали на звонки, а те, кто поднимал трубку, не отвечали за свои слова, заставляя меня переделывать почти все, кроме названия проекта.

Свернувшись аж в десять вечера, отбиваясь от звонков «инженера и дизайнерши», я двинулась домой. Прислонившись лбом к холодному стеклу автобуса, сжимая в руках ноутбук, я отчаянно зевала, пытаясь думать о чем-то хорошем. Темные пейзажи сменялись желтыми пятнами фонарей и окон, поплывших в коротких черточках дождя. Вместе с теплом из автобуса выходил один живой поток, запуская холод, и новый поток, отряхивающий плащи и зонты. Где-то тихо и невнятно играла музыка, а дыхание оставляло на стекле дымчатое облако. Сквозь гул я расслышала фразу из одной очень хорошей песни, мысленно пропевая ее вместе с известным исполнителем. Мое ухо безошибочно вслушивалось в знакомый мотив.

В темноте к моим волосам кто-то прикоснулся и осторожно погладил меня по голове. Рука медленно скользнула по щеке, едва касаясь. До кончика моего носа дотронулось что-то теплое. И мне показалось, что вслед за прикосновением к носу я ощутила ветерок дыхания. Близко-близко.

– Девушка! – кондуктор в огромном вытянутом сером свитере, со съехавшим бейджилом, трясла меня за плечо. Я, как сова, которую застали врасплох среди белого дня, вздрогнула, раскрыла глаза и нервно стала осматриваться. – Конечная! Просьба покинуть салон! Мы больше никуда не едем!

– А когда следующий? – простонала я, нервно оглядываясь по сторонам.

– Смотрите расписание! Витя, все, выпроводила! Езжай! – слышалось недовольное бурчание из-за закрывающейся двери.

Ничего себе! Шесть лишних остановок! Еще не до конца очнувшись, я прикидывала, как бы побыстрее отсюда уехать. Через полчаса я села в автобус и добралась до дома, чувствуя себя разряженным телефоном. После перекуса и душа у меня оставались силы молча доползти до дивана и лечь на него морской звездой.

Открыла я глаза как раз в тот момент, когда мое тело затаскивали в платье, пытаюсь попасть моей рукой в символический кружевной рукав. Моя рубашка валялась на полу, а меня прислонили к спинке дивана, придерживая, чтобы я не упала. Я норовила снова бухнуться на мягкую подушку, но кто-то поставил ногу на диван, придерживая меня и ругаясь словами, которые лучше не повторять даже в ста метрах от детского сада.

- Ты что творишь? - возмутилась я, чувствуя, что платье было влажным. - Да меня мама так в школу не собирала! И почему оно мокрое! Нельзя дожидаться, когда оно высохнет?

- Главная ошибка новичков - горящая одежда! Те, кто сражается не в первый раз, пропитывают свою одежду зельями, - ответили мне, запихивая мою руку в рукав и сдувая с лица золотистую прядь. «Есть!» - услышала я, глядя, как прядь снова подпрыгнула вверх, пока ее не заправили пятерней, любуясь своей работой.

Я опустила глаза вниз, посмотрела на то, во что меня решили вырядить. Весь лиф без исключения был сплошным черным кружевом, сквозь которое было видно все, чем меня наделила природа. Алая многослойная юбка, вместо того, чтобы прикрывать ноги, обнажала их до «ай-я-яй! Как тебе не стыдно!». Больше всего мне не понравилось то, что где-то на уровне колен болтались мокрые кружевные шорты

- Не успел натянуть, - с сожалением выдохнул Феникс, глядя, с каким ужасом я рассматриваю себя и кружевные панталоны. - Хотя, так даже интересней. Но бегать будет неудобно!

- А где... - икнула я, взглядом шаря по валяющейся на полу одежде. Потом ощупала себя. На месте. Эти просто решили нацепить сверху. Чтобы теплее было. А то вдруг замерзну. А так хоть двое трусов будет!

- Времени мало! Приводи себя в порядок, - по моей голове несколько раз проехала расческа - гребень. На столике рядом стояла тарелка с воткнутой ложкой. - Ешь и слушай внимательно.

Я чувствовала, что моя правая мочка уха сильно болит. Я дотронулась до нее пальцами и с удивлением обнаружила, что в ней теперь красуется маленькая сережка - гвоздик.

- Это что за... - возмутилась я, морщась от боли прикосновения и проверяя второе ухо. - Зачем ухо прокалывать, пока я сплю? Что это за шутки! Что это за салон пирсинга и татуажа?

- Будешь вредничать, - Феникс приблизился ко мне, - проснешься с кривой татуировкой в месте, для личного просмотра никак недоступном. А поскольку мои успехи в рисовании не сдвинулись дальше «палка-палка-огуречик», у тебя во всю спину будет корявый человечек.

- А ты тогда вообще не проснешься, - мрачно буркнула я.

Феникс слегка отодвинул свои волосы и показал мне точно такую же сережку в своем ухе.

- Это у нас часть корпоративной культуры, – усмехнулся он. – Потом поймешь, для чего.

Мне протянули кольцо – коготь, а следом за ним какое-то массивное кольцо со странным символом, похожим на детский рисунок жука.

- Коготь не выдвигай! Не вздумай! Пока не скажу, не трогай его. Так. Держи кольцо иллюзии. Делает вид, что пускает заклинание огня. Снял с одного трупа. Интересная игрушка. Иллюзия зрелищная, но безвредная. Так что в твоей магической мощи никто не будет сомневаться. Соперники очень нервничают. Пробуй! Только смотри, не целься в противника. Бей рядом. С помощью этого кольца ты сможешь держать его на расстоянии. Учти, оно перезаряжается минуту. На ободке есть символ – гравировка. Кладешь на него палец и готово!

- И...и... и... – занервничала я, осматриваясь по сторонам и направляя кольцо в сторону, нащупав нервность на ободке. В стену ударил внушительный шар огня, заставив меня конвульсивно дернуться назад. Ничего. Шар как появился, так и исчез, не оставив следа на обоях.

- Ты мародерствовал? – спросила я, разглядывая колечко с явным интересом и брезгливостью. – Обыскивал мертвых соперников?

- Не переживай, Рыжик. Я его после этого помыл. С мылом. Три раза, – саркастически ответили мне.

- И что мне делать? – нервы были на пределе, ведь на иллюзии далеко не уедешь!

- Ничего, – заметил Феникс, глядя, как я подтягиваю шорты. – Веди себя так, словно это не поединок, а игра. Шути, смейся, комментируй. Он не станет тебя убивать просто так. Ты ему интересна немного в другом качестве. Но если ты его разозлишь, тогда убьет. Все, бросай ложку. Пошли.

Народ стекался к кругу, предвкушая зрелище. Повсюду горели огни, освещая взволнованные лица, обсуждавшие мой будущий дебют. Среди зрителей были и скептики, которые делали ставки не на меня, фыркая при одном упоминании моего имени, обзывая меня словами нехорошими и посмеиваясь надо мной.

Я нервничала, пока меня вели в сторону Круга. Колени гнулись назад, как у кузнечика, во рту пересохло, а по телу иногда пробежала волна дрожи.

- Слушай меня внимательно, – Феникс наклонился, обводя взглядом толпу. – Среди зрителей найдутся те, кто будет» кричать тебе гадости. Не обращай внимания на крики. Не дай выбить себя из равновесия. Помни, не все ставили на тебя.

Я мучительно сглотнула, заглядывая ему в глаза: «Может не надо?». Но время уже показывало, что мне пора. Скинув туфли, я шагнула в сторону огня, нервничая так,

словно меня ногой заталкивают в клетку к голодному льву, а я настолько перепугана, что даже таявкнуть боюсь...

- А если мне руку оторвут? - проскулила я, цепляясь за его одежду.

- Подберем и приделаем обратно, - утешили меня, осторожно разжимая мои пальцы.

- А если ее испепелят? А если сразу две? - художник - воображение уже рисовало в стиле «пессимизм» ужасающие картины. Венера Милосская намекала на то, что эталоном красоты можно быть и без рук, но меня это не утешало.

- Тогда я оторву у соперника и пришью тебе, - усмехнулся «тренер», пока я представляла, как протягиваю всем большую волосатую руку вместо приветствия. Почему-то мне казалось, что на ней будет татуировка «Колян».

Пламя расступилось. Пришлось сжать кулаки и шагнуть в образовавшийся проход, содрогаясь от ужаса и волнения. И вот показался соперник. Молодой, вполне симпатичный, со взглядом холодным и самоуверенным. Темные волосы были собраны в хвост, на груди висел большой круглый медальон из чистого золота, который приятно контрастировал с черным одеянием. Пока ведущий что-то рассказывал, я нервничала, осматриваясь по сторонам.

- Как романтично, - перебила я ведущего, пытаюсь совладать со своим неуверенным голосом. - А вообще мне очень приятно, что м-м-мужчина сделал п-п-первый шаг. Большинство мужчин, пока сообразят, пока наберутся с-с-смелости, пока решатся, ты уже трижды бабушка! Но не переживайте! Если вы надумаете лет через тридцать - пятьдесят подкатить ко мне с «интересным предложением», единственным оправданием в моих глазах будет только то, что вы всю жизнь собирали на него деньги!

Толпа рассмеялась. Кто-то засвистел.

- Кто твой учитель? - поинтересовался соперник, рассматривая меня так, что продавцы-консультанты неслись бы со всех ног с криками: «вам завернуть?»

- Опыт. А экзамены принимают неприятности, - усмехнулась я, чувствуя, что публике моя шутка пришлась по вкусу. Я немного осмелела, понимая, что убивать меня будут только в крайнем случае. Я надеюсь.

Неожиданно для себя я услышала шепот на ухо. Отчетливый и знакомый. Как раз в то ухо, которое болело после пирсинга.

- Протяни ему руку! - прошептали мне, пока я нервно осматривалась по сторонам. Ах, вот для чего нужна сережка! Теперь понятно! - Давай, протягивай руку...

- Раз мы с тобой соперники, то давай хоть поздороваемся. Знакомиться пока не обязательно, – сладко заметила я, протягивая свободную от колец руку неизвестному мне магу.

- Не эту!!! С когтем!!! – прошипел голос на ухо.

- Я здороваюсь за руку только с мужчинами, – ответил соперник, улыбаясь нехорошей улыбкой. – Или ты сразу хочешь мне сдаться...

- Обними его! – снова прошептали мне.

- Я еще не знаю... Звучит очень заманчиво... – заметила я, не понимая, к чему эти «телячьи нежности». Я подошла к сопернику и положила руку ему на плечо, пытаясь придать голосу игривые нотки. Толпа притихла. Я даже почувствовала, как мне слегка приобняли за талию.

- То есть поединка может не быть? – заметил соперник, рассматривая меня получше.

- Поцарапай его! – прошептал Феникс. – Когтем. Только нормально царапай. Глубоко.

- Ты что, боишься? Боишься, что будет больно? – поинтересовалась я, прикидывая, куда лучше царапать. Коготь впился в руку соперника, когда я убирала ее со своей талии. Он ойкнул от неожиданности, глядя, как из ранки показалась кровь.

- А что это за мужчина, который боится боли и крови? – прокомментировала я. – Но не переживай, я потом обязательно подую на твою страшную и очень глубокую рану!

- Да начнется бой! – закричал ведущий под крики толпы.

- Беги! – услышала я шепот, глядя, как в руках противника разрастается шар огня. – Теперь тебе нужно продержаться пять минут.

Из моих дрожащих от волнения рук потекли струйки вонючего дыма. Я шарахнулась в сторону.

- На землю! Быстро! – скомандовал «навигатор».

Я пригнулась, мурашками чувствуя, как заклинание пролетело мимо. По сравнению с тем, что я видела, это – очень маленький шарик.

- У тебя все такое маленькое? – громко заметила я. Толпа зарыдала от смеха.

- Вставай на ноги! Направо! – комментировали мне на ухо. – НАПРАВО!

Я заметалась, пытаюсь определить где «право», а где «лево». В последний момент пригнулась. Что-то опалило мое плечо так, что оно запекло. Я закусила губу от боли, глядя, как заклинание разбивается о невидимый барьер.

- Рыжик! Мать твою! Налево! НА-ЛЕ-ВО! – скомандовал голос, преисполненный уныния и разочарования. Он вспомнил всех: моих родителей, моих воспитателей в детском саду, учителей в школе, которые за долгие годы не смогли научить меня безошибочно определять право и лево.

Я уклонилась, а потом вспомнила о кольце. Брошенная мной иллюзия вызвала небывалый восторг среди зрителей, заставив противника отшатнуться подальше. Я успела немного перевести дух.

- Не попала! – раздался противный и очень громкий мужской голос с трибуны, поддержанный смехом.

- В горшок научись с первого раза попадать! – огрызнулась я, убирая волосы с лица. – А потом комментируй!

Последние слова утонули во взрыве одобрительного хохота. Дыма становилось все больше и больше. Я пыталась подавить кашель.

- За колонну! Живо! Она в пяти шагах от тебя. Направо! – прошептал «навигатор».

Я вычислила, где у меня право, опасливо глядя сквозь густую пелену, добежала до колонны и спряталась.

- Обойди ее на сорок градусов в правую сторону, – прошептал Феникс.

- Сорок чего? Я транспортир забыла дома! – простонала я, ощупывая пальцами ожог на плече.

- Мля... – услышала я «оптимистичное». – Хорошо. Три шага вокруг нее. Резко влево! Пригнись! Я так понимаю, что жить «долго и счастливо» в твои планы не входит! Рыжик, если выживешь, то я тебя лично убью! На какой руке у тебя кольца?

- На лев.. тьфу ты! На правой! – прошептала я, подавляя кашель и вызывая стон у «навигатора».

- Направо! Отбегай! Живо! – прошипели мне, обещая все кары на свете, если я так не сделаю. – Дальше, дальше! Еще даль...

Огромная вспышка врезалась в колонну, разлетаясь огненными клочьями. Пришлось упасть на землю.

- Рыжик, утешь меня. Скажи, что ты не водишь машину! – простонал Феникс. Он собирался умирать. Я это чувствовала. Где-то на трибуне он держится за сердце одной рукой и пишет завещание другой. – Я тебя умоляю!

- Это – секрет! – запыхавшись, прошептала я, тихо кашляя и переводя дух, пользуясь заминкой. В качестве акта устрашения я пустила еще одну иллюзию в произвольную сторону. Частота обстрела становилась реже. Я даже успевала немного отдышаться.

- Кошка, сдохни! – скандировали какие-то голоса. – Сдохни! Сдохни!

Их пытались перекричать другие. С диаметрально противоположной точкой зрения. Сколько времени прошло? Сколько мне еще бегать?

- Направо! – слышала я, но почти не реагировала на чужие слова, предпочитая действовать по наитию. В голове все мутнело. Меня снова обожгло. На этот раз ногу в районе бедра. Я даже покачнулась от слабости и боли. Толпа была в восторге! Еще бы! Моя скорость сильно замедлилась, я уже понимала, что мне дурно. Спину пекло, ногу пекло, меня слегка подташнивало.

- Ему уже плохо. Потерпи немного, Рыжик! – услышала я в ответ на свой протяжный стон. – Возьми себя в руки и терпи. Еще немного... Еще чуть-чуть... Он уже качается... Все!

- Неужели? Один из участников лежит на земле? – удивился ведущий под рев зрителей. – Да, такого короткого боя мы давно не видели! Но по правилам бой закончен.

Дым рассеивался, я стояла, прислонившись к колонне и сглатывая. Тошнота не уходила. Толпа пришла в неистовство, бушуя аплодисментами. На земле, в пятнадцати метрах от меня лежало распростертое тело, конвульсивно подергиваясь. Я не поняла, что вообще произошло. Я победила? Как так? Я же не... Неужели кольцо было отравлено?

- Не молчи! Говори что – нибудь! – потребовал Феникс.

- Вот так всегда, – грустно, но громко и отчетливо выдала я после морального втыка за «молчание». – Какие-то жалкие пять минут... И то.... Даже попасть не мог! Не мужчина, а разочарование!

Все! Толпу разорвало. Они орали наперебой, швыряли деньги мне под ноги, а я смотрела на то, как катятся по кругу золотые монеты, отблескивая в языках пламени. На каждой монете было изображено солнце...

- У нас есть победительница! – комментировал голос. – Если честно, сам не ожидал.

Его заглушили восторженные крики. Пламя вокруг погасло.

- Вставай, – шептал голос. – Давай, Рыжик... Вставай... Иди ко мне...

Я вяло встала, чувствуя, как тяжело мне дается каждый шаг, помахала рукой публике, прокляла тот день, когда здесь очутилась, и двинулась в указанную сторону. Через минуту я тряпичной куклой осела на чужих руках. Нет, сознание я не теряла. У меня отобрали кольцо-коготь и донесли до дома. Награду положили на столик. Меня – на диван.

- Тошнит, – проскулила я, цепляясь за чужую одежду. – Ай! Плечо! Я сейчас посмотрю на ногу....Ого! Нет... Это точно вылечится? Точно?

Через секунду я рыдала в чужую ладонь, глядя, как ожог на ноге постепенно исчезает. Меня посадили, прижали к себе, убрав мои волосы, и обработали спину. Судя по взгляду моего «целителя», предстоящий разговор будет долгим и неприятным. Осталось только готовиться.

- Рыжик, посмотри на меня, – я видела, как меня сжигают взглядом. Феникс взял меня за одну руку. – Вот это – правая рука! Правая! Вот она! Представляешь? Это – право! Переходим ко второму открытию. Ты готова? Вот это – левая рука! Ле-ва-я! Если я говорю «направо», это значит, в сторону этой руки! Вот этой. Не этой, ни в коем случае! Слушай, мы с тобой не в одном городе живем? Это не ты, случайно, на проспекте поворачивала через две сплошные налево со включенным правым поворотником? Это не из-за тебя все движение встало? Нет? Точно нет? А потом передумала, сдала назад и поехала прямо! Не выключив свой гребанный поворотник?

Я таинственно промолчала. Пусть думает, что я рассекаю по городу на красивой машине, а не плетусь пешком на остановку, впитывая в себя содержимое встречных луж.

- Катастрофа, – Феникс смотрел на меня взглядом, преисполненным вселенской боли, беря меня за плечи. – Где у нас право? Покажи мне правую ручку?

Я мысленно вспомнила, какой рукой ем, и показала, в надежде, что он обрадуется моим успехам. Надежда мелькнула в его глазах, когда я шесть раз подряд угадала. Но потом надежда сменилась недоверием. Я уже почти пришла в себя, попила воды, вспоминая поединок.

- Рыжик, давай, освобождай диван и дуй к стенке. Будем учить право и лево, - постановил «мучитель». - Не надо смотреть на меня такими грустными глазками. Меня этим не проймешь, особенно - когда речь идет о жизни. К стенке, быстро!

Я молча подошла к стене. На столике появилось зелье.

- Спиной ко мне, - услышала я, возмущенно поворачиваясь спиной. - Поехали. Вправо! Влево! Влево! Вправо! Влево! Вправо!

- Хватит ... - простонала я, понимая, что сейчас не самое лучшее время для уроков. Я устала.

- Нет! Влево! Очень влево! Вправо! Еще вправо!

- Я тебе серьезно говорю, - вздохнула я, почему-то вглядываясь в рисунок обоев.

- Вправо!

На секунду стало темно. Очнулась я в своей кровати, дома. Мое одеяло валялось на полу. Час ночи. Спина горела так, что пришлось повернуться на живот. Боль через минуту прошла. Я ощупала спину. Ожога нет. Сделав себе чай с бутербродом, я сидела на кухне и слушала, как соседи сверху постигают тайны мироздания. Оказывается, мы - потомки древних ящеров, прилетевших с Альфа Центавры, притащив с собой Луну на прицепе. Бедные ящеры тоже путали право и лево, поэтому посадка была не очень мягкой. В качестве неоспоримого доказательства был предъявлен мужик, который скрипучим голосом рассказывал, как его похитили рептилоиды, и он чуть не отложил яйца. Сначала в переносном смысле, потом - в прямом.

Зевнув, я улеглась в кровать, глядя в потолок. Один раз открыла глаза - я дома. Второй раз открыла глаза - дома. А вот на третий раз я поняла, что уже не дома. Краем глаза я увидела пустой флакон на полу, пока то, к чему меня прислонили, делало глубокий вдох и выдох. Я тут же прикрыла глаза, ощущая, как его пальцы перебирают мои волосы.

- Вот что мне с тобой делать? Рыжик, давай, приходи в себя! Понимаю, что ты сейчас где-то сидишь и кофе пьешь. Или чай. Я не знаю, что ты там любишь больше. Давай, Рыжик, возвращайся... Рыжик! Я кому сказал! Не надо мучить мою совесть! Рыжик!

Я молчала, обмякнув всем телом.

- Ры-жик! - палец дотронулся до моего носа. - Ры-жик!

Я лежу, молчу, пытаюсь не подавать признаки жизни.

– Спящая красавица! – меня слегка потрепали по щеке. – Леся! Леся, хватит придуливаться! Я вижу, как ты улыбаешься! Хорошо, сама напросилась!

Я почувствовала, как его рука поползла по моей ноге, приподнимая мою юбку. Рука ползла медленно, вызывая у меня негодование.

– Хватит! – вспылила я. Рука моментально исчезла. – Прекрати!

– Живая. Что и требовалось доказать! Рыжая бесстыжая симулянтка! – меня скинули на диван, слегка прихлопнув подушкой.

Я схватила подушку и прицелилась в спину уходящему Фениксу.

– Право! – крикнула я, кидая подушку вправо. Как и следовало ожидать, я попала, несмотря на его попытки уклониться аккуратно в правую сторону.

– Я что-то не понял, – ко мне развернулись лицом, глядя на меня нехорошим взглядом. – Ты же сказала «право»!

– А я в какую сторону кинула? В левую? – я подняла брови.

Глава восьмая. Половинки

– Вы ищете вторую половинку?

– Нет, мне бы целого!

– Рыжик, это – позор! Вот скажи мне, что мне с тобой делать? А? – Феникс присел на корточки передо мной. На его лице была такая скорбь, которая не снилась святым мученикам всех религий и вероисповеданий. – О, Министерство Образования! Ты возложило на меня ответственную миссию, с которой я, боюсь, не справлюсь. Но я верю, что ГАИ за это причислит меня к лику святых. Рыжик, что же ты так меня расстраиваешь? А? Как тебе не стыдно?

Я посмотрела вверх его волос с золотистым отливом. Нимба нет. На всякий случай я провела рукой по своим волосам. Рог нет. Какие ко мне тогда претензии?

Ощущение реальности возвращалось. Прокручивая в голове события поединка, я остановилась на смерти. Получается, что я, сама того не зная ... Убила человека? Убила...

– Он умер? – тихо спросила я, заглядывая в золотистые глаза. В их радужке, как чайники в чае, как блески в искусственном янтаре, были темные и светлые вкрапления. Смотрелось очень необычно.

Феникс на секунду закатил глаза, тряхнул волосами, а потом завел прядь за мое горящее от переживаний ухо.

– Ну что ты, Рыжик! Как ты можешь такое говорить? – сладким, как варенье вперемешку со сгущенкой, голосом заметил он, глядя в мои перепуганные глаза. – Ты его не убила... Он просто очень – очень устал, лег, закрыл глазки и уснул... И снились ему сладкие сны... Видела, как он подергивается? Это ему снилось, что он летает... Летает, значит, растет!

На моих нервах виртуозно играло скрипичное трио «Страх. Волнение. Совесть», усиленно выпиливая сложные партии.

– Хочешь секрет? Он просто решил подохнуть. Извини, отдохнуть! От переизбытка яда... чувств в организме. Откинуться... Прикинуться спящим прямо в Круге. Я видел, как он зевал... Зевал на помощь, – глаза смотрели на меня, но я не знала, что ответить на столь откровенный цинизм, когда речь шла о жизни и смерти. – Опытный противник не повелся бы на такой фокус.

Я подперла взглядом стенку, стиснув зубы и кулаки. Я – законопослушный гражданин... Я никогда не причиняла никому зла! У меня даже мысли не возникали ... шучу, конечно, возникали, но только в шутку, убить кого-то. И то, мне казалось, что это будет что-то похожее на сцену из фильма, после которой «убитый» отряхнется, встанет и пойдет по своим делам, пока я буду получать моральное удовольствие от решения проблемы столь радикальным способом. Но так чтобы по-настоящему... Был человек и ... Нет человека... Я даже когда хочу кого-нибудь ударить, стараюсь бить не сильно, потому что переживаю, что ему будет больно! Нет, могу и больно ударить, но только если меня очень сильно разозлить....

– Рыжик, – по моему носу скользнул палец. – Ры-жик! Выходи из своего сумрака! У тебя сейчас такой вид, словно у тебя по груди ползет красная точка снайперского прицела, над головой завис вертолет со спецназом, штурмовики застыли в ожидании приказа, а переговорщик с матюгальником, предлагает тебе сложить оружие и сдаться по-хорошему... Нет вертолета, нет красной точки, нет штурмовиков. В отличие от «переговорщика», я не вру, утверждая, что тебе ничего за это не будет.

Возвращаясь из глубокой задумчивости, я решила в качестве сувенира прихватить глубокое раскаяние, с которым я смотрела на палец. А палец тем временем бессовестно дразнил мой нос.

– Я – убийца... – задумчиво постановила я, прикидывая, как мне теперь с этим жить.

– Ну какой из тебя убийца? – фыркнул Феникс, скептически осматривая мое тщедушное

тельце. – Где безумный взгляд спятившего психопата, окровавленный тесак и заляпанный кровью фартук? Нет? Где пистолет и «помоги мне спрятать труп, пока копы не приехали!»? Тоже нет? Я не могу понять, что тебя больше терзает – угрызения совести или страх наказания?

Я закусила молчала, опустив глаза и не зная, что ответить.

– Мы все здесь убийцы. Тебя порадовать? У меня на счету больше жертв, чем у профессионального киллера и серийного маньяка, – усмехнулся Феникс. – Но этот факт не мешает мне считать себя хорошим человеком. Знаешь, если речь идет о защите своей семьи и своей жизни, я придерживаюсь мнения, которое отличается от мнения законодателей. В случае реальной опасности я лучше сяду, зная, что с близкими все в порядке, чем буду стоять рядом с их могилами или лежать под соседним памятником, радуя мир вечной улыбкой на портрете.

Я промолчала. Жизнь никогда не будет прежней. Один из слонов, на которых держится мой маленький мирок, наклонился к черепахе, чтобы обсудить этот вопрос, не удержал равновесие и упал в безграничный черный океан Смятения. Я знаю много людей, быстро переваривающих полученную информацию, чтобы на выходе порадовать мир своими выводами, которые ничем не отличаются от основного отхода жизнедеятельности. Я же предпочитаю переваривать долго и тщательно. Так же я предпочитаю не бросать свои выводы на вентилятор общественного мнения.

Мне сунули в руки тарелку. Потом немного подумали – и решили выдать ложку. Желудок уже чувствовал подвох, поэтому жалобно заскулил.

– Зачем же половину солонки опрокидывать в еду? Это – не еда со специями, а специи с едой! – простонала я, переворачивая ложкой какой-то овощ и со вздохом отчаяния дегустируя свою порцию.

Я, например, готовлю, но без особого фанатизма и под настроение. Сегодня я устало стряпаю ужин по принципу «я его слепила из того, что было», выуживая волосы из слипшихся макарон, понимая, что скоро стану автором бестселлера «Все полезно, что в рот полезло». Но уже завтра за дело берется богиня кухни. И сидит ее божественное величество возле духовки, нетерпеливо ерзая тарелкой по столу, молится на часы и вытирает слюни, капающие на стол. А потом дует на ложку так, что где-то на том конце мира должен бушевать торнадо.

– Зачем же так пересаливать? Там чуть-чуть можно... – продолжила я, опасливо глядя на автора. Он даже отложил ложку, поставил локоть на стол, подпер правым кулаком щеку, а пальцами уже несколько раз отбил траурный ритм.

Таким взглядом нужно не девушек в постель укладывать, а врагов в асфальт укатывать. Так смотрят мужчины, когда девушка, вместо того, чтобы лизнуть нечто трепетное и неустойчивое, от души куснула, вызывая бурю мужского негодования, крики и ненависть на всю оставшуюся жизнь. Еще бы! Кусать мужчин за самооценку могут только девушки с очень крепкими нервами. И по этому взгляду я сразу поняла, что, сама того не ведая, откусила огромный кусок от чужой самооценки и теперь улыбаюсь окровавленной улыбкой счастливой и совсем уже не голодной акулы.

Мне и моим знакомым в основном попадались «Хлопальщики дверями холодильника». Они проверяют холодильник каждые пять секунд, в надежде, что что-то изменится. Нет? Как так? А если сильно хлопнуть? Те же яйца только в профиль? Тю... Я так не играю! Помимо этого встречался «Шеф-повар быстрорастворимой кухни», «Я не знаю, что тут можно есть!» – эдакий робкий одомашненный элемент, рассматривающий полки холодильника, как начинающий грибник на поляну сомнительных грибов, «Посетитель домашнего ресторана» и «Пылесос». Но самыми страшными являются «Белые Едоки», которые знают, что «ужин близко», и идут на штурм ледяных просторов холодильника, сметая все на своем пути по принципу «что не съем, то понадкусываю!». А потом ледяным взглядом смотрят в тарелку, сообщая, что уже не голодны.

– Эм... – смутилась я, глядя в глаза «повару». – Нет, ну я высоко ценю то, что ты готовишь... В наше время встретить мужчину, который умеет готовить – большая редкость.

– Только руками такое сокровище не трогай! – обиженно усмехнулся Феникс. – Смотреть можно. Трогать нельзя. Как в музее.

– Скорее, как в зоопарке, – согласилась я. – Давай я готовить буду.

– Нет. Готовлю я, – покачал головой герой кулинарного триллера «Да не вытекут мои глаза». В нем вкусовые рецепторы гибли, как солдаты в Первую Мировую, а кто выживал оставались инвалидами.

Ложка легла рядом с отодвинутой тарелкой.

– Спасибо, было очень вкусно, – сухо ответила я, подавляя урчание проголодавшегося от волнения желудка. Пока вкусовые рецепторы поздравляли друг друга с тем, что сумели выжить в неравной борьбе с чужой стряпней, желудок орал благим матом, умоляя о капитуляции.

– Доедай! – скомандовал шеф – повар, глядя в мои страдальческие глаза. – Это – не моя прихоть. Здесь можно есть далеко не все, что продается. Если нищие довольствуются лепешками из плесени и крысбургерами, то для тех, у кого есть деньги, рынок предлагает совсем другие продукты. Основной принцип еды для богатых заключается в том, что ты будешь есть ее, пока не лопнешь. Желудок будет переполнен, как у бабушки в гостях, когда в тебя пытаются запихнуть последний пирожок, но чувство голода не исчезает.

– Давай ты не будешь упрямым и дашь мне возможность приготовить? – попросила я. Это – не желание блеснуть кулинарными познаниями, а банальная возможность покушать нормально. – Пожалуйста... Один разочек!

– А ты справишься? – скептически заметил Феникс, скрывая наползающую улыбку. – Учти, я помогать не буду.

- О чем ты? Я что? В первый раз замужем? – фыркнула я, понимая, что получилось как-то двусмысленно.

Через минуту меня завели на импровизированную кухню, вручили нож и закрыли за собой дверь. Я нашла какую-то миску, овощи, по виду напоминающие коричневые кабачки, нечто, похожее на ячневую крупу, и одинокую картофелину, выкопанную на полях Чернобыля. Огромный, как приличная дыня, глазастый и толстошкурый корнеплод меня порадовал. Одной такой картошки хватило бы на целую сковородку!

- А мясо есть? – громко спросила я, изображая хозяйшку.

- Нет, мы с тобой – веганы. Здесь точно, – заметил голос из комнаты. – Ну, Рыжик, удиви меня. Я просто сгораю от желания попробовать твою стряпню!

Я при помощи магической печати на стене сумела разжечь огонь, сварить кашу. При варке каша пахла влажной тряпкой, надолго забытой в пакете. Местная картошка долго отказывалась чиститься! Папа Карло вздохнул и погладил Буратино по его деревянной голове, пока я, высунув язык от усердия и обливаясь потом, пыталась разрезать это чудовище. Сначала я хотела покрошить его мелкими кубиками, потом подумала, что крупные тоже будут неплохо смотреться. Через пять минут у меня уже не стоял вопрос ««соломкой» или «колечками»». Как-нибудь!

Картофель был мылким и скользким, но я придерживала его, мужественно наворачивая из него стружку.

- Получай, скотина! – психовала я, сдувая прилипшую прядь волос с лица. – Да ты будешь резаться или нет? Та-а-ак! Куда?

Картофелина выскользнула из рук и шлепнулась на пол. Поймать ее на полу было очень непросто. Пришлось взять в руки нож и начать охоту. Пот катился градом, на огне подгорала каша. Запах стоял такой, словно зимой влажные, сопелые в сапогах носки сняли и повесили сушиться на батарею. Рядом с «жареными носками» в какой-то посудине плавали местные кабачки, напоминая по запаху клопа-вонючку.

Проявив должную сноровку, хитрость и тактику, я загнала картошку в угол. Моя огромная тень с ножом, лежащая в пыльном углу добыча напоминали постер к фильму ужасов. Есть! Попалась!

Готово! Пока я с усердием кромсала ее, выпиливая из нее фигурную мылкую стружку, с меня семь потов сошло. Кабачки пришлось тушить, чтобы потом отковырять их от днища посуды.

А теперь самое время попробовать полученный ужин. После второй ложки мне показалось, что в детской игре «Съедобное-несъедобное», я бы вряд ли стала ловить мячик при упоминании ведущим этого блюда. Во мне зародилось подозрение, что если прямо сейчас лизнуть крышку, я к своему ужасу найду в ней пятьдесят оттенков недурственного вкуса. Давать название получившемуся шедевру мне не хотелось.

На вкус блюдо было каким-то мылким, поэтому я с надеждой посолила его и добавила каких-то специй... Ничего, наверняка это очень полезное блюдо!

- Как успехи? - осведомился Феникс, заглядывая на кухню, изображая голодающего.

- Сейчас уже будем кушать! - деловым голосом сообщила я, раскладывая получившуюся смесь на две тарелки. Получилось даже с горкой!

Слегка отмыв кухню, прихватив две ложки, я двинулась в сторону комнаты. Гордо приземлившись на стул, я взяла свою ложку, готовясь подавать пример, как надо есть. Феникс с любопытством посмотрел на тарелку, слегка разворошил горку каши, а потом перевел на меня вопросительный и очень задумчивый взгляд. Он что-то выловил из тарелки, рассматривая с явным интересом. Ну да, большой кусок картошки. Ладно, не будем придирааться!

Я донесла до рта полную ложку, мужественно прожевала и проглотила, пытаясь изобразить радостную улыбку.

- Нормально! - сообщила я, пытаясь проглотить следующую ложку. - Ешь, пока не остыло... Не стесняйся!

Феникс поставил локти на стол, тревожно вглядываясь в меня. Он прикрыл рот руками, но я видела, как его брови ползут вверх, а глаза периодически закрываются. Он словно слегка покашливал, глядя, как я пытаюсь опустошить свою тарелку.

- Чего смотришь? Очень вкусно! Зря ты не пробуешь! - заметила я, набирая полные щеки собственной стряпни. Усилие воли, и я снова проглотила.

- Кушай, Рыжик, кушай... - едва слышно шептал Феникс, глядя, как я отважно несу следующую ложку ко рту. - Я рад, что тебе нравится... Какая же ты у меня хозяйшка... Смотрю, не налюбуюсь... Не Рыжик, а просто золотце! Что еще сказать... Я вижу, что ты быстро разобралась, что к чему... Я немного подожду, когда остынет... И что это за блюдо такое?

- Каша с кабачками и картошкой! - вспыхнула я, глядя на то, как он смотрит на свою порцию.

- Я поражен. А ты, оказывается, очень экономная. Да, Рыжик, с тобой не пропадешь! - снова заметил Феникс, глядя, как я вылавливаю кусок картошки. - Нет, ну и правда умница!

Я даже слегка покраснела. Нет, ну действительно приятно, когда тебя хвалят!

– А как пахнет! Пальчики оближешь! Теперь пальцы действительно придется облизывать! Мыла-то у нас больше нет, я так понимаю... – тихо-тихо заметил Феникс, глядя, как я поднимаю на него глаза. – Но ты молодец, почистила его как следует. Просто у нас не было картошки... Но ты сориентировалась! Просто золотце, а не Рыжик! Местный мыльный корень – отличная альтернатива!

Все содержимое моего рта вернулось обратно в тарелку.

– А кабачки тоже отличные. Только это не совсем кабачки. И да, когда –то они были съедобные... Я как раз собирался их выбросить. Но есть и хорошая новость. Каша – это каша, – продолжил Феникс, тяжело вздыхая. – Ты запомни рецепт. Будешь готовить для своей любимой половинки. Вот радости-то будет! Дорогая, а что у нас на ужин? Мыло печеное, каша моченая и протухшие кабачки! Кушай, любимая половинка! Приятного аппетита!

Что это за выражение? Половинка? Мне половинка не нужна! Мне бы целого. Нет, ну мне попадались половинки. В основном нижние половинки, где из-за отсутствия головного мозга эту почетную миссию на себя берут другие части тела. Попадались и исключительно верхние половинки, которые в силу своей ущербности предпочитают заниматься любовью вербальным путем. И, конечно, приятно, когда две нижние половинки находят друг друга. Им есть чем заняться. Так же приятно, когда друг друга находят верхние половинки. Им тоже не скучно. Куда трагичней, когда верхняя половинка находит нижнюю. Казалось бы, – пасьянс сошелся, но жизнь показывает, что так не бывает!

– Рыжик, ты сегодня – молодец! Еще и сантехнику помыла! С мылом. Просто не ожидал такой хозяйственности! Кстати, продукты были в шкафчике, но поскольку ты «не первый раз замужем», я решил, что ты сама сориентируешься... – раздался голос за дверью, пока я возвращала ужин.

В кармане засветился шар. Он стал нагреваться, поэтому пришлось вытащить его мокрыми руками. Я как раз умывалась, поэтому для меня это было неожиданностью.

– Меня вызывает какой Гиас... Завтра в два часа! – простонала я, пытаюсь удержать шар в мокрых руках.

– Отклоняй, – заметил голос за дверью. – Он сильный маг. Его специализация – молнии. Его бы я устранил вне круга. Слишком большой риск. И если побираться к нему, то постепенно... Один раз отклонить можно. Нельзя отклонять три вызова подряд. Тебе волосы подержать? Или сама справишься?

– Нет, спасибо! – икнула я, пытаюсь удержать шар скользкими руками. Шарик упал в ванну. Я решила его достать из ванны и после короткой подводной одиссеи правой рукой с ужасом осознала, что случайно... согласилась.

Пара мучительных секунд тишины.

- Эм... - простонала я, проклиная сегодняшний день. - Я ... эм... случайно согласилась... Шарик выскользнул из рук...

Дверь распахнулась.

- Ну что, Рыжик, поздравляю! - вздохнул Феникс, отбирая у меня шарик. - Этот кретин не щадит никого. Так что ты - молодец. Давай пожму твою мокрую лапку, которая только что подписала себе смертный приговор.

- Я не... А можно как-то объяснить всем, что это получилось случайно? По ошибке? - я села на пол. - Отозвать свое «да»?

- Свое «да» можно отозвать только в ЗАГСе. Здесь это невозможно, - мрачно заметил Феникс, тяжело вздыхая.

Мы сидели на диване, в разных его концах и молчали. Шарик - виновник торжества лежал на столе. Я задумчиво прикидывала, кто первый заинтересуется моей пропажей, кто будет обзванивать всех знакомых, пытаюсь выяснить, когда меня видели в последний раз, подумывала заранее вызвать скорую и оставить дверь открытой, чтобы мой интригующий запах не смущал соседей, проходящих мимо моей двери.

- Ты что-то придумал? - робко поинтересовалась я, глядя на профиль «генератора идей». Хм... То, что у девушки смотрится «катастрофой», у мужчины смотрится мужественно и симпатично. Я тяжело вздохнула, понимая, что надежды нет. Совсем нет.

Внезапно Феникс встал, прошел в соседнюю комнату, которую открыл при помощи заклинания, взял оттуда пять толстых книг и двинулся в сторону единственного санузла.

- Ты куда? - простонала я, с ужасом глядя на стопку книг. - Ты надолго?

Феникс посмотрел на меня, едва улыбнувшись и потрясая своей макулатурой.

- Пока все не проработаю, - ответил он.

Мир, который до этого момента особо не пестрил яркими красками, померк совсем. В голове промелькнуло: «Три недели спустя...».

- Не переживай, если все пойдет нормально, то я быстро, - заметил Феникс, открывая дверь в ванную и закрывая ее за собой. Через десять минут я поняла, что у меня есть неотложное дело. И отсрочка чревата последствиями.

- Ты там скоро? – маленькой мышкой робко поскреблась я.

- Нет! – раздался категоричный ответ, сопровождаемый шумом воды.

Я немного походила по комнате, повалилась на диване, а потом снова подошла к двери.

- Ты там еще долго? – спросила я, уже чуть громче. Естественные потребности всегда дают прибавку к наглости.

Что-то с грохотом упало вниз. Я сделала круг почета по комнате, считая шаги, чтобы отвлечься.

- Мне очень туда надо! – простонала я, танцуя перед дверью. Всплеск воды и громкая ругань, заставившая меня отшатнуться подальше. – Пожа-а-алуйста! Я тебя очень прошу!

У меня такое чувство, что все неприятности долго собирались перед дверью в мою жизнь, как гости, решившие устроить сюрприз на День Рождения!(.) Все в сборе? Все! Отлично! А вот и мы!

- Фенечка, золотце... Я тебя умоляю... – проскулила я, подергав на всякий случай входную дверь. Закрыто. – Мне действительно туда очень – очень надо... Фенечка, я прошу тебя...

В ванной вода шла сплошным потоком. Сквозь дверь я слышала ее гул и тихую ругань.

- Фенечка... – я медленно осела рядом с дверью. На глазах выступили слезы. – Я тебя, как человека прошу... Ты уже час там сидишь! Что ж там такое? Может, ты попозже? Соберешься с мыслями?

Снова грохот и ругань, а потом сплошной поток воды, которая медленно выплывала из дверной щели.

- Фенечка, – молилась я, глядя на воду. – Я понимаю, что ты очень долго терпел... Но тут вытекает...

- Не мешай! – достаточно раздраженно ответил мне «оккупант».

Через десять минут поток воды достиг столика. Я схватила подушку и одеяло, подложила под дверь, в надежде, что это спасет нас от потопа.

Когда надежда была потеряна, я увидела, как, словно в сказке, скрипнула дверь, выпуская поток воды, мокрого Феникса, сжимающего влажные книги. Стена была в трещинах. Печати над ванной были разрушены. Одна печать отсутствовала. Вместо нее была дырка в штукатурке.

Взглянув на меня и на огромную лужу на полу, «оккупант санузла», поинтересовался:

– Тебе еще туда надо?

Выглядел он расстроено, но я уже пулей, шлепая босыми ногами по воде, шмыгнула в ванную и закрылась изнутри. Я попробовала дотронуться до одной из оставшихся печатей, но мне в лицо брызнул поток воды. Прямо из стены! Захлебываясь и пытаюсь нащупать соседнюю печать, чтобы его остановить, я шарю руками по стене. Поток иссяк. Но не до конца, журчащим водопадом стекая со стены прямо в ванну.

Вытерев наскоро последствия, чавкая мокрым ковром, я поползла до дивана, чувствуя, что промокла насквозь. Мне молча бросили чистую одежду. Мокрая подушка и одеяло сушились на спинке стульев.

– Плохи наши дела, Рыжик, – заметил Феникс, разлепляя мокрые страницы книги. – Ладно, ложись спать. Чего смотришь на меня? Сама виновата!

Я поникла. Лежа на диване и мучаясь от того, что у меня затекла шея и замерзли ноги, я страдала. Меня убьют. Точно убьют... Мне было так страшно и тревожно, что я тихо всхлипнула, ощупывая пространство вокруг себя на предмет покрывала, которым можно накрыться с головой. Слезы катились по моим щекам от обиды на такую дурацкую случайность.

– Давай, поднимайся. Сегодня будем спать на одной кровати, пока твоё постельное сушится, – услышала я голос Феникса.

Я молча поплелась за ним, разглядывая красивую спальню.

– Твоя половина кровати. Моя половина кровати. Одеяло – одно на двоих. Подушка – тоже, – сообщили мне, пока я разглядывала огромную кровать, украшенную золотыми вензелями и алым покрывалом. Одинокая подушка лежала прямо по центру, символизируя гордое и состоятельное одиночество.

Я молча завернулась в свой кусочек покрывала, отползла к своему краю, уступая подушку хозяину. Покрывало дернулось, оповещая меня о том, что кто-то тоже завернулся в него с той стороны. Я лежала и бесшумно всхлипывала, понимая, что уснуть не могу.

- Рыжик, я на тебя обижен. Очень. Это ж надо было так умудриться! – услышала я голос на том конце.

Я тяжело вздохнула и промолчала, поджимая под себя ноги.

- Чем ты думала? – снова раздался недовольный голос.

Хороший вопрос! Я свернулась в клубочек, положив руку под голову и задумчиво глядя на стену. По щекам текли слезы. Я столько всего хотела сделать в жизни... Столько всего придумала...

- Рыжик? – услышала я позади себя. – Ты что? Плачешь? Эй, Рыжик?

- Ты это мне? – проскрипела я, выдыхая жар внутренних переживаний и чувствуя, как рука намокла от слез.

- Нет, я тут кошку минуту назад завел! Назвал в честь тебя! И теперь боюсь ее до судорог! – фыркнул голос позади меня. Покрывало зашевелилось.

Неудачная шутка вызвала у меня приступы неудержимых рыданий.

- Рыжик, ползи на середину кровати! – одеяло снова дернули, и оно соскользнуло с меня.

Я еще сильнее сжалась в клубочек, обнимая себя за плечи.

- Кому сказал! – услышала я не хорошие интонации, чувствуя, как меня тащат силой на середину кровати, укладывая на подушку. Я попыталась отвернуться.

- Я хочу поговорить с тобой, а не с тем, чем ты думала! Лицом ко мне! – достаточно жестко потребовал Феникс. – Повернулась лицом ко мне! Так, мне это надоело! Что это за игры! Я хочу с тобой серьезно поговорить. Быстро прекратила реветь! Слушай меня внимательно. Завтра я еще подумаю над этим. У меня есть идея. Звучит она бредово, но я надеюсь, что сработает. Я завтра в интернете еще посмотрю.

Я глубоко вздохнула, смахивая слезы.

- Так, я не понял. Кто тут решил годовую норму осадков выдать? Все, прекращай. Я кому сказал? – Феникс закатил глаза. – Ты прекратишь плакать или нет? Давай, расскажи мне, о чем ты мечтаешь?

– Но мы же договаривались, что не будем друг другу ничего рассказывать! – заметила я, вытирая щеку.

– Ничего о работе, семье, друзьях, знакомых и так далее. Но мы не договаривались не говорить друг другу про мечты, про то, что нравится, а что не нравится, про то, что чувствуешь... Двигайся! Подушка одна осталась!

Я со вздохом подвинулась.

– Знаешь, у меня есть ... – я прерывисто вздохнула, – кружка. И она мне очень нравится... Она стоит у меня на полочке... Подарили.... Я никогда из нее не пила... Я берегу ее... Для какого-то особенного случая... Нет, ну она действительно великолепная... Я не знаю, где ее купили, но выглядит она...

В горле стоял ком. Я хлюпнула носом.

... как принцесса... И я давно мечтаю налить в нее чай, отрезать большую дольку лимона, сесть и наслаждаться ею...

– И что тебе мешает? – осведомился Феникс, ерзая на подушке.

– Не знаю... Мне ее жалко... А вдруг я ее случайно разобью? Буду мыть посуду, она выскользнет из руки, и все... – я даже вздрогнула, представляя, как собираю по полу осколки. – А еще есть платье... Оно очень милое... Но я его не купила... Оно висит на витрине... Сейчас там даже на него скидка... И я каждый раз проезжаю мимо него и думаю, как было бы здорово его померять, но...

– И снова тебе что-то мешает? У тебя нет денег на это платье? – со вздохом спросил мой «соподушечник».

– Ну как бы есть... И как бы нет... Это сложно описать... Ой! Ты говорил, про то, что платье нельзя говорить... Я забыла... – спохватилась я. – Видишь, я нарушила правило... Извини...

– Сколько оно стоит? – поинтересовался Феникс. – У тебя есть карточка? Давай ты выучишь завтра наизусть ее номер, напишешь мне здесь, и я перекину тебе деньги. Потом покажешь мне чек, что ты его купила.

– Нет! – я даже вскочила. – Не надо! Понимаешь... Ну как бы тебе объяснить... Это – просто мечта... И если я его куплю, то оно перестанет быть мечтой! Знаешь, ожидание праздника намного лучше самого праздника... Мне нужно было срочно придумать себе какую-нибудь «сбыточную» мечту, потому, что несбыточных у меня и так хватает... И если эта мечта исчезнет, то придется придумывать себе новую... сбыточную...

– Рыжик, у тебя одна-единственная жизнь. Одна. Другой нет и не будет. А ты даже жить не умеешь! Существовать ты как-то научилась, выживать тоже. А жить у тебя что-то не получается. Собирай свои мечты, откладывай их подальше, ни в коем случае не пытайся их исполнить! Жизнь может оборваться в любой момент. Я не говорю о поединках. Не хотелось бы об этом говорить, но это – правда. И что тогда делать с твоими «сбыточными» и «несбыточными» мечтами? Кто будет их осуществлять? Кто-то купит твоё платье, поносит и выбросит... Кто-то заберёт твою кружку, будет пить из неё, даже не догадываясь о том, что эта кружка – твой священный Грааль, – усмехнулся Феникс. – Ты с неё пылинки сдувала, а кто-то в ней ложкой колотит, как глухой звонарь. Или даже хуже! Оставляет её немытой, с прилипшим сахаром и черным чайным налетом. А потом она найдет свой последний приют в помойном ведре. Так всегда бывает. Для кого-то – мечта, а для кого-то – ничего особенного. Мой тебе совет, Рыжик. Не откладывай свою жизнь в долгий ящик. И сама туда не откладывайся раньше времени. Все, удачного дня!

– И тебе удачного дня... – эхом ответила я. Мы повернулись друг к другу спиной, немного повоевали за одеяло, поворчали друг на друга и улеглись.

Глава девятая. Белка на стрелке

Попутного ветра в горбатую спину.

Вылезать из-под одеяла не хотелось. Под ним образовался маленький теплый и уютный мирок, который меня никак не отпускал. Я представила, как скидываю одеяло, чувствуя утренний холод большого мира, меня слегка знобит, пока я ищу теплые носки и кутаюсь в халат. Нет... Полежу-ка я еще немного. Будильник прозвенел три раза подряд. Все, пора! Как чемпионка мира по биатлону, в сползающих носках и тапках, которые на три размера больше, я скользнула на кухню. Сквозь бежевые занавески пробивался яркий солнечный свет, а столбик термометра показывал непредусмотренное календарем потепление. Чайник отключился, пакетик чая уже болтался в моей старой кружке, а сердце требовало открыть шкаф. Через минуту рядом со старой кружкой стояла новая. Вместе с блюдцем.

Соседний стул был пуст, но я осторожно подвинула мою любимую кружку в его сторону. Создавалось впечатление, что кто-то только что сидел рядом со мной, пил чай, а мы о чем-то болтали... И этот таинственный «кто-то» только что встал и вышел. Интересно, куда он пошел? Я отхлебнула чай, задумчиво глядя в окно. Может, на работу? Чтобы вечером вернуться и рассказать мне, как прошел день. Я буду слушать с удовольствием. И про козла – директора, и про придурка, который вместо того, чтобы сделать, как ему сказали, решил все сделать по-своему, про клиентов, которым не угодишь, про дедлайны, про чужие косяки, нуждающиеся в исправлении. Даже если что-то мне будет неинтересно, я не подам виду, понимая, насколько это важно для моего «кого-то». Пусть я не разбираюсь в каких-то деталях, имею смутное представление о том, кто все эти люди, о которых мне рассказывают, прихлебывая чай из моей любимой кружки, но если Сан Саныч – козлина, кинувший на зарплату, я соглашусь. Пусть на самом деле Сан Саныч – добрейшей души человек, жертвующий половиной своего дохода благотворительным фондам, сажающий деревья в свободное от работы время и раздающий детям конфеты, но он поступил несправедливо по отношению к моему «кому-то». И за это заслуживает моего личного осуждения и порицания! Как он посмел обидеть моего «кого-то»? А потом я буду лежать и переживать из-за того, что мой «кто-то» расстроился. Я буду обнимать его и говорить, что все будет хорошо. И если вдруг он захочет поменять работу, то я поддержу. Обниму и скажу, что нечего мучиться и выслушивать постоянные придирки начальства. И пусть с деньгами первое время будет тяжело, но мы справимся!

Я снова посмотрела на стул и на кружку. Может этот «кто-то» просто ушел в магазин, чтобы купить что-нибудь к чаю, и вот-вот наберет мой номер и поинтересуется: печенье брать с начинкой или на шоколадной подушке? Просто ему очень важно, понравится ли мне? А я уже грею чайник, с замиранием сердца ожидая, когда откроется дверь.

Хотя нет, он, скорее всего, поцеловал меня в щеку, набрал номер жены и сообщил, что престарелая двоюродная тетя, у которой он сейчас находится и которая так сильно последнее время болеет, передает ей пламенный привет. А потом за ним закрылась дверь, оставив меня в одиночестве. Где-то на том конце города, страны, мира, его ждет любящая жена, детишки, которых он обязательно потреплет по голове и поинтересуется: «хорошо ли они себя вели?» А я буду задумчиво смотреть на телефон, с замиранием сердце ждать СМС-ку, написанную тайком от благоверной. Или просто смайлик с сердечком. Чтобы это сердечко грело меня целый день, а я с рассеянной улыбкой доставала телефон, радуясь, что мне тоже достался осколочек чужой любви, теплая зола, тайком принесенная из чужого семейного очага. Нет. Не хочу греться у чужого костра, собирать чужие осколки, питаться иллюзиями. Мне не нужна половинка. Ни нижняя, ни верхняя, ни правая, ни левая...

Я отогнула занавеску, щурясь на яркое осеннее солнце. Раньше я бежала, спотыкалась, падала, поднималась. И солнышко всегда мне светило, всегда утешало, осушало слезы. И я снова бежала. А теперь я иду по жизни осторожно, как сапер по минному полю, проверяя почву под ногами. У меня нет времени смотреть на солнце. Я просто смотрю себе под ноги.

Хотелось надеть розовое платье и туфли, но поиски колготок показали, что последние капроновые обитатели моей Нарнии пали смертью храбрых в неравной борьбе с чьим-то зонтиком. Хотя нет! Вот! Ничего себе! Я про них и забыла! Дырок нет? Есть... Замазанная лаком и зашита на большом пальце. Теперь большой палец левой ноги так игриво блестит фиолетовыми блестками. Отлично! Пойдет.

Солнце уже пробило голубой лед занавесок в комнате, освещая пыль, застывшую в солнечных лучах. А я ощущала себя так, словно иду не на работу, а на светский раут.

И вот я уже неспешно иду на работу, вдыхая полной грудью терпкий и прелый запах осени, перепрыгивая через зеркальные лужи. Автобус остановился аккуратно напротив платья моей мечты, пропуская сонных пешеходов. Я немного засомневалась, глядя на часы. Эм... Десять минут... Пока доеду... Я ехала сидя в переполненном салоне. Если я сейчас выйду, сбегаю в магазин, то потом придется еще двадцать минут торчать на остановке, потом ехать стоя... А вдруг успею?... Дверь открылась, а я все еще сомневалась. Дверь закрылась, и автобус тронулся. Я выдохнула и откинулась на спинку кресла. На ключах телепался мой «счастливый» заяц. То, что это заяц – можно угадать по очертаниям. На самом деле, за зайцем уже несколько раз приходил Мойдодыр, но я его так и не отдала.

Стоило мне открыть дверь в офис, как сразу стало понятно, что что-то не так. Посреди офиса раскинулось море широкое, на потолке расплзлось абстрактное пятно, которое обязательно взяло бы первый приз на выставке авангардного искусства.

– Ля.... – тихо сглотнула я, задрав голову и вспоминая нотную грамоту. Я еще помню, как выглядит нота «до». Если есть нота «до», то должна быть и нота «после».

Сомнений в авторстве не было. И я горела желанием выразить свое восхищение создателю этого биеннале, но пока что слов не находила. Автором этого была бабка – кошатница, эксперт по компьютерному излучению, идущему от нас, от которого у нее «завяла хвIALочка на подоконнике», мастер спорта по скорости написания жалоб во все инстанции: «да я дойду до президента!», почетный донор отрицательных эмоций: «шоб у вас руки отсохли!». В ее квартире было неофициально прописано восемнадцать кошек. Устав от приторных сериалов, старушенция решила снимать свой. Суровый и жестокий. В режиме онлайн. Для этого ей понадобились котик и кошечка, заботливо подобранные на ближайшей помойке. Мурзик и Мурка стали родоначальниками кошачьего рода, а потом понеслась, полосатая... Весь подъезд знал, кто кому из усаых приходится кем, у кого от кого свежая порция котят. И поверьте, Древний Рим, известный своими легкими нравами, завистливо присвистнул, узнав, что Мурка родила от своего внука Барсика Второго, а племянница Мурки Третьей родила от своего отца, Мурзика Шестого. Иногда кто-то из пушистых сбегал через форточку, прибегал к нам, а потом резко убежал обратно, унося отпечаток диминог ботинка на своей кошачьей попе. И пока коты проедали бабкину пенсию, она проедала мозги всем окружающим.

На моем столе была вода. Димин стол разбух, а на его проектах красовались размытые кляксы. Светин стол пострадал меньше всех. Его репутация была почти не подмочена. Принтер тоже попал под «дождик» вместе с заложеной в него бумагой. Мой монитор был залит водой и не подавал признаков жизни, димин системник стоял в огромной луже. Вообще-то, я – за равенство полов, но архитектор, который проектировал помещение, не был моим единомышленником, поэтому весь ручей потек к Диме и ко мне. Бросив на диван ноутбук, разувшись, я бегала в розовом платье, как Пятачок. «Кажется, дождь собирается!». Позвонив директору, я послушала длинные гудки и продолжила спасать имущество фирмы. Вода лилась по стенам. Обои отслаивались, ламинат вздувался.

Если я ничего не предприму, то меня утопят. Не как Сенька Разин невесту, скорее, как глухонемой Герасим Муму. Бултых! И все...

Даже в моей кружке набралось воды столько, что можно смело греть ее и пить чай. Глядя, как искрит залитая водой розетка, я шарахнулась подальше. Обрывки сведений из фильмов не рекомендовали мне совершать круиз к своему столу. Для теплохода «Леся Медведева» это будет последнее плавание. Пришлось бежать к автоматам. Переминаясь с ноги на ногу, грызя ногти, как сапер, я решила отключить все! Свет погас, а я выдохнула с облегчением.

Разувшись, я почапала к своему столу, сгребая размокшие проекты и оттаскивая все на диван – ковчег. Светины бумаги почти не пострадали, а вот от диминых остались слипшиеся воспоминания. Мечты сбываются! Хотела Леся море в этом году – получай! Вытерев с пола воду, я обулась и поскакала наверх, дабы достучаться до старушенции. Старушенция забаррикадировалась в своей квартире и говорила, что у нее: «Ничего не течет». «Это мы сами себе потолки залили, чтобы свалить все на бедную старую женщину!» – услышала я сквозь дверь, под нестройное «Мяу!». Бабка явно пошла по стопам спартанцев, держа глухую оборону. И, вполне возможно, именно в переполненной ванной она решала судьбу жертв кошачьего инцеста.

Поток воды прекратился, я уселась за Светин стол, перебирая проекты. Это – мой, это – мой, это – не мой, этот можно выбросить... Ой-е-ей! Кошмар! Так, Леся, спокойно. У тебя он на флешке есть. Выдыхаем... А это какой год? В мусор!

– Светлана! – раздался голос, от которого я вздрогнула. На пороге стоял мужик, лет под

сорок, с посеребренными висками и очень тяжелым взглядом. В его руках был проект и ключи от машины. Я вежливо поздоровалась.

– Да я вас...! – процедил мужик, шлепая на влажный стол проект.

– Я – не Света. Я – Леся. Света на больничном. А в чем дело? – поинтересовалась я, мысленно утирая холодный пот.

Оказалось, что герой, который нервно теребит ключи от машины – капитан дальнего плавания. Он ушел в рейс на полгода, завещав своей благоверной продолжить осуществление заветной мечты по строительству семейного гнездышка. И та разодетая курица со сладким запахом духов, на который слетались все насекомые в радиусе километра – и есть духовный наследник великого мореплавателя и деньгозарабатывателя.

«Жил отважный капитан!» – мысленно пропела я, мучая пальцами своего зайца на ключах. Зайчик-зайчик. Помоги...

Пока капитан дальнего плавания бороздил океан и сражался со штормами, его супруга взялась за дело со страшной силой и фантазией. Так опытный морской волк стал обладателем проекта кукольного домика в три этажа, розового цвета, с помпезными колоннами и кучей архитектурных наворотов, благодаря которым дом должен стать местом паломничества начинающих архитекторов и дизайнеров под эгидой «Так делать нельзя!», местной достопримечательностью, отмеченной на карте города с пометкой: «Это просто жесть какая-то!» и местом для фотосессий кукол Барби.

– Вы что? Сами не видите? Это же ... какой-то! – орал он командирским голосом. Но сегодня я уже драила палубу, вахту несла на постоянной основе, а на корм акулам меня пускать не за что. – Вы что? Слепые? Какого черта? Вы видели, что это? Вот что это такое? Как в этом можно жить? Объясните мне, Света.... Тьфу ты, Леся!

Я вспомнила истеричку, вспомнила, как Света, скрепя сердце, сделала все, как она сказала.

– Как нам сказали, так мы и сделали, – спокойно ответила я, сжимая под столом своего зайца. Директор прислал СМС, что сейчас занят и перезвонит попозже.

– Сейчас, сейчас, – пообещал капитан, доставая телефон и набирая номер. Через минуту на пороге появилась очаровательная блондинка, брезгливо осматривая наш потоп.

– Саш, я им все говорила. Но они сделали все по-своему! Я вообще колонны не заказывала! Но мне сказали, что тогда крыша держаться не будет! Поедет! И на счет розового я была категорически против! Но меня убеждали, что это – отличный цвет! Я хотела персиковый, как мы с тобой, Сашуня, обговаривали. Не знаю, почему они решили, что дом должен быть розовым! Я сама в шоке! И вообще – это шарага какая-то! Я тебе говорила, что надо в нормальной фирме проект заказывать! – блондинка посмотрела на нас белым лебедем, к которому не липнет грязь этого мира.

Я за это платить не буду! Все, до свидания! Ждать вашего директора я не собираюсь! Не хочу убивать время! Пойдем, Элечка, пусть сами себе такое строят! – дверь захлопнулась, оставляя на влажном столе увесистый черновик проекта. Пациенты палаты номер девять помахали мне смирительной рубашкой.

После моей СМС-ки, больше похожей на жалобу в Гаагский трибунал, прилетел Карлсон. И сразу же очень огорчился. Кусочек зарплаты мне все-таки отщипнули. Остальное обещали на днях. А пока моя задача – дожидаться комиссии.

На телефоне было с десятков пропущенных от сайтостроителя Игоря. Потом он притих. Раздался звонок с незнакомого номера. Связь почему-то прерывалась, создавая впечатление, что абонента на том конце забивают палками. Может, он хотел сказать мне что-то очень важное, но пока что я слышала икание и предсмертные хрипы. Связь оборвалась.

Через десять минут перезвонил уже другой номер.

– Здравствуйте, Лена, – голос был холоден и спокоен. Связь снова начала выпендриваться, не давая мне понять ничего, кроме слова «директор». Чего директор? Кого директор? Или меня хочет какой-то директор? Или кто-то хочет нашего директора? – ... вопрос, когда мы увидим ваши фотографии? Игорь не мог до вас дозвониться.

– Какие фотографии? – уныло переспросила я, глядя на часы. – Вы вообще о чем?

– Ваши личные. В анфас и в профиль! – неприятно заявил собеседник. – Хорошо, я не так выразился. Картинки для сайта! Штук двадцать удачных картинок. Игорь звонил вам, вы не отвечали. А еще вы обещали прислать техническое задание. Вы понимаете, что такими темпами мы не уложимся в сроки.

– Аааа! – я уже начала въезжать в тему разговора, мрачняя и закатывая глаза. Сайт... Не хочу... Убейте, не хочу этим заниматься! – Давайте попозже... У нас тут ЧП! Офис затопило, понимаете! Давайте я вам на днях все пришлю!

– Договорились. На днях, Лена. Почта указана на визитке. Скидывайте все туда. Всего хорошего, – звонок отключился.

Остаток дня я ждала комиссию. Пока комиссия оценивала ущерб, оставляя грязные следы на вздувшемся ламинате, цокала языком и заполняла акт, я получила втык за то, что не запечатлела на камеру изначальный урон, поэтому теперь трудно будет доказать. Вдруг я тут сама с ведром воды бегала и технику заливала, в рамках программы обновления технопарка за счет одинокой пенсионерки? Попробуй, докажи!

Домой я попала в четыре часа. Уже дома я перебрала фотографии проектов, на «отвалите» собрала папку и отправила прямиком на адрес, указанный в визитке. Все! Справилась!

Я сидела, глядя, как на улице уже стемнело, допивала чай и доедала макароны. Мои мысли возвращались к предстоящему поединку. Он ведь что-нибудь придумает? Не так ли? Чудовище по имени Неизвестность подкралось, схватило меня за душу и начало медленно с наслаждением терзать.

Какая же все это ерунда, если посмотреть на это со стороны. Сайт, работа, клиенты и так далее... А ведь я могла бы прожить другую жизнь! Интересную, яркую, насыщенную. А так даже вспомнить особо нечего. Детство под присмотром тоталитарной бабушки: «Одна уже нарядилась, одна уже погуляла! Вон прогулка сидит!». Моя мама в свои семнадцать лет сразу после школы нарвала букет по имени Леся, придумала ему отчество и подарила бабушке. Сама же мама решила начать личную жизнь с чистого листа. И «чистые листы» даже не подозревали, что где-то в другом городе сидит у окна маленькая рыжая девочка, похожая на маму. И думает о том, что мама обязательно придет. По ночам девочке снится, как мама заходит в квартиру, как обнимает ее и говорит, что соскучилась и больше никогда-никогда не уедет. Девочка даже записывала в своей тетрадочке все, что хотела рассказать маме при встрече. Чтобы не забыть. А то столько всего накопилось! И пятерка по географии! Единственная в классе за контрольную! И благодарность родителям за примерное поведение. И открытки, сделанные своими руками! Все они бережно лежат в тетрадочке и ждут маминого приезда. Мама звонила очень редко, но когда в коридоре раздавался звонок, девочка со всех ног бежала к аппарату, в надежде, что это – мама. Мама всегда обещала приехать. На День Рождения! Точно-точно! Просто у нее сейчас много дел. На заднем плане слышались детские голоса. И девочка ждала. Она старательно записывала в тетрадку все – все-все. Одни тетрадки кончались, начинались другие, новые. В День Рождения девочка сидела, как на иголках, прислушиваясь к двери. Мама? Нет, тетя Саша. Мама? Нет, почтальон. Газету принес. Мама? Нет, это соседи открывают дверь... До мамы – сто девяносто четыре километра! Девочка знала это точно. Она никогда там не была, но сто девяносто четыре километра – это ого-го! И мама просто едет долго... А потом девочка лежала в кровати и слышала, как в коридоре бабушка кричит: «Совести у тебя нет! Леся тебя целый день ждала!». А девочка накрывается одеялом с головой и молча умоляет бабушку не кричать на маму. Мама не виновата, что у нее много дел! «Леся, ты спишь? Иди, поговори с мамой! Только недолго! Межгород!» – бабушка поднимает меня с постели. Я шлепаю босыми ногами в коридор, под грозные оклики: «Куда без тапок! Застудишься!». «Поздравляю, Еська, с Днем Рождения. Желаю тебе всего хорошего. Слушайся бабушку и хорошо учись! Все, целую!». И слезы моментально просыхали. Мама меня поцеловала! Поцеловала! Представляете? И так хорошо, так уютно, так светло стало на душе от этого поцелуя. Девочка прижимает трубку старого телефона к щеке, наматывает на палец черный пружинистый провод и шепчет: «Я тебя тоже целую, мамочка!». Но на том конце уже идут короткие гудки. Но мама ведь слышала? Точно слышала... «Я люблю тебя, мамочка! У меня все хорошо! – шепчет девочка, вслушиваясь в гудки. – Я хорошо учусь... Могу показать свой дневник! Там нет ни одной четверки! Ни одной! А еще я сегодня была на танцах... У меня получается лучше всех ... Даже у Кати так не выходит! Я очень-очень стараюсь, мамочка».

Это сейчас я понимаю, как все обстояло на самом деле. Но тогда... Тогда... Я нашла маму в соцсети, узнала, что у нее есть муж и двое детей. Мальчик и девочка. Мальчик меня младше на три года. Девочка на пять. Максим и Вика. На фотографиях она счастлива, улыбается, обнимая свою семью. Я за нее очень рада. И поцелуй, оставленный мне много лет назад, до сих пор меня иногда согревает. Открою секрет. Я скачала одну мамину фотографию, добавила к ней себя и распечатала. Вот так. Будто мы с ней вместе фотографировались. Я и мама.

До самого вечера я листала и перечитывала свою жизнь, вспоминая ее отрывками. Да, меня воспитывали в строгости. И бабушка, как мантру, повторяла волшебное слово «нельзя!». А я находила причину, почему мне уже этого самой не хочется. Гулять? А что на улице делать? Погода ужасная! Вот-вот дождь пойдет! Красивая кофточка? Мне она самой уже не нравится! И в поход нет смысла идти с одноклассниками! Еще бы, в такую

даль! И в кино не хочется. Совсем-совсем! Я что? Не могу фильмы дома посмотреть? Вон сколько фильмов крутят! Садись, смотри!

В девять я легла в кровать, погасив свет и спрятав заветные тетрадки в стол.

Проснулась я на большой кровати, обнимая подушку, завернувшись в одеяло, оставив соседа по койко-месту с протянутой в мою сторону рукой. «Рыжик, имей же совесть! – как бы говорил он своим жестом. – Верни на родину! Дайте этому человеку деньги, чтобы она купила себе совесть!». А я обнимала честно конфискованное имущество, прижимаясь щекой к мягкой и теплой подушке. Меня смутила только моя нога, которая норовила спихнуть с кровати спящего Феникса.

Я немного полежала, завернувшись в одеяло. Ногу я убрала.

– Рыжик, – услышала я голос, прижимая к себе подушку. – А ты, оказывается, – бессовестная девочка. Пустил к себе на кровать, а ты меня ограбить решила. Делиться надо!

– Пусть клетки делятся, – сладко заметила я, потершись щекой о подушку. – Как ты там говорил? Украл, выжил – молодец! Вот... Я, между прочим, имею юридическое образование! Так что не надо «ля-ля»!

– Рыжик, – услышала я, чувствуя, как ко мне подползают с целью восстановить справедливость. – Иди сюда, Рыжик. Сейчас я молодцом буду!

Я вцепилась в подушку, отбиваясь.

– Так, Рыжик, прекрати. Дай мне еще часик. У меня там чай стынет, – у меня отобрали подушку и одеяло. – Ты можешь гулять по всему дому, но комнату с желтой печатью не открывай.

Он лег так, чтобы на подушке оставалось еще место с моей стороны. Но я спать не собиралась. Странно получается. У нас как бы два тела. Интересно... И пока одно мирно спит там, другое бодрствует здесь. Причем, в моем случае, я не вижу никаких кардинальных различий. Удивительно, никогда бы не подумала, что такое возможно.

Дом был куда больше, чем кажется на первый взгляд. В одной комнате была женская гардеробная, оставшаяся от предыдущей хозяйки. Так вот откуда берутся эти развратные наряды! Я посмотрела на пыльную полку возле зеркала, где стояли какие-то пузырьки с косметикой. Как интересно! Чуть дальше была комната с книгами. Книг было очень много. Там же стоял столик и кресло. Неплохо! А вот и комната с желтой печатью. Нет, не буду ее открывать! Я прекрасно помню сказку о Синей Бороде. «Ты туда не ходи! Ты сюда ходи! А то топор в башка попадет, совсем мертвой будешь!».

Сидя на диване и листая страницы первой попавшейся под руку книги, я чувствовала

себя полным ничтожеством. Тут пишут, что зажечь огонек в руках может даже ребенок с невысокими интеллектуальными способностями и слабой концентрацией. Я сглотнула, чувствуя себя особо одаренной. Особенно, после десяти неудачных попыток, руководствуясь незамысловатой инструкцией. О! Вот тут про дым написано! Тэк-с! «И пусть говорят, что нет дыма без огня, я как учитель со стажем, основываясь на личном опыте, могу смело сказать, что существует основной критерий отбора учеников. Если ученик может зажечь огонь в руках после первого занятия, то он пригоден к дальнейшему обучению. Если вместо огня идет дым, то это, считайте, – приговор!»

Да, вмазали мне по самооценке так, что синяк остался. А следующими абзацами ее просто забили, как гопники ногами в подворотне!

«Дым вместо огня – явление нередкое. Даже у родителей, которые обладают невероятными способностями, вполне может родиться такой ребенок. Заниматься его обучением бессмысленно. Какова бы ни была его воля и концентрация, он не способен ни на что более! Бывают случаи, когда дым не является приговором, но они очень редкие!»

Я посмотрела на свои «золотые ручки» и закрыла книгу. Девочка с легкой магической отсталостью, которая не лечится даже волшебными пилюлями.

Феникс проснулся, быстро сварганил покушать, не пуская меня на кухню, а после почти съедобного завтрака выдал мне в руки увесистый булыжник с печатью.

– Держи, Гарри Поттер, свой философский камень. Прикоснись к нему! – скомандовал Феникс, отходя подальше. Я опасливо прикоснулась, и тут же на нас обрушился поток воды. Вода была везде. Ковер под ногами чавкал, диван был залит водой.

– Давай сюда! – к камню протянулась рука. Через минуту он отключился и потоки воды, бьющие в разные стороны, иссякли.

– Отлично! Работает! Ни один маг, владеющий электричеством, не сражается во время дождя! Так что на поединок ты пойдешь, вооружившись нашей сантехникой. Я так подумал, что унитаз ты вряд ли унесешь, хотя поражение от унитаза было бы для него вдвойне обидно, а вот наш кран – пожалуйста! – довольным голосом заметил Феникс.

– Да, а если он умеет сражаться огнем? Это тоже поможет? – поинтересовалась я, прикидывая, как маги – электрики изучают прогноз погоды. Теперь я понимаю, что означает "метеозависимая" магия.

– Каждый выбирает свое направление. Магия огня и магия электричества – две взаимоисключающие школы. Или, или. Скорее всего, поединок не состоится, так что можешь не переживать! Понимаешь, перед тем как брать в руки огонь или шаровую молнию нужно долго тренироваться.. Этому учатся годами. Думаешь, новичок так просто сможет держать в руке огонь? – в руке Феникса загорелся большой огненный шар. – Нужны тренировки, пока в твоих руках не появится неуязвимость к собственной магии. И все равно остается шанс, что, немного переборщив с заклинанием, ты получишь приличные ожоги. Поэтому каждый маг знает свой предел. Его руки

постепенно обретают защиту. Это что-то вроде иммунитета, – по моему мокрому носу съехал палец, вытирая капельку, повисшую на его кончике. А-апчхи! – Но если будет какая-то внештатная ситуация, ты знаешь, что делать. Главное, себя не поцарапай.

Мне на палец надели коготь.

– Слушай, а если я выйду из круга? – осторожно заметила я, задумчиво посмотрев на свои руки. – Меня дисквалифицируют? А сдать можно, если что?

– Выход из круга – дисквалификация. Сдаваться рискованно. В тот момент, когда ты сдаешься, твою судьбу решает победитель. И, поверь мне, далеко не все захотят сохранить тебе жизнь! Запомни. Здесь многое решают зрители, но даже они иногда не могут повлиять на противника.

Платье было символически голубого цвета, с таким декольте, что я видела свой пупок. Зато юбка была разрезана со всех сторон, обнажая мои чуть полноватые, как мне всегда казалось, ноги. Пока я делала ставки на гребень, пытаюсь продрать мокрые волосы, послышалось страшное слово: «Пора», отдавшееся эхом в моей обледеневшей от страха душе.

Мне не страшно, мне совсем-совсем не страшно. Я прерывисто дышала, сжимая в руке свой булыжник и чувствуя себя неандертальцем. Ничего, с камнями и на мамонтов охотились, и соседей убивали ради пещеры и еды... Представительница древнейшей профессии с древнейшим оружием в руках.

Круг. Я вздрогнула, глядя на знакомые очертания колонны. Рука Феникса осторожно скользнула по моей свободной руке, поймав мою вспотевшую от волнения ладошку, и слегка погладила ее пальцем.

– Все будет хорошо, Рыжик. Все будет хорошо, – услышала я, чувствуя, как мои пальцы слегка сжали. – У тебя все получится. Такого еще никто не делал, поверь мне. Магию воды здесь почти никто не практикует.

Я осторожно погладила большим пальцем чужую руку, украдкой глядя на его реакцию. По губам Феникса скользнула едва заметная улыбка.

– Давай, Рыжик... Я с тобой... – меня снова погладили пальцами, но уже смелее. И я, не смотря на свой страх, сумела улыбнуться. – Все, Рыжик, не переживай.

Я шагнула в круг. За моей спиной сомкнулось пламя, и громом разорвались аплодисменты. Мой противник стоял напротив меня с непроницаемым лицом, которое просило кирпича. Кирпич имелся в наличии.

– Это просто невероятно! Такой бой нельзя пропустить! – орал ведущий, пока я изучала противника. Мужик, средних лет, с залысинами и в черной длинной сутане. Было такое

чувство, что перед тем, как организовать мою встречу с Богом, мне отпустят все грехи.

- Не могу понять, почему кошка мокрая? - спросил ведущий.

- Это я ванну принимала перед свиданием! Я же должна подготовиться, как следует? - кокетливо ответила я, пряча руку со своим булыжником. - А вы, уважаемый, принимали сегодня ванну? Или считаете, что единственным знаком уважения к девушке являются чистые носки?

- Заткнись! Я ненавижу выскочек, особенно, когда они мелют языком не по делу, - процедил противник, глядя на меня с омерзением. - Меня это бесит. Так и хочется их заткнуть поскорее! А вы, вы...

Маг обвел пальцем едва различимые силуэты зрителей.

- ... Вы им потакаете! Поединок должен быть поединком! Молча пришли, молча сразились! Нашли место языком чесать! - процедил мой противник, сверкнув холодным взглядом. Между его пальцами проскочила едва заметная искра. Нет, если бы здесь были планшеты и телефоны, то этот мужик озолотился бы! Кому телефон зарядить?

- Извините, в каком месте можно языком чесать? - поинтересовалась я, прислушиваясь к реакции публики. - У меня он просто очень чешется!

- Все! Хватит! Я хочу сражаться! - заорал суровый маг под разочарованное «у-у-у!».

- Рыжик, готовься. Положи руку на печать, - услышала я шепот.

- Ну что ж, да начнется бой! - заявил ведущий.

- Рыжик, давай! - услышала я голос на ухо. Я молниеносно прикоснулась к печати на камне. Во все стороны брызнула вода, поливая меня, противника и заливая круг. Даже пламя вокруг шипело, выдавая клубы пара. Толпа заорала так громко, так оглушительно, что у меня заложило уши. Через пару секунд я была полностью мокрая. С ног до головы. Платье облепило меня со всех сторон, вызывая небывалое оживление среди зрителей. С противника вода стекала ручьями. Конкурс "Мокрые маечки" перешел в фестиваль "мокрых трусиков".

- Милый, ты в ванной? - с усмешкой заметила я, сплевывая волосы, радуясь тому, что сработало. - Ты там скоро? Я уже соскучилась... Ну же... Давай.... Я вся горю... Мойся быстрее и иди ко мне! Лучше, когда рядом чистый мужчина с грязными мыслями, а не грязный мужчина с чистыми мыслями!

- Рыжик, беги! - услышала я встревоженный голос. - Налево!

Я дернула в указанную сторону, но мой противник был ловчее. Он догнал меня, схватил за волосы и под осуждающие крики толпы, орущей, что так не честно, ударил меня лицом об колонну. Все вокруг загудело и поплыло.

– Рыжик, маленькая моя... Рыжик! – я слышала шепот на ухо, а потом сориентировалась и ударила когтем по лицу противника, оставив на его щеке глубокую кровоточащую царапину.

Меня швырнули на землю. Толпа требовала остановить поединок, посчитав это несправедливым. Они дружно скандировали, чтобы бой прекратился! Ведущий сомневался... Толпа настаивала. Толпа требовала, чтобы меня отпустили, а я, втайне радуясь народной любви, пыталась встать под ударами.

– Поединок остановлен! – закричал ведущий, идя на поводу у разгневанной публики. Я пыталась отползти, прикрывая голову руками. Что ж такое! Да за пять минут он меня прикончит!

И тут я увидела что-то яркое. Меня слишком сильно приложили головой об колонну, и я вижу огромную огненную птицу, которая взлетела над кругом. Пламя вокруг круга погасло, а птица спикировала вниз, превращаясь налету в знакомый силуэт. Мгновение, и у мага, отводящего душу на мне, обуглилась и почернела рука. Потом его просто просто швырнули на землю. Последнее, что он видел в своей жизни, так это полыхающая ладонь, которая легла ему на лицо. Я видела, как пламя нарастало, как горит чужая одежда и как мой противник превращается в горстку пепла. Феникс встал, покачиваясь.

– Рыжик... – задыхался он. – Потерпи немного... Дай мне остыть... Сейчас...

Пламя в его руках становилось меньше. Я даже видела, как обгорели рукава его одежды.

– Еще немного, Рыжик... – я услышала тяжелый выдох. Пламя погасло. Толпа просто онемела. Впервые в круге стояла такая гробовая тишина.

– Я не нарушил правила, – заметил Феникс. – Поединок был окончен. И границу круга я не переступал.

После этих слов толпа закричала, аплодируя.

– Иди ко мне, – меня осторожно подняли под оглушающие крики толпы. – Ты стоять можешь? Сейчас, потерпи немного... Я вытру кровь...

– У тебя на руках ожоги, – прокашлялась я, слизывая кровь, текущую из носа в два ручья. Я обвела взглядом лица, которые выражали такой восторг, такое возбуждение, что мне стало страшно. Голова и так гудела, а тут еще и шум со всех сторон заставлял меня

закрыть глаза и попытаться сосредоточиться, чтобы не упасть.

– Ничего.... Сейчас дойдем до границы круга. – Не торопись... Ты должна выйти из круга сама... Дальше разберемся... Давай, Рыжик, еще один шаг... Так, я тут нашу сантехнику заберу. Вот она... Все... Потихоньку... Я тебя держу...

На нас хлынул золотой дождь из сверкающих монет. Феникс птицей перелетел через границу, снова стал человеком и поймал меня.

– Ну что сказать, – заметил обескураженный ведущий. – А говорить тут нечего. Вы сами все видели...

Глава десятая. Сверим взгляды на жизнь

– Доктор сказал: «в морг!», значит, в морг!

– Но я еще жива!!!

– Ничего, пока доедем...

Программа «доползти до дома» выполнила недопустимую операцию, выдала перед мутнеющим взглядом белое пятно, похожее на окно предупреждения, но в какую кнопку не тыкай, результат один. Полная перезагрузка. Осталось написать благодарность судьбе за то, что я отделалась тяжелым испугом и травмами совместимыми с жизнью. И кланяться, кланяться. В ножки судьбе за то, что кто-то не хрустел на трибуне попкорном, не всасывал в себя с противным сербаньем стакан с газировкой через соломинку, не дудел в вуззел, чтобы поддержать любимую команду органов, собранных в кучку и названных Лесей, с досадой глядя на внештатную ситуацию. Что-то мне дурно... В голове творился страшный кавардак, в котором найти хоть одну здравую мысль не смог бы даже профессиональный детектив. Я ощущала себя котом, который прокатился в центрифуге на полных оборотах, распрощавшись не только с нервной системой и вестибулярным аппаратом, но и с восемью жизнями. Меня повело в сторону, и последнее, что я почувствовала, это как мое тельце стало медленно падать, но его подхватили на руки. Феникс что-то говорил, я не понимала, соглашаясь со всем неоднозначным мычанием. Как абонент я была уже не абонентом. Все!

Очнувшись дома под своим одеялом, я понимала, что досталось мне крепко. На подушке была кровь, прикосновение к носу вызывало боль, руки, которыми я прикрывала голову от ударов, были покрыты синяками. Ноги тоже. Особенно дико болела правая, поэтому ее пришлось подволакивать. Скрючившись, как Квазимодо, я ползла в туалет, не имея возможности разогнуться. «Боль... Же то но конти вере ... и что-то там еще», – грустно пропела я, чтобы осознать тот факт, что еще живая. Когда я пою эту песню, где-то во Франции объявляют траурную минуту молчания, а потом спохватываются и требуют награду за мою голову. Полное незнание французского не мешает мне не только любить французскую музыку, но еще и петь французские песни, вкладывая в них свой личный ассоциативный смысл. Особенно классно у меня получается в ванной, когда я страдаю от насморка. «Пардоне муа! Турум-тум-тум-тум! Пардоне муа! Хрю-хрю-хрю-хрю-хрю! Кхе!». И куда там французским певицам с французским прононсом до меня с сопливым

носом и легкой хрипотцой больного горла.

Ничего, не смертельно. У меня была хорошая школа жизни, в которой на переменах я научилась куда большему, чем на уроках. Еще бы! Встречают по одежде, которой меня снабжали бабушкины знакомые по принципу: «На тебе, Леся, все, что налезет!». Несуразные растянутые кофты, которые явно сняли с швабры уборщицы, юбки, которые не только не вышли из моды, но даже туда не входили, старенькие пальтишки с зашитыми карманами и оторванными пуговицами – вот весь мой детский гардероб. После школы меня обнюхивали с подозрительностью собаки, боясь учуять запах сигарет или духов. Бабушка искренне пыталась отрезать все пути к мужским сердцам, пряча от меня свою косметичку и одевая так, что даже огородное пугало смотрело на меня с презрением. Меня боялись выпускать на улицу, словно за дверью меня ждали парочка драгдиллеров и десяток педофилов с робким вопросом: «А Леся когда выйдет?». Моя бабушка свято верила, что стоит отвернуться, как я приду домой счастливая, пьяная и беременная.

На секунду я посмотрела по сторонам, бросила стыдливый взгляд на свои ноги в съехавших полосатых носочках, а потом полезла в шкафчик, который открывался с таким звуком, от которого наложил бы тонны инфернальных стройматериалов на новый замок любой уважающий себя призрак. Хорошо, что я запаслась заранее средствами гигиены, а то потом пришлось бы сидеть на форуме профессиональных убийц, уничтожающих кровавых улики с диванов, матрасов и кресел.

Меня замутило, но я сделала над собой усилие, поползла до кровати и рухнула на нее, со стоном заползая под одеяло, теряя на ходу носок. И снова "здрате".

С меня стягивали одежду, переживая при виде каждого синяка, а потом дали отхлебнуть какой-то кислоты, да такой, что глаза встретились на переносице, посмотрели друг на друга, ужаснулись и разошлись. Боль начала проходить. Наступило облегчение и слабость до состояния «поднимите мне веки». Я проверила языком зубы, поскольку улыбаться миру пятью своими и двадцатью золотыми мне бы не хотелось. «Девушка! А почему вы такая грустная?». Если я улыбнусь «пещерой Алладина», у любого мужика упадет все, включая настроение, при виде моей сокровищницы. Но зато он будет знать, что я – девушка с приданым. Ыыы!

– Рыжик, ты живой? – меня осторожно погладили по щеке мокрой тряпкой. Тряпка переместилась в сторону шеи и груди, старательно и бережно вытирая кровь.

– Ммммм... – простонала я, чувствуя, как боль проходит, синяки медленно исчезают, а ребра наконец-то разрешают мне сделать глубокий вдох. Тряпка намокала, а потом снова скользила по мне. Она дошла до моих ног, тщательно их вытерла, а потом замерла, капая водой на пол. Кап-кап.

– Рыжик.... Рыжик... – услышала, чувствуя, как меня приподнимают, – Потерпи... Я прошу тебя... Потерпи немного...

Все настолько серьезно? Мне завещание писать сейчас? Или можно устно распорядиться своим скромным имуществом? А если я хочу, чтобы мое имущество похоронили вместе со мной? Почему фараонам можно, а мне нельзя? Пусть несут меня и проклинают тот день, когда я купила холодильник... Надо же порадовать археологов будущего не только

косточками, но и ценной утварью? Представляю, какую научную сенсацию через тысячу лет произведет находка холодильника, ноутбука и остальных милых моему сердцу вещей. Я на секунду зажмурилась, воображая, как моя кружка стоит в музее, куда приходят тысячи посетителей, любуясь ею; как грабители вынашивают дерзкий план по похищению столь ценного артефакта древности... Да... И пусть думают, что я была какой-то древней царицей, вокруг которой похоронены слуги. А все почему? Потому, что у меня в могиле есть холодильник, ноутбук, телефон и моя кружка, а у остальных – нет.

– Рыжик, – меня обняли, уткнувшись в мои волосы, – все будет хорошо... Ты, главное, держись... Держись, Рыжик...

Держусь. Я сейчас отлично держусь головой за подушку, причем так крепко, что позавидуют многие герои, которые изо всех сил хватаются напряженными пальцами за все выпирающие поверхности, чтобы не упасть в пропасть.

Шар, лежащий на столе, засветился. Кто-то вызывал на поединок. Я с ужасом поняла, что меня сегодня будут добивать все кому не лень, и простонала, представляя внушительную очередь "добивальщиков". "Кто последний?" – спрашивает свежеприбывший. "За мной не занимать!" – отвечает матерый садист, почесывая руки.

– Твари, – процедил Феникс, глядя на шар.

– Что? – уныло спросила я, краем глаза пытаюсь понять, кто меня вызывает.

– Есть такая категория слабых и трусливых бойцов, которая ждет, когда пройдет тяжелый поединок, в котором победителю сильно достанется, а потом вызывают его в этот же день. Они знают, что отказаться можно только три раза подряд. И вынуждают принять вызов, надеясь, что им удастся победить, – нехорошим голосом заметил Феникс.

Он взял шар в руку и моим пальцем отклонил вызов. Через минуту шар снова вспыхнул, требуя, чтобы я срочно согласилась на randevu. Шар светился, как настольная лампа. Я лежала и смотрела на то, как меня вызывает какой-то Крайс. Я погасила вызов, в надежде, что от меня отстанут, но не тут –то было...

– Опять?! – задохнулся от негодования Феникс. Он встал и вышел из дома, закрыв дверь так, словно предварительно бросил гранату. Вызов мигал еще пятнадцать минут, а потом перестал. Сам. В шаре появилась надпись. «Вызов отменен в связи со смертью вызывающего».

Через десять минут дверь открылась. Тихо ругаясь, на пороге стоял разгневанный Феникс.

– Случайно он, – процедил он, с размаху закрывая дверь. – Конечно, случайно... Три раза вызвал случайно...

Я привстала на локте, понимая, что вполне спокойно могу сходить в ванну, если ее, разумеется, починили.

– Рыжик, ты как? Держишься? – тихо и взволнованно спросил Феникс, подлетая и осторожно убирая пряди волос с моего лица. Выглядел он совсем грустно. – Я что-нибудь придумаю...

Я вздохнула, чувствуя, как принесли сухое одеяло и завернули меня в него. От такой заботы на моих глазах выступили слезы умиления.

– Не надо плакать... – меня снова прижали к себе, поглаживая по голове. – Я прошу тебя, только не плачь... Я обязательно придумаю, как тебе помочь... Сейчас посмотрим... Полежи немного...

Феникс сидел на полу, тревожно листая книги и рассматривая какие-то иллюстрации, пока я лежала довольной гусеницей, завернутой в теплый кокон одеяла. Превращаться в бабочку я пока не собиралась, хотя надо было бы. Слегка приподнявшись на локте, я увидела какой-то местный медицинский справочник. На полу стояли пузырьки с разноцветным содержимым. Если привязать к ним веревочку, вставить в них лампочки, то получится отличная елочная гирлянда. Отличная идея на будущее, если нам приспичит отпраздновать здесь Новый Год.

Глядя через плечо «доктору», я с интересом внимала каждой строчке, где очень часто и тревожно мелькало слово «медленная и страшная смерть» вперемешку с ужасающими симптомами. Рука Феникса осторожно перелистывала страницы, слегка подрагивая, его золотая голова склонилась над книгой, а я пыталась понять, умру ли сразу в заботливых руках, или поживу еще немного? Я скривилась, чувствуя знакомую боль в животе. Силы постепенно возвращались ко мне. Самочувствие улучшалось. Я видела, как книгу отложили, глядя на меня таким взглядом, как будто я уже пакую вещи на тот свет, а теперь дрожащей рукой прошу стакан воды, чтобы попить на дорожку.

– Так, кажется, нашел! – обрадовался Феникс, сгребая со стола деньги и выходя за дверь. – Потерпи немного, я сейчас вернусь...

Через полчаса он вернулся с каким-то пузырьком.

– Сейчас, Рыжик, сейчас... – мне в рот влили какую-то прозрачную и горькую жидкость. – Результат не гарантируют, но будем надеяться на лучшее...

Прошло полчаса. Ничего в моем самочувствии кардинально не поменялось.

– Рыжик, не сдавайся... Все будет хорошо.... – меня ласково погладили рукой по щеке, не отрываясь от книги. От любого проявления ласки у меня на глаза автоматически наворачиваются слезы. – Не надо плакать... Не надо, я прошу тебя...

– Что со мной? – слабым голосом спросила я, вздыхая. Может, я чего не знаю? Мало ли? Вдруг от меня утаивают страшную правду? Не стал бы он просто так паниковать? По спине пробежал холодок от мысли, что от меня что-то скрывают... Что-то очень нехорошее.

Феникс пересел ко мне на диван. Осторожно обняв меня, он сидел, покачиваясь.

– Больно? – спросили меня шепотом, обдувая ветерком дыхания щеку. – Скажи мне, где болит?

– Да, больно... – честно ответила я, думая о том, есть ли здесь таблетки от такой напасти.
– Живот болит...

Меня сжали так, что смерти пришлось бы потрудиться, чтобы вырвать меня костлявыми лапами. Но ни смерти, ни костлявых лап, ни могильного холода пока не было. Я готовилась к худшему. Недостаток знаний об этом мире с лихвой компенсировался буйной фантазией. Вдруг ко мне применили какое-нибудь заклинание, а я и не заметила?

– Тебе лучше? – спросили меня с такой надеждой, от которой мне стало слегка стыдно за то, что разницы я не чувствовала.

– Ну как сказать... – закусила губу я, даже не догадываясь, от чего меня пытаются спасти.

– Я не могу понять, почему не подействовало? – голос был тихим, словно все, прощайся, Леся, с несправедливым миром. Точнее, сразу с двумя. – Может, подействует позже?

– Ну чего ты? – тихо спросила я, понимая, что раз лечат, значит, есть от чего. – Не расстраивайся... Мне лучше, честно... Честно-честно...

– Рыжик будет жить долго и счастливо... – меня баюкали так, словно жить долго и счастливо я буду не на бренной земле, а в сердцах близких и на портрете в траурной рамочке. – Если бы я успел раньше... Черт! Надо было убить его еще до поединка. Просто подойти и прикончить. Сразу и на месте! Если бы я знал, что так будет...

Мне хотелось сказать, что я чувствую себя относительно хорошо, но, если честно, то со мной были ласковы лишь в тот момент, когда я болела. Даже бабушка, которая постоянно сурово твердила мне «нельзя!», в тот момент, когда я болела, гладила меня по голове и никогда не ругала. Как я выжила, не знаю. Но банки, горчичники, жгучие мази для «сугреву», растирания, обертывания, водочные компрессы, парилка для ног в эмалированном тазу, закапывания в нос самодельными каплями, от которых я не могла дышать вообще, носки, полные горчицы, «кукушечка» над тазиком при первых признаках заложенности носа были неотъемлемым атрибутом моего счастливого детства. И теперь я могу сказать с уверенностью – кто с бабушкой болел, тот пыток не боится! После того, что со мной творили в детстве, я расколюсь не сразу! О, нет! Палачам придется сильно потрудиться, чтобы переплюнуть мою любящую бабушку.

- Рыжик, - услышала я тихое-тихое. Меня обняли еще уютней, укрыв мои ноги одеялом. - Все будет хорошо... Все будет... хорошо... Будем надеяться на лучшее...

Я молчала, радуясь, что в моей копилке хороших воспоминаний, появилось еще одно. Такое теплое, такое уютное... В мои волосы зарылись, тяжело дыша. Да...

Самый больной в мире человек немного осмелел и слегка погладил по руке «доктора».

- Рыжик... Если бы я знал, чем тебе помочь... - в мои волосы снова уткнулись лицом. Я посмотрела на лежащее на полу окровавленное платье. - Почему так всегда? Стоит к кому-то привязаться, как... Я ведь не хотел к тебе привязываться... Знаешь, это как в фильмах... Стоит человеку рассказать о себе, поделиться планами на будущее.... И все.

Я горестно вздохнула, мысленно соглашаясь с этим утверждением.

- И привязываешься, причем очень быстро. И пытаешься помочь... По-человечески... Я говорил дуре, которая жила в этом доме, чтобы не расслаблялась. «Да ладно! - вздыхала она, - Почему бы и нет? Я здесь отдыхаю! От мужа, от детей! Не мешай мне!»

- Вы с ней встречались? - осторожно спросила я, чувствуя, как ревность ежиком вращается в моем животе.

- Нет, - вздохнул Феникс, снова зарываясь лицом в мои волосы. - Я заметил, что большинство из тех, кто сюда попадал, были здесь куда счастливей, чем там. Еще бы. Все, что там было «нельзя», здесь было «можно». Как говорил один мой знакомый, пытаюсь учить меня жизни в объятиях потасканных красавиц: «Да расслабься! Это тебе не на стройке горбатиться! Вот бы бабло отсюда в тот мир как-то перетащить! Развелся бы сразу! Тачку бы себе нормальную купил!».

Я снова со вздохом согласилась. Простонав, я заняла более удобное положение для «умирания».

- Сколько тебе лет? - услышала я вопрос. Меня погладили по пальцам руки. Понимаю, что я еще слишком молода, чтобы умирать. Обидно умирать, когда даже двоечник - первоклассник может по двум датам вычислить, сколько лет было покойнику на момент смерти.

- Уточни, пожалуйста, от чего я умираю? - поинтересовалась я, услышав в ответ еще один тяжелый вздох. - И я хотела спросить, а здесь есть ...эм... средства гигиены для женщин?

Внезапно горестные вздохи прекратились.

- Та-а-ак.... Повтори, что ты только что сказала? – услышала я совсем другой голос. Меня отстранили от себя.

- Эм... средства гиги... – начала я, глядя на него честными глазами.

- То есть... – его бровь приподнялась. – Ты хочешь сказать, что это – не то, что я думаю, а всего лишь... Ах, ты, рыжая симулянтка! Бессовестная рыжая симулянтка! Я тут переживаю! Думаю, почему не подействовало, а тут оказывается...

Мои глаза скользнули по открытой странице книги. Упс! Нет, ну свершилось чудо, друг спас жизнь другу и так далее... И я была бы совсем не прочь «поумирать» еще немного. Тем более, если моя «умиральная яма» включает в себя теплые объятия, мягкое одеяло и чужое дыхание в моих волосах.

- Тьфу ты! – выругался Феникс, сгружая меня на подушку. – Так чего же ты молчала? Совести у тебя вообще нет!

- А ты разве спрашивал? – удивилась я. – Знаешь, что обидно? Быть девушкой, которую обнимают только в том случае, если она при смерти!

- Я с тобой не разговариваю!

Феникс фыркнул и хлопнул дверью в спальню. Я сходила в ванну, кутаясь в одеяло и глядя на трещины на стене, а потом легла, отвернувшись к спинке дивана, сердито сопя. Одним полотенцем стало меньше. Лежа с закрытыми глазами, я думала о том, насколько несправедлив мир по отношению ко мне.

- Спишь? Ну, спи, бессовестная, – я почувствовала, что меня подняли на руки вместе с одеялом и подушкой, донесли до кровати, положили на нее, укрыли и легли рядом. По моему носу съехал палец. Едва ощутимое дыхание на моей щеке. К носу что-то прикоснулось. Теплое и мягкое. Кончик носа слегка прихватили. Дыхание на моем лице заставляло в моем животе что-то переворачиваться. Мне показалось, что этот момент в животе перевернулся весь мир.

***

Все следующее утро я ходила как убитая. Даже сизые, грозовые тучи, что собирались за окном, как оркестр перед выступлением, чтобы грянуть в один миг густой пеленой дождя, казались, по сравнению с той тучей, что висела над моей головой, просто облачками. Соседи снова смотрели про апокалипсис, собираясь на работу. Какой-то мужик под тревожную музыку вещал о том, что земля скоро налетит на свою ось из-за того, что белые медведи трутся об эту ось чересчур интенсивно. Говорил он уверенно, бодро, со знанием дела, предлагая способы предотвращения катастрофы, – вплоть до отстрела мишек. Я, конечно, не доктор, чтобы раздавать диагнозы направо и налево, но если заменить слово «диагнозы» на «звиздюли», то да, я готова!

На работе я быстро включила Кулибина и собрала из двух компьютеров один, целый. Пятно на потолке подсохло и выглядело не так катастрофично. Пока совесть доставала огромный шприц с надписью «техническое задание», я сражалась с ленью и безынициативностью. Слепив что-то отдаленно напоминающее техническое задание, я скинула его, как выбрасывают на помойку мусорный пакет. Со смесью отвращения и облегчения.

Через час позвонил директор и прислал телефон какого-то знакомого юриста с пометкой «срочно позвони». Бабка, возмнившая себя Богом и устроившая всемирный потоп, должна быть покарана по всей строгости закона! Поскольку на мировую упрямая старуха не соглашалась, за дело берется квалифицированный юрист из местной юридической конторы. И я, как официальное лицо фирмы, работающее неофициально, должна этому способствовать «от» и «до».

- Алле, - откликнулся сонный мужской голос на том конце трубки.

Я максимально кратко, словно рапортуя перед начальством, изложила ситуацию. Кто-то простонал так, словно я погнала его на сбор сначала колорадских жуков с картошки, а потом самой картошки, выдав два мешка. Один - для жуков. Другой - для картошки.

- Хорошо... - вздохнул юрист. - Итак, вам надо собрать документы. Акт, документы на помещение, если арендуете - договор аренды...

Он протяжно зевнул и прокашлялся, пока я слушала внимательно, записывая все на бумажке. Я на всякий случай открыла календарь, чтобы узнать, когда был день юриста. У меня складывалось впечатление, что День Юриста был вчера.

- ... документы на ремонт...эм... сметы... Эм... Узнайте, кому принадлежит квартира над вами... Чеки на покупку всей пострадавшей оргтехники... Эм... Составьте список техники с инвентарными номерами... Ноль один... ноль два... ноль три... Заведите журнал с инвентарными номерами.... Эм... Найдите чеки на покупку столов... и... эм... ламината... Отнесите технику в сервисный центр.... Пусть дадут заключение... Эм... А потом... потом...

Он явно задумался, что бы еще придумать, пока я грела ухом трубку. У меня такое чувство, что я - чуть больший юрист, чем он.

- А можно вопрос? - поинтересовалась я, понимая, что имею дело с редкостным профессионалом. - Вы юрист, простите, в какой сфере?

- Разводы, - зевнул юрист, объясняя кому-то, что суп не будет. Картошечку да, а суп - нет.

- Кого разводите? - поинтересовалась я, изучая пятно на потолке.

– Кого-кого! Людей! – возмутился юрист. Я тяжело вздохнула. Даже если ты не состоишь в браке, то от развода все равно не застрахован. – Итак, консультация стоит тысячу рублей... Подготовка документов – пять тысяч... Заявление и так далее... Жду документы. Почту пришлю.

Мне упала СМС-ка. Юридическая компания «Urina». Я прокашлялась, понимая, что местная фирма, название которой я прочитала, как «Урина», плохого не посоветует.

Стоило мне отклеить ухо от трубки, как снова раздался звонок.

– Здравствуйте, Лена, – заметил мрачный голос– Вот эти пять картинок, которые вы как от сердца оторвали, я так понимаю, должны украсить главную страницу сайта? Вы их хоть смотрели перед тем, как на почту скидывать? Я просто интересуюсь, потому что с Вашим подходом я не могу понять, что вас не устраивало в предыдущем сайте.

– Видела, – нахохлилась я, рисуя нервные треугольники на клочке бумаги.

– Лена, как бы вам так объяснить... Избушка на курьих ножках, холерный барак, скворечник, розовый сарайчик и ... Одну минуту... – я слышала на том конце кликанье мышки, – ... Напрашивается слово «лабаз»...

– Что? – переспросила я, вспоминая картинки.

– Поисковик в помощь, Лена. Короче, если вы поставите это на главную страницу сайта, то можете спать спокойно, – ответили мне, судя по звуку, затягиваясь сигаретой. – А теперь посмотрите хорошенько. Откройте поисковик, пробейте проекты домов и увидите, что примерно я хочу от вас...

Я была так обижена, слушая, как критикуют мою работу, что не выдержала и мрачно заметила:

– Что заказывают, то и проектируем!

– Понимаю, но глядя на ваше портфолио, мне захотелось бы пройти мимо вашей фирмы. Это именно тот случай, когда я попрошу Игоря не ставить внизу название компании – разработчика сайта. Чтобы ни у кого не возникло к нам лишних вопросов. Так, сейчас я сбрасываю вам ссылку на то, что мы начали делать. Смотрите, вносите правки. Посмотрите и перезвоните, – трубку положили, оставив меня обтекать.

Я открыла проект, глядя на унылый слайдер, который вяло вращал присланные мной шедевры. Слайдеру самому было стыдно, так же как и мне. Фон мне категорически не нравился. Шрифт показался мелким. Меню меня вообще убило. По губам поползла гадкая улыбка, пока я набирала номер, который записала себе, как «Задолбай».

- И снова здравствуйте, - я поджала губы, горделиво глядя на то, с каким усилием слайдер перелистывает картинки. - И сразу вопрос. Это что за шрифт? Муха ползла, ползла и сдохла? Напишите сразу в шапке о том, что к сайту прилагается микроскоп. Это раз. Второе. Траурная кайма вокруг картинок - это ваш фирменный стиль? Ах, серая... Так и напишите в шапке - если что, кайма - серая! А это меню для особо одаренных и очень метких? Нельзя ли его сделать крупнее? А что это за фон цвета детской неожиданности? Откуда вы вообще такой цвет взяли?

Меня внимательно выслушали, судя по звуку, отпивая кофе.

- Мы скопировали цвет с «лабаз». А теперь все то, что вы мне только что сказали, пришлите на почту с подписью вашего директора, - заметил «неблагодарный» слушатель. - Все исправления мы принимаем исключительно с подписью и печатью заказчика. Чтобы потом полгода не «играть шрифтами», не «прогонять фон» по всему цветовому спектру и так далее. Спасибо за понимание.

- Хорошо, - спокойно заметила я, начиная войну правок.

- Я вот сейчас как раз сижу и смотрю, как медленно, поднимаясь из неведомых глубин, всплывает ваш «лабаз». Понимаю, что вопрос не очень вежливый, но мне просто интересно. Извините, это вы - автор?

- Нет! - вспыхнула я.

- Что-то в нем, определенно, есть. Никак не могу понять, что именно. Окно! Я его сразу и не заметил. Понимаю, что заказчик всегда прав, но, поверьте опыту, глядя на такие проекты, хочется уйти к конкурентам, выставившим несуществующие замки и коттеджи. - вздохнул собеседник.

- А сайт делали вы? - парировала я.

- Нет, я, скорее, идейный вдохновитель. Игорь в отпуске, поэтому пока этим вопросом занимаюсь я. Ладно, Лена, извините. Мне пора ехать. Жду от вас красивые картинки и претензии с подписью директора, - со мной вежливо попрощались и положили трубку.

Стоило вдохновиться примером и налить себе кофе, как позвонил «инженер». Нужно убрать окно на кухне. Сильно бьет по бюджету! И придумать, как еще можно расширить комнату.

- А теперь берите листочек, пишите все, что вы хотите исправить в проекте, ставьте подпись, число и везите его сюда. По телефону правки больше не принимаются. Вы привозите список правок, я исправляю, отдаю вам черновик с числом и датой. Если вас что-то не устраивает, то вы снова пишете список с подписью и датой. Только учтите, бесплатно мы делаем до пяти правок. Свыше пяти правок - за отдельную плату. Я не собираюсь посвятить всю свою жизнь вашему проекту. Так что жду, - усмехнулась я,

отпивая кофе. Да, сознаться честно, у меня небольшой опыт работы с подобного рода заказчиками. Но мне только что подкинули отличную идею.

Слайдер медленно вращал картинки. Я кликнула на светин «лабаз», который на самом деле был гостиницей на двадцать номеров. Он вывел меня на страницу, где был вид не только снаружи, но и изнутри. «Проект гостиницы. Один на всех, и все на одного!». Я с шумным вздохом втянула воздух, глядя на единственный туалет.

Глава одиннадцатая. Острые ощущения

В черном – черном шкафу, в черном-черном ящике,

в черном-черном носке лежали деньги на

черный-черный день...

Взрослые Страшилки. Том первый.

Иногда я – радостный оптимист, который скачет веселым зайчиком по миру, даря всем улыбки и отхватывая «звиздюли». В такие радостные моменты я смотрю на проблему свысока, как Гулливер оттирающий партию лилипутов со своего ботинка со словами: «вступил, называется!». Иногда я бываю унылым пессимистом, который смотрит на весь мир, предаваясь личному декадансу. И стоит спросить меня: «Как дела? Тебя что-то беспокоит?», я посмотрю красноречивым взглядом Ослика Иа, который ищет вовсе не хвост, а уши. Чужие. В такие моменты проблема кажется мне настолько глобальной, что нужен как минимум международный саммит или консилиум опытных специалистов, чтобы хоть найти хоть какое-нибудь решение. Бывают периоды, когда я превращаюсь в реалиста, который смотрит проблеме в глаза. Пристально и с прищуром, так, словно, я вот-вот решу ее. От такого тяжелого взгляда проблема должна капитулировать. И иногда это даже срабатывает.

Сегодня я умудрилась забыть дома кошелек, поэтому со мной три мушкетера – Подсос, Полтос и Компромисс. Я-то, наивная, полагала, что мне выдадут остатки зарплаты. Я даже мысленно распахнула дверь магазина, высокомерно осмотрела витрину, вздохнула полной грудью, понимая, что можно гулять на все! Сжимая в руках кошелек, я двигаюсь к продавцу, всем своим видом давая понять, что к нему пришел оптовый покупатель. «Два чайных пакетика, спички и сахар в стикерах. Три стикера!». Подсос мрачно кивнул, глядя на меня печальными глазами: «За-а-а интенсивный тяжкий тру-у-у-д, зарплату всем даю-ю-ю-ют! Зарплату всем дают... Да-а-а-ют!». Компромисс утешил мой голодный желудок, благословляя дерзкий налет на холодильник по приезду домой. И пусть только попробует отморозиться! Зато Полтос или полтинник утверждал, что до дома мы все-таки доедем! Если без пересадки. Но если с пересадкой...

Такого выворачивания карманов не видел ни один патруль Зато ни одна помойка не видела столько мусора, сколько затаилось в карманах моей сумки. О! Отличная конфета была! Как же она называлась? А это что у нас? Счастливый билет? И много-много радости билетик нам принес! Только я ее не заметила. Так, а это что у нас? Мммм! Фантик от сырка. Отличный был сырок. Его нужно кушать всем, кто мечтает стать

обладателем сверхспособностей. Дар предсказания ближайшего будущего с точностью до места и занятия; скорость, оставляющая гепарда далеко позади, и стремление, которому позавидует любой карьерист. Если бы я в этот момент решила бы выучить квантовую физику, то уже была бы близка к защите диссертации. Та-а-ак! Квитанция. Старая. Нет, выбрасывать не буду. Пусть лежит. Я в детстве часто задавалась вопросом: «Что такое жизнь? Как доказать, что я вообще жила?». И теперь с высоты прожитых лет, разглаживая в руках квитанцию об уплате коммунальных услуг, я понимаю, что в моих руках пусть и мягкое, но неоспоримое доказательство жизни. Пользовалась и платила – значит, жила.

Неужели? Я с приятным удивлением фокусника-неудачника достала десять рублей. А вот и хитрый гасконец... червонец! Теперь мушкетеры в сборе! По коням и домой!

Всю дорогу домой я смотрела в окно. В пелене серенького сумрачного дождика, я пыталась угадать остановку по очертаниям, прикидывала, что хочу подарить себе на новый год, мечтала о красивой сумке, как у той девушки, искала носом источник дорогих духов, затаившийся в толпе. Но мои мысли снова и снова возвращались к золотистым локонам и «чайным» глазам. Как маленьких детей я оттаскивала мысли от двери с надписью «Не влезай, пройдет!», грозила пальцем, пыталась увлечь чем-то интересным, но они все равно устремлялись туда, стоило мне расслабиться. Не уследила. Дверь открылась, и перед глазами встал образ в ореоле золотистых волос с легкой полуулыбкой. В животе завертелся сонный, пушистый котенок. Маленький и теплый. Я знаю, что если котенок подрастет еще немного, то обдерет все сердце и нагадит в душу, как в лоток. И сейчас мне очень хотелось его утопить в мутном болоте здравого смысла.

– Девушка, а почему вы такая грустная? – поинтересовалась одна молодая наивность мужского пола, расслабленно восседая напротив меня, пока я стоя выполняла акробатические упражнения на поручне вместе со своим портфелем. "Наивность" выставил вперед свои кроссовки, намекая на то, что профессиональный спорт ему не чужд. – Как на счет обменяться телефонами? Я вас развеселю...

Я посмотрела на юмориста сверху вниз, чувствуя, как автобус заносит на повороте. Рядом со мной стояла, капая авоськой мне на ботинки, бабушка – божий одуванчик с палочкой и беременная девушка в наушниках. Мы все втроем претендовали минимум на Олимпийский резерв, но лучше всех на последнем повороте показала себя я, когда всех повалило на меня. Но я выстояла, чем очень сильно горжусь!

– Знаете, – вежливо ответила я, поднимая глаза на табличку, четко обозначившую целевую аудиторию данных мест. – Связать свою судьбу с несовершеннолетним инвалидом-пенсионером я пока не готова. Извините.

Есть плохая примета знакомиться с сидящим мужчиной в общественном транспорте. Особенно, когда вы стоите. И так уже пять остановок подряд.

Я погладила в кармане своего зайчика на ключах, которого мне когда – то давным-давно подарила мама. «Подставляй ладошки, Еська!». И я подставила. И в них появился маленький чудесный, пахнувший мамой, зайка – брелок. Я запомнила этот сладкий, умопомрачительный и удивительно стойкий запах. Сколько я не искала похожий аромат в парфюмерных магазинах, найти не могла. На такие духи мне даже денег жалко не было! Поэтому уже много лет не стираю свой талисман. Я тогда украдкой положила в мамину сумку конфету, которую хранила четыре месяца. Конфеты мне перепали очень редко, но эту конфету я мужественно сохранила. Не поддавалась соблазну, не съела

сразу, а спрятала. Вот мама, наверное, удивилась, когда открыла кармашек и увидела мою замусоленную конфету! Конфета уехала вместе с мамой, а со мной остался ее поцелуй в мой веснушчатый нос и зайчик. Я была не очень умным ребенком, не знакомым с понятием «срок годности».

Вчерашний поцелуй в нос напомнил мне об этом сказочном дне. И самое обидно то что Феникс, я так понимаю, просто прикалывается. Прямо, как моя школьная любовь, решившая шутки ради «приударить» за мной под дружное хихиканье класса. Недавно смотрела свежие фотографии «школьной любви» удивляясь его несвежему лицу. Ну что тут сказать? «Счастье вдруг в тишине постучалось в печень». И ему открыли.

Поужинав, как стоя голодных львов, отогрев озябшие руки на батарее, смыв с себя грязь прошедшего дня, я утонула щекой в подушке. Не надо отрабатывать на мне приемы обольщения, заполнять мною перерыв между пассиями и отдыхать от жены и детей. Нет смысла давать мне ложные иллюзии. Я их сама себе могу предоставить в ассортименте.

Глаза открывать не хотелось, хотя я чувствовала, что уже не у себя дома. Битва за постельное белье закончилось ничьей. Победила дружба! Моя дружба с одеялом и дружба Феникса с подушкой. Пока я с затекшей шеей лежала на самом краю кровати, кутаясь в свою добычу, обладатель подушки на середине кровати обнимал мягкое имущество двумя руками. Это могло свидетельствовать о моих бессознательных покушениях на «все включено». Он протягивал руку в мою сторону с целью найти немного тепла, но я была предусмотрительной. Ему до меня еще ползти и ползти! Понимаю, что нагрела его во всех смыслах. Такое чувство, что Феникс работает судебным приставом. А, может, он в этот момент зарплату получает? Теперь понятно, почему он спит с протянутой рукой!

– Рыжик, возьми деньги, купи себе совесть, – в ореоле золотых, взъерошенных волос, на меня с укором смотрели "чайные" глаза. – И подари мне немного тепла...

Это мне только что намекнули на одеяло? «Девушка с одеялом ищет мужчину с подушкой для совместного ночепровождения». Не помню, чтобы давала такое объявление.

– Я готов взамен подарить тебе райское блаженство! – Феникс сладко подтянулся и потянулся рукой в мою сторону, уступая половинку подушки. Он соблазнительно расправил ее, погладил со стоном наслаждения, а потом с прикрытыми от блаженства глазами потерся об нее щекой, лукаво глядя на меня.

Меня еще подушкой не соблазняли! Рекламная акция прошла впустую. У меня за годы просмотра телевизора выработался стойкий рекламный иммунитет. Подушка перекочевала к обладателю на грудь, к которой он прижал ее, как родную.

– Чем ниже ты ее будешь спускать по телу и тереть, тем меньше вероятность, что я вообще на ней буду спать! – хмуро ответила я, кутаясь в свое одеяло.

– Так, сосиска, – сурово заметил Феникс, протягивая руку в мою сторону, – ползи сюда вместе с лавашем!

После таких слов появилось ощущение, что стоит подползти, и меня съедят.

– Могу дать пробничек, – вздохнула я, протягивая ему уголок одеяла. – В качестве гуманитарной помощи замерзающим. Потрогать. Эй! Куда! Я не...

Меня уже тащили вместе с одеялом, из которого я экстренно выпутывалась.

– Забирай, бутерброд! – вздохнула я, сваливая на него одеяло и уходя подальше от соблазна. – Я сейчас принесу сырую подушку и сделаю тебя гамбургером! Ты вчера мне что сказал? Что мы с тобой не разговариваем!

– Ах, я и забыл! – судя по звуку, за моей спиной кто-то подтянулся, а потом снова улегся, накрываясь одеялом. – Думаю, что хм... «посплю» еще часик или два... Очень нужно... Просто я немного занят.

Голод погнал меня на кухню. Перерыв все, мне стало понятно, какой шкаф исполняет обязанности холодильника. Попробовав на вкус половину ингредиентов, я приготовила вполне съедобный завтрак. Огромное количество разнообразных специй, которые были обнаружены в соседнем шкафу, вызвали у меня живейший интерес. Я перенюхала и перепробовала все, отмечая сходства с привычными специями. Вот эта красная и пузатая банка с золотой крышкой способна испортить не только бочку меда, но аппетит. Голубой порошок заставил вспомнить обо всех грустных моментах жизни, пока я на ощупь двигалась в ванную, чтобы высморкаться и промыть глаза. Через десять минут я со слезами подавала еще горячую еду к столу, в надежде, что мой кулинарный талант оценят по достоинству. Как говорится? Лучшая похвала домохозяйке – вылизанная тарелка.

Как профессиональная хозяйка я решила на будущее завести поваренную книгу, вспоминая бабушкины многотомники. Разжившись огрызком карандаша и фантазией, я стала составлять список местных продуктов и их неместных аналогов. «Если видишь очень блеклый, очень мягкий огурец, он на вкус напоминает подгулявший холодец. Если видишь очень твердый, синий, мелкий мухомор, он на вкус напоминает чуть прокисший помидор. Если видишь красный овощ, аппетитный, как балык, то лизать его не думай, нафиг отпадет язык! Если видишь ты приправу, что на цвет как бирюза, от лица держи подальше, ибо вытекут глаза. Если видишь очень мелкий, красноватый порошок, ты вдохни его поглубже, и готовь скорей платок».

Еда остывала и ждала пробуждения дегустатора, который еще не знает, с чего я начала свою поваренную книгу для попаданцев. И теперь с живейшим интересом готова проверять на едоке новые гениальные идеи! Пока я кушала, на столе засветился шар, заставив меня поперхнуться и уронить ложку. Я опасливо взяла его в руки. Меня кто-то хочет. Быстро метнувшись в спальню, я заскочила на кровать и стала трясти плечо, спрятавшееся под одеялом. Ноль эмоций.

Вызов продолжался, настойчиво требуя свидания. Я нервничала. Отклоним! Фух... Через минуту вызов повторился. Я интенсивно трясла чужое плечо, не сводя испуганных глаз с шара.

- Подъем... Меня вызывают... – возмущалась я, чувствуя, как шар нагревается. – Какой-то Ивор... Эй, просыпайся! Уже второй раз!

Осмотревшись по сторонам, я снова отклонила вызов, молясь, чтобы настойчивость ограничилась двумя попытками. Пять минут тишины... Десять минут тишины... Я начала успокаиваться... И снова вызов! Третий раз! Не-е-ет!

- Очнись! Я прошу тебя! Эй! – я трясла за плечо так сильно, что это вполне могло сойти за причинение тяжких телесных повреждений. – Фенечка, я прошу тебя! Скажи, что мне делать? Принимать или отклонять? Три вызова подряд! Ау! Сонное царство! Подъем! Нафания! Бяда!!!

Шар раскалился, нервы напряглись, руки затряслись. Но спящему Фене было все до фени.

- Пожалуйста... Скажи, что мне делать? – простонала я, глядя на мигающий вызов. А потом набралась мужества и дрожащим пальцем согласилась. Не хватало, чтобы ко мне применили какие-нибудь санкции! Шар оповестил меня, что поединок состоится через час, повергая меня в состояние загнанной в угол мыши.

Сползая с кровати, я прошла в комнату и вырвала какую-то относительно чистую страницу из предисловия какой-то заумной книги. Через минуту на бумажке появился мой домашний адрес, написанный огрызком карандаша. Телефон я писать не стала. Сомневаюсь, что встану из могилы, чтобы ответить на звонок. «Алло, я уже умерла! Говорите быстро! Я в роуминге! Тариф "Рай". Все входящие бесплатно! Тариф "Ад"... Ой, а в Аду мобильная связь по-идее ловить не должна!».

Немного подумав, я написала: «Я тебя будила, но ты не спал. Пришлось согласиться на вызов. Вызывали три раза подряд. Сомневаюсь, что выживу, поэтому спасибо тебе за несколько лишних дней моей жизни. Завтрак на столе. Если остынет – разогрей. Я старалась! Еся. P.S. Я так и не купила платье. Если я погибну, то позвони в полицию, чтобы выламывали дверь. В нижнем ящике шкафа, в черном носке (не в том, который с полосочками, а в том, который с ромбиком) лежат деньги на ... »

Немного подумав, я дрожащей рукой дописала: «на черный день». Бабушка всегда учила меня не «тренькать», а откладывать заработанные потом и кровью деньги на «черный день». И каждый раз, когда пересчитывала приличную сумму, я прикидывая, сколько еще денег понадобится, чтобы его пережить. Даже не знаю, что может произойти в этот день. Земля сойдет со своей оси от интенсивного медвежьего трения? Взрывчатку для астероида, которую будет закладывать опытный Брюс Уиллис, делали на подпольном китайском заводе по производству петард и хлопушек? Обитатели кладбища в полном составе придут, урча слюной, проверять гастрономическим путем IQ каждого? Полярный лис накроет мир пушным хвостом? Или я надолго пропишусь в местной больничке? А вдруг останусь без работы в тот момент, когда уровень безработицы достигнет нуля и не останется ни одной вакансии? И пока вся страна будет радоваться, я буду чувствовать себя, как единственный стоячий пассажир во всем «сидячем» автобусе? Не знаю, честно. Но откладываю.

Снова скользнув в спальню, я увидела золотые локоны, разбросанные по темно-красной подушке. Все, что было еще час назад показалось мне сущим пустяком по сравнению с тем, что может вот-вот произойти. Осторожно, едва дыша, я присела на край кровати, запустила пальцы в роскошное золото волос, а потом наклонилась, чтобы вдохнуть их запах. Мммм... Как же они пахнут.... Сладко-сладко... Никогда не думала, что у Феникса так капризно чуть выпирает нижняя губа, словно он на кого-то обиделся. А вдруг он на меня обиделся? Мой палец осторожно прикоснулся к его губам, скатился по горке носа, пока я вкладывала в расслабленную руку спящего свою записку.

– Спокойной ночи, – грустно улыбнулась я, глядя как он безмятежно спит. Осмотревшись по сторонам, словно воровка, пытающаяся украсть чужое семейное счастье, осторожно приблизилась к его лицу и едва ощутимо поцеловала пересохшими от волнения губами прохладный кончик его носа.

Время поджимало, я наворачивала круги по комнате, прикидывая, как бы пережить этот бой. Ни когтя, ни кольца иллюзий я не нашла. Сантехнику, не смотря на внушительные трещины на стене, отковырять не удалось. Я завернула чужую остывающую тарелку в полотенце. Так всегда делала бабушка, когда оставляла мне обед, а сама уходила в магазин или на почту. Надеюсь, что не пересоли... Внимательно посмотрев в сторону кухни, я сощурилась. Кто любит острые ощущения? Очень острые? В справочнике «гениальных идей» эта идея значилась ближе к концу, когда с потолка брать было уже нечего, все авторские пальцы были иссосаны до кости, а муза собрала вещи и ушла к другому непризнанному гению.

Простите, больше я ничего придумать не смогла. Сделав символические мешочки из старой тряпки, я сразу освободила половину банок.

Время поджимало. Наскоро перерыв всю коллекцию одежды «Ля Бордель», собранную бывшей хозяйкой, я откопала приличное и очень простое платье. Для потехи людей не хватало бигудей, маски для лица из майонеза и огурца, фартука из тряпок и растоптанных тапок. Отчаявшаяся и отчаянная домохозяйка готова. В зеркале должна была отразиться ветеранша суровой бытовухи, мастер по лечению запоя методом сковородного упокоя, почетный лобзик мужских нервов. Но вместо нее отражалась приторная домохозяйка из разряда: «Дорогой, иди кушать, а то супчик остынет! Я тебе хлебушек уже отрезала, а сейчас еще что-нибудь отрежу, если супчик придется разогревать еще один раз! Еще один долбаный раз!».

Немного замешкавшись, я снова посмотрела на дверь спальни. Понимаю, что он занят. Учит с детьми уроки, обнимает жену или развлекает девушку. И я точно знаю, что девушка – не рыжая. И веснушек у нее точно нет. Ему рыжие не нравятся. Хотя... Вдруг он доделывает отчет или пьет пиво с друзьями, жалуясь на беспросветную жизнь офисного каторжанина? Гадать смысла нет.

Мешочки со специями лежали в декольте. Сначала я думала взять нож, но ножик был таким маленьким и неудобным, что пришлось вооружиться увесистым ковшом. Пора! Отчаянная домохозяйка в моем лице уже неуклюже ковыляла в сторону круга. Я даже на секунду остановилась, оглянувшись и сжав пальцы так, словно я сжимаю чью-то руку.

Набравшись мужества под рев зрителей, я шагнула в круг.

- Не может быть! – удивился ведущий.

- Давайте быстрее! – перебила я, глядя на какого-то щуплого и сутулого мужика с грязными волосами. – У меня там ужин варится!

Я потянула воздух, делая вид, что пытаюсь унюхать запах.

- По-моему, уже пригорает! – усмехнулась я, пытаюсь убить в себе страх еще до того, как убьют меня.

Зал взорвался хохотом. Среди нестройного и многочисленного хора смешков выделялся чей-то звонкий и заразительный смех голодной гиены. Иметь такую гиену в любой компании – одной удовольствие. Особенно, когда знаешь два-три убойных анекдота. Кто-то из зрителей поинтересовался, а что конкретно пригорает. Я не стала афишировать, что именно у меня пригорало в данный момент. Но скажу, что пригорало знатно.

- Терпеть не могу женщин в круге, – усмехнулся оппонент, поправляя свою небогатую одежду. – Место женщины у ног мужчины!

- Со словами: «На кого же ты покинул нас, родимый!». Если женщины обделяют вас вниманием, то наверняка они уже наделили вас нелестным эпитетом, – спокойно ответила я. Новый взрыв хохота свидетельствовал о том, шутка пришлась по вкусу женской половине населения. Гиенистого смеха слышно не было, что автоматически идентифицировало «гиену», как самца.

- Не будем задерживать поединок! – нетерпеливо заявил ведущий. – Да начнется бой!

Первая же вспышка едва не оставила меня без волос. Едва успев увернуться от огненного шара, я чуть не поймала второй, летящий напрямик в меня. Пришлось упасть на землю. Ничего себе скорость! Не ожидала!

- Рыжик! – услышала я на ухо знакомый задыхающийся голос. – Быстро выходи из круга. Быстро дисквалифицируйся! Рыжик, ты меня слышишь? Налево! Пригнись! Рыжик! Я кому сказал!

Последние слова Феникс простонал.

- Рыжик, плевать на корону! Выходи из... Справа! ... Выходи из круга! – я слышала, как он нервничает. – Рыжик!

Из моих дрожащих ладоней пошел дым.

- Не мешай! – прошептала я, глядя, как поле боя заволакивает едким дымом.

- Рыжик! Ты меня слышишь? Я не знаю, что с тобой сделаю! Рыжик, я убью тебя!
Налево! Налево! – шептал голос, обещая мне целый список кар.

Толпа разрывалась, кричала, подбадривая меня. Мне казалось, что крики придают мне силы. Ничего, сейчас подберусь поближе. Я вытащила первый мешочек, прикидывая, как бы подобраться к противнику. В крови плескался несвойственный мне азарт. Есть! Еще бы чуть-чуть! Ой, я забыла пропитать одежду зельем! Подол юбки загорелся, пока я отчаянно пыталась его потушить. Нужно быть осторожней. Сейчас-сейчас. Дым станет немного гуще, и тогда я рискну.

- Рыжик, я буду убивать тебя долго и медленно! Справа! – шепот сопровождался тяжелым вздохом.

- Ты покушал? – поинтересовалась я, облизывая пересохшие губы и прячась за колонной. Ответа я не услышала, потому что трибуна взорвалась, а потом притихла. Что-то не так... Я осторожно двинулась вокруг колонны.

- Рыжик, беги! Он справа! – прошептал Феникс. – Очень близко!

- Отлично! – прошептала я, а потом резко обернулась и бросила чахлый, плохо завязанный ветхой ниткой мешок в силуэт оппонента. Раздался кашель, ругань, большая часть которой свидетельствовала о том, что я попала. Пока что трудно было сориентироваться, я просто попала или попала в оппонента. Следом за первой приправой полетели остальные. Процент попаданий был невелик, но эффект был.

- Да что ж такое! – кашлял и чихал маг, швыряя огнем направо и налево. Пришлось резко прятаться за колонну, чтобы не угодить под обстрел.

- Мой руки! Обед уже остывает! – крикнула я, прячась за колонну и осторожно обходя ее.

Дым был густым, словно я оставила на плите яичницу и решила на минуточку заглянуть в интернет.

- Где он? – спросила я у навигатора, сжимая покрепче оружие кухонного труда. – Все! Вижу! Ну! Не поминайте лихом!

Я бросила вперед, чувствуя, как горит моя одежда, которую зацепил огонь. Замахнувшись как следует, я ударила мага, беспорядочно метящего огненные шары направо и налево. Он покачнулся. Но я решила не останавливаться на достигнутом. Несколько ударов разной степени доходчивости быстро объяснили у чьих ног чье место. Добивала я отчаянно, отгоняя мысли о милосердии. Не хватало, чтобы он встал и испепелил меня! Не зря я всю жизнь тренировалась тапками на тараканах.

- Поединок окончен, – прокашлялся ведущий, пока зрители молчали. Потушив остатки одежды, я бросила на землю сломанный коврик, посмотрела на лежащее у моих ног тело и выдала, копируя бабушкины интонации:

- Надо было с хлебушком кушать!

Глава двенадцатая. Правда или вызов

- Какая форма обучения? Дневная?

- Ночная!

- Чем платите за обучение?

- Взаимностью.

Пламя расступилось, давая мне дорогу. Меня уже ждали. Я даже мяукнуть не успела, как меня сгребли в охапку. Очевидно, были подозрения, что я попытаюсь бежать от неминуемого и абсолютно несправедливого наказания преданного фаната моих кулинарно-боевых искусств.

- Рыжик, – процедил Феникс, сжимая меня так, что мне уже было не до шуток. – Ты у доктора давно была? У тебя со слухом все в порядке? Я тебе что сказал? Выходи из круга! ВЫХОДИ ИЗ КРУГА! Но ты что сделала?

- Победила! – гордо ответила я, чувствуя небывалый прилив сил и уверенности в себе. Вооружена и очень прекрасна! Да, это про меня! Самооценка, которая была очень нестабильным пациентом, была переведена из реанимации в отделение для выздоравливающих. – И выжила! Пока ты спал! Спал!

- Рыжик, – меня взяли за лицо рукой. – Почему ты меня не слушаешься? А?

- Потому, что я – не собачка! – едко ответила я, нехорошо усмехаясь. – Сидеть, лежать, кругом, бежать! У меня есть своя голова на плечах!

- А если я ее оторву? – поинтересовались у меня, наклоняясь ко мне и не сводя с меня глаз. Всадник без головы подмигнул мне. Мария – Антуанетта послала мне прощальный воздушный поцелуй с гильотины. – Возьми и оторву?

Глаза приблизились настолько, что смотреть в них было тяжело. Я даже чувствовала его

дыхание.

– Ничего, Рыжик, скоро адреналин спадет, эйфория отпустит, кураж сойдет на нет... И тогда мешочек страданий будет сидеть на диване и причитать: «Я его убила... Как я могла? Я же хорошая девочка! Я даже муху убить не могу! А если мне удастся ее убить, то я оплакиваю ее как родную...». Да, Рыжик? Рыжик снова из бабочки превратится в гусеницу, которая будет ползти навстречу отчаянию... А потом до Рыжика дойдет, как она рисковала. И она будет сидеть и думать о том, что ее чуть не убили. Гусеница прибавит скорость. Вижу цель – не вижу препятствий... А я тем временем....

– И что ты? Что ты тем временем? – осведомилась я, понимая, что кровь снова успокаивается. Я уже могу дышать ровней.

– Что я? – Феникс приблизился еще немного, не отпуская мое лицо. – Мне придется ловить Рыжика, застывшего над пропастью отчаяния. Я уже буду всерьез задумываться, а не пойти ли нам и не провести в рамках благотворительно акции пострадавшего от кулинарного произвола, справиться о его самочувствии, чтобы Рыжик успокоилась и смогла жить дальше... Рыжик, не смотри на меня с таким вызовом. Тебе просто повезло. Невероятно повезло. Это был не самый слабый противник, а ты уже доползла до середины траурной... тьфу ты! турнирной таблицы. И второй раз такого везения не будет!

Мы молча смотрели друг на друга, едва ли не соприкасаясь носами. И как только кончик его носа прикоснулся к моему, я напряглась.

– А что это Рыжик так нервничает? – рука Феникса слегка приподняла подбородок. – Разве Рыжик не знает, что я не люблю рыжих девочек с веснушками и с серыми глазами? Я об этом разве не говорил? Особенно с серыми глазами...

– Я боюсь даже сказать, что они у меня – голубые! – негромко ответила я. – А то вдруг тебе голубые нравятся?

– Нет, голубые глаза я тоже не люблю, – Феникс словно нарочно касался носом кончика моего носа.

– Смее предположить, что ты вообще девушек не любишь, – с гадкой улыбкой заметила я, снова чувствуя, как кончики носов соприкоснулись.

– Рыжик, скажи, на что ты меня провоцируешь? – спросил Феникс, не отводя взгляда. – Или тебе нужны какие-то доказательства? Неужели мне придется тебе доказывать, что мне все-таки нравятся девушки?

– Еще скажи, что не покладая... – прыснула я, но тут же осеклась, услышав громкий высокий голос.

- Bravo! Бра-во! - к нам подходил толстый, как арбуз, мужик, хлопая в пухлые ладоши. Ассоциации с арбузом возникли неслучайно. На подошедшем толстяке был зеленый, полосатый костюм, украшенный драгоценностями до состояния «в лесу родилась елочка». Пузо восторженного фаната едва ли не прикрывало коленки, из ворота торчал многослойный подбородок, а жиденькие волосики, с трудом прикрывающие блестящие проплешины были слегка завиты. На толстяке было столько золота, что вполне можно было бы обеспечить золотым запасом валюту какой-нибудь страны с тяжкими пороками отстающего развития.

- Я обычно не хожу на бои нижней половины турнирной таблицы, но сегодня сражался мой подопечный! - лениво заметил он, кивая каким-то мордovorотам, которые грозно стояли рядом. Эти товарищи показались мне очень знакомыми. - Ах, я теперь подумываю выставить в круг своего повара ... А то бои последнее время какие-то неинтересные! Огонь туда, огонь в ответ, пару минут и все! Труп! Скука! И я скажу, что Ивор, которого я просто вынудил вызвать Кошку, был самым лучшим, по уверению Мастера Эгрегора. Но, как видите женское коварство, страшнее магии! Кстати! Как он там?

Толстяк сделал знак кому-то из своей охраны, показав в сторону круга, где начинался новый поединок.

- Живой... - ответил охранник, а я выдохнула с облегчением. - Пока в себя не пришел, господин.

- Выбросьте его куда-нибудь! Подальше! Чтобы я его не видел! - скривился толстяк, размахивая в воздухе толстой рукой, словно отгоняя муху. Двое мордovorотов отошли от нас и исчезли из виду.

- О! У меня все просто! Никакого второго шанса! Никакого права на ошибку! - гордо заметил «мимокрокодил». - Я так понимаю, Феникс, это - твоя ученица? Как это забавно! Я подумывал отдать кого-нибудь из своих слуг тебе на обучение... У меня есть парочка одаренных. Я бы щедро заплатил. Просто хочу потешить свое самолюбие!

Феникс развернул меня и прижал спиной к себе, убирая волосы с моей шеи.

- Оранс, - я почувствовала, как палец Феникс скользнул по моей шее. - Ты ведь сам понимаешь, что мои уроки не только обходятся дорого, но и дорогого стоят... Я бы даже сказал, что не каждая девушка способна заплатить за них... Далеко не каждая...

- Ммм! Есть у меня на примете одна талантливая красавица, - усмехнулся «мимокрокодил», почесывая свое зеленое брюхо.

- Учителю тоже иногда нужно отдыхать, - усмехнулся Феникс, целуя меня в шею. Я просто зашлась от возмущения, но тут же услышала тихое: «Подыгрывай, Рыжик!».

- Нет, ну Кошечка просто великолепна! Я уже сидел и думал, что меня в этой жизни ничем не удивить, но тут бац! - зашелся в восторге толстяк, разводя руки так, словно он

меня сейчас обнимет.

«Рыжик, чего молчишь!» – прошипели мне на ухо, отрываясь от моей шеи. Рука Феникс бесцеремонно легла мне на грудь. Я его убью за это! Что это за новости? Да как он...

– Приятно, что блюдо пришлось вам по вкусу, – выдала я, после того, как меня слегка ущипнули. – Как вы думаете, я не переборщила со специями? Или нужно было его хорошо прожарить?

– О, нет! – залился гиенистым смехом толстяк. – В самый раз! Он уже готов! Я бы его еще ножом потыкал! А то крови маловато! О! Феникс, я помню тот бой, когда ты вышел с мечом в руках! Это было нечто! Весь круг был обрызган кровью! Я столько крови никогда не видел! До сих пор забыть не могу! Он в тебя огнем, а ты....! Эх! Я тогда громче всех хлопал! Это был бой! Да!!!

Если преданный фанат сейчас попросит нас расписаться у него на пузе, то чернил не хватит. Я опустила взгляд на руку, которая грелась в моем декольте.

– Я хочу пригласить вас на прием! Завтра! Я соберу моих любимых бойцов! Всех до единого! Мне все не терпится узнать, кто из вас лучше! Приходите. Завтра в десять! Не обижайте вашего старого друга своим отказом!

– Я не знаю, – лениво заметил Феникс, стоя позади меня, а потом шепотом на ухо произнес: «Спроси, кто там будет!»

– Хм! А кто там будет? – поинтересовалась я, чувствуя себя марионеткой в руках опытного кукловода.

Толстяк начал загибать пальцы, перечисляя имена, которые мне абсолютно ни о чем не говорили. Зато заслуги, вскользь упомянутые, вызвали у меня горячее желание отклонить предложение, бежать куда подальше и забиться в угол. Судя по обмолвкам, аудитория будет сплошь с замашками серийных убийц, маньяков и прочих очень интересных личностей, которые чувствуют себя в Кадингере более чем вольготно.

– Кстати, я тут подумал, – усмехнулся толстяк, изучая меня маленькими глазками. – Не продашь ли ты ее мне? Я предложу хорошую цену! И всех своих девочек на выбор! А то они мне уже надоели! Ну, кроме Лесандры. Хотя, и Лесандру я могу подарить тебе в знак дружбы. Она такая волшебница, ты себе представить не можешь!

Меня прижали к себе так, что стало трудно дышать.

– Я очень ревнивый учитель, – усмехнулся мне в волосы Феникс. – Когда я вижу, как к ней кто-то подходит, я готов его просто испепелить.

- Подумай, я предлагаю тебе золото по весу! – заметил толстяк, нехорошо облизывая свои пухлые губы. – Заметь, даже за самую красивую рабыню столько не предлагают!

- Ты что? – прошипела я, подпихивая его локтем. – Продать меня решил?

- Если бы я захотел тебя продать, тебе пришлось бы очень много кушать, – шепотом усмехнулся Феникс. – И основным условием договора был бы самовывоз тебя с продуктового склада!

Мордовороты подошли и кивнули, мол, дело сделано! Избавились!

- Она не продается, – вздохнул Феникс, а потом вредным голосом прошептал мне ухо, за что тут же получил едва заметный удар моим локтем. – Разве что лет через двести. Со скидкой...

- Да, – горестно вздохнул местный олигарх, но тут же воспрянул духом. – Если у вас будет ребенок... Ненужный... То я готов его выкупить! Поверьте, я отвалю вам столько, сколько вы себе представить не можете!

Я чуть не подавилась, задыхаясь от гнева! Ребенок? Ненужный? Да как он смеет! Да какие родители продадут своего ребенка? Нет! Это – возмутительно!

- Тише, Рыжик, тише... – прошептали мне, дуя на мою шею. – Остынь... Все в порядке... Не обращай внимания...

Толстяк удалился, желая нам побыстрее обзавестись «ненужным» ребенком. Мордовороты двинулись вслед за ним, расчищая дорогу своему падишаху от обычных прохожих. Не хватало только мигалки на голове и корочки народного депутата.

- Руку убрал! – процедила я, вытаскивая чужую конечность из области декольте и провожая взглядом процессию. – Это что еще за цирк?

- Там тепло! – шутливо огрызнулись мне в ответ. – Прямо как в теплице!

- Вынул руку из «теплицы»! Не про твою душу помидоры поспели! – возмутилась я, слегка толкнув Феникса плечом.

- Да, я чувствую, что мало того, что не поспели, так еще и не выросли! Может, их надо чем-то поливать? – съехидничал Феникс. – Как на счет горячими слезами?

- Ты уже их поливаешь. Грязью! – вспыхнула я от такой наглости.

– Это – не грязь. Это – удобрения! – со вздохом ответил он, убирая руку. – Давай домой. Быстро!

Дверь закрылась так, словно Феникс поругался со всем миром.

– Что это еще за новости? Дети! Ненужные! Как вообще такое может быть? – я со злостью взяла все еще влажную подушку и со всей силы швырнула ее на диван. – Ненужные! Да как вообще ребенок может быть ненужным? Мерзкий, отвратительный мир! Ненавижу!

– Рыжик, ты рассуждаешь так, словно это – единственный мир, где есть «ненужные» дети! Словно нигде нет ни детдомов, ни родственников, куда нерадивые мамашки спихивают свои «ошибочки», чтобы вспоминать о них раз в полгода, счастливо устроившись в новом мужиком? А мужик либо не знает о том, что где-нибудь в захолустье сидит с бабушкой-дедушкой «ошибка молодости», либо категорически против чужих детей. Неужели нигде такого нет? Когда ребенка воспитывают родственники при живой матери, которая ради приличия иногда проводит свою ... Рыжик, что с тобой? Ты чего? Рыжик?

Я стояла и смотрела на него, как на самого злейшего врага. Мои кулаки сжимались, на глазах выступали слезы.

– Не вздумай такое говорить! – прошипела я. – Еще одно слово и я...

– А! Все с тобой понятно, Рыжик. Все с тобой понятно. Осуждаешь одних, а сама поступаешь так же? – разочарованно заметил Феникс.

– А ты как будто горишь желанием воспитывать чужих! Тебе же неохота связываться с чужим ребенком! – вспыхнула я. – Повстречай ты женщину своей мечты, у которой дети, ты бы вряд ли заявил: «Милая, я мечтаю стать им папой! Я буду хорошим отцом! Лучше, чем твой предыдущий!». Расскажи! Давай!

Я подлетела к нему, пылая от гнева. Никто! Никто не имеет права плохо говорить о моей маме!

– Если бы я сразу знал о ребенке, то тогда бы еще подумал. Но если от меня бы утаивали правду, боясь меня «спугнуть», не простил бы, – спокойно ответили мне. – Скажи мне, Рыжик, какому нормальному мужику, было бы приятно спустя год узнать о том, что где-то в каком-то захолустье у любимой жены есть дети, на которых она забила большим болтом ради «нового счастья»? И где гарантия, что с их совместными детьми, она не поступит так же, случись что с их отцом? Не сдаст их родителям и не упорхнет устраивать свою личную жизнь снова? С очередного чистого листа? И плевать она хотела на своего кукушонка, подброшенного в родительское гнездо. Иначе бы давно поставила своего ухажера перед фактом. И пусть не оправдываются, что так получилось! Никакие «зарботки», «чужой город» и «вот устроюсь – заберу!» не являются оправданием.

Я смотрела на него, чувствуя, как меня только что пристрелили. Может быть, мое тело еще стоит на месте, роняя слезы и сжимая кулаки, но моя душа лежит мертвой на полу и корчиться в предсмертной агонии, зажимая себе рот рукой, чтобы не закричать вслух: «Мама! Мамочка! Скажи, что это не так! Скажи, что ты меня любишь! Просто... просто обстоятельства тебе мешают сказать своей семье о том, что теперь у окна, но уже браузера сидит твоя Еська и мечтает о том, что ты ответишь ей на поздравления с прошедшим полгода назад твоим Днем Рождения!».

– Так что, Рыжик, мой тебе совет. При знакомстве с мужчинами о наличии «прицепа» ставь их в известность сразу. Чтобы не было такого: «Ой, я чуть ли не девственницу из монастыря взял, а у нее, оказывается, семеро по бабкам сидят!», – усмехнулся Феникс, глядя на меня.

Я молча развернулась и ушла в ванную. Надолго.

– Рыжик, я все понимаю, но ты там долго? – поинтересовался голос, деликатно стуча в дверь, пока я сидела в ванне, смывая с себя грязь сегодняшнего боя. – Я тебя сейчас прокляну!!! До ревматизма в седьмой коленке! Причем, седьмая коленка тоже будет частью проклятия!!!

– А теперь представь, сколько пар обуви придется тебе искать, чтобы меня обусть! – усмехнулась я, расчесывая волосы и разглядывая в зеркале свое отражение.

– Валенки, шлепанцы, тапочки и туфли на шпильке! И все это одновременно! Выползай оттуда, гусеница! – в дверь постучали достаточно громко и отчетливо.

Через десять минут мне сулили золотые горы, кисельные берега и молочные реки. Еще немного и он согласится усыновить с десяток моих несуществующих детей.

– Рыжик, то, что у тебя нет совести, мы уже выяснили, но поскреби в закромах души и отыщи милосердие! Сколько наскребешь! Я тебя очень прошу, – раздался голос за дверью. – Я даже сдачу тебе дам в виде огромного «Спасибо!».

Через двадцать минут голос за дверью был нежным-нежным, добрым-добрым, спокойным-спокойным. Зато теперь я точно знаю, чтобы доказать свою правоту, показать глубину своей обиды не нужно лишних слов. Просто займите единственный санузел на два часа. И пока по ту сторону двери не найдут ключи к вашему черствому сердцу, не выходите.

– Рыжик, я не хочу выносить дверь! – слышала я голос, плескаясь в ванне.

– Если ты хочешь что-нибудь вынести, то пусть это будет не дверь и не мой мозг! Лучше вынеси мусор! – заметила я, вытираясь.

Я медленно выползла из ванной, отскребая от души осадок. Или скребок был плохой, или осадка было столько, что нужен был ядреный реагент, но как ни крути, настроение было испорчено. Отношения тоже. Зачем он вообще завел разговор на эту тему?

- Рыжик, - послышался голос, когда я в мрачных думах в очередной раз проходила мимо сидящего на диване все еще мокрого после ванны Феникса. Меня попытались поймать за руку.

- Отстань! - прошипела я злобной гадюкой.

- Рыжик, я не хотел сказать, что ты - плохая мать! Прекрати крутить кино! - услышала я, чувствуя, как меня ловят за руку.

Я вот сейчас стою и думаю. Между душой и шкафом куда больше общего, чем может показаться на первый взгляд. Все норовят туда заглянуть любопытства ради. А еслипустишь кого-нибудь в душу, то копаются со словами: «Это мне не нравится! А это - еще куда ни шло! Это сойдет! Это - прикольненькое! А это выбросить не жаль! Не могу понять, почему ты до сих пор не выбросила это отсюда?». Так что если в душе ищут скелета в шкафу, то с единственной целью - перемыть косточки.

- Послушай, - снисходительно заметила я, глядя, как меня держат за руку. - Отцепись, а? Будь так любезен. Я не хочу обсуждать сейчас тему хороших и плохих мам. И тему детей я тоже не хочу затрагивать! Так что если ты хочешь поговорить, то мы с тобой будем разговаривать исключительно на темы, близкие к выживанию.

О, как я завернула! И почему мое красноречие просыпается только в момент обиды?

- Хорошо, поговорим, - заметил Феникс, не отпуская мою руку и усаживая рядом на мокрый диван. - Что ты хочешь узнать?

- Все! Или я и дальше буду скакать веселым зайчиком, пребывая в полнейшем неведении? - усмехнулась я. - Но в данный момент меня интересуют вызовы. Все, что знаешь.

- Вызвать тебя могут только с двенадцати до шести. То, что в том мире по умолчанию - ночь, здесь по умолчанию - день. Не примешь три вызова подряд - за тобой придут. Причем, во вредном для здоровья количестве. Что тебе еще рассказать? - мою руку держали так, словно я зависла над обрывом.

- Как появилась я? - хмуро потребовала я, залезая с ногами на диван.

- Эм... Тычинка опылила пестик... Как бы тебе на пальцах объяснить сложный биологический процесс, сопряженный с приятными ощущениями и некой неосторожностью или целенаправленный процесс, который при должном усердии с обеих сторон дал конкретный результат, - усмехнулся Феникс. - Короче, папа очень

крепко обнял маму...

- Ты издеваешься? - вспылила я, пытаюсь выдернуть руку из чужой руки. - Как я в этом мире очутилась? Какого черта я, а не моя соседка - кошатница? Почему я, а не мои соседи - разоблачители мирового заговора? Не мой директор, не тетка на крутой тачке, не уборщица, не школьник с ранцем и не продавщица из соседнего ларька? Почему я?

- Ты - избранный, Гарри! - заметил Феникс, сдувая прядь своих волос с лица. - Очки носишь?

- Только розовые, - вздохнула я, сменяя гнев на милость. - И шрамы у меня только в душе!

- Значит, ты - не избранная. Прискорбно. Извини, но такие вещи рассказывают только избранным, - лучезарно улыбнулся Феникс, явно что-то скрывая.

- Мы что с тобой играем в игру «правда или вызов»? - возмутилась я. - Выкладывай, как есть!

- Единственное, что я могу тебе выложить прямо сейчас, тебя слегка смутит. Кстати, ты играла в «правду или вызов»? - осведомился Феникс.

- Нет, не играла, но правила знаю. Или говоришь правду, или выполняешь задание, - буркнула я. - Ты предлагаешь сыграть? Знаешь, в свете последних событий слово «вызов» у меня имеет плохие ассоциации... Мы будем сражаться?

- Нет, просто выполнять маленький просьбы друг друга. Крохотные просьбы, - заметил Феникс, сверкнув глазами. - Так, как?

- Так и скажи, что тебе лень прибираться! Хорошо, только я первая. Вопрос. Как я здесь очутилась? - усмехнулась я. - Учти, вызов будет жестким! Тебе придется высушить диван! Я на нем собираюсь спать! Что выбираешь?

- Вызов, - ответил Феникс, осматривая масштаб работ. - Вставай. Сейчас все быстро высохнет!

Через секунду диван был объят пламенем.

- Ты... Ты! Ты что творишь! - возмущалась я, бегая вокруг горячей мебели. Метнувшись на кухню, я схватила котелок, бросилась в ванную, набрала воды и выплеснула на диван.

- Гори-гори ясно, чтобы не погасло! - вздохнул Феникс, откинув волосы с лица и глядя,

как я делаю уже третью ходку с котелком. – Пожарную сирену включи! Иу-иу-иу!

Расплескивая воду на ноги, проклиная на чем свет стоит одного затейника, я поливала пламя водой. Так! Еще одна ходка... Ручку вроде бы потуши... Мамочка! Она опять горит! Хлюп! Пшшш! И снова в ванную. Быстрее, набирайся! Ну же! Хлюп! Пшшш! Нет, так дело не пойдет!

– Нет, Рыжик, диван так не высохнет еще долго! – услышала я, выливая очередную порцию воды прямо в огонь.

– А если начнется пожар? Ты головой своей подумал? – возмущалась я, топая в ванную.

– Дом сгорит, а мы повесим объявление. Очень аккуратные и ответственные учитель и ученица снимут дом. Рассмотрим все варианты. Чистоту и порядок гарантируем, – спокойно заметил Феникс. Я притормозила, подозрительно шурясь.

– Нет, Рыжик, ты этого не сделаешь... Нет! Кому сказал! – мой план разгадали сразу, поэтому стали стратегически отступать. – Рыжик, имей совесть! Или я ... Ах, так? Беги, Рыжик! Беги!

***

– Рыжик, ты такая влажная, – услышала я, закатив глаза. Еще бы! После того, как мне вылили на голову остатки воды.

Рубашка Феникс сушилась на спинке кровати, штаны, слава Богу, были не критично мокрые. В процессе неравной борьбы я умудрилась расплескать половину на пол. Где-то в комнате лежали головешки, оставшиеся от дивана.

– А можешь отпустить меня? Я обещаю, что мстить не буду! – взмолилась я, пытаюсь выпутаться.

– Хорошо зафиксированная девушка в предварительных ласках не нуждается, – усмехнулся Феникс, перетягивая часть одеяла на себя.

Я уже долго лежала с закрытыми глазами и старалась ни о чем не думать.

– Рыжик? Ты спишь? – услышала я шепот, делая вид, что сплю. – Спиш-ш-ш-шь?

Ко мне подползли поближе, проводя пальцем по моему носу.

- Или не спишь? – шепотом спросили меня. Но кто не жил с моей бабушкой, тот прикидыватьсядохлым не умеет!

- Мне теперь чертовски интересно, – мои волосы убрали с моего лица, – мальчик или девочка? Почему-то мне кажется, что мальчик... Хотя... А черт! Может и девочка! Маленькая рыжая девочка... Маленький Рыжик Два. Два? Хм... Двое – это многовато... Хотя... Фиг с ним. Двое так двое! А если трое? Рыжик, только не говори, то у тебя трое...

Повисла тишина, которая закончилась тяжким вздохом обреченного на смерть.

- Трое... – раздался озадаченный шепот, делающий из меня мать – героиню. – Тяжелый случай... А если четверо? Четверо... Нет, Рыжик, ты меня так не пугай. Ладно, один. Два. Три... Со скрипом... Но четверо...

- Ты что? Жениться собрался? – усмехнулась я, внезапно открывая глаза. Сюрприз!

- Ах ты, маленькая обманщица! На тебе? Пф-ф-ф! Ни за что! Никогда! Я просто прикидываю, смогу ли я позаботиться о твоих детях, если с тобой что-то произойдет. Потяну ли я финансово... – заметил Феникс, откидываясь на подушку.

- Нет, – вздохнула я, отвоевываая кусок одеяла и немного личного пространства. – Не потянешь. Удачного дня!

***

Я решительно вышла на остановке. Осталось пройти совсем немного вперед, чтобы купить мое платье! Точно решила! Покупаю! Меряю и покупаю! Я быстрым шагом дошла до двери, посмотрев на витрину. В кармашке шуршали заветные денежки. Каким бы ни был мой «черный день», я встречу его в новом платье! Вот! Дверь была закрыта, витрина пуста. Зато к стеклу был приклеен листок. «Магазин одежды переехал по адресу Проспект...» И все. Дальше объявление было оборвано.

Как?

Я в растерянности стояла возле пустой витрины и смотрела сквозь грязное стекло. Даже вывеску сняли! Нет! Нет! Нет! Почему именно сегодня? Почему не завтра? Что за совпадение? Столбик на термометре настроения пополз в сторону нуля. Ожидались неприятные осадки. Местами сожаления, местами угрызения.

Наскоро подписав у залетевшего Карлсона список правок, я тут же отправила их на почту. Получайте! Звонил какой-то бывший Димин клиент, сообщая, что проект придется «заморозить», пока я смотрела новый сайт, замечая, что появилась страничка «О нас». Стоило кликнуть на ссылку, как тут же открылось: «Мы созданы на радость людям!». Тут же мне на почту упало письмо с требованием рассказать о нашей многострадальной компании. Понадергав солидных формулировок с представлений

других компаний, слегка исправив, я отправила его с наилучшими пожеланиями, подписав у забежавшего за какой-то ксерокопией, Карлсона. Ляпнув печать и нарисовав размашистую подпись, директор ретировался заниматься своими делами. За окном было слышно, как отъезжает его машина.

Через полчаса мне позвонил уже поднадоевший номер настойчивых сайтостроителей. Я сбросила вызов. Но мне позвонили еще раз!

– Здравствуйте, Лена. Я смотрю, вы очень старались. Про картинки вы забыли, поэтому пришлось ставить не ваши, а чужие проекты. А вот сейчас я читаю текст, который вы прислали с подписью и печатью, – раздался предвещающий проблемы голос. – Я понимаю, что желание клиента – закон и так далее, но теперь я настоятельно прошу вас позвать кого-нибудь из ваших слуг, дабы я не обременял вас своими замечаниями и не тратил ваше драгоценное время.

– Каких слуг? – удивилась я, выправляя проект маленького коттеджа с огромными окнами.

– Как каких? Вы тут пишете: «Слуги проектировщика – это уже не роскошь, а необходимость!» – голос на том конце иногда срывался в тихий смех. – Так что позовите кого-нибудь. Хоть горничную, хоть дворецкого. Будьте так любезны.

– Ну, добавьте букву «у»! Услуги! – закатила глаза я, понимая, что сейчас у меня нет времени заниматься сайтом.

– Читаем дальше. Лена, зачем столько самокритики? «Мы не просто создаем типовые проекты, мы – твари ... м!»». Понимаю, что где-то что-то не скопировалось и исправилось автоматически, но зачем же сразу в лоб. Я бы на вашем месте сначала прикинулся белыми мягкими и пушистыми... – потешался голос, пока я проклинала тот день, когда меня запрягли пахать на web – поприще. – И слово «творим» пишется через «о».

– Ну, исправьте на «творим»! – простонала я, открывая документ с автоматическими исправлениями.

– Почему вы не сказали, что параллельно занимаетесь услугами по ремонту кондиционеров? Нет, я имею в виду не вас, а вашу фирму? – поинтересовался задумчивый голос.

– Где??? – озверела я, внимательно читая текст и краснея. Да, забыла исправить. – Ну, исправьте... Честно, мне некогда сейчас заниматься сайтом. Исправьте тихонечко и не говорите моему директору. Идет? Исправляйте, как вам надо. Я так понимаю, что вы наш новый администратор?

– Не совсем, – усмехнулись в трубку. – Администрированием будет заниматься Игорь, когда выйдет на работу. За отдельную плату, разумеется.

– А вы чем занимаетесь, – мне, если честно, было неловко. Программа закрылась и теперь не хотела открывать проект, выбивая окно ошибки.

– Мотивирую. Зарплатой, – вздохнули на том конце трубки. – И ваши контакты, пожалуйста.

– Можете взять их со старого сайта, – заметила я, пытаюсь уговорить программу открыть проект. – Телефон с подписью «Дина» можете удалить. Дима у нас уже не работает. Светин телефон я сейчас уточню и пришлю вам на почту. Мой телефон можете скопировать со старого сайта. Он у меня не менялся.

Я на секунду задумалась. Честно, я уже привыкла, что если звонят по сайту, то называют меня Леной. Ладно, пусть так и остается. Очень удобно, когда знаешь, где нашли твой номер.

– Пусть будет Лена, – вздохнула я, – Оставляйте Лену. Уже привыкла.

Глава тринадцатая. Зажигательная вечеринка

– Я такая нерешительная.

– А ты ничего не решаешь.

Я пыталась мысленно изобрести машину времени, чтобы вернуться во вчерашний день, взять деньги и купить себе то несчастное платье! И пока я вместе со всем населением мира занималась мысленным изобретением машины времени, не продвинувшись ни на йоту в своих научно-мечтательных разработках, мой взгляд уткнулся в настенный календарь. Каждый будний день, за исключением государственных и общепринятых праздников и выходных, был... черными. Никогда раньше не замечала. Черные понедельники, вторники, среды, четверги и пятницы. Интересно...

С горестным вздохом я перечитала отправленный текст и слегка покраснела. «Слуги проектировщика – это уже не роскошь, а необходимость! Именно проектирование напрямую связано с комической отраслью...»

Мои уши полыхали от стыда. Нет, я понимаю, что с шутками и прибаутками, с хиханьками и хаханьками мы способны слепить проект, а иногда при общении с клиентами приходится быть не только веселым, но и находчивым, однако, не настолько, чтобы гастролировать по городам, собирая стадионы.

Все, хватит! Дальше я читать это не собираюсь!

Протяжной истошной и тревожной трелью раздался звонок директора.

– Леся, ты это... Мне тут только что звонили по сайту... – начал Карлсон, а я мысленно съежилась. Меня сдали, обсмеяли, зачитали вслух понравившиеся цитаты? Я уже готовилась к обороне. Основными увесистыми аргументами были: «Я и так тут за троих работаю!», «Пусть сами пишут! Или мне еще за них сайт сделать!», «Я себя плохо чувствую!» и «Оно мне надо?».

– Короче, смотри, вникай во все детали. Как только сайт будет готов, проси, чтобы тебя научили с ним работать! Картинки добавлять и все такое... И пароль от сайта поменяй. Сразу же. И мне позвони, чтобы я знал, – заявил Карлсон. – А то они счет выставили и требуют оплатить... Но сорок тысяч за сайт – это дорого. Очень дорого! И это только за создание. Понимаю, что фирма солидная... Я Андрею, бывшему администратору пять тысяч заплатил за все!

– Подождите, а как же договор? – возмутилась я, не понимая, как можно не оплачивать чужую работу? Люди старались, делали, а тут ... У меня перед глазами стояли сайт за пять тысяч и сайт за сорок. Разница была существенной. На новый сайт и посмотреть было приятно. Его даже можно показать знакомым и друзьям! Да что там друзьям! Адрес такого сайта можно спокойно размещать на визитках!

– Леся, ну ты и смешная, ей-богу! И что с договором? Они что? В суд за сорок тысяч побегут? Не смеши меня! Позвонят, поругаются и успокоятся! Позадалбывают маленько, и что? Денис, который делал наш первый сайт, тоже поначалу трезвонил, – фыркнул Карлсон, поражаясь моей наивности. – Андрей сказал, что просто перетащит его к нам за пять тысяч. Так кому выгодней платить? Денису двадцатку или Андрею пятерку?

– А если они сюда приедут ругаться? – опасливо спросила я, глядя на красивые проекты в большом слайдере. – И как на счет репутации?

– Они? Приедут? Двести сорок километров? Или сколько там до ... Репутация, как говорится, это когда фирма в своем городе и на соседней улице никого не кинула. Вот это – репутация! Остальное – фигня! Главное – пароль поменяй и мне перекинь! Все, Леся, давай! У меня второй звонок! Алле! Алле! Да что такое со связью! Вроде бы переключил? Алле!!! – услышала я перед тем, как нажала кнопку сброса.

Репутация – когда не кидаешь соседей? Нет, это – не репутация, а инстинкт самосохранения! «Не переживайте, если что не так, мы всегда здесь! Можете приехать и набить нам морду!» – усмехнулась совесть, читая мануал по иглотерапии. Ладно, пусть сами разбираются! Я вообще здесь не при чем! Не я же договаривалась? Нет. Какие ко мне претензии? Но мне было стыдно. Мучительно стыдно и неловко.

Чтобы хоть как-то себя развеселить, обратном пути я купила дорогую шоколадку, ароматный чай, который принципиально отличался от «матраса моей бабушки» и «содержимого пластикового совка после подметания пола».

Досмотрев до самого драматического момента новый фильм, всплакнув как следует над «я тебя не брошу... Никогда... Держись, любимая!», я залезла под одеяло и закрыла глаза, проверяя телефон под подушкой. Семейка «ушных террористов» приутихла. Или они дружно составляли список требований, или решили отпасть от меня, как сытая

пиявка в поисках менее взыскательного воплощения строительно-эротических фантазий.

Я зевнула, стараясь не думать о том, что уже фактически стала невольной соучастницей фирменного «кидалова» в исполнении непосредственного во всех смыслах работодателя. Я не знаю всех технических особенностей изготовления сайта, но такие заявления меня возмущают. Не то, чтобы я кристально чиста перед совестью, но все же! Сумма мелочи, которую я обещала «занести» в окрестные магазины, приближалась к двадцати рублям, что иногда меня угнетало. Особенно, когда стояла у прилавка и пыталась вспомнить, сколько и какой продавщице я должна.

С одной стороны, отстаивать интересы чужой фирмы перед «родным» директором, предупреждать их о том, что вместо булки со сливочным маслом их ждет кукиш с маргарином – чревато последствиями. А с другой стороны, участвовать в таком – свинство. «Восемь проектов и одна зарплата или восемь зарплат и один проект?» – поинтересовалась совесть и предложила посмотреть вакансии. Помимо вакансий я изучила списки претендентов, тяжело вздыхая. Если у большинства соискателей лучшей работы и зарплаты в списке «достижений» было перечислено «Лучший сотрудник года», научная степень, курсы повышения квалификации с отличием, стажировки за границей в ведущих компаниях отрасли и грамоты за особые заслуги перед директорским кошельком, то единственной моей заслугой было умение есть слипшуюся кашу в детстве и носить колючий шерстяной шарф, от которого потом все лицо чесалось, как у прокаженной. Как вы думаете, мое резюме кого-нибудь заинтересует?

Завернувшись в одеяло, натягивая на ногу спадающий носок, уткнувшись носом в подушку, я закрыла глаза. Немного поворочавшись и поворчав, я расслабилась, и....

Чей-то неугомонный палец решил расширить сферу влияния, считая нос – завоеванной вершиной. После анатомического альпинизма палец, который я сейчас укушу и откушу, решил заняться музыкой, извлекая мелодичные звуки из моей нижней губы, которую осторожно оттягивал, а потом отпускал. И хоть слава Паганини, сумевшего, по легенде, сыграть на одной струне, явно не давала покоя его обладателю, «музыкант» с сожалением осознал, что ему далеко до великого мастера. Вместо пальца появилась теплая рука, которая гладила меня по щеке и взволнованное дыхание, которое все приближалось и приближалось до тех пор, пока я не почувствовала, как меня осторожно, едва дыша, нежно целуют в нос, прислушиваясь не проснулась ли я. Стоило мне засопеть, как тут же все застыло. Ладно... Мне самой интересно, что будет дальше!

– Иди ко мне, Рыжик, – прошептал голос. Меня приподняли и подтянули к себе поближе.
– Куда ты от меня собираешься уползти? А, Рыжик? На ту сторону кровати? Не-е-ет... А у меня одеяло есть и подушечка... И попробуй у меня их стащить... Нос откушу... И не только нос... Все откушу....

Мое сонное тельце тискали, как игрушечного медведя, зарываясь носом в мои волосы.

– Такая маленькая ручка у маленького Рыжика... Да, Рыжик? У тебя маленькая ручка... И пальчики маленькие... Я тебе говорил, что мне не нравятся рыжие девочки? Особенно с маленькими холодными ручками? – мои пальцы перебирали, критично рассматривая каждый. По-моему, их даже пересчитывали. Смысла в столь сложных расчетах я не видела. Природа не была ко мне излишне щедра, а жизнь и техника безопасности при работе с режущими предметами не оказались столь суровы.

– А это что у нас? А, Рыжик? Это у нас шрам... Интересно, от чего он? И ногти Рыжик грызет... Рыжик, ты грызешь ногти? Признавайся! Я никому не скажу... – развлекался Феникс шепотом, рассматривая мои ногти, как мастер маникюра. – Да что ж у тебя руки ледяные? Рыжик у нас мерзлик? Черт, придется достать второе одеяло...

– Второе одеяло?! – я приоткрыла глаза.

Меня резко отпустили. Я даже не успела понять, что произошло, но через секунду отчетливо видела невозмутимо лежащее рядом тело, которое вдобавок еще и успело отвернуться от меня, изображая невинный сон младенца. Слушайте, я так не умею!

– Эй, ты что-то говорил про второе одеяло?! – спросила я, тормоша «спящее» тело.

Хорошо. Конец немного предсказуем, наглец немного наказуем! Я подлезла поближе, помучила чужой нос, получая от этого наслаждение.

– Где второе одеяло? – спросила я, приподнимаясь на локтях. – Сознавайся!

– Рыжик, ты о чем? – спросил Феникс. Голос был настолько удивленным, что я действительно поверила ему, если бы не уголки его губ, которые предательски подрагивали, постепенно расплываясь в улыбке.

– Про одеяло! – настаивала я, не сводя подозрительных глаз с его обаятельной улыбки. – Не вредничай!

– Ах, ты про одеяло? – вздохнул Феникс. – Тебе просто приснился сон... Надеюсь, он был приятным...

– А если он был из разряда «кошмар»? – спросила я, глядя в красивые светлые глаза, зрачки которых расширились настолько, насколько можно было.

– Так это был кошмар? – сощурился Феникс. Я провела пальцем по его носу и с улыбкой сообщила, что не люблю светловолосых, светлоглазых мужчин. Мне по душе брюнеты с зелеными глазами.

– Рыжик со мной кокетничает? – подозрительно спросил Феникс, осторожно лоя мою руку, которая собиралась стащить единственное одеяло. – На что еще готов коварный Рыжик ради второго одеяла? Так! Куда тянешься! Сейчас по рукам получишь! Я его, между прочим, нагрел... Кстати, мы сегодня куда-то собирались... Так что иди, Рыжик, одевайся. Одевайся так, чтобы тебя тут же хотелось раздеть! А я пока поваляюсь...

Сказано – сделано! Самое скромное платье, которое мне удалось найти, было великовато и смотрелось на мне, как будто я откликнулась по объявлению «Маркиз де Сад ищет Маркизу де Огород для совместного времяпровождения на его четырех сотках! Орудия трудовой пытки есть в наличии и в ассортименте!». Я крутилась перед зеркалом и чувствовала себя царевной-лягушкой, тем более что платье было зеленым, слегка ношенным с длинными рукавами. Махнула царевна-лягушка правой рукой, и появилось озеро. Кто был автором озера неизвестно. Никто из гостей не сознался. Потом гости долго вспоминали этот «махач», пересчитывая выбитые зубы, пока царевна не заявила, отряхиваясь: «А вы мне, между прочим, сразу не понравились!».

– Сними это немедленно! – ужаснулся Феникс, глядя на мешковатое платье, неизвестно каким образом очутившееся в гардеробе покойной хозяйки.

– Ну ты же сам сказал, чтобы меня хотелось раздеть? – парировала я, понимая, что в этом платье можно отпугивать и ворон, и мужиков. – Я с заданием справилась!

Через двадцать минут раскопок в тряпье со словами «нечего надеть!», произнесенными не женским капризным голосом, а мужским возмущенным, мне выдали очень нескромный наряд алого цвета. Обычно, когда я возмущалась по поводу «мне не идет», бабушка говорила: «Ты пойдешь, и оно пойдет!». По ее суровому взгляду было видно, что я далеко пойду, потому что «Кудыкины горы» – место не ближнее. Но заботливая бабушка обязательно позаботится о том, чтобы по дороге я не оголодала и не отморозила себе уши!

Передо мной появилась тарелка, доверху наполненная липкой кашей. На самой вершине флагштоком была воткнута большая ложка. Сопоставив диаметр рта и размеры ложки, я отрицательно покачала головой.

– Съешь все, – ответил Феникс, опустошая свою тарелку.

Я, с тяжелой отдышкой после тарелки каши, шла по мощеной улице славного города греха, чувствуя, как сжимается не только моя рука в чужой руке, но и желудок. Если кто-то и мечтал построить свой собственный город «с шлюхами и блэк-джеком», то можете не стараться. Его уже построили. Из переулка к нам вышла хромающая, но размазанная пьяным художником бабушка – матрешка, протягивая нам морщинистую руку.

– Может, ей нужна помощь? – шепотом спросила я, сжимая руку Феникса.

– Конечно, – ответил он, усмехаясь. – Она хочет, чтобы пенсию сняли!

– Ну что, красавчик, – кокетливо произнесла старуха, намертво цепляясь за красивый черный костюм Феникса. – Отдохнуть не желаешь? Недорого!

Я закашлялась. Платежеспособные тимуровцы проигнорировали заманчивое предложение старости, сгорающей от страсти, уверенно идя вперед. Точнее я шла быстрее, таща за собой Феникса.

- Шлюха! – заорала раздосадованная бабка. – Ишь, как вырядилась!

Из всех щелей выползали жрицы любви, вызывающие разную степень отвращения – от «со следами было красоты» до желания взять палку и заорать: «не подходи ко мне, чудовище!». Цеплялись дамы не только за руки Феникса, но и за мои, в надежде что мои «розовые очки» позволяют мне взглянуть на мир иначе. Каша норовила покинуть меня, но я мужественно ее придерживала. Пришлось ускорить шаг, чтобы уйти от греха подальше. И чем дальше, тем лучше. Одна из девушек показалась мне смутно знакомой. По-моему, я видела ее на аукционе...

Из подворотни внезапно выскочил какой-то мужик, напугав меня своим неожиданным появлением.

- Я потерял руку в круге! – заорал оборванец, демонстрируя пустой рукав и протягивая уцелевшую руку в качестве образца, оглядываясь куда-то назад.

- Извините, не находили, – спокойно ответил Феникс, поднося пламя к лицу прилипалы. Тот попятился, делая кому-то невидимому странный знак.

Когда мы подошли к роскошному дому, откуда слышалась музыка и голоса, мне стало не по себе. Если у Золушки остались силы отплясывать на балу, значит, ее не так сильно эксплуатировали. После четырех лет работы без отпуска у меня появилась мечта, чтобы меня похитили, взяли в заложники, отобрали телефон, приковали наручником к кровати и ушли, закрыв за собой дверь на ключ. Дальше я сама разберусь, что мне делать. И при этом в страшном сне мне будет сниться, что кто-то предложил за меня выкуп или поспешил мне на помощь раньше, чем я успею выспаться.

Феникс остановился.

- Итак, Рыжик. Сверим взгляды на жизнь. Правила такие. Мы пьем из одного бокала, который предварительно продегустирует специальный человек. Попробуй хоть что-то съесть или выпить! Я тебя прикончу на месте. Ты меня поняла? В уголок не забиваться, ни с кем не уединяться, постоянно быть перед моими глазами, а лучше рядом. Что бы тебе ни сулили, что бы ни обещали, чем бы ни соблазняли, не ведись, – произнес он, глядя мне в глаза. – Давай, вавилонская блудница, оставляй свои комплексы здесь.

- А почему вавилонская блудница? – удивилась я, вспоминая отрывочные сведения про Вавилонскую башню. Не знаю, как с религиозной точки зрения, но есть у меня подозрения, что на проекте как таковом решили сэкономить самым простым путем. Просто его не делая. Поэтому строительные материалы и финансирование внезапно закончились, а стройка тысячелетия была приостановлена на неопределенный срок. И пока прорабы, инженеры, строители и компания застройщиков не могли найти общий язык, объект решили «заморозить». Общий язык найти не удалось. Если так посудить, в каждом городе найдется своя вавилонская башня, огражденная забором из профнастила и украшенная надписью «Осторожно! Идет строительство!». Куда идет то самое строительство не уточняется, но у пайщиков есть подозрение, что псу под хвост.

- Рыжик, ку-ку! Я здесь! – перед моим носом пощелкали пальцами, выводя меня из состояния задумчивости. – Пойдем.

- Что-то мне все это не нравится, – прошептала я, оглядываясь по сторонам. – Давай вернемся домой.

- Рыжик, держи меня за руку, – я почувствовала, как сплетаются наши пальцы.

- Ты думаешь, что я такая трусиха? Нет, ты ошибаешься! Я не боюсь! Я просто не хочу туда идти! – уперлась я.

- Я тебе сказал, Рыжик. Держи меня за руку. Хочешь, за обе сразу. Чтобы у меня не было соблазна подсократить численность гостей прямо с порога в качестве приветствия, – мою руку сжали и повели меня в сторону двери. – Ты следишь за мной. Я слежу за тобой. Законы здесь, может, и не действуют, но некоторые правила приличия, граничащие с самосохранением, работают.

Первое, что я увидела, как только мы вошли, так это толпу разодетых людей. Такое чувство, словно мы попали на благотворительный бал, созданный для помощи пострадавшим от произвола судьбы. Я не понимаю благотворительность, когда богатые и знаменитые организаторы собирают деньги с тех, кто не намного богаче потерпевших от очередной жизненной несправедливости, имея возможность решить эту проблему самостоятельно.

Толпа гостей развлекалась в меру своей испорченности и распущенности. Между ними мелькали красавицы легкого нрава с одинаковыми украшениями-ошейниками, откровенно приставая ко всем. Я посмотрела на свой наряд. На секунду мне показалось, что даже местные девицы смотрят на меня, как старушки, с нескрываемым осуждением. Захмелевший хозяин выплыл к нам навстречу в сопровождении трезвой и суровой охраны, охая, ахая и благодаря нас за то, что мы почтили визитом его скромную обитель порока. Чужие запахи, чужие лица, чужие голоса смешивались в крайне неприятное впечатление. Огромные блюда с роскошной едой едва успевали поставить на стол, как тут же на них налетала стая голодных гостей. Завидев нас, гости оживились. Я бы тоже оживилась при виде платья, которое держится на двух застёжках и честном добром слове.

К Фениксу тут же сбежался целый гарем, восторженно описывая, что, несмотря на дисквалификацию, все равно любят его. И прямо сейчас, в темном углу, готовы это доказать. Все по очереди.

Я снова попыталась побороть внутреннюю кашу, тяжело выдыхая и глядя, с каким нездоровым аппетитом опустошается содержимое столов. Какой-то достаточно молодой и симпатичный мужчина с темными волосами пролил содержимое бокала на пол, глядя, как растекается красноватая лужа. Какая-то девица из местных достопримечательностей, встала на колени и стала слизывать напиток прямо с пола.

- Пойдем домой, – сглотнула я, цепляясь за Феникса и ища глазами выход.

- Общественному туалету на постоянную работу требуется уборщица, - усмехнулся он шепотом. - Владение языком обязательно.

Мне было совсем не смешно.

К нам подплыла немолодая, но активно молодящаяся мадам, на шее которой красовался огромный синяк.

- О! Кошка! Я просто в неописуемом восторге! Когда я увидела тебя впервые в кругу, то сразу поняла, что у тебя большое будущее! А когда узнала, кто твой учитель, так сразу...

Ее оттеснил какой-то седой мужик, уверяя меня в том, что готов обеспечить на всю оставшуюся жизнь, если я ... Дальше я не слушала. Выражение «оставшаяся жизнь» меня слегка насторожило. Неподалеку активно шел торг у капота какой-то светловолосой красавицы. Какой-то облезлый товарищ подошел к Фениксу со словами, что очень хотел бы, чтобы его сын был на него похож.

- Тогда это будет уже не твой сын, - усмехнулся Феникс, сжимая мою руку.

Мы переместились на диванчик.

- Садись мне на колени, - прошептал Феникс. - Сейчас будем прикидывать, кто в сборе... Так, одного вижу... Этот так себе... Этот меня не интересует... Этого прикончат не сегодня, так завтра...

Пока я пыталась примоститься рядом, понимая, что на звание «Королева вечеринок» можно претендовать только после пятого бокала. Какой-то седой мужчина в черном костюме и нехорошей улыбкой подошел к нам, схватил меня за руку и по-хозяйски решил утешить меня, предлагая Фениксу подзаработать на мне.

- Ты куда меня привел? - простонала я, глядя на то, как медленно гаснет в руке Феникса лаконичный ответ на предложение поправить наше материальное положение. - Это же ... Господи! А эти чем зани... Мамочки! Это.. это... Пойдем домой! Я не могу на это смотреть! Сделай так, чтобы я этого не видела!

- Легко! - меня подняли и заставили оседлать чужие колени, повернувшись спиной к основному действу. - Вот, теперь ты этого не видишь.

- У тебя в глазах это отражается, - простонала я, пытаюсь перелезть обратно на диван, но мне не позволили. - Пойдем домой! Фенечка, я прошу тебя... Пойдем домой... А?

– Рыжик, мы же только что пришли! – с укором произнес Феникс, откидывая прядь моих волос мне за спину и рассматривая оголившееся плечо, покрытое веснушками. – Ты ведь хочешь, чтобы все это прекратилось, не так ли? У нас с тобой одна общая цель. Я не могу сражаться в круге, но и завоевать корону кому-то другому я не собираюсь позволить. Так что...

– Слушай, ты здесь уже сколько? Одиннадцать лет? Ты, кажется, так говорил, – заметила я. – Неужели за одиннадцать лет ситуация не изменилась? И почему никто не хочет возвращать все обратно? Почему никто из тех, кто владел короной, не вернул солнце? Неужели это так трудно сделать?

– Изменялась. Пять лет назад корону завоевали. И только год назад вакансия освободилась. В связи с несоблюдением техники безопасности на рабочем месте, – усмехнулся Феникс. – Посмотри на этих людей. Их все устраивает. Они живут в свое удовольствие. Что их может не устраивать? А я уже забыл, что такое сон...

Девушка неземной красоты принесла нам два кубка, пряча бесстыжие глаза. По просьбе Феникса ей пришлось отпить из каждого. Ничего страшного не произошло, хотя я, затаив дыхание, следила за каждым глотком.

– Видишь, – вздохнул он. – Нас очень любят и уважают. Даже отравить решили не сразу. Шучу... Пить можно. Пей, Рыжик, только немного.

Местный алкоголь пошел, как дети в школу. Настроение сразу выровнялось, все происходящее вокруг перестало казаться каким-то диким. А если честно, то мне уже было плевать на то, что происходит за моей спиной. По моей талии скользнула рука. Где-то позади меня все дружно охнуло, а потом раздался противный смех. Я хотела повернуться и, интереса ради, посмотреть, что там произошло, но мне не дали.

– Рыжик, ничего интересного... Не отвлекайся, – я смотрела на то, как уголок его рта чуть приподнялся.

– От чего не отвлекаться? – поинтересовалась я, все норовя посмотреть, что же вызывает такой бурный смех.

– От меня, – со смехом ответил Феникс, опустив глаза и смеясь чему-то своему.

– Слушай, – я наклонилась к его уху. – Мне так неудобно сидеть... Это неприлично...

Позади нас раздались крики, а потом знакомый гиенистый смех с комментарием, мол, так ему и надо.

– Что ж ты так переживаешь? Я прикрываю твою спину, – я снова увидела улыбку, которая скользнула по лицу Феникса, пока его рука проверяла целостность «подохранного объекта». – Просто не обращай внимания на них. Пока нас не трогают,

мы – самые миролюбивые гости.

– И на что же мне тогда обращать внимание? – поинтересовалась я, глядя на золотистые блики в чужих волосах.

– Думай, Рыжик, думай.

Я внимательно смотрела ему в глаза.

– Знаешь, я хотела тебя спросить вот о чем: как я здесь очутилась. Ты мне на этот вопрос так и не ответил. Это раз. Второе. Как вообще возможно погасить... или я не знаю, что они там сделали... солнце? Третье. Если нам удастся заполучить эту чертовую корону... – я осеклась, глядя в чужие глаза.

– Нет, Рыжик, ты спрашивай, спрашивай. Кто тебе еще про мир расскажет? – я снова увидела, как Феникс смеется. – Извини... Но ты говори... Я тебя очень внимательно слушаю... На чем ты остановилась?

Здорово! Меня не слышат – это минус, но не послали – это плюс!

– Так как? – спросила я, прислушиваясь к происходящему позади нас. Судя по отдельным словам, долетающим до моего уха, хозяин решил провести конкурс художественной самодеятельности среди учителей и учеников. И, судя по крикам боли, я бы на месте очередного мученика сразу же перевелась на заочное.

– Хорошо, допустим, мы завоюем эту корону. Не знаю как, но... Что будет дальше? – спросила я, услышав, как кто-то подошел... Я посмотрела в глаза Фениксу, чувствуя, как он отрывает одну руку от моей спины, глядя куда-то позади меня. А, нет, показалось. Шаги спешно удалились.

– Знаешь, если нам это удастся, то, – услышала я ответ. – Наклонись ко мне. Не хочется кричать на весь зал...

Я послушно наклонилась.

– Попалась, – прошептал Феникс, сверкнув глазами и не давая мне отклониться назад. – Рыжик, как же легко тебя можно провести...

Его губы едва коснулись моих, я уперлась руками в чужую грудь, пытаюсь вернуться в исходного положение.

– Я же говорил тебе, что мне не нравятся рыжие девочки, – меня бессовестно дразнили,

пока я сопротивлялась. – Совсем-совсем не нравятся... И моему терпению пришел конец...

Я почувствовала, как меня стали целовать. Поцелуй долго, мучительно и настойчиво требовал ответа. Если бы я с такой настойчивостью и упорством требовала свою зарплату, то давно уже купалась в роскоши. В голове промелькнул день нашего знакомства.

– Эй, лизальщик, – прошептала я, отстраняясь с некоторым сожалением. – Закругляйся. А то раскатал губу!

– Ах, так? – я видела, как на меня посмотрели не самым нежным взглядом. – Значит, нам придется принять участие в культурной жизни местного населения. Правду я услышал. Но вызов еще никто не отменял...

– Ты что? – напряглась я, жалея о том, что решила припомнить Фениксу наше знакомство. – Хочешь, чтобы мы сразились? Ты с ума сошел? Нет, я не согласна!

– Да, хочу. Прямо здесь и прямо сейчас. Так принято, когда учитель показывает своего ученика. Если уже вспоминать наше знакомство, так с самого начала. Не так ли, Рыжик? – от этого взгляда мне стало совсем не по себе...

Глава четырнадцатая. Гостей не оберешься

– Все познается в сравнении.

– "Сравнение"? Адрес этого злачного места, пожалуйста!

Я все еще отходила от происходящего, чувствуя нервную дрожь. На меня смотрели с вызовом и легкой нехорошей улыбкой. От нее мне становилось страшней, чем от добротного фильма ужасов! Толпа оголодавших зомби, призраки с ужасными лицами, маньяки с топорами и тесаками и даже злобные клоуны не сравнятся с эффектом, который производила на меня эта загадочная и зловещая улыбка.

– Ты... ты... серьезно? – испуганно прошептала я, чувствуя, как у меня дрожат губы и руки, вцепившись в его плечо. – Ты... хочешь... меня ...

Палец лег мне на губы, пока я смотрела, не отрываясь, в золотистые глаза.

– ...вызвать? – закончила я свою мысль, отстраняясь от пальца.

Да, согласна. Вспомнила, так сказать, не очень удачный момент. Как говорится, кто

старое помянет, тому глаз вон! Глаз дергался, понимая, что его это касается в первую очередь, сердце стучало, как стучит колесами груженный доверху локомотив, пролетая мимо одинокого полустанка. С такой же скоростью перед моими глазами пролетела вся моя скучная жизнь. С досадой я поняла, что мою автобиографию могут брать за основу миллионы людей, подставляя свое имя и получая собственную. Маленький сонный рыжий котенок, который появляется в моем животе в редкие моменты нежности, впервые показал острые длинные когти.

– Ты... Ты меня убьешь за то, что я сказала тебе ... Это... глупо! Ты... – я нервно сглотнула, – Я жалею, что связалась с тобой! Ты... Ты просто... ! Я не стану с тобой сражаться! Ты сам знаешь, что я проиграю... Так нечестно! Я кроме дыма ничего не ... умею...

Паника, словно мутный осадок на дне старого чайника, поднималась из глубин души. Нет, он просто пошутил! Хочет, чтобы я извинилась... Но я не буду извиняться! Не буду!

– Расскажи мне, перед смертью, чем ты живешь? – холодно спросил Феникс, убирая волосы с моего лица. Волосы прилипли к пересохшим губам. – Ради чего ты каждый день с утра открываешь глаза? Что для тебя самое важное? Есть ли у тебя какая-нибудь цель? Мечта?

– Это что-то изменит? – прошептала я, впиваясь пальцами в его плечо и стыдясь этого жеста. Нет, нас, конечно, нельзя назвать слишком близкими, но мы же не чужие люди? Почему он на меня смотрит таким холодным отстраненным взглядом?

– Рыжик, отвечай на поставленный вопрос. Ради чего ты живешь? Чего ты хочешь от жизни? Не надо отворачиваться! – мое лицо зафиксировали рукой и посмотрели мне в глаза пристально и в упор. Я молчала, не зная, что ответить. Этот вопрос в моем сознании возникал уже не одну сотню раз, но я не знаю на него ответ! Живу, потому что... потому что... Потому что просто живу! Меня никто не спрашивал, хочу ли я жить или нет! Никто не спрашивал, хочу ли я быть рыжей или нет? Хочу ли я каждый день создавать чужие дома, не имея своего? Через мои руки за два года прошло больше сотни проектов, больших и маленьких, роскошных и бюджетных. Я ловлю себя на мысли, что завидую своим клиентам. Завидую даже «инженеру» и «дизайнерше», потому что у них есть средства, силы и желание воплотить свое чудовище на маминых семи сотках, а у меня нет. И, положив руку на сердце, я понимала, что если в этом доме будет тепло, уютно и меня будут ждать, то я любила бы даже этот барак. До первого похода в санузел, как ни прискорбно.

– Я просто живу, – вздохнула я, молча умоляя его не смотреть на меня таким взглядом. – Потому что меня родили на свет, дали имя и сплывили к бабушке! Живу, потому что не хочу умирать! В жизни есть много маленьких радостей. Я сама себе их нахожу... Шоколадка, например... Знаешь, я очень редко ела шоколад... Он... он... очень вредный для здоровья и для зубов... Ну, мне так говорили... И сейчас я иногда себе его разрешаю... Если только с кофе... Знаешь... Знаешь, как вкусно... И настроение поднимается...

– Ты готова сражаться за шоколадку? А что еще ты готова сделать за шоколадку, о, мечта любого мужчины? – удивленно спросил Феникс, немного сменив взгляд и тон. – А как же семья? Дети?

– Нет у меня детей! И мужа нет! И замужем я никогда не была! Мне некогда было устраивать свою личную жизнь! Некогда, понимаешь! Я училась, работала и подрабатывала! Дом-работа-дом! – вспыхнула я, посмотрев на пальцы, намертво вцепившиеся в чужую одежду. – Когда? Объясни мне! Когда мне заниматься личной жизнью? По клубам я не тусуюсь, в гости хожу редко... Я работаю, понимаешь?

На меня посмотрели, скептически подняв бровь.

– Мне не-ког-да! – уверенно отчеканила я. – НЕ-КОГ-ДА! Потом, когда-нибудь я займусь этим вопросом вплотную... Вот только немного разгребусь на работе...

– Тебе не кажется, что слово «некогда» очень похоже на слово «никогда»? И что, кроме нервного срыва, ты заработала на работе? – допрашивали меня. – Ты купила себе квартиру? Красишь губки, глядя в зеркало заднего вида новой иномарки? Стала высококлассным специалистом? Лучшим отроком во всей отрасли? Заработала себе на безбедную старость? Спасла сотню жизней?

Ну, если так посудить, то, возможно, спасла. Пока что ни один из моих проектов не сложился, погребя под крышей домовладельцев. Ни один из моих проектов еще не стал братской могилой. А это – повод для оптимизма!

– Нет! Не заработала! – огрызнулась я, понимая, что, когда речь заходит о доходах, я бедна настолько, что нищие родственники церковной мыши смотрят на меня с презрением.

– Бедный Рыжик, жизнь была к тебе несправедлива. Особенно, если вспомнить носочек с ромбиком, где Рыжик хранит все заработанное. Я так понимаю, что раз речь идет о носке, а не наволочке и пододеяльнике, то дела у Рыжика идут неважно, – согласился Феникс, делая глубокий вдох и грубо и прижимая меня. – Иди сюда, я тебя пожалею... Перед тем, как мы с тобой сразимся, тебе же хочется, чтобы тебя пожалели? Ну вот, все, жалею... Жалею моего Рыжика... Бедная, несчастная девочка...

Меня нарочито погладили по голове. Я еще удивилась, как мои волосы остались на месте после такого «поглаживания».

– После того, как ты отдалась работе, она просто обязана на тебе жениться. А размножаться ты будешь при помощи ксерокса... Бедный Рыжик... Твой лучший друг – обеденный перерыв... Тебе зарплату хоть платят? Или ты работаешь на голом окладе и энтузиазме?

– Прекрати! – я увернулась от руки, которая снова норовила примять мои волосы. – Периодами платят! Когда как!

– Бедный Рыжик... Такая безответная любовь к работе... Интересно, почему жизнь к Рыжику была несправедлива? Может, жизнь забыла о Рыжике? Жизнь идет мимо, а Рыжик молча сидит и ждет, когда жизнь о ней вспомнит и внезапно начнется, – заметил Феникс с насмешкой, сжимая меня до хруста косточек.

Я вынуждена была слушать не только то, что мне говорят, но и биение чужого сердца. Сердце-сердце, неужели ты не дрогнешь прикончить меня на месте? Неужели ты такое жестокое? Я думала, что ты нежное... Я почти в это поверила... Котенок в животе вертелся, царапался и жалобно мяукал.

– Рыжик, жизнь тебя не замечает, потому что ты от нее ничего не требуешь, – услышала я, сглатывая и упираясь щекой в золотую пуговицу его куртки. – Вот тебе ответ на твой главный экзистенциальный вопрос. Ты – заказчик. Жизнь – исполнитель. Когда заказчик не знает, чего он хочет, ему либо навязывают ненужное, либо просто игнорируют. Так чего ты хочешь от жизни?

– На данном этапе... – вздохнула я, задумчиво приподнимая брови и закусывая губу. – На данном этапе жизни... Я бы.... Хотела...

– Без этапов. Чего ты хочешь от жизни? Чего ты добиваешься своим существованием, которое я сейчас прерву, если не услышу вразумительного ответа? Не понимаю, если в жизни нет других целей, кроме, как пожрать, поспать и посмотреть прикольное видео, то зачем же ты так цепляешься за это никчемное существование? Что тебя держит, Рыжик? – мне было уже больно от того, как меня сжимают. – Ты ответишь на этот простой вопрос?

– Я живу ради самой жизни! – ответила я. – Разве так нельзя? Мне нравится жить! У меня есть все, что нужно для счастья!

Я имела в виду шоколадку, чай и ...Ой! Сахар почти кончился!

– Конец тебе, Рыжик... – вздохнул Феникс. – Я вот думаю, поцеловать тебя на прощание или нет? Как ты думаешь? Поцеловать или нет?

– погоди! Я ответила на твой вопрос! – возмутилась я, упираясь. – Зачем ты меня вызываешь? Я проиграю...

– Кто бы сомневался! – фыркнул Феникс, отстраняя меня. – У меня есть за что сражаться. У тебя – нет. Согласись, с моей стороны есть значительное преимущество. У тебя пока еще есть шанс хорошенько подумать.

– Я... Я... Хочу построить дом... – выдохнула я, представляя красивый небольшой домик с коричневой крышей. – Родить ребенка... Может, двух... И посадить туйки... Много туюк... Не как на кладбище... Я просто видела, как красиво, когда возле дома растут туйки...

– Боюсь, одна с туйками ты не справишься, – вздохнул Феникс, слегка ослабляя хватку. – С остальным справишься, а вот с туйками – нет... Черт, как же меня веселит это слово (–) «туй-ки»! Надо хоть посмотреть на эти «туйки».

- Это почти как кипарисы... - начала я.

- Ты мне зубы не заговаривай. Рыжик, вызов все еще в силе, - напомнили мне с нехорошей улыбкой.

- Ка-а-ак? Ты меня убьешь...- прохныкала я, вставая и чувствуя, как мои колени прогибаются. Меня грубо обняли, заглянули в глаза и поцеловали в лоб. Нет, я, конечно, не строила амбициозных планов вместе встретить пенсию и Паркинсона, но это уже слишком! Последнее время я вообще была уверена, что если собрать всех мужчин мира, то на том, в кого я влюблюсь сразу и без памяти, можно смело ставить знак качества «Подонок». Ошибки быть не может. Система еще ни разу не давала сбой. И еще для полноценного страдания мне нужны стопроцентные гарантии, что выбранный экземпляр меня никогда не полюбит.

- Все, Рыжик,... - с усмешкой прошептал Феникс. - Жаль, что наше с тобой знакомство было таким недолгим. Я пришлю тебе соболезнования по почте. Адрес я уже знаю, так что жди... Сомневаюсь, что вырвусь на твои похороны. Но я бы хотел посмотреть, как директор, склонившись над твоим безвременно почившим телом, прошепчет, роняя слезы, что отчет ты, сволочь такая, так и не сдала! А завтра - последний день...

Меня вытащили в центр огромного зала. На полу сидел какой-то парень лет семнадцати и плакал навзрыд, прикасаясь пальцами к отвратительному ожогу. Над ним с усмешкой стоял красивый холеный мужчина лет под сорок. Волосы у красавца были серо-русые, длинные, прямые, а взгляд - мертвый.

- Ты что, и в круге будешь так ныть? - язвительно и надменно заметил учитель, с омерзением отвешивая пинок ученику под дружный хохот гостей. Хозяин развалился на огромном кресле, положив руки на подлокотники. Одна из девушек присела рядом с ним на пол, словно верная собака, подсунув свою голову ему под руку.

- Мы с Полканом на границе, - с усмешкой заметил Феникс, глядя на эту идиллическую никого не смущающую картинку. - Посмотри, Рыжик, на того товарища, который нам вовсе не товарищ. Это - мастер Эгрегор. Настоящий педагог с большой буквы «П». Как хороший учитель он очень любит детей. Так что будь ты на лет двадцать моложе, вполне смогла бы многому у него научиться. Выпускников у него немного. Большинство, кого он выпускал в круг, не продержались там и трех недель. Но в плане учебы он - всецело положительный персонаж. Он давно «ложил», или правильнее сказать «клал», на уровень подготовки, уделяя основное время «факультативам».

Я содрогнулась, снова встречаясь взглядом с педагогом с большой буквы «П».

- О! - занервничал хозяин, подаваясь вперед. - Неужели? Вы тоже решили? Так! Всем тихо!

Народ пошутукался и затих, предвкушая шашлык из меня и интересуясь, откуда я беру деньги, чтобы заплатить за учебу? Мне уже хотелось сообщить, что по вечерам я бережно заворачиваю «крысбургеры» и кричу: «Свободная касса!» - но меня опередили.

– Как вы думаете, чем может заплатить мне красивая девушка? – мое тельце прижали к себе еще сильнее. – Чем же может расплатиться красавица, если все ее деньги уходят на гардероб?

По моей шее скользнули губы. Раздались понимающие смешки.

– Давай, пошла вперед, – приказал Феникс, отталкивая меня. Вокруг нас вспыхнуло пламя. Почти такое же, как в круге, только намного меньше. – Дайте ей какое-нибудь оружие!

Мы стояли и смотрели друг на друга. Я сжала кулаки, нервничая. Кто-то из гостей под дружный смех, бросил мне под ноги кинжал, за которым я рефлексивно наклонилась. Спасибо, утешили. Очень помогло. Хотя...

– Рыжик, – услышала я шепот. – Мы с тобой сражаемся ни на жизнь, а на смерть. Помни об этом... Если ты сейчас попытаешься выйти из Круга, я колебаться не стану. Так что без глупостей, Рыжик. Все по-настоящему.

Рука с кинжалом задрожала, но я ухватила за него, понимая, что всадить нож в сердце, в биение которого вслушивалась пару минут назад, я не смогу.

Первая вспышка прошла мимо меня, пока у меня из дрожащих рук валил густой и едкий дым. Я чуть не выронила свое оружие, отпрянув от второй вспышки. Третий шар огня заставил меня пригнуться, а четвертый – отклониться вправо так, что я чуть не потеряла равновесие. Он сражается по-настоящему! Задыхаясь от дыма, я слышала кашель гостей. Ничего себе! Вот это... Налево! Мама! Он с ума сошел?

– Направо, – послышался шепот, заставивший меня выдохнуть. Я поняла, что ничего страшнее обгоревшего платья со мной произойти не должно. Это было похоже на танец. Я знаю, куда мне двигаться и когда пригнуться. Сердце колотилось от адреналина, когда огромный шар огня рассыпался искрами, ударяясь о невидимый барьер, вызывая бурный восторг у зрителей. Новое заклинание прошло в сантиметре от меня, разлетаясь всполохами, зал замер и выдохнул. Сердце отчаянно стучалось в мозг: «Крыша, открывай! Я кому говорю! Быстро открывай!». Но моя крыша явно уехала, раз я согласилась на такое!

– Не может быть! Да у нее просто невероятное чутье! – восхитился хозяин, пытаясь встать с кресла, отперевшись на оголенную спину красавицы. – Сколько? Проси что хочешь! Феникс! Проси все, что хочешь(,) за нее! Все! Абсолютно! Любые деньги!

– На меня Рыжик, с кинжалом! Смотри, не поцарапай! – прошептал голос, и я бросилась сквозь стену огня, возникшую передо мной. Через секунду кинжал выпал у меня из рук, а меня обнимали, пытаясь потушить подол моего платья. Почти все без исключения зрители хлопали, кричали, обсуждали увиденное. «Исключение» смотрело на нас мертвыми глазами, скривившись в противной гримасе.

– Я тоже мог договориться со своим учеником, отработать сценарий демонстративного выступления, – усмехнулся Эгрегор, подходя к упитанному «министерству магического образования», которое хлопало, не жалея ладоней. – Это жульничество! Они наверняка договорились о жестах и очередности ударов!

И пока все обсуждали, как же мне удастся так ловко предугадывать поведение противника, меня обнимали, дыша в мои волосы. Пять минут назад – убивали, а сейчас обнимают! И как это понимать?

– Тебе учителя года сразу дать или попозже? – шепотом усмехнулась я, поднимая глаза на «номинанта». – Или сойдет утешительная грамота «За активное участие в истреблении моих нервных клеток»?

– Я – не учитель года. Я учитель гада. Маленького рыжего неблагодарного гада, – усмехнулся Феникс. – Я тут ему уроки жизни даю. Просто иногда меня терзают сомнения, выживет ли Рыжик, если со мной что-нибудь случится. Каждые пять минут считаются «иногда»?

– Жульничество! – орал незаслуженный педагог, с прищуром глядя на нас. – Ты жестами ей подсказывал, куда нужно уклоняться! Пусть пробует с завязанными глазами! Я всегда так делаю! Требую повязку на глаза! Вот увидите, это – обман! Или давайте, я с ней сражусь сам! Посмотрите, чего она стоит на самом деле!

А вот эта идея мне совсем не нравится. Идя на мероприятие, я как-то не очень рассчитывала, что в сценарии праздника значится мое истребление!

– Завязывайте! – согласился Феникс. – Только показывать буду я.

Мне завязали глаза черной тканью. Очень хотелось нажаловаться судьбе, написать ей, бессовестной, петицию с требованием сделать меня в следующей жизни роботом из жидкого металла, чтобы в нужный момент можно было просто шмыгнуть серебристой ртутной лужицей в щель и там перезимовать.

– Налево, – прошептала моя интуиция, которой в данной ситуации я склонна доверять. Я почувствовала жар пролетающей вспышки. Есть! – Направо! Сильно направо! Пригнулась! Встала и быстро налево! Направо! Налево! Вниз! Все! Молодец!

Зал изумленно перешептывался, а до меня долетали лишь обрывки восторженных отзывов. Мое нежелание умирать сильно впечатляло зрителей.

– Все, выдыхай, Рыжик. Ты победила, – услышала я шепот на ухо, когда с меня сняли повязку. – Ты победила...

– Слышишь ты, Куклачев... Я к тебе в кошачий цирк не нанималась! – возмутилась я, слегка поддавая локтем в качестве акта устрашения.

Гости разразились аплодисментами, Феникс потушил пламя, умудрившееся прожечь приличную дыру на моем неприличном платье.

– Итак, вот вам и доказательство, что не бывает слабых учеников. Бывают плохие учителя. Такие, например, как мастер Эгрегор, – насмешливо заметил Феникс, глядя на того самого сумрачного типа с мертвыми глазами, сжимающего кулак так, словно там была горсть земли, которую он собирался бросить на наши могилы.

Я поняла, что в этом мире огонь тоже добывается трением. Трением ног о чужую самооценку.

– Я не продаю свою ученицу. Но ее можно выиграть у меня ... – усмехнулся Феникс, я подавилась, представляя веселую викторину с вопросами: «Как называется столица этого мира?», «Как называется самый крупный город этого мира?», «В каком городе проходят магические поединки?», «У какого города этого мира численность населения составляет (подставить любое число)?». Эти и десяток других реально сложных вопросов мы заготовили заранее! Феникс раздает вопросы и засекает время.

– Ты сегодня нормально себя чувствуешь? – подозрительно поинтересовалась я. – А то у меня такое ощущение, что тебя во сне случайно по голове приложила, а теперь наслаждаюсь последствиями! Если что, кошечка еще и петь, и танцевать, и на машинке шить умеет. У меня много скрытых талантов!

– Рыжик, у тебя есть талант помолчать пять минут? Мы проводили эту рекламную компанию в расчете на жирного клиента! – прошептали мне на ухо, касаясь прядями волос моего обнаженного и, слава хорошей реакции, не обожженного плеча.

– Ладно, нам пора, – усмехнулся Феникс. – Всего хорошего. Спасибо за приглашение. Жаль, что, кроме нас, никто из заявленных гостей не пришел.

– Эгрегор! – заорал хозяин, обращаясь к мерзопакостному магу. – Быстро! Мне нужна эта девушка! Ты лично займешься ее обучением!

– А как же мой ученик? – поинтересовался почетный учитель, глядя на забитого парнишку, перевязывающего себе ожог какой-то тряпкой. – Я не собираюсь учить сразу двоих. У меня нет времени! Ни один уважающий себя учитель не берет себе нескольких учеников сразу!

Простая учительница в общеобразовательной школе в этот момент с грустью вспомнила тридцать своих «гавриков», которых хотелось выпустить поскорее, перекреститься и забыть как страшный сон. По глазам доброго учителя магии было понятно, что он горит желанием выпустить... мне кишки. Но хозяин требовал, настаивал, угрожал обрезать если не "указку", то финансирование точно, оставив заслуженного педагога или голым на улице, или на голом окладе.

– Рыжик, у этого замечательного человека на тебя есть зуб, который я собираюсь выбить. Между прочим, Эгрегор сам сражается и почти вышел в лидеры турнирной таблицы, – прошептал Феникс, глядя, как дело двинулось с мертвой точки, а тело заслуженного мучителя года – с места.

– Не надо, – опасливо прошептала я, дергая Феникса за рукав. – Я прошу тебя, не надо... Это – глупо... А вдруг он тебя убьет?

– Ты за меня волнуешься? – шепотом осведомился Феникс. – Нас все равно отсюда просто так не выпустят. Думаешь, зачем нас сюда пригласили? Орансу сильно ударил по самолюбию эпический провал его «ученика». Толстяк очень не любит проигрывать. И завтра-послезавтра тебе бы пришлось сражаться не с каким-нибудь «недоучкой», а с тем, кто тебя за пять минут в порошок сотрет. Ты бы даже рот открыть не успела. А я бы готовил веник, совок и урну.

– С дороги, – процедил недовольный жизнью автор моего потенциального надгробия, глядя на меня многообещающим взглядом.

– Все, Рыжик, давай! Будь хорошей девочкой, – меня поцеловали в макушку и оттолкнули от себя за пределы круга. – Кто к ней притронется – умрет. Кто подойдет к ней ближе, чем на два шага – умрет!

В этот момент я почувствовала себя настоящим бомжом в переполненном автобусе. Лучше всех в общественном транспорте ездят, как ни странно, зловонные бомжи. Слово «давка» им незнакомо. И пока все пассажиры сбились в кучки вокруг, наседа друг на друга и максимально отодвигаясь от эпицентра вони, одинокий маргинал с влажным пятном на штанах и запахом немытого тела спокойно стоит себе, почесывая вшивую голову. Какой час пик? Нет, не слышал!

Поединок начался, а я боялась смотреть в сторону огня. Сердце стояло где-то в горле мучительным пульсирующим комком, руки дрожали, я с силой сжимала кулаки, глядя как огненные вспышки невиданных мною доселе размеров разрываются о барьер. Из рук валил дым, но я сжимала кулаки, вздрагивая от каждого заклинания. Хоть бы его не убили! Хоть бы его не убили! Я ведь много не прошу! Хоть бы его не убили! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста... Только не его. Кого угодно. Только не его.

Мое сердце взлетело вместе с огненной птицей, а потом резко устремилось вниз, следуя траектории птичьего полета. Я пыталась дышать глубоко, глотая собственный дым. Хозяин этой богадельни нервничал, его маленькие глазки бегали, а рука сжимала толстыми пальцами, униженными многочисленными перстнями, золотые волосы той самой несчастной девушки, которая сидела рядом с ним. Ей было больно, но она терпела. Еще немного, и он снимет с нее скальп. Как это мерзко и унижительно! Фу!

И тут я краем глаза увидела, как хозяин с досадой дернул красавицу за волосы, а потом подал знак кому-то из слуг. На горизонте нарисовалось с десяток крепких молодцев и несколько товарищей более хлипкого вида. Хозяин едва заметным жестом кивнул в мою сторону. Что означает этот жест, было понятно и без сурдопереводчика.

Я быстро пробежалась глазами по гостям, увлеченно следивших за боем, а потом увидела кинжал, который отлетел прямо на границу огня. На нем играли отражались алыми отблесками языки пламени.

Часть ребят продвигалась в мою сторону, стараясь не привлекать излишнего внимания, остальные заняли позиции у выхода. Успею или не успею? Я бросилась в пламя, обжигая руки и хватаясь за раскаленную ручку. Господи! Как же больно! Как будто сковородку горячую, без прихватки... Черт! Ммм! Фу-фу-фу! И пусть проектировщики этого дворца думают, что выход слева. Мой выход справа. В десяти шагах от меня.

– Готов! – произнес знакомый голос, в тот момент, когда я бросилась к толстяку, приставив кинжал к тройному подбородку гостеприимного хозяина.

– Всем сохранять спокойствие! – неуверенным голосом произнесла я, понимая, что захват заложников – не совсем то, чем я занимаюсь в обычной жизни. И опыта у меня в этом деле нет, хотя в теории я весьма подкованна благодаря десятку фильмов.

Толстяк побледнел, глядя на мою обожжённую руку. Все замерли на месте, с интересом ожидая катарсиса.

– Попробуй только бежать! – предупредила я, сдувая прядь волос с лица и упираясь кончиком кинжала в промежуток между первым и вторым подбородком. Толстяк посмотрел на меня красноречивым взглядом, потрясая своим многоярусным пузом. Ладно, не бежать. Ползти с одышкой... Девушка, сидящая на полу, попыталась схватить меня за ногу, но я пнула ее со всей силы. Судя по вою, я попала ей в лицо.

– Извините, я случайно, – вежливо заметила я, чувствуя, как совесть застыла с огромным шприцом в руке. – Я ...эм... рефлексивно...

Девушка отползла, завывая. Надеюсь, она не сильно обиделась на то, что я временно лишила ее надежды на титул «Мисс Кадингер».

– Всем оставаться на своих местах! – скомандовала я, слыша тихий смех за спиной. – Никому не шевелиться! Шевельнетесь – умрете!

– Мне тоже? – спросил Феникс, даваясь хохотом. Не вижу ничего смешного! – Рыжик, неправильно ты кинжал держишь. Надо сильнее надавливать. Так эффективней будет. А теперь вопрос. У тебя точно есть проблемы с зарплатой?

– Вставай, проводишь нас до выхода! – пафосно произнесла я, обращаясь к хозяину. – Вставай, чего сидишь?

– Так ты же сказала, что никому нельзя шевелиться! – простонал толстяк, сглатывая и дрожа мелкой дрожью.

– Рыжик, – заметил Феникс, подходя ко мне. В его руках горел не внушающий оптимизма противникам огненный шар, готовый сорваться в любого, у кого не выдержат нервы. – Теперь мне в страшном сне будет сниться, как ты берешь меня в заложники. С твоей логикой у жертвы шансов нет.

– Руки за голову! – выпалила я, вспоминая еще с десятков подобных фраз. Спасибо тебе, кинематограф! – Убивай всех, кто шевельнется!

– За чью голову? – спросил хриплый голос кого-то из гостей, поставленных в тупик моими требованиями. – Две руки или одну?

– И как же руки за голову, если нельзя шевелиться? – спросила какая-то не самая трезвая мадам.

Кто-то дернулся в нашу сторону и тут же был испепелен на месте. В руке Феникса снова загорелся огонь. Я мельком взглянула на своего "дрессировщика" и увидела, что прядь волос у него обгорела, рукава одежды тоже. На предплечьях были ожоги.

– Всем сделать десять шагов назад, развернуться спиной к нам и встать к стенке, – скомандовал Феникс, давясь от смеха. Народ, за исключением нескольких горсток пепла, образовавшихся на месте непонятливых, двинулся в сторону стены.

– Всем лежать! – заорала я, набираясь наглости. Гости и остатки принимающей стороны послушно легли на пол.

– Я сказал – стоять! – приказал Феникс, глядя, как все начинают медленно подниматься.

– А я сказала – лежать! – возмутилась я, не отводя кинжал от горла хозяина.

– А я сказал – стоять! – усмехнулся Феникс.

– Лежать! – крикнула я, чувствуя, как мой голос охрип от волнения. Не знаю, что о нас в этот момент подумали, но явно что-то нехорошее. И наверняка это «нехорошее» содержало фразу «Да определитесь вы уже!».

Мы медленно продвигались к выходу, глядя на спины гостей. Хозяина пришлось тащить почти волоком, укрываясь им, как живым щитом. Судя по комплекции за ним можно спокойно вывести человек десять. Проход был свободен. Как ни странно. Ну да! Все же были заняты зарядкой!

– Давай его сюда, Рыжик, – усмехнулся Феникс, вытаскивая кинжал у меня из рук. – Я на

минуточку вернусь. Дело есть. А ты пока погуляй. Только далеко не отходи. Странно, но я уже как-то не очень боюсь оставлять тебя одну на пять минут.

Я представила, как Феникс возвращается, берет пакетик и собирает объедки, прямо как одна моя знакомая. «Оливье кто-нибудь еще будет? Нет? Пирог кто-нибудь будет? Тоже нет? Тогда я забираю!».

– Тебе пакетик нужен? – поинтересовалась я, почему-то вспоминая, как ловко наманикюренные пальцы сгребали содержимое тарелок перед уходом.

– Да, Рыжик, нужен. Недоеденный салатик? Надкусанный хлебушек? Ммм... Пальчики оближешь! – ехидно ответили мне. – Еще скажи, что дома готовить не придется. Не волнуйся, я скажу, что своей кошечке собираю. Гости поймут.

***

– А нам за это ничего не будет? – опасливо поинтересовалась я, ковыляя босиком. Туфельку я, как настоящая Золушка, умудрилась потерять еще во время поединка. Пришлось снять вторую и нести ее в руках. Выбросить жалко. Хотя в глубине души я лелеяла мечту запустить ею в одного "принца"!

– Я у тебя сейчас диплом юриста отберу, – с усмешкой заметил Феникс.

– Тебе – то понятно, а мне? – спросила я, морщась от боли. Какой-то подлый камушек вонзился в пятку. Пришлось остановиться и стряхивать его с грязной подошвы. – Давай вернемся и поищем вторую туфлю?

– Пошли искать! – заметил Феникс, пока я отряхивала ногу. В небо поднимался черный столб дыма, а окрестные дома освещало зарево пожара. – «Извините, это снова мы! Мы тут туфельку потеряли! Никто не видел?» Я никогда не верил в то, что преступники возвращаются на место преступления, но сейчас ты сильно пошатнула мою веру.

– Какие есть предложения? – мрачно спросила я танцуя на одной ноге. Вот! Нашла! Ничего себе, какой острый! – Слушай, а ты кем работаешь?

– Грузчиком, – ответили мне, поднимая меня на руки. – Грузю людей.

– А если честно? – наседала я, понимая, что табу уже нарушено.

– Водителем! – ответил мне Феникс. – Вожу людей за нос. Еще вопросы есть?

– За проезд передавать? – поинтересовалась я, болтая босыми ногами в воздухе.

– Как там пишут на наклейках? Красивым девушкам бесплатно, – заметил мой «носильщик» слегка подбрасывая, чтобы перехватить поудобней.

– То есть ты считаешь меня самой красивой? – осведомилась пассажирка в моем лице, довольно шмыгая носом.

– Нет, – разочаровал меня мой транспорт, наступая на лоскут моей порванной юбки, который волочился по земле.

Самооценка затравленно осмотрелась по сторонам и поползла под плинтус, чтобы взглянуть на мир с высоты птичьего помета. Я промолчала, тяжело вздохнув. Как всегда. А сейчас он скажет, что мне похудеть не мешало бы, а то у него руки отваливаются....

– Рыжик, не надо так недовольно сопеть. Я просто не сравниваю.

Глава пятнадцатая. Давай разде....лимся!

– В округе бродит страшное и кровожадное чудовище!

Нужно что-то делать! Оно уже сожрало половину наших друзей!

– Я знаю, что нужно делать! Давайте разделимся!

Книга «Раздельное питание для чудовищ».

Рецепт первый: «Разделяй и чавкай».

– Рыжик, он глубоко в тебе, – выдохнул Феникс, погладив меня по голове и ободряюще потрепав по щеке. – Потерпи... Собери мужество в кулак!

– Было бы мужество – собрала! Вытащи его из меня! – простонала я, хныча, хватаясь за его плечи и глядя на него с дикой мольбой. – Мне больно! Не надо мной издеваться!

Я перебирала его влажные после купания волосы дрожащими руками, умоляюще заглядывала в глаза.

– Ну, пожалуйста... – просила я, сглатывая и подавляя мучительный стон. – Это же пытка

какая-то!

– А почему это Рыжик расхныкалась? Да, большой, а что ты хотела? Какой есть! – заметил Феникс. – Сейчас, еще немного... Надо расширить отверстие, и тогда я его вытащу! Я же стараюсь не больно... Расслабься и получай удовольствие!

Я посмотрела вниз и увидела кровь, от которой мне стало дурно. Сглотнуть не получалось. В горле застрял ком.

– Рыжик, у меня такое чувство, словно я тебе не осколок стекла из ноги вытаскиваю, а невинности лишаю. Принудительно, – Феникс вытер кровь с моей ноги и показал острый осколок битого стекла на окровавленном полотенце. – Все через это проходят. Правда, наступают единицы.

Судя по горящему взгляду, я догадываюсь, кем он мечтал стать в детстве. И вот уже пятнадцать минут у него есть работа мечты. И пока Феникс примерял белый халат, я примеряла белые тапки. Камушек, который на поверку оказался вовсе не камушком, не хотел расставаться с моей вымытой пяткой. Уже в ванной я поняла, что что-то не так. Пока в крови плескалось море адреналина, было не так больно. Всю боль я списывала на остаточный эффект, но уже дома стало понятно, что я наступила на стекло и оно достаточно глубоко вонзилось в мою ногу.

– А теперь будем ждать, – заметил Феникс, вытирая руки и поливая зельем мою пятку. – Вдруг в этом пузырьке был яд, капля которого убивает даже лошадь? Несли лучшему врагу, споткнулись, и ... вдребезги? Или сидела компания, травила байки и собеседника. Двух флаконов оказалось мало, поэтому послали за третьим!

– Ты умеешь ухаживать за девушками, – буркнула я, глядя, как бинтуют мою ногу.

– Я вот думаю, за тобой поухаживать, как за девушкой? Или как за девушкой инвалидом? – согласился Феникс, завязывая узелок. – Подождем...

Филиал Царства Снежной Королевы внезапно открылся и заработал на полную катушку в моих застывших от ужаса венах. Брррр! Льдинки складывались в грустное слово «вечность», выбитое на надгробии.

– Давай в нем дырочку просверлим и повесим тебе на шею? – предложил Феникс, с интересом рассматривая осколок.

– Ага, если мужчина впал в экзистенциальную тоску, пьет пиво на диване вместо того, чтобы работать, то есть шанс получить от него в подарок ожерелье из пивных крышечек! – хмыкнула я, глядя на кусок стекла. – Ожерелье из крышечек мне уже дарили, а вот кулон из битого стекла – нет. Ты будешь первым. Только, умоляю, в тоску не впадай. Я этого не переживу. Хватит с меня мужских «временных трудностей». У меня действительно такое чувство, что я приношу мужчинам несчастья. С моим появлением в их жизни у них сразу начинаются «трудности».

- Хм... Тут не поспоришь, - вздохнул Феникс, вспоминая, как легким движением моей руки вместо трона стал протирать скамейку запасных. - У всех людей бывают временные трудности. Если у мужчины не бывает временных трудностей, то он - не человек, а супергерой. А вдруг супергерой после того, как спас планету от очередной напасти, валяется пьяный на диване, сжимая в руке недопитую банку пива?

- Еще скажи, что плачет в уголочке, обнимая подушку. «М-м-мир та-а-акой несправедлив-и-и-ивый!», - притворно всхлипнула я. - Временные трудности бывают у всех, согласна. Но я не понимаю мужчин, которые вместо того, чтобы вносить свою лепту в семейный бюджет, выносят чужую. Обещают достать звезду с неба, а сами не могут достать газету и найти приличную работу в разделе «требуется».

- Понятно. Суженый, ряженный, приди ко мне заряженный! С машиной, квартирой и работой! При условии, что у девочки, кроме молодости и красоты, нет ничего. Симпатичный инвестиционный проект ищет щедрого инвестора. Знаешь, инвестиции в красоту и молодость - плохие инвестиции. Они с каждым годом падают в цене. А вот инвестиции в любовь - самые выгодные, - парировал Феникс, глядя на меня таким взглядом, словно я зацепила его за пока еще живое. - Ты тоже ищешь спонсора? Чтобы сложить лапки и любоваться маникюром? Или снабженца?

- Какой спонсор? О чем ты? Какой снабженец? Я тебя умоляю! - перебила его я, открывая пыльный шкаф с табличкой «Не открывать до написания мемуаров!». - Я всю жизнь мечтаю прожить нищим с романтиком и мечтателем, который фыркает от намеков о какой-нибудь работе, считая, что «опускаться» и работать за копейки - ниже его заземленного плавками достоинства! Мечтаю тащить его на себе, как портфель без ручки, холить и лелеять, погибая на двух работах в две смены! Если взрослый мужик, имея две руки, две ноги и голову, не может обеспечить хотя бы себя, то тратить время на такого человека бессмысленно! А ты что? Предлагаешь себя?

Все. Справилась. Пришлось снова запихивать личный опыт обратно в шкаф неприятных воспоминаний. Ногой. Дверца закрываться не хотела, вываливая на меня еще десяток таких эпизодов.

- Нет, допустим, я ем быстrolапшу и живу на съемной квартире. На меня нет смысла тратить время? - фыркнул Феникс, не сводя с меня взгляда. - У меня, допустим, «временные трудности»! И я, к примеру, не хочу размениваться на низкооплачиваемую работу, будучи неплохим специалистом в своей отрасли! Поэтому и выжидаю нужную вакансию. Кто меня возьмет на работу топ-менеджером, если на предыдущем месте работы я разгружал вагоны?

- Временные трудности временным трудностям - рознь! Я не собираюсь всю жизнь вытирать сопли взрослому мужику, тащить его на себе и утешать, мол, это не ты - чмо, а мир к тебе несправедлив! Неприятно осознавать, что та дешевая лапша, которую мне вешают на уши, куплена на мои последние деньги, - заявила я, хмуря брови. - И тогда я говорю себе, что стоит образумиться, потому что ничего не образуется. Кстати, у тебя кто-то есть?

- Неправильно Рыжик задает вопросы. Правильная последовательность такая: «У тебя что-то есть?», потом, если ответ на первый вопрос целиком удовлетворяет, спрашиваешь: «У тебя кто-то есть?». Запомни на будущее, - усмехнулся Феникс. - Так сейчас все

делают. Не надо быть приятным исключением из правил.

– Мне плевать на твою подвижность и неподвижность! – нетерпеливо ответила я, глядя на повязку. – Меня интересует девушка, жена, невеста. Потому, что некоторые моменты у нас заходят достаточно далеко. И ты – последняя сволочь, если ведешь двойную игру!

– Хороший вопрос, – Феникс посмотрел на меня снисходительно. – Ты имеешь в виду домашнее животное, которое выполняет декоративно-развлекательную и мозговывносительную функцию или любовь всей жизни?

– Фу! Как противно, когда ты сравниваешь девушку с домашним животным! – скривилась я, пробуя наступить на ногу.

– Я не говорю обо всех. Я говорю конкретно о домашних питомцах. Тех, которые ведут себя, как домашние любимцы, полагая, что раз ты притащил их домой, накормил и обогрел, то теперь обязан о них заботиться. Пожизненно. Причем хозяевами в доме они считают исключительно себя, полагая, что ты любишь их по умолчанию. Работать они не планируют, считая, что ты не дашь им умереть с голоду. По поводу подарков на праздники они искренне полагают, что лучший твой подарочек – они сами, собственной персоной. Но попробуй только не поздравить их миллионом алых роз, попробуй не подарить подарок, про который тебе все уши прожужжали, тогда из тебя усиленно начинают делать «козла».

Феникс криво улыбнулся сам себе, а потом продолжил:

– Был у меня разговорчивый попугайчик, у которого рот закрывался только во время еды; пара-тройка бессовестных кошечек, которых интересовали только собственные когти и дорогие подарки. Одна кошечка умудрялась жить на два хозяина, что меня сильно огорчило. Другая хотела плодиться с космической скоростью, чтобы забросить свою трудовую книжку и спокойно почивать на алиментах. Была очень дружелюбная и верная собачка, которую я случайно застал в процессе облизывания незнакомого мужика, когда вернулся домой на два часа раньше за планшетом. Хотел позвонить, но телефон разрядился. Бывают же совпадения? «Ты просто мне внимания мало уделяешь! Ты должен уделять мне больше внимания!». Была ленивая морская свинка, за которой постоянно приходилось убирать. Числился один очаровательный хомячок – коллектор, который прогрызал мозг «для профилактики» словами: «мужик должен!», – почетный «зоофил» нахмурился, а потом заметил, что на этом список заканчивается. – А у Рыжика сейчас кто-то есть?

– У меня есть я! Мы справляемся! – гордо процитировала я статус в социальной сети, большими буквами написанный на стене знакомой.

Феникс подавился, глядя на меня с легким подозрением.

– Рыжик, ты вообще без комплексов! – со смехом заметил он, снова скатываясь пальцем по горке моего носа.

– Какого черта? – вспыхнула я, теребя повязку. – Тебе никто не говорил, что у тебя невыносимый характер? Я планирую исправить эту историческую несправедливость. Я говорю прямо. У тебя невыносимый характер!

– Что ж, моя очередь исправлять историческую несправедливость. Внимание! Прописная истина: невыносимый характер – единственная защита от выноса мозга вперед мозжечком, – поучительно заметил Феникс.

Стоп! Я посмотрела на него внимательно. А не кроется ли в его словах некий намек на то, что он блохастую меня, считай, на помойке подобрал? Не будет ли он с сожалением рассказывать, что в его зоопарке числилась неблагодарная рыжая кошечка, которую он кормил, одевал, лечил?

– Рыжик, ку-ку! Я здесь. Вернись обратно из глубокой задумчивости... – послышался голос и щелчки пальцев. Нет, в душе оставались какие-то сомнения, но мыслительный процесс зашел так далеко, что заблудился в трех соснах. На первой сосне было вырезано «Рыжик». На второй сосне было вырезано разбитое сердце. На третьей – стрелка-указатель. И указывала она на дверь.

– То есть я тоже – домашнее животное? – холодно поинтересовалась я. – А что? Подобрал, отмыл, накормил. И даже кличку дал подходящую. Рыжик. Ры-жик. Пока все совпадает. Извини, а какой я у тебя «Рыжик» по счету? Предполагаю, что если девушка мелированная, то ты называл ее «Пеструшкой», если брюнетка – «Ночкой», а если...

– Послушай, Рыжик. Я начинаю жалеть, что вообще что-то решил тебе рассказать. А ведь как чувствовал, что ты примешь все это на свой счет. Хорошо, возвращаемся к статус кво. Я больше ничего тебе рассказывать не буду, – перебил меня Феникс, закидывая голову и тяжело вздыхая. – Меньше знаешь – крепче спишь.

– Ну и не рассказывай! – ответила я, нахмурившись. Я, хромая, пошла в гардеробную бывшей хозяйки, рывком открыла дверь, переделось в колхозное платье, сгребла со столика часть денег, а часть оставила в качестве платы за проживание. На носочках я двинулась к двери.

– Уже дошла до ручки? – поинтересовался Феникс. – Или решила посмотреть, как я ползу за тобой на коленях? Я тебя ничем не обидел, поэтому мне не за что извиняться. Извиняться за твои собственные фантазии я не стану. Я себе это регулярно повторяю в ситуациях, когда меня пытаются сделать без вины виноватым. И теперь я жду: кто победит? Мнительность или здравый смысл? Ну-ка. Кто кого? Давай, мнительность! Вперед, безрассудство! Там, за пределами дома, хорошо! Солнышко светит, травка зеленеет, а народ добрей смешариков!

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – спросила я, сомневаясь. Согласна, что ситуация неоднозначная. С одной стороны, он уверен, что без него я и дня не протяну, чем пользуется, наглея с каждым днем. Он действительно ведет себя, как хозяин, полагая, что я – его домашняя зверюшка. С другой стороны, поединки еще никто не отменял. И противники становятся все сильнее... Без помощи тут никак не обойтись.

– Почему же ты не уходишь? Тебя там ждут неприятности! Зачем лишать себя увлекательного приключения? Только я не гарантирую, что оно закончится хорошо для тебя. Ну что, гордость, фантазия и отвага! Вперед! – усмехнулся Феникс, скрестив руки на груди и падая в кресло. – Как там в фильмах? В случае опасности нужно разделиться. Пока все идет по плану! Дальше у нас что? Правильно. Неприятности.

Я рассердилась и дернула ручку двери. Тут же рядом со мной пролетела вспышка, заставив меня отшатнуться от нее подальше. Еще бы чуть-чуть! Да он точно рехнулся!

– А вот и неприятности! – заметил Феникс, поднимая брови и глядя на черный ожог заклинания, оставшийся от «не уходи, пожалуйста». – Если Рыжик так хочет неприятностей, зачем куда-то ходить? Там они дорого обойдутся Рыжику. Домашние неприятности куда полезней и дешевле... Тем более, я приготовлю их сам!

Феникс поднялся с кресла и лениво подошел ко мне.

– Интересно, что ждет тебя за дверью? Наверняка тебя попытаются убить. Я попытался! – он сделал вид, что ставит невидимую галочку на невидимой бумажке. – Так что убийцей я уже немного побыл. Совсем чуть-чуть... Неудачливым убийцей. А теперь я побуду грабителем. Выворачивай карманы, красавица. И попробуй только пикнуть!

– Я ничего не буду выворачивать! – уперлась я, в тот момент, когда меня прижали к стене. – Все, я передумала. Оставь меня. Подурачились и хватит! Не перегибай палку!

– Нет, ты хотела неприятностей, вот я тебе их организовываю. Генеральная репетиция перед выходом. Чтобы для тебя это не было неприятной неожиданностью! Так, на чем мы остановились? Ах, да! Я сказал, выворачивай карманы, красавица. Вытряхивай все, что есть. Если жизнь дорога, – с усмешкой заметил Феникс, подняв брови. – Из меня получается грабитель? Просто я еще не определился, грабитель я или карманник. Ладно, побуду карманником!

На пол со звоном посыпались золотые монеты. Я отчаянно сопротивлялась, вертелась, пыталась его ударить, но меня мигом обездвигили.

– Отличное платье. Не карманы, а просто мешки какие-то! – прошептал Феникс, прижимая меня к стенке. – Платье я тоже возьму! Снимай! Не стесняйся! Подарю своей любовнице! Оно ей очень понравилось!

– Отпусти меня! Ничего я снимать не буду! – возмутилась я, пытаюсь его укусить. – Ты заходишь слишком далеко!

– Я просто захожу издалека! – мой рукав с треском оторвали. На очереди был ворот. Платье упало на пол. – А теперь самое неприятное и очень вероятное из того, что ждет беззащитную девушку в Кадингере.

Я отвернулась и закрыла глаза, чувствуя, как хватка моментально ослабевает, а моей щеки касаются теплые, мягкие, сухие губы. Они скользят в сторону шеи, становясь все настойчивей. Одна его рука держала мои руки, а другая занималась анатомическими открытиями. Запахло жареным. Конечно, это я подгораю от стыда.

– Любовница меня бросила только что за то, что я порвал понравившееся ей платье. И вот у меня остается море страсти, которое я не знаю, кому подарить. Вам море страсти не нужно? – прошептали мне на ухо, чтобы снова вернуться к моим губам. Поцелуй требовал ответа.

– Я буду целовать до тех пор, пока ты мне не ответишь на поцелуй! – прошептали мне, глядя тем же самым взглядом, который я увидела когда-то в круге.

– Губы отвалятся! – с сожалением ответила я. – Береги губы, Феня...

Мягкие, сухие, теплые губы, горячее дыхание и глаза, которые смотрят на меня так, словно кроме меня в этом мире больше никого нет. Котенок в моем животе сладко зевнул и стал тереться, мелодично вибрируя. Мур-р-р-р! Он просил, чтобы его погладили и приласкали. И судя по глазам, за лаской не заржавеет. Я стиснула зубы.

– Хуже безответной любви бывает поцелуй без ответа! Просыпайся, Спящая Красавица! – услышала я, понимая, что от таких поцелуев проснулась бы не только Спящая Красавица, но и труп недельной давности. Пол трупа не принципиален.

Каждый поцелуй настаивал. С каждым разом все грубей. Нежность? Какая нежность? Что это такое? Никогда о ней не слышал! Огонь в знакомых глазах стал медленно гаснуть. И было странно от того, что поцелуи были требовательные, а взгляд умоляющий.

– Хуже безответной любви бывает любовь безответственная, – шепотом заметила я, понимая, что еще немного, и сдамся. Аргументы в голове металась с одной чаши весов на другую, вызывая сомнения и колебания. И тут, вальяжно и неспешно, под дружные аплодисменты аргументов появилась пудовая гиря. Посмотрев на расстановку сил, фыркнув, она забралась на одну из чаш, моментально расставив все точки над «ё».

– ...не хочу...кхе... раком.... – сдавленно заметила я, неохотно выкручиваясь из объятий, но не тут-то было. Меня поймали.

– Что? – осведомился Феникс, на секунду разжимая руки.

– Говорю: на твоём безрыбье не хочу быть раком! – ответила я, поднимая с пола платье. – Заполнять перерыв между прошлым и будущим. Зачем все это? Тебе просто скучно? Хочется разнообразить жизнь? Извини, но я не хочу быть одноразовой салфеткой. Вот, возьми...

Я наклонилась и подняла горсть монет и протягивая ему.

– ... пойди и купи себе пачку одноразовых влажных салфеток. Со спиртом или без – решать тебе. Думаю, что на спирт денег должно хватить, – тихо ответила я, вздыхая и вкладывая золото ему в руку. Каждое произнесенное слово ранило, терзало, разрывало на части мое сердце. Но если глубоко дышать, то становилось легче. Но нужно делать это как можно незаметней, чтобы никто не догадался о том, что происходит сейчас в моей душе.

– То есть Рыжик хочет, чтобы я пошел и погулял? – удивился Феникс, глядя на меня, как смотрит главврач на прибывшего пациента.

– Рыжиком можешь назвать кошечку, а у меня есть имя, – спокойно произнесла я. – Имя, а не кличка. Этого требует мое достоинство. Без компромиссов.

– Когда девушка говорит, что у нее есть достоинство, я на всякий случай проверяю паспорт! Хорошо, пойду, поищу кошечку, – усмехнулся он. – Найду, притащу домой и назову Рыжиком.

– А я пока заведу птичку. Мальчика! И назову его Сморчком! – огрызнулась я. – И после этого мы будем спать раздельно! Я не хочу выяснять, какие местные болячки передаются воздушно-капельным, а какие – бездушно-лапальным путем!

Дверь за Фениксом закрылась, а я закусила губу, переодеваясь в его рубашку. Забравшись под одеяло, я свернулась в клубочек и обняла саму себя. Крепко.

– Я правильно поступила. Правильно. Я все сделала правильно. Правильно, – убеждала я котенка, который разошелся не на шутку, царапаясь и кусаясь. – Я правильно все сделала. Пра-виль-но.

Прошло минут двадцать лежания, и дверь открылась. По мне что-то скользнуло. Пришлось завернуться в одеяло.

– Рыжик... – позвал меня голос. Я не отзывалась. Принципиально. – Хорошо... Еська, ты спишь?

– Ты как меня только что назвал? – встрепелась я, чувствуя, как сердце безвольно повисло на ниточке. Мне вручили красивый цветок, похожий на большую лилию. Я даже немного растерялась.

– Еська... А что не так? Или мне называть тебя по имени-отчеству и на вы? – осведомился Феникс. – Официально. Олеся Каквастамовна! Вы уже спите?

Еська... Нет, ну сколько было вариантов! Леся, Леська, Олеся, Лесенок, Алеся! Почему именно «Еська»? Почему из всех вариантов выбор пал именно на «Еську»?

– Почему Еська? – спросила я, не представляя, какой подлый демон нашептывал ему на ухо этот вариант.

– Потому что мне так нравится. Просто в своей записке ты назвала себя Еся. Значит, ты себя так называешь. Так что Еська. И точка. Еська или Рыжик. В зависимости от ситуации. Двигайся! Куда с одеялом уползаешь! – возмутилось тело, хрустя кроватью. Уважаемый демон, простите. Сама виновата.

Мы долго лежали и молчали.

– Понимаешь, – подала голос я, чтобы разорвать неприятную и холодную тишину. – У меня есть правило. В своем болоте лягушек не ловят. Я не заводжу отношения с коллегами, друзьями, хорошими знакомыми. А то вдруг не сложится, а потом вместе работать или встречаться в одной компании? Как-то неловко получится! Как можно смотреть на чужого человека, который был когда-то родным-родным?

– Радиус болота в километрах, пожалуйста, – услышала я тихий ответ. Со вздохом я повернулась к нему лицом. Мы почти соприкасались носами. Иногда я чувствовала кончиком своего носа легкие прикосновения.

– Я тут вот что подумала. Мы поругались с тобой на ровном месте. Хотя и говорили об одном и том же. Неудивительно, что если человек ведет себя, как доктор Айболит, то к нему подтягивается бесхозное зверье, – прошептала я, вздыхая. Вот и встретились два хозяина, обсудили каждый свой зоопарк. – Так что вывод прост. Есть люди, а есть – домашние животные. И с домашними любимцами отношений не построишь... Был у меня очень грустный медведь. Постоянно лапу сосал... Превратил мою жилплощадь в берлогу. Лежал и мечтал о бывшей медведице.... Был хитрый лис, который имитировал бурную деятельность, врал на каждом шагу, рассказывал сказки Венского леса. Был Царь Зверей. Он лежал в тени диванной спинки, требуя должного почтения и комфорта. И гриву не стриг... И рычать умел, если что-то ему не нравится... Вот так: «Р-р-р-р! Я пришел с поиска работы, уставший, где мой ужин! Быстро! Я это не буду! Это тоже! И это не стану есть! А другое что-то есть? Принеси мне чая! Унеси кружку! Принеси мне булочку! Подмети крошки! Принеси мне ....

К моему носу прикоснулся чужой кончик носа и потерся об него.

– Я тебя внимательно слушаю, – прошептал Феникс, снова потершись кончиком носа о мой нос. – Нос я могу поцеловать? По дружески? В знак перемирия?

Я еще многое хотела рассказать о своем зоопарке, но потом подумала, что и так все понятно.

– Можешь, – прошептала я, подставляя нос. Через минуту, лежа под одеялом, мы осторожно и нежно целовались, перехватывая дыхание друг друга. Мы целовались тихо-

тихо, как мышки, словно за стеной спят родители, в метре от нас – грудной ребенок, а на полу родственники из деревни Верхние Рожки в составе одиннадцати человек, попавшие к нам проездом и застрявшие на два года. Еще разочек! Котенок просто мурчал от восторга, когда я едва-едва прикасалась губами к теплым губам, а мне отвечали со всей тактичностью, на которую способны. Еще немножечко... Мне так хочется растянуть удовольствие еще на пару мгновений. Не так часто в моей жизни мне бывает так тепло и так хорошо. Какое маленькое, уютное, счастливое воспоминание. А как оно будет меня согревать! Даже через день, два, три .... Да что там! Спустя годы я вспомню, как трепетно целовала, и как, слегка подразывая, мне отвечали на каждый поцелуй.

– Ты меня обманул, – прошептала я, пальчиком поглаживая «обманщика» по плечу. – Ладно, промахнуться мимо милого носика какой-нибудь красавицы, но промазать мимо моего клюва – невозможно!

Его просторная домашняя рубашка была расстегнута.

– И все-таки я промахнулся. Извини, – услышала я шепот, сопровождающийся какой-то возней. – Можно я обниму тебя? По дружески?

В голосе прозвучала теплая улыбка. Сосульки в душе таяли, слепой котенок свернулся в калачик и замурчал, греясь под лучиками этой улыбки, как на батарее.

– Смотри, не промахнись, – ответила я, скрывая свою улыбку. Мои руки затянули себе под рубашку, контролируя крепость объятий и точные координаты. Подо мной что-то расправляли, слегка приподнимая. Через минуту я почувствовала, что у меня на спине что-то ковыряют, прижимая меня к себе одной рукой. Что там можно ковырять, я пока не догадывалась.

– Ты что делаешь? – поинтересовалась я, пытаюсь привстать. После трех попыток стало понятно, что Феникс застегнул меня в своей рубашке. Теперь мы – неудачная копия Змея Горыныча, выжившая после встречи с богатырем. Из одной рубашки торчат сразу две головы.

– Попалась. Теперь я точно не замерзну ночью. Попробуй только уползти от меня вместе с одеялом! Так, мне завтра на работу на десять. Можно и на одиннадцать... Хотя, на десять планерка, – с сожалением выдохнул мне в волосы Феникс. Он сомневался.

– А ты можешь отпроситься? Позвони директору, скажи, что опоздаешь. В пробке стоишь... Я всегда так делаю! – поделилась секретом бессовестная прогульщица рабочего времени в моем лице. – Тут главное, чтобы начальство было понимающим! И срочной работы не было!

– Я-то все понимаю, – вздохнул Феникс. – А вот народ меня не поймет. Мы недавно ящик сделали, как в Голодных Играх. Все провинившиеся кидают туда свое имя и подпись. Опоздал, кинул имя. А потом, когда я думаю, кого бы куда послать...

Он тихо прыснул.

- Ну! Рассказывай! Прикольная идея! - оживилась я.

- Собираемся все вместе и начинаем со слов: «Да пребудет с вами удача!». И я вытягиваю имя. Тут уже не поспоришь. Ладно, спи... - меня обняли, все еще хихикая над одному ему известным эпизодом. - Еська...

***

Я проснулась, вдохнула полной грудью, соскочила с кровати, любуясь на пасмурную погоду, похромала на кухню, сделала себе чай и улыбнулась. Эта дурацкая улыбка не сползала с моего лица весь день.

Позвонил юрист, уточняя, как продвигаются поиски улики. Я честно ответила, что никак. Комиссар Катани занят, Мисс Марпл - в отпуске, Эркюль Пуаро уволился, а Шерлок Холмс такой фигней не страдает. Вдогонку мне поручили пройтись по соседним квартирам и собрать подписи свидетелей потопа. Мало ли что? Вдруг пригодятся? Сбирать с каждой твари по подписи в ковчег нашего судебного разбирательства мне было лень.

Через час позвонил незнакомый номер. Я взяла трубку. Женский голос представился Ирой и сообщил, что ей поручили узнать, как обстоят дела с оплатой счета за сайт. Помявшись немного, я проблеяла, что счет у директора, директор в бухгалтерии, бухгалтерия у черта на куличиках, и сейчас у них... мнэ... Я посмотрела на время. Перерыв! Да! Пе-ре-рыв! Но как только узнаю, как только разнюхаю, как только скажут, что оплатили, я стремглав побегу набирать их номер. Первым делом. Даже если мафия приставит мне дуло пистолета к виску и скажет: "Звони своим, пусть везут выкуп!", я наберу номер сайтостроителей и радостно скажу, что счет мы оплатили! Если вдруг случится апокалипсис, и заряда телефона хватит на последний звонок, я выберу именно наших дорогих партнеров, чтобы сообщить им чудесную новость. А потом умру со спокойной совестью!

Прошел час. Карлсон не отвечал. Я добила два проекта, а третий добил меня, заставив взять перерыв. Телефон снова зазвонил.

- Здравствуйте, Лена, - услышала я голос. На заднем плане играла какая-то музыка. - Вы счет так и не оплатили.

- Ой, а не могли бы вы дать ключи от сайта? Ну... чтобы все проверить... - попросила я, разглядывая готовый проект. - А то мало ли что?

- Конечно, я сброшу вам логин и пароль. Прав администратора у вас не будет, пока вы не оплатите работу. Одну минутку, - раздалось шуршание и клики. - Повисите, пожалуйста!

За пять минут "повисите" я чуть не повесилась. На заднем плане на бесконечной прокрутке играла песня: «Живе-е-е-ет в белорусском Полесье... Кудесница леса

Алеся...». Глаз подергивался. «Как сказка, как чудо, как песня...». Я вслушивалась в трубку.

– Готово. Письмо я отправил. Когда оплатите счет?– поинтересовался голос. – Я пытаюсь дозвониться до вашего директора, но он не берет трубку.

– Постараемся сегодня! – уныло пообещала я, давая человеку ложную надежду и мучительно краснея до кончиков волос.

– Постарайтесь.

Под конец дня Карлсон так и не прилетел, на смс-ки и звонки он отвечал коротко: «Я перезвоню!», – а я накопила с десятка пропущенных вызовов. Совесть сточила зубы, поэтому медленно проглатывала меня, как анаконда, в надежде переварить меня еще до того, как станет понятно, что оплаты не будет.

Глава шестнадцатая. Девочка-аксессуар, или скупой платит дважды

Настоящую цену девушки знают только мужчины.

***

Цена не кусается, товар кусается!

Весь остаток дня мысли возвращались к тому, что я сплю в теплых и нежных объятиях. Даже в прохладном офисе мне было тепло от мысли, что где-то в мире-недоразумении меня обнимают. По губам ползла предательская улыбка, а пальцы мысленно перебирали чужие волосы. Это больше, чем я имела смелость просить у судьбы. Мне все равно, кто он. Мне все равно, как его зовут на самом деле. Мне не интересно, что у него есть, главное, что он есть. Если что, съемную квартиру вдвоем тянуть проще. Вдвоем можно и в ипотеку впрячься... Я бы спешила домой, летела бы вприпрыжку, зная, что ... Стоп! А вдруг у него кто-то есть? Вдруг он меня обманывает?

На глаза чуть не навернулись слезы, сердце заметалось в груди. Тогда я буду просто обнимать его. А он просто будет обнимать. Мне этого будет достаточно. Я буду жить этим сном.

Из битком набитого шкафа плохих воспоминаний о прошлых отношениях, который я стараюсь не ворошить без надобности, выползла жирная моль насущного вопроса: «Как же тебя, Еська, тогда угораздило? У тебя розовые очки периодически запотевают. Или ты ведешься на любую нежность?». Вот как объяснить, что всю жизнь я зябну от невидимого холода, грея себя воспоминаниями, развожу костры мечты и думаю о том, как согреть хотя бы руки, чтобы они не опускались.

- Сегодня не получилось, - вздохнула я в трубку, когда мне позвонили в сто первый раз. Я набрала Карлсона, пытаюсь найти в нем остатки совести, но директор осудил и остудил мой благородный порыв, намекнув на то, что мы как одна команда должны держаться вместе. Это в моих интересах. Тем более что предоплата с нашей свинской стороны имела место быть. Мое осуждающее сопение не рассматривалось как аргумент.

Был порыв позвонить и честно сказать, что оплаты не будет, но меня остановило то, что сдадут. С потрохами. Представляю, как мне икнется, когда прозвучит фраза: «А ваша сотрудница сказала, что вы платить не собираетесь!». Сойдутся стрелки, и пробьет мой звездный час. Нет. Надо хотя бы намекнуть. Я сглотнула и набрала номер. На часах было десять минут седьмого. Трубку никто не брал. Рабочий день закончился. День прошел, а у меня осталось такое чувство, словно я откликнулась по объявлению: «Требуется секретарь. Работа от звонка до звонка».

Автобус задерживался, а я, сжимая мамино зайчика на ключах, мечтала о том моменте, когда... проснусь. Один нежный поцелуй, одно нежное прикосновение, один мечтательный взгляд превратил надоедливый кошмар в лучший сон на свете. И теперь мне куда приятней думать о том, что автобус, подъезжающий к замерзшей остановке, мигающий светофор, десятки людей, переходящих дорогу, тлеющий окурок, брошенный мне под ноги каким-то проходящим мужиком, неоновая подсветка витрин и вывесок, тетка, которая озирается по сторонам, застыв над зеброй с мыслью: «Успею-не успею», - все это - сон. А живу я мерзком городе Кадингере, который кажется уже не настолько отвратительным, пока мои руки согревают другие руки. Большие и теплые.

Подъехал переполненный автобус, идущий в центр города. Двери гостеприимно распахнулись. Какой-то парень расчищал дорогу для своей девушки, мать подсаживала ребенка, а старуха, кряхтя, втаскивала тележку на заднюю площадку. Особо шустрые успели занять сидячие места, кому-то удалось забиться в уголок, а остальным ничего не оставалось делать, кроме как стоять в битком набитом проходе. Парню с рюкзаком не хватило места, и он разочарованно отступил. Зато девушка с красной лакированной сумкой оказалась куда проворнее. И пусть ее сумку слегка защемило дверью, но она едет, а парень с рюкзаком стоит и ждет, с надеждой глядя вдаль.

А вот и мой автобус. Теплое течение выходящих смешивалось с холодным течением входящих. Холодная волна внесла меня в салон, заставив забиться в уголок вместе со своим портфелем. В такие моменты я всегда думаю, а не лишняя ли я? Возможно, стоило подождать другой? Вдруг он будет не таким полным?

Автобус лучше, чем жизнь. Ты всегда знаешь, куда он катится, правда, никогда не знаешь, на какой остановке сойдет тот или иной человек. Я поймала себя на мысли, что больше всего на свете боюсь, если мой «случайный попутчик» сойдет раньше меня. Возможно, после того, как нам удастся вырваться из порочного круга, мы обменяемся контактами и разойдемся в разные стороны. Феникс скажет что-то вроде: «Ты не теряйся! Пиши, звони... ». Когда один человек говорит другому: «Ты не теряйся», - он имеет в виду, что искать тебя никто не будет.

- Эй, передай кондуктору! - повелительное наклонение женского пола тыкало мне в плечо мелочью. Легким движением по принуждению я стала посредником между кондуктором и «повелительным наклонением». Проверив честность сделки «деньги-билет», я оплатила свой проезд, протягивая мелочь в замерзшем кулачке.

- Девушка, передайте за проезд, пожалуйста! - попросил меня голос какого-то мужчины,

и мне через плечо протянуло мятую купюру. И пока я ссыпала сдачу и билет в чужую руку, услышав: «Спасибо», – мне стало понятно, чем любимый отличается от любимца. Любимый говорит «спасибо». Любимец искренне не понимает, за что благодарить. Ему весь мир и так обязан.

А ведь я никогда не благодарила Феникса! Ни за то, что он вытащил меня из аптечного рабства, спас жизнь в круге, заботился обо мне, переживал за меня. Я скажу ему спасибо. Обязательно скажу. Да, зайчик? Как ты думаешь, стоит ему сказать спасибо? Думаю, что стоит! Ты ведь мамин зайчик? Мамин... Ты плохого не посоветуешь. Помнишь, зайчик, как мы с тобой собрали сумку вещей и поехали поступать? Помнишь, как бабушка загораживала нам дверь? «Не пущу! Ноги твоей здесь не будет, если уедешь! Все оставляю твоей двоюродной тетке! Хотела квартиру тебе оставить, но все оставляю Лиде, неблагодарная! Знаю я ваши институты!» – кричала она. А помнишь, как нас на работу никто брать не хотел, и случайно подвернулась вакансия? Зайчик-зайчик, я так рада, что ты есть у меня. И иногда в круге мне тебя так не хватает!

Очередь в магазине, куда я заглянула для пополнения запасов, двигалась со скоростью улитки, беременной от черепахи. Передо мной намертво застряла тетка-эксперт. Она уже откусила голову продавцу, а теперь с наслаждением пережевывает мозг.

– Огурчики у вас почему? Маринованные? А че так дорого. Не надо огурчиков... Хотя, дайте посмотрю... Нет, не надо... А печенье ... Да, это... Больше... Нет, меньше... Нет, чуть больше... А томатная паста чья? Хм... Эту не надо... Дайте вон ту, в тубике... Хотя, не надо, у меня еще есть... А можно вон ту сгущенку? Почему? Нет, не надо... Хотя, давайте... Хотя, нет... Дороговато... Я видела такую же в соседнем магазине по пятьдесят, а у вас она – шестьдесят один...

Очередь прибывала, а тетка неторопливо изучала ассортимент, вызывая бурю негодования среди прибывших.

– Послушайте, – не выдержала я, глядя на часы и отмечая, что прошло уже пятнадцать минут с начала «ой, а можно....». – А не могли бы вы побыстрее. Все устали, спешат домой... Я вас очень прошу. Пожалуйста.

Я бы промолчала, если бы не чувствовала какую-то странную слабость. Ноутбук казался пудовой гирей, оттягивая мою руку вниз. Ноги были слегка ватными, а в голове стоял легкий туман.

Тетка смерила мою отнюдь не новую куртку презрительным взглядом, подразумевающим, что если я еще что-нибудь вякну, мне приснится кошмар в виде: «Я сейчас каждую макаронину из пакета линейкой проверять буду, а потом достану список консервантов и буду читать этикетки!». Очередь была на моей стороне. В итоге коллективными усилиями мы внесли свою лепту в борьбу с «бытовым терроризмом», давая привередливую мадам, как таракана, общественным мнением.

На глаза попался глазированный сырок на подушке из печенья. «Может содержать яйца», – гласила надпись. Я тоже могу их содержать. Да что там! Я их содержала, покупала им сигареты, кормила и надеялась, что они найдут работу. Но кроме работы по специальности они ничего найти не могли! Иди сюда, маленький шоколадный товарищ по несчастью!

Искушавшись, разнообразив скромный ужин маленьким, но очень приятным десертом вприхлебку с чаем, я забралась под одеяло, обнимая подушку, ощущая мутную слабость. Что-то меня слегка знобит, но это пройдет. Сейчас немного согреюсь, и...

Открыв глаза, я поняла, что богатырь таки добрался до нашего несчастного Змея Горыныча, сократив умственный потенциал еще на одну голову. А точнее, одна светлая голова решила вовремя пригнуться под ударами судьбы. Рукава рубашки были пустыми, сама рубашка расстегнута, а из съехавшего ворота виднелись золотистые пряди и макушка. Хитрая голова спряталась у меня на груди, обнимая меня, как любимую игрушку. Я осторожно обняла в ответ.

– Рыжик, а у тебя есть животик! – раздался тихий голос. «Одиссея команды Кусто» нырнула чуть глубже, совершая неприятные открытия. – А на животике – складочка... Нет, даже две... Настоящие складочки! Вот... И вот...

Обалдеть! Открытие века! Пора давать прицельную премию «Самой непосредственной непосредственности». Я чуть не захныкала, пытаюсь распрямить ноги и втянуть живот.

– Ты теперь дышать вообще не будешь? – поинтересовался «не первооткрыватель» из мест не столь отдаленных, но сильно-сильно втянутых. – И вот тут чуть – чуть стратегических запасов на случай голода... Ммммм.....

– Вылезай, не издевайся надо мной! – возмутилась я, сгорая от стыда и все еще втягивая свои стратегически запасы подальше от инспекции. Мне сейчас, как никогда хотелось иметь глянцевое тело с плоским, как чувство юмора моего директора, животом. – Не надо там ничего трогать! Я... не... Кому сказала! Прекрати! Мне щекотно!

Талия у меня, конечно, не осиная, но и не лосиная!

– Выдыхай, Еська, выдыхай... – слышался смех. – А то мне за тебя страшно... Задохнешься в погоне за красотой... Настоящий, тепленький животик. Смотри, как он втянулся... Почти к позвоночнику прилип!

– И-и-и! – взвизгнула я, когда меня туда поцеловали. Нет, честно, я себя уже пять минут чувствую большой и толстой свиноматкой, которую изучает привередливый поросенок – гурман.

– Складочки нужно гладить! – просветили меня, пока я пыталась втянуться еще сильнее и отодвинуться.

– Спасибо, а я уже думала спортом заняться! – простонала я, кусая губы и пытаюсь выбраться из передраги. – Пресс по утрам качать!

Один «фитнес – тренер» уже заявлял, что вместо того, чтобы «качать права», мне надо «пресс качать», почесывая свою пушистую и дрябленькую трудовую мозоль. Ему – то что? Он и так красавец! Куда уж мне, с неидеальным прессом?

– Я так не играю. А ну выдыхай! Я кому сказал! – раздался голос. Феникс поглаживая теплой рукой мои урчащие закрома, чтобы нехотя вылез из бункера моего позора. – Я не понял, а что это ты такая кислая?

– Мне стыдно! – огрызнулась я, понимая, что можно выдохнуть. В голове что-то пульсировало, но я взяла себя в руки.

– Стыдно, что ты – это ты, а не кукла? Биоробот с искусственными ногтями, волосами, татуировкой вместо лица, надувной грудью и так далее? – удивился Феникс. – Тебе за это стыдно?

Я напряженно сопела, потому что подгонять свое «хлебало» под общественное «лекало» мне не хотелось.

– Знаешь, как удобно, когда большинство девушек выглядят одинаково? Одинаковые накачанные губы, макияж – татуировка, искусственная грудь. Даже шмотки одинаковые. Их можно называть условно «Котенком», и никто ни о чем не догадается, что котята меняются каждую весну. По поводу интересов, тут вообще все просто. Все они обожают суши, любят шоппинг, пытаются вести свой бьюти-блог, лайкают фотки подружек, мечтают о машинке и прикидывают, за чей счет и что еще можно себе увеличить. Но особенно добивает угроза, произнесенная утиным клювиком: «Такую, как я, ты больше не найдешь!» – простонал от смеха Феникс.

– Кстати, – внезапно вспомнила я, слегка смущаясь. – Я забыла сказать тебе спасибо, за то, что не бросил умирать. Спасибо. Я не хочу, чтобы ты думал, что я – неблагодарное домашнее животное.

– Пожалуйся... еще! – усмехнулся Феникс, сдувая прядь волос. – Ладно, шучу. Пожалуйста. Ты меня в предсмертной записке уже за все поблагодарила. Домашние животные перед смертью не парятся с завтраком, а уж тем более не заворачивают его в полотенце. Точнее, я никогда не замечал за ними такого. Кстати, правда или вызов?

– Эм? – не сразу сообразила я, нахмурившись.

– Ты хочешь, чтобы я к тебе приехал? Да или нет? – спросили меня, приподнимаясь на локте.

– Вызов, – ответила я, растерявшись.

– Хорошо. Сейчас... – Феникс сполз пониже, прижался к моей груди и потребовал, чтобы я его обняла. – Все, я спрятался. Меня нет... Я тут надолго... Здесь тепло, уютно и

приятно пахнет...

– Пахнет? – напряглась я, пригнувшись к себе. – Я в душе не была. Так, все, прекрати! Ну что за день сегодня такой!

Иногда заходишь к знакомым в квартиру и сразу по запаху понимаешь, что в ней живет половозрелый кот. Бывает, что с первого вдоха становится понятно, что живет половозрелый мужы-ы-ык. И вон его потные и грязные лапки сорок седьмого размера стоят в коридоре, благоухают, отгоняя других самцов. Пусть все знают, что это – его территория и именно этим потом он зарабатывает на содержание семьи! Иногда в квартирах пахнет котлетами, картошкой, освежителем для туалета, сердечными каплями, засоренной канализацией, памперсами и какой-то кислятиной. Я часто пригнувшись к настоящей семейной жизни знакомых, но чем больше пригнувшись, тем меньше хочется попробовать ее на вкус. Сразу весь брачный аппетит пропадает.

– Пахнет заботой, нежностью, лаской... – мечтательно вздохнул «парфюмер». – И цветочным медом. Иногда мне хочется спросить, где ты в Кадингере мед нашла...

– Ты о чем? Какой мед? – смутилась я, пытаюсь отстраниться. Уши полыхали так, что горящая Москва, радостно встречающая Наполеона, показалась просто тлеющей спичкой. – И не надо ничего вынюхивать! Я же сказала, что еще не купалась! Хватит! Я прошу тебя! Я кому говорю! Не надо меня нюхать! Ну...

Из комнаты раздался такой вой, что я не на шутку испугалась. Не представляя, что может так истошно орать, я вздрогнула, Феникс поднял голову, сдувая волосы с лица. Он сгреб с кровати свою рубашку и вышел из комнаты, чтобы тут же вернуться с ... нет! Не надо! С шаром. То, что на звонке стоит такая мелодия, которая поднимет по тревоге не только одного бойца, но и всю воинскую часть, стало для меня неприятным сюрпризом.

– А можно как-то рингтон поменять? – простонала я, закрывая уши. В голове трезвонил гулкий колокол, вызывая мучительный приступ головной боли. Ниал? Этот работорговец вызывает меня?

– До этого засранца не так – то просто добраться! – с досадой процедил Феникс, возмущаясь от того, что его оторвали от «тепла и уюта». – Надеюсь, что его сейчас попустит. Перезванивать мы точно не будем!

Ага, попустило. Пошел второй вызов, который я так же уверенно отклонила.

Я нехотя встала, чувствуя головокружение и слабость. Нога зажала окончательно, поэтому повязку я сняла. Ничего, сейчас пройдет. Просто устала. Странно, но я устала так, словно двадцать четыре часа собирала чай на чайной плантации под палящим солнцем, буквой «зю», матерясь на своем, индийском и разгибаясь только для того, чтобы перейти к следующему кусту. А потом все эти «чайные листочки, собранные бережными руками на самых высокогорных склонах», ненавидимые до рвотного рефлекса, трамбовала грязной босой ногой в корзину, заодно оттирая «нежными побегами» пятаку от слоновьей лепешки. «Сделано с любовью!». А как иначе?

Что же мне так плохо-то, а? И в носу слегка пощипывает. Я повертела головой, сделала над собой усилие и поплелась в гардеробную. Нацепив первое попавшееся под руку платье, расчесав волосы, я смотрела мутным взглядом на свое отражение, расплываясь в собственных глазах.

Тарелочка, заботливо пододвинутая мне, вызвала у меня некоторое оживление. Доев ее до половины, положив облизанное орудие труда на стол, я с усилием встала.

В дверь постучали. Феникс открыл ее, держа на прицеле незваного гостя. Темный силуэт сунул ему в руки записку. Через порог. Сто процентов к несчастью.

– Ниал предлагает сделку. Или мы платим ему десять тысяч, или он вызывает третий раз! – Феникс бросил мне на колени записку. – Деньги передать с посыльным. Десять тысяч не так уж и много. Я заплачу, чтобы он оставил тебя в покое. Хотя, с другой стороны гарантий, что сделка будет честной нет...

– Сколько? – возмутилась я. – Десять тысяч? Да это же целое состояние! Ты с ума сошел отдавать такие деньги этому мерзкому работорговцу! Тем более, что у меня с ним свои счета! Не вздумай платить! Такие деньжищи!

– Рыжик, успокойся. Заплатим, и от нас отвяжутся, – покачал головой Феникс. – Не надо смотреть на меня такими глазами, словно я последнюю копейку из дома выношу, пока семья слизывает со стола хлебные крошки! Сомневаюсь, что ему сильно хочется перейти мне дорогу.

– Нет, – нахмурилась я. Внутренняя бабушка не одобряла такого расточительства, хватаясь за сердце. – Он не получит ни копейки! Наш ответ – нет!

– Еся! Может, мне слегка надавить, чтобы ты затормозила? – нехорошим голосом заметил Феникс, а у меня уже руки чесались поквитаться с рабовладельцем.

– Я сказала – нет! – гордо произнесла я. – Окончательный ответ – нет. Пусть вызывает в третий раз! Я не собираюсь спонсировать работорговлю!

Тень, которую Феникс держал на прицеле, кивнула и растворилась в вечной ночи. Дверь закрылась. Еще бы! Я еще мерзавцев не спонсировала! Да мне проще прикончить его! Одной мразью станет меньше! Тоже мне, владелец модельного агентства и ярмарки женских вакансий на единственную специальность!

– Еська, я бы заплатил этому сайту знакомств. А потом при первом же удобном случае потребовал бы перерасчет, – нахмурился Феникс. Нет, ну я уже видела, как сражается Ниал. Ничего страшного. У меня тогда не было опыта, но я продержалась достаточно долго! Безоружная!

- Ты сидел на сайте знакомств? – осведомилась я, вспоминая недавний опыт и переводя тему.

- Было дело. Я написал, что зарплата у меня пятнадцать тысяч, живу с родителями и мечтаю о большой и чистой любви. А потом долго читал интересные высказывания о том, что «я – не мужик, а чмо!». Особенно меня впечатлил дрябленький крокодил условно женского пола не первой свежести на фоне ковра в неглиже, написавший, мол, как не стыдно так мало зарабатывать? Он прочитал мне целую лекцию, которая начиналась и заканчивалась словами: «мужик должен!». Такое чувство, словно я сижу на сайте налоговой. Так что теперь я иначе, как «наложницами» из налоговой, данную аудиторию и не называю, – усмехнулся Феникс.

Шар засветился. А вот и третий вызов.

- А почему шар молчит? – спросила я, одобряя вызов. Лучше сводить счета, чем концы с концами!

- Все дело в расстоянии. Если он близко – светится. Если далеко – орет, – ответил Феникс. – Ладно, сражаться, так сражаться. Ниал – сильный противник. Я так понимаю, что тебя ему, скорее всего, заказали. Корона ему не нужна. Он зарабатывает на людях. Радуйся, что раз тебя заказали ему, то твоя смерть в планы заказчика не входит. Ниал всегда осторожен с товаром. Но это не значит, что товар будет осторожен с продавцом.

Повисла зловещая пауза.

- Рыжик у нас теперь – атрибут успешности. Как крутой телефон или машина, – меня потрепали по голове, выдавив из меня слабую улыбку. – Ой, уже выпустили Рыжика Десятую? В ней столько замечательных функций! Она умеет вредничать. Это раз. Она умеет готовить. Это два. Она умеет остроумно шутить. Это три. А еще она настоящая. Дизайнерская. Ее нужно заряжать позитивом и нежностью. На этой нежности она может работать годами...

- Понимаю, что тебе сейчас не терпится расширить мой функционал, – вздохнула я, закатывая глаза и пытаясь побороть слабость.

- Поставить на всю ночь на зарядку, – рассмеялся Феникс, надевая мне на палец кольцо-коготь, кольцо иллюзий и поливая меня зельем. – Вот, держи. Твой трофейный кинжал. Ниал постарается подойти к тебе поближе, поэтому кинжал тебе пригодится. Бей без жалости. Не жалей противника! Ты меня поняла. Ниал – сильный маг, но выдыхается быстро. Придется немного побегать. Ты готова?

- Да, – кивнула я, тяжело вздыхая. – Готова.

- Сможешь его ударить кинжалом? Не будешь жалеть? – спросил Феникс, глядя мне в глаза. – Слушай, ты сегодня какая-то бледная ... С тобой все в порядке?

Его прохладная рука легла мне на лоб, принося секундное облегчение.

– Я понимаю, что ты – горячая штучка, но мне кажется, что у тебя температура... Или у меня руки холодные? Еся, только честно. Не вздумай меня обманывать. Обман я не прошу. Рыжик, себя как чувствуешь? Точно не заболела? – к моему лбу прикоснулись губами, а потом с сомнением посмотрели в мои честные глаза.

– Нет. Не заболела. Все в порядке. Я просто устала, – ответила я, собираясь с силами. Нет, ну сейчас я чувствую себя вполне неплохо. Сойдет. Нормально. Терпимо.

***

Я поглаживала пальцем большую теплую руку, пытаюсь побороть внутреннее волнение. Ненавижу момент, когда нужно будет расцепить пальцы и шагнуть в круг. Зрители уже собрались, требуя зрелища, а я все никак не могла собраться с духом.

Замок наших пальцев медленно раскрылся... Последнее прикосновение... Наши пальцы еще едва – едва соприкасаются. Все. Мне пора. Держись, скотина! Я тебе отомщу! Одним подонком станет меньше! Ничего. Все в порядке. Я в норме. Расправив плечи, подавляя желание крикнуть толпе, чтобы заткнулись хоть на секундочку, я шагнула в круг, отпустив чужую руку.

– А вот и она! Никогда не опаздывает! – обрадовался ведущий. Ниал пришел в сопровождении личного войска. Ничего себе!

– И сколько за меня заплатили? – поинтересовалась я, глядя в бессовестные глаза реализатору живого товара.

– Хм, – усмехнулся Ниал. – Пока нисколько. Но скоро заплатят.

– Я что-то не вижу у себя ценника, – заметила я, понимая, что сейчас нужно собраться с силами. Я даже повернулась, осмотрев себя со всех сторон. – Извините, но ценника нет.

– Думаю, что в случае чего за тебя поторгуются!

Господи, как противно он улыбается. Если от некоторых улыбок хмурые дни становятся светлей, то при виде этой улыбки кулаки сжимаются автоматически.

– Вообще-то я – бесценна, – покачала головой я, крепче сжимая кинжал.

– Все так говорят. Хватит разговоров. Начинайте бой! – скривился Ниал, глядя на меня, как перекупщик на оптовый рынок.

Первые секунды боя дались мне достаточно легко. Благодаря подсказкам я ловко избегала заклинаний. Гул толпы стоял в ушах, в висках пульсировало, но я сдаваться не собиралась! Кольцо иллюзии уже заставило Ниала держаться на почтительном расстоянии, а дым, который мне удалось выпустить из рук, слегка поумерил пыл. Ничего, сейчас я с ним поквитаюсь! Я с ним уже однажды сражалась!

Сначала все шло более-менее, но потом я поняла, что каждый шаг дается мне с трудом. Ленивец с превосходством оценил скорость моей реакции. Тяжело выдохнув, но все еще не сдаваясь, я прислонилась к колонне.

– Рыжик! Что с тобой? – раздался шепот.

– Ничего... Все в порядке, – ответила я, морщась от боли в голове. Такое чувство, будто я в сталелитейном цехе пытаюсь поговорить по телефону.

– Рыжик, тебе плохо? Если плохо, выходи из круга! Я кому говорю! – настойчиво требовал мой суфлер. – Еська, не ерунди! Выходи из круга!

Два огненных шара пролетело мимо, а я мутным взглядом смотрела на всполохи огня.

– Я справлюсь! Не переживай за меня! – прошептала я, снова собираясь с силами. – Все нормально! Я просто думаю подпустить его поближе...

Едва увернувшись от огромного огненного шара, который чуть не оставил меня без волос, стиснув зубы, я дернулась вперед, в надежде прикончить соперника, пока он готовит заклинание.

– Еська, ты что творишь! Налево! – раздался голос Феникса. – Быстро вышла из круга! Я кому говорю! Я отсюда вижу, как тебе плохо! Не искушай судьбу!

Еще чуть – чуть бы, и достал! Ничего. Я его прикончу. Без сомнений, без колебаний. Сразу. Пусть заказчики пишут претензии. У исполнителя «фарш-мажорные» обстоятельства. Ой-ё-ё-ё-ёй! Что ж такое! Перед глазами все плыло, я попыталась ухватиться рукой за колонну, на секунду прикрывая глаза. Я – сильная. Я справлюсь!

Очнулась я дома, на своей кровати, чувствуя, что не могу пошевелиться. И сколько я не пыталась закрыть глаза и вернуться, у меня не получалось. Нос заложен, в горле першило, одеяло валялось на полу, вместо головы было чугунное ядро, а перед глазами расплывался прямоугольник окна. Нет, не ранена. Со стоном я попыталась встать и дойти до аптечки, на ходу вспоминая, что у меня завалялось от простуды и гриппа. У меня хватило сил поползти до кухни, включить свет и плюхнуться на стул, открывая ящик. Это от желудка. Это у нас что? Не пойдет... А это? Не помню, вроде бы, от кашля... Термометр показывал тридцать девять и два. Приехали....

Глава семнадцатая. Спящая Красавица

Спящая Красавица прикинулась дохлой, услышав как принц

отзывается обо всей операции по спасению, поднимаясь

по ступенькам в ее уютную башенку.

Как только я попыталась встать со стула, после того, как выпила быстродействующую таблетку из старых запасов, я поняла, что лежу, но не на кафельном полу кухни, а на земле. Толпа радуется, пламя горит, в моей ослабевшей руке был зажат кинжал.

– Рыжик, Рыжик... Очнись! – умолял Феникс на ухо. – Тебя ждут милые домашние неприятности! Вставай! Бегом! Ползи к границе круга... Рыжик! Выйдешь за границу круга, пусть попробует пальцем тебя тронуть!

Нет, бегом, это вряд ли. Ползком – да! Ничего-ничего. Партизан в огне – это нормально.

Червячок сомнения точил меня, мол, может было бы лучше заплатить? Ага, сейчас! «Переведите деньги на этот счет, и у вас не будет неприятностей!», «Заплатите нам половину кредитной суммы, чтобы мы помогли вам решить вопрос с вашим кредитом!», «Работа на дому. Будете клеить марки, пока язык не отвалиться! Стоимость марок – десять тысяч рублей, но мы выкупим их обратно по сто тысяч! От вас деньги и слюни, от нас – большое спасибо!». Последняя схема, с которой я познакомилась полгода назад, поразила меня своей наивностью. «Солнышко, я попал в аварию! Сбил человека! Короче, вопрос уладят за тысячу шкурок зеленых убитых енотов! Вот номер карточки!» – сообщил сонной мне приглушенный мужской голос среди ночи. Я посмотрела на свою одинокую подушку, прикинула, что личная жизнь у меня, оказывается, наладилась без моего ведома. «Погоди, у нас завтра – свадьба! Скажи, что мы завтра отдадим! Постельным бельишком, сертификатами в спа-салон, цветами, тостерами, фенами и кружками, которые обещала подарить твоя мать!» – сообщила я, глядя на часы. Думаете, что на этом развод окончился? А вот и нет. Месяц назад мне снова позвонили. И снова ночью. Начало было то же, только я была «котенком». «Котенок! У меня беда! Сбил чувака какого-то! Срочно нужно бабло! Если заплатим, то мусора все уладят! Сейчас мой кореш подъедет и заберет!» – порадовал меня очередной аферист. «Ах ты, гнида! – заорала я в трубку. – Ты мне утром что сказал? Вот и проваливай к своей потаскухе и не звони мне больше!». И положила трубку. Вот так благодаря мошенникам у меня создавалась полноценная иллюзия личной жизни.

Сомневаюсь, что рабовладелец напишет расписку, и с этой распиской мы сразу пойдем на три буквы – в суд. Для полноценного похода нам обязательно пригодится договор, состряпанный на моей коленке. «Договор. Я, Кошка, именуемая в дальнейшем «заказанная» с одной стороны и Ниал, именуемый в дальнейшем «работорговец» с другой стороны заключили договор о следующем. Работорговец обязуется получить свои деньги и не вызывать Кошку на поединок. Кошка обязуется внести оплату в размере десяти тысяч золотых с учетом НДС (Не донесли. Дербанили. Свистнули по дороге). Реквизиты и подписи». Я же юрист, как-никак!

- ...и я бы остановил бой, если бы не зрители, которые настаивают, чтобы я дал Кошке шанс! Не знаю, насколько вас хватит, уважаемые болельщики, но я близок к тому, чтобы остановить поединок и признать поражение вашей ...

- У-у-у-у-у! – рыдала толпа, протестуя против признания меня проигравшей.

Я встала под крики толпы, понимая, что если сейчас выйду из игры, то подведу единственного человека, которого нельзя подводить.

- Не хочу... тебя подводить... – прошептала я, морщась и собираясь с силами. – Я хочу, чтобы ты проснулся...

- Ты с ума сошла! Рыжик, ты – идиотка! – сквозь зубы прошептал Феникс. – Быстро выходи из круга! Я прошу тебя! Ради всего святого! Рыжик! Направо!

Я уклонилась, понимая, что силы еще есть. Жаропонижающее или самовнушение – неважно. Я на ногах. Да, это не на работе сидеть, трубя, как слон на водопое. И кашлять в телефон так, что на то конце города надевают респираторы и моют трубку с мылом.

Интересно, а как Ниал отреагирует, если я сделаю вид, что выхожу из круга? Хорошая идея! Я стала отступать к барьеру.

- Ниал. Я выхожу из круга! – заявила я, прокашливаясь и становясь возле самого пламени, очерчивающего грань. – Пойду домой, приму ванну. Скажешь заказчику, что сроки поставки товара переносятся. Месяца на два. А то и навсегда.

Не думаю, что заказчик и работорговец составили договор и прописали все форс-мажоры.

- Одно неверное движение, и тебе придется оправдываться перед заказчиком! Так что думай, перед тем, как использовать магию, – заметила я, снова беря себя в руки и поглядывая на пламя, которое было так близко, что я ногами чувствовала его жар.

- Рыжик! Ты что надумала? – настороженно заметил Феникс.

- Все нормально... – прошептала я, сглатывая. Глотать было больно. – Все под контролем...

- Да ты с ума сошла... – прошипел Феникс.

- Ах да, если бы мы заплатили, то гарантией было бы честное рабовладельческое? - спросила я, концентрируясь и боясь потерять контроль над ситуацией и над собой.

- Кто его знает? За тебя собираются заплатить семьдесят тысяч, - заметил Ниал, стоя напротив меня. - Представляешь, как тебя дорого оценили? Да на моей памяти только за двух девок столько давали!

Люблю комплименты из уст работаровца. Вот уж кто разбирается в женщинах! Отлично. Отказываться от сделки в семьдесят тысяч ради наших десяти? Пффф.... Меня имеет право разводить только ЗАГС. И то предварительно выдав замуж.

- Тебя оценили по весу, - усмехнулся Ниал, глядя на меня оценивающим взглядом.

- Ой, а если я сейчас случайно в туалет схожу, то кому-то будет скидка? Большая или маленькая, - заметила я, собирая свои силы в сжатый кулачок. Пока зал ревел и рыдал, кто-то на трибуне не удержался и тихо всхлипнул мне на ухо.

- И если меня оценивали по весу, - тоскливо заметила я, слегка покачиваясь. - Неужели я так дорого стою... Ой, много вешу? Уважаемый заказчик. Вы меня только что сильно оскорбили!

Кстати! Надо будет попробовать аскорбинку! Хорошо, что вспомнила. Где-то лежит у меня баночка. Эх... Угораздило.... Стало понятно, что сегодня, если все будет хорошо, добрый доктор «Не ори и не вертись!» пропишет мне таких «оскорбинок», что я помру от передозировки. Адреналин бил меня по моей больной голове.

- Подойди и возьми меня, - усмехнулась я, крепче сжимая рукоять и готовясь сражаться до конца. Ниал сделал несколько шагов вперед, схватил меня одной рукой за горло, а другой пропылялся вырвать мой кинжал. Я успела несколько оцарапать его, пока моя шею сжимали. Кинжал был вырван, зато коготь был на месте. Я вонзилась когтем прямо в чужую руку, прикидывая, как быстро подействует яд, и сколько мне нужно удерживать сознание. Мое тело приподняли, пока я тщетно пыталась вырваться, и оттащили подальше от границы.

- Рыжик! Ры... - услышала я, сбившееся дыхание.

- Платежка ушла, - прошептала я, кашляя.

Я лежала на холодном кафельном полу кухни, Неподалеку валялся перевернутый стул, виднелась белоснежная дверца холодильника на которой внизу было какое-то коричневое пятнышко... Рефлекторно послунявив палец я его оттерла.

Доползя по стенкам до кровати, я долго искала, как бы поудобней пристроить свою чугунную голову на подушке и снова очутиться в Кадингере. Это надо же! Мой грипп ко мне вернулся! Повертевшись несколько часов, то скидывая одеяло с горячего, как печка

тела, то натягивая его дрожащей от озноба рукой, я смогла уснуть.

- ... живую и здоровую! – закончил свою мысль внезапно раздавшийся мужской голос. – А ты мне что подсовываешь? Почему она в себя до сих пор не пришла?

- Она просто... кхе...кхе... – услышала я слабый и сиплый голос, – ... просто устала!

- Она больна. Я собирался купить ее, чтобы на ней зарабатывать в кругу! – мутный силуэт ходил по комнате. – Нет, Ниал. Я оказываюсь от сделки. Сто тысяч за полутруп... В таком виде она и десяти солнц не стоит!

- Ты видел, что она сделала? Я теперь без руки... Эта паскуда меня отрави...

Я снова очнулась у себя на кровати, потянулась за одеялом и накрылась им с головой, трясаясь, как чихуахуа на сквознячке. Соседи наверху смотрели передачу про предвестников смерти и белый свет в конце тоннеля. «... Когда мы увидели ее тело, пролежавшее в квартире полтора месяца, некоторые судмедэксперты уволились!». Я перевернула подушку холодной стороной. «Был еще случай, когда девушка очнулась в гробу...». На секунду мне показалось, что я увидела знакомые руки, держащие лопату и золотую голову, склонившуюся над ямой. Мой ангел-хранитель трудится в поте лица, чтобы лишить меня славы Белоснежки и Спящей красавицы. Промозглая земля Кадингера не сдается. «Я же еще жива!» – замечаю я, протягивая слабую руку в сторону могильщика. «Ну я же еще не закончил?» – отвечает ангел, но уже хоронитель, поплевав на руки и снова наваливаясь на лопату. Я представила одинокого могильщика, стоящего подле стандартной ямы метр на два и два в глубину. Вокруг могилы стоит вся его семья и бросает туда по горсти земли. Яма закопана. Следующая. Да, так картошку еще никто не сажал! Бред... Я брежу... Меня снова затянуло в сон.

- ... уступать я не буду! Эта паскуда меня отравила! – раздался сиплый голос Ниала. – Принесите еще флакон. Что теперь с ней делать? Эй! Кто его сюда пустил? Охрана! Жи...

Я снова лежу на подушке. На стене громко тикают часы, за окном светает. Дико хочется пить. Шесть часов. И пока в деревне кричат третьи петухи, у меня орет третий будильник. Следом за будильником раздался звонок. Пришлось сползти с кровати, оторвать телефон от поводка зарядки. Совесть меня заклевала, заставив взять трубку.

- Алле! – мой голос был настолько жутким, что я сама вздрогнула. Такими голосами озвучивают самую мерзопакостную тварь, восставшую из ада. – Меня сегодня не будет...

Такие слова, сказанные неведомой тварью должны вызывать вздох облегчения у всего населения Земли.

- Мы приедем через полчаса! – невозмутимо заявил «инженер». – А пока запишите все наши пожелания. Итак. Окно на кухне мы убрали, а теперь нужно поставить его обратно. На полметра левее... Освободим место для холодильника. По поводу ванной. Можете расширить ее за счет коридора, коридор за счет комнаты, комнату за счет кухни. И

смотрите... Там идет подпорная стена. Так вот.... Сейчас продиктую размеры... Мы привезем вам фотографию интерьера, который нас устраивает! Посмотрите и скажете, где можно будет купить такой диван! Тэкс... Коридор – один метр семнадцать сантиметров справа, а слева...

– Меня сегодня не будет! – повторила я, наслаждаясь своим самым клиентоориентированным голосом.

– То есть, как это не будет? Мы же в девять приедем! – возмутился «инженер» и продолжил, как ни в чем не бывало. – Смотрите дальше. Ируся, ты где писала по поводу комнаты?

Я терпеливо слушала все, а потом, к концу монолога, когда прозвучало: «Вы все записали?», я ответила, что теперь все это сканируйте, скидывайте мне на почту, подписывайтесь и ждите моего звонка...

Триллер «Звонок» продолжался. Позвонил какой-то Димин хмырь, сообщая, что сегодня на двенадцать он приедет за проектом. Директор вчера сообщил, что все готово. Так что ждите!

Я решила набраться смелости и набрать номер Карлсона.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался демон простуды и гриппа инфернальным голосом. Если обычных демонов вызывают при помощи круга и свечей, то для вызова этого достаточно промочить ноги, посидеть на сквозняке и быть обкашлянным в автобусе.– Вы спите?

Директор тревожно молчал, а я поняла, что таким голосом будить человека нельзя.

– Можно я сегодня не приду? Я заболела, – с надеждой поинтересовался демон вполне себе демоническим голосом. В горле запершило, и я прокашлялась, как биологическое оружие массового поражения.

– Так, стоп! Ты хочешь отпроситься? А работу за тебя кто делать будет? Этот придурок уволился. Конечно! Руки из задницы, так что же в сфере проектирования работать? И эта красавица мне вчера позвонила, сказала, что уходит. Постоянно клиенты на нее жаловались! Сидит себе, чаи гоняет, а потом отпрашивается, мол, детей из садика забрать надо! Офигеть работничек! Ты со мной согласна? Так что не ерунди. Выпила этот... как его... Посмотри в интернете и вперед. Там уже клиенты пришли! Распечатай им и отдай проекты. По поводу денег позвони мне, я скажу, сколько они должны! – заявил Карлсон. – А еще размести объявление. Напиши что-то типа: «Требуется проектировщик. Знание автокада, нанокада и так далее... Зарплата от ... хм... Напиши от пятидесяти тысяч и выше!». Я после обеда приеду, и мы поговорим по поводу сайта.

Плохо говорить об уволившихся – признак любого директора Я упала на кровать, глядя в потолок. От пятидесяти? Двадцать четыре! В лучшие времена... «Требуется бессмертный, бессменный сотрудник – мазохист, любитель постапокалиптических

интерьеров, для работы в неотапливаемом офисе. Зарплата звиздюлями. Больничные, соцпакет и декретные есть. Но не у нас!». И так почти везде! А все почему? Потому, что с нормальных вакансий люди уходят только в случае переезда и вперед ногами. Нормальные вакансии не висят месяцами, намекая на то, что «Кузница Кадров» всегда рада новым рекрутам.

Звонки продолжались до бесконечности, а я лежала трупом и понимала, что до работы сегодня не доеду. Часы показывали девять. Я собралась с силами, встала с кровати, доползла до аптечки, закинулась таблеткой, запив ее теплым почти не сладким чаем. Еще немного, еще чуть-чуть полежу. Если Карлсон уволит меня, придется искать новую работу... Утешало то, что во сне диагнозы мне ставят заочно, потчуют «оскорбинками» и «звиздюлином», предназначенным исключительно для морального применения.

Одиннадцать. Я доползла до кровати, понимая, что в нынешнем положении единственное место, куда я могу пойти – только в туалет. По стеночке. Ничего, пережили один грипп, переживем и этот. По подоконнику забарабанил дождь. В такие моменты, я всегда думаю о том, как было бы здорово, если бы рядом была мамочка, мысленно представляю, как она садится на уголок кровати, гладит меня по голове. А я ловлю ее руку и прошу не уходить... Побывать еще немного... Я даже пытаюсь вспомнить ее улыбку, ее запах, ее глаза. У нас с ней разный цвет глаз. У мамы – карие, у меня – серые. У мамы глазки, как у лисички. Она сама похожа на красивую рыжую лисичку. Я даже пошарила рукой по одеялу... На секунду мне показалось, что поверх одеяла действительно лежит теплая мамина рука.

В дверь позвонили. Глухая трель, похожая на стрекот огромного жирного сверчка, вырвала меня из мутной полуяви. Я завернулась в одеяло и прокашлялась, в надежде, что Свидетелей Чего-то Там сдует моим кашлем. Точно они! Слышу, как позвонили соседям. На площадке кто-то разговаривает... В душе теплилась надежда, что исповедоваться пока рано.

Через пять минут позвонили снова. Опять? Люди, запомните, наконец! У меня нет перфоратора! Не было, и нет! И ключом на двенадцать я не обзавелась! У меня нет лишних бутылей для помидор, помидор для бутылей, «толкушки» для картошки, картошки для «толкушки», соли, спичек, яиц для готовки, яиц, которые готовы посмотреть, как работает выключатель, проверяют напряжение в сети и помогают повесить карниз. Опять звонок. Кто-то зажал кнопку и держал ее так, словно она намазана суперклеем. Да мне в последний раз так звонили, когда у меня трубу прорвало. Ладно, ползу- ползу... Где мои тапки? Да чтоб вас всех!

Встав, накинув халат и опираясь на стенку, я поползла делать незваным гостям предложение, от которого сложно отказаться. В процарапанном глазке я увидела высокий мутный силуэт в черном капюшоне, стоящий на лестничной клетке.

– Кто там? – прокашлялась я, обреченно понимая, что мне досталась вежливая, но настойчивая смерть. Наверняка она еще и ножки вытрет перед замерами!

– Смерть твоя пришла, – заметила смерть мужским голосом, снимая капюшон. – Рыжик. Давай, открывай.

Я сглотнула, отшатнулась от двери, трясая головой и щипая себя за руку. Снова встав на

цыпочки, я припала к глазку. Секунда, две, три... Через мгновение мой взгляд упал на грязный половик, обшарпанные ботинки, сваленные на тумбочку старые газеты. Караул!

– Одну минуту, – прокашлялась я, беря себя в руки в ежовых рукавицах. Это капец! Караул! Веник! Совок! Где? Так... Газеты в мусор... Веник-веник-веник.... Ботинки куда задвинуть? А если в пакет и в шкаф? А вдруг он в шкаф полезет? Кровать расправлена! Простыня сбилась! На столе крошки! Черт, крошки теперь на полу! Раковину помыть! Срочно! А то подумает, что я – засранка! Моя бабушка всегда прибиралась. Даже перед приходом сантехника. Все должно блестеть и сверкать. И неважно, что через пять минут на полу будет лужа грязи, следы грязных сапог, ведущие по всем направлениям и дерьма по щиколотку. Мало ли что о нас подумает сантехник? Его мнение очень важно для нас! Да!

– Рыжик! – послышался знакомый голос с непередаваемыми интонациями. Глянув на себя в зеркало, посмотрев на косметичку, я бросилась на кухню в поисках тонального крема, чтобы прикрыть красноту носа. В раковине со вчерашнего дня лежали две грязные тарелки. Моя их в экстренном режиме и засовывая в сушилку, я увидела, как отслаиваются обои на кухне недалеко от мойки. В моих мокрых руках очутился клей ПВА, а обои были тут же приклеены на место. Так же самая участь постигла обои в коридоре. Нитка! Откуда она здесь на полу? Липкими от клея руками я долго пыталась стряхнуть ее в мусорное ведро! Боже! Боже мой! Кхе-кхе-кхе! Так-так-так... Плинтус отвалился...

– Одну минутку! – прокашлялась я. – Одну минутку!

Так, тряпка... Где? Черт! Сухая! На кухне что-то грекнуло. Плинтус вместо того, чтобы встать на место отвалился окончательно и был эстетически прислонен к стене.

– Рыжик, мне еще постоять минут пятнадцать, пока ты доделаешь ремонт? – поинтересовался задумчивый голос.

– Открываю, – прошептала я, поворачивая собачку замка и мысленно съеживаясь от ужаса, позволяя гостю шагнуть внутрь. Веник, прислоненный к стенке, завалился, намекая на то, что пять минут назад он всеми силами пытался спасти мою репутацию. В шкафу что-то прошуршало и тоже упало. Я стояла и смотрела грустным взглядом морально раздавленного хомячка, понимая, что даже не знаю, что сказать. Мой старый халатик и застиранная пижама выглядели вполне эротично и многообещающе, а вот штопанный носок, в порванных тапках на три размера больше сразу приковал внимание гостя.

От Феникса пахло духами. Даже сквозь заложенный нос я чувствовала чужой сладковатый запах мужского парфюма. Стрижка у него была намного короче, вместо привычной рубашки, на нем была теплая куртка с капюшоном, штаны и кроссовки. Внутренняя часть капюшона его курточки была похожа на барашка... Мягкого, уютного барашка... Интересно, а чем пахнет барашек?

– Привет, – сиплым голосом алкоголика выдала я, понимая, что убитый интерьер квартиры очень располагал к тому, чтобы сообразить в ней на троих, расстелив газетку и открыв бутылку пива. Кусок обоев, приделанный на место, с чавканьем свежего клея отвалился, обнажая всю суть «одной минутки».

– Здравствуй, Рыжик, – Феникс посмотрел на отклеившиеся обои, которые обнажили газету пятидесятилетней давности. «Заседание членов президиума...». Мое сердце и неловкая пауза договорились и решили повиснуть синхронно. – Иди сюда.

Я опасливо посмотрела на протянутую руку. «Труп девушки со следами удушения был найден по адресу ... Судя по всему, она была знакома с преступником, раз следов взлома обнаружено не было. А поскольку она перед его приходом успела прибраться, то он ей явно нравился. Следствие зашло в тупик.».

– Я сказал, подошла ко мне! – нехорошим голосом прошипел Феникс, вызывая у меня горячее желание не подходить. – Ты меня обманула! Какого черта ты не сказала, что тебе плохо? Какого хрена врать мне? Что это за идиотизм! Я тебе что говорил? Выходи из круга! Но нет! Упрямство и тупость победили! Нет, чтобы открыть рот и сказать: «Извини, мне плохо. Я сегодня неважно себя чувствую. Я не смогу сражаться!» Ты что начала мне рассказывать? Я так понимаю, сказать, что тебе хреново, у тебя язык не повернулся? Так, смотреть на меня! Я спрашиваю, чем ты думала?

Я смотрела на него пристыженным котенком, теребя хвостик халата. Он смотрел как раз на то самое "мыслительное" место.

– Сложно было рот открыть? Какого черта я узнаю о том, что тебе плохо уже в круге? Тогда, когда я сделать ничего не могу? Я вижу, что ты усердно пытаешься сделать из меня .. кхе... удача! – на пороге бушевала буря, пока я со стыдом смотрела на длинную гирлянду пыли выглядывающую из-под шкафа. Не знаю, но у меня иногда бывает желание отодвинуть и посмотреть на завод по производству таких гирлянд. Странно, но либо завод успевает переехать раньше, чем мое хлипкое тельце победит шкаф, либо он действует подпольно, потому что только стоит отодвинуть эту старую машину, то ничего, кроме основной продукции обнаружить не удается!

– Все, я сказал все, что хотел, Рыжик, – выдохнул Феникс, дергая дверь за ручку.

Дверь за ним закрылась, а я молча сползла по стенке, давась беззвучными рыданиями. Сквозь прикрытую дверь были слышны гулкие удаляющиеся шаги, рядом со мной на пол капал клей, которого я не пожалела. Этажом выше орала приبلудившаяся кошка. Бедное животное гадит реже, чем рождает, поэтому к ее очередным истошным крикам мы уже привыкли. Пора готовить коробочку.

– Почему? – тихо всхлипнула я, кусая губы. По горячим щекам текли жгучие слезы. Он увидел меня в старом халате, в пижаме, растрепанную. Посмотрел, в какой нищете я живу, понял, что у меня тут не блестящая стерильностью операционная. Я опустила взгляд на свои старенькие носки. Рыдания тихо вырывались у меня из груди, пока я пыталась встать и закрыть входную дверь. Феникс ожидал увидеть свежую, накрашенную девушку в красивом халате и в роскошном нижнем белье, которого у меня отродясь не было... Мечтал увидеть евроремонт и приличную мебель, а не старого лакированного динозавра с вечно приоткрытой пастью. И точно не дешевую плитку на полу с въевшейся грязью, которую укладывали косоглазые строители. Укладывали в промежутках между закладываниями. Он явно ожидал увидеть не драный половичок из старой футболки, который я стираю каждую неделю, а красивый коврик из гипермаркета с надписью «Добро пожаловать!».

Я рыдала, обнимая колени и пытаюсь успокоиться. Какого черта он приехал? Зачем? Чтобы высказать мне все, посмотреть на мои апартаменты, мой красный от постоянных сморканий нос, развернуться и уехать? Из груди вырывались хриплые рыдания вместе с кашлем.

Послышались шаги. Дверь снова открылась, и в квартире появился пакет. Из него торчало что-то странное. Большое и белое. Следом за пакетом появились цветы...

Мои зубы отбивали чечетку, а красные, воспаленные глаза смотрели на большой букет одинаковых роз цвета осенних листьев. Мозг, как опытный завхоз, списывал все на галлюцинации.

– На какой замок закрываешь? На верхний или на нижний? – спросил Феникс, сгружая покает и букет рядом со мной.

– Верхний. Прижми дверь сильнее и закрывай... Потяни на себя, – сглотнула я, изумленно глядя на цветы и слушая знакомый глухой щелчок.

– Ты чего на полу сидишь? – прошипели на меня, трогая рукой мой лоб, пока я пыталась украдкой вытереть слезы. – Иди сюда... Та-а-ак! Еська, ты чего? Что такое? А ну посмотри на меня? Ты что? Плакала? За то, что я тебя отругал? И ты из-за этого села на пол и расплакалась? Посмотри на меня? Ты плакала, потому, что я отругал тебя? Я тебя ругал за дело. Ладно, инцидент исчерпан. До следующего раза. Все, успокаивайся. Мы с тобой еще поговорим об этом.

– Я думала, что ты ушел... – всхлипнула я, прижимаясь к чужой куртке, пока меня гладили по голове. – Думала, что ты увидел меня и... Сбежал ... Что я не такая... И живу в .... В....

– Ты все сказала? – спросили меня, пока клей капал на пол. – Иди сюда. Прекращай. Не хватало, чтобы температура поднялась.

Я шмыгала носом, слыша, как шуршит пакет, заваливаясь с тумбочки.

Меня отнесли в комнату, опустив на кровати. Следом в комнату вплыл пакет и букет. Я куталась в одеяло, упорно не веря своим воспаленным глазам. Рядом со мной лег, пахнувший чужими духами, большой белый игрушечный медведь, вызывая у меня новый приступ слез.

– Не надо было разуваться, – прошептала я, недоверчиво трогая пальцами невероятно мягкую красивую игрушку, и сквозь слезы глядя как Феникс ходит в носках по полу, пытаюсь найти вазу. Поиски были бессмысленны. Можно бесконечно искать черную кошку в темной комнате, нужный файл на чужом компьютере и вазу в доме девушки, которой не дарят цветов. У меня для редких букетов отлично приспособлен трехлитровый бутылек.

- В шкафчике стоит пустая банка. Трехлитровая! К ней скотчем приклеена открытка... - я все-таки слезла с кровати и полезла в шкаф за мужскими тапками стоптанного размера. Тапки давно имели плохую репутацию «гулящих». Ими одинаково пользовались все редкие гости мужского пола. Сантехники, слесаря, ремонтники, электрики, врачи и так далее... И мало того! Эти тапки выходили за пределы квартиры, что категорически запрещено для домашней обуви! Так что они у меня не совсем домашние. Полудикие, но прирученные.

- Вот, - я прошлепала на кухню и протянула «лизинговые тапки», отмытые после очередных ремонтных работ. - Я хотела спросить, где я сейчас?

- Хороший вопрос, дорогая моя! Дома, где же еще! Лежишь на кровати. Если что, я тебя не душу. Это я тебя так обнимаю. Так, а кто тебе разрешал вставать с постели? - строго спросили меня, поднимая глаза на потолок.

Я тоже посмотрела наверх и увидела, как на веревке, протянутой по диагонали кухни, висит мое нижнее белье на разноцветных прищепках.

- С Новым Годом! - усмехнулся Феникс. - Отличная гирлянда. Особенно те, с лисенком. В цветочек тоже неплохие.

- Ыыы! - простила я, глядя, как весело улыбаются мои трусы со смайликом. - Не смотри туда!

- Быстро в кровать! - на меня посмотрели суровым взглядом. Через секунду взгляд потеплел. - Умирующий лебедь, не покидайте свое мягкое озеро. Еся, хватит тут гостеприимную хозяйку разыгрывать. Обои подклеила - уже молодец! Чувствую, что если бы я не приехал, они так бы и провисели.

Мы вернулись в комнату, где меня снова уложили на подушку, укрыв одеялом.

- Я вот думаю, что будет, когда твой муж вернется? - с улыбкой заметил Феникс, доставая телефон одной рукой, а другой протягивая мне термометр. - После того, как ты меня однажды обманула, я не склонен верить тебе на слово. - Хотя, пусть возвращается. Я даже нарочно его подожду. Думаю, мы с ним немного побеседуем на тему: "А все ли хорошо в ваших отношениях?". Сколько там нагрела? Нифига себе! Ладно, я сейчас поговорю по телефону, а ты не вздумай вставать!

Он полчаса разговаривал по телефону, сидя на кухне. Из обрывков разговоров я поняла, что Феникс выясняет, у какой-то женщины чем новый вирус принципиально отличается от старого, и чем его лечат. Женщину, между прочим, зовут Вера. Через десять минут послышался странный шум.

Я не удержалась и поползла на кухню, застав Феникса наедине с моим холодильником и мусорным пакетом.

– Ты снова встала? А ну марш в кровать! – прошипели мне, вытаскивая мой слегка просроченный майонезик и выбрасывая его в пакет. – Рыжик, это что за вонючая фигня? Блин! Она еще и капает!

– Квашеная капуста... Была, – кротко заметила я, обрадовавшись, что она у меня, оказывается, есть. Я про нее совсем забыла. – А где ты ее нашел?

– В дверце. Рядом с просроченным творожком с большой надписью "Уценка". Так, короче, мне надоело. Я выгребаю все! Хотел тебе что-нибудь приготовить, а тут... Боже мой, это что за? Фу-у-у! – скривился Феникс, двумя пальцами отправляя мой маргарин в пакет. – Таблетки нужно пить после еды. Значит, сначала еда, а потом таблетки.

– Да как ты можешь выбрасывать продукты! – возмутилась я, глядя как пакетик с плесневелым сыром полетел в мусор. – Нельзя выбрасывать еду!

Меня бабушка учила, что нет большего греха, чем выбрасывать просроченную еду! Особенно хлебушек. Нельзя! Ни в коем случае! Из испорченных продуктов всегда можно что-то приготовить!

– Я это уже понял. У тебя – не холодильник, а могильник. Кефи... Ой, нет... Фу.... Бессовестный Рыжик тебя не выбросил. Рука дрогнула. Но я – не Рыжик. Так, вроде все. А это что за пакетик в пакетике и еще в одном пакети... Нет! Нельзя же так вонять! Я думаю, чем это так в холодильнике пахнет, а вот чем, оказывается, –скривился Феникс, подозрительно принохиваясь. – Заметь, я еще в морозилку не лазил.

– Смалец, – просветила я, тяжело присаживаясь на стул и прислоняясь головой к стене. – С хлебом вкусно. Ел когда-нибудь?

– Ладно, где здесь ближайшая аптека? – спросил Феникс, доставая телефон.

– В трех кварталах отсюда... У меня карто... – начала я, а потом поняла, что обращаются не ко мне.

Через полчаса в холодильнике нашли свое пристанище четыре палки колбасы, масло и много всякого, включая йогурты и какие-то десерты. На столе лежали лекарства и коробочки с едой и маркировкой кулинарии ближайшего гипермаркета. Я осторожно ела и боялась, что Феникс сейчас просто возьмет и уедет... При мысли о том, что сейчас я услышу: «Ладно, я поехал», у меня сразу пропадал мой вялый аппетит. Но пока что Феникс молча ел рядом.

Через минуту меня осенило. Я прошла в комнату, достала из своей записки деньги, вернулась и положила на стол. Меня сильно смутил чек, который у меня отобрали в тот момент, когда я собиралась его внимательно изучить.

- Рыжик... - Феникс поднял глаза к гирлянде моих трусов. - Ты так упорно пытаешься сделать из меня... чудака. Тебе нужен именно такой?

- Нет, - тихо ответила я, смущенно глядя на деньги, лежащие на клеенке.

- Странно, а мне показалось, что именно о таком ты мечтала всю жизнь. Неси обратно в свой носочек с ромбиком! Я их брать не собираюсь. Все, убирай свое богатство со стола и доедай! Тебе еще таблетки пить!

- Давай я тебе чай сделаю? - предложила я, смущаясь и стараясь не думать, сколько денег он потратил на это. Я мельком видела чек, и теперь мне было очень стыдно.

Феникс извлек из шкафа мой бутылек с приклеенной открыткой: «С Днем Варенья!» и поставил туда цветы. Через минуту на столе появились конфеты и печенье.

- От чая не откажусь. Кафе «Под трусами» предлагает чай на выбор. С сахаром и без сахара. Мне без сахара. Хотя, можно одну ложку, - Феникс выложил из кармана телефон и ключи, глядя, как я ставлю чайник и споласкиваю свою кружку. На секунду я замерла, закусив губу и глядя на него. Встав на цыпочки, дрожащей рукой, я бережно достала красивую коробочку с моим сокровищем. Осторожно раскрыв ее, я достала кружку, любуясь ею и поставила рядом со своей. Чайник закипел, и первый чайный пакетик упал в мою «принцессу», следом за ним опустилась ложечка сахара. Все. Назад дороги нет. Размешав чай, я протянула Фениксу мою драгоценную кружечку, глядя, как красиво она смотрится в его руках. С замиранием сердца я ждала, когда будет сделан первый глоток.

- Покажешь свой бесценный грааль? - усмехнулся Феникс, вдумчиво читая инструкции к таблеткам, высыпанным на стол. - Мне просто самому интересно его увидеть. Судя по описанию, он из чистого золота... Чай допью, таблетки тебе скормлю, спать уложу, грааль посмотрю и поеду... У меня здесь кое-какие дела...

- Ты из него пьешь, - прошептала я, чувствуя себя значительно лучше. Сквозь пелену слез, кусая губы, я смотрела, как сбывается моя мечта. Я выламывала себе пальцы под столом, частенько отводя глаза. Я осмелилась снова посмотреть на кружку, которая блестела золотистым ободком, а потом на золотистые волосы, туго наматывая пояс халата на свой указательный палец. Мельком взглянув на озадаченное лицо, я поймала чужой взгляд. Мы смотрели друг на друга, а я чувствовала, как мои губы дрожат. Температура спала, нос после капель стал дышать, поэтому я сопела, как паровоз.

- Рыжик, - негромко произнес Феникс, осторожно ставя «принцессу» на стол и рассматривая ее. - Еська... Ты шутишь?

Мне нечего было ответить. Теперь мои пальцы сосредоточенно натирали треснувший ободок моей кружки. Читай книги на Книгочей.нет. Подписывайся на страничку в VK. Коллекция мятых салфеток, лежащих рядом со мной, напоминала снежную горку. А я - снеговика, с растертым красным носом. И теперь я просто таю от внутреннего тепла, не имеющего ничего общего с температурой.

- Не уезжай, – едва слышно прошептала я, стараясь не смотреть в его сторону. – Пожалуйста... Посиди еще немного...

Прямо в мой чай капнула слезинка.

- Я понимаю, что тебя там ждут..., – прошептала я, кусая губы. Где-то в другом городе, возможно, живет счастливейшая из женщин, которую сегодня наверняка обманули, сказав, что уезжают по делам.

- Ты сейчас о чем? – спросил Феникс, глядя, как я мну очередную салфетку.

- О том, что у тебя кто-то есть..., – честно призналась я, беря себя в руки. – Скажи мне честно, есть у тебя кто-то или нет. Просто... Как бы тебе сказать? Мне нужно это знать...

- Есть, – услышала я ответ, от которого оборвалось мое несчастное сердце, и порвалась салфетка в руках. Люди, меня только что пристрелили на месте. То, что мое тело еще спокойно сидит на стуле, это – иллюзия. На самом деле я сейчас в слезах корчусь на полу, задыхаясь от невидимых рыданий.

- Спасибо, – я проглотила комок слез. – Спасибо за то, что сказал. Так будет честней и правильней. И спасибо тебе за все. Не думала, что ты приедешь. Я тебе так благодарна... Мне очень жаль, что тебе пришлось приехать... Очень...

Голос у меня дрогнул. Я пыталась сказать еще что-то, но не смогла. Еще одна слезинка стекла по моей щеке и капнула в мой остывающий чай.

- Прости, пожалуйста. Мне нужно умыться, – сдавленным голосом произнесла я, подавляя рыдания и устремляясь в ванну. – Все хорошо. Я сейчас вернусь.

Как же мне стыдно и больно! Прямо, как в тот момент, когда возле кассы видишь другую девочку, счастливо обнимающую красивую коробку с игрушкой, которую не купили тебе. Смотришь на человека, понимаешь, что он тебе очень-очень дорог, а Судьба подарила его кому-то другому. Ничего, уже привыкла. Я не побегу отбирать чужие игрушки возле кассы и закатывать истерику. Я просто молча отойду в сторонку и буду надеяться на то, что та счастливая девочка, будет относиться к игрушке бережно, будет любить ее, заботиться о ней.

- Рыжик, – мне протянули руку, отставляя кружку с недопитым чаем подальше от края стола. – Подойди сюда.

Я пыталась взять себя в руки, вдыхая и выдыхая. Все в порядке, Еся. Все в порядке. Просто возьми себя в руки и подойди к нему. Я сделала шаг, чувствуя, как меня притянули к себе обняли. Я дышала глубоко, слегка обнимая Феникса одной рукой и смахивая слезы другой. Он сидел на стуле и обнимал меня. Я стояла, роняла слезы ему на волосы и надеялась, что никто не запретит мне мечтать о нем? И обнимать одной

рукой, едва касаясь? Просто мечтать и обнимать. По-дружески. И представлять его рядом в грустные и веселые моменты. Представлять, придумывать, как он сидит рядом со мной, как мы вместе валяемся на диване, как пьем чай и смотрим фильм. Точнее, Феникс смотрит фильм, а я смотрю на него.

– У меня есть Рыжик, – услышала я, боясь поверить в услышанное. – Иначе, фиг бы я приехал. Думаешь, я тут периодически ко всем знакомым из сна мотаюсь? А одного Рыжика мне вполне достаточно. Судя по нервотрепкам, ты мне целый гарем заменяешь...

Меня трясло, я обняла его двумя руками, прижимая к себе изо всех сил. Прости, прости, прости меня, пожалуйста...

– Ну вот. Опять температура поднимется. Все, успокаивайся, – утешали меня, вставая и трогая мой лоб. – Только сбили... Мне просто нужно съездить по делам. Я предупредил, что через час буду. Я съезжу и вернусь, договорились? Вернусь. Не смотри на меня так. Я сказал, что вернусь, значит, вернусь. Так, Рыжик, я тебе в залог могу что-нибудь оставить. Паспорт, например...

В моей комнате зазвонил телефон. Я поковыляла отвечать на вызов, не веря своему счастью и растирая слезы. Сердце в груди бешено колотилось. Оно не верило. Не верило. С каждым ударом оно пыталось поверить.

– Леся, ты почему не вышла на работу? – набросился на меня Карлсон. Да, сейчас меня наматает на пропеллер неприятностей. – Почему клиенты жалуются, что они приехали, а офис закрыт? Я сказал, что ты будешь в ... сейчас сколько? Двенадцать? Через сорок минут ты должна быть в офисе! А то подумают, что мы – шарашкина контора!

Я вытерла слезы, глядя как директор погасил вызов в одностороннем порядке. «Я – самый больной в мире человек!» – не произвело впечатления на любезного директора.

– Это кто? – поинтересовался Феникс, обнимая меня за плечи. – Чего хотят?

– На работу вызывают, – выдохнула я, не горя желанием совершать трудовой подвиг.

– Какая работа? Подушка – вот твоя работа! Ладно, сейчас я позвоню, мне номер скинут. Возможно, все удастся решить в телефонном режиме. Так! Я не понял! Ты куда собралась? Лежать!

Через минуту из коридора доносился разговор, пока я прикидывала, что если и выйду, то на часик. Не больше!

– Алле, возьми со стола мой рабочий, найди номер под названием «курица» и скинь его мне СМС-кой. Все, жду, – дверь в комнату открылась, а шкаф быстро закрылся, чуть не прищемив мне руки. В моих руках остался теплый свитер.

Чирикнула чужая СМС, пока я снимала халат, оставаясь в пижаме, а у меня отбирали свитер, пытаюсь запихнуть обратно в шкаф, прижимаясь ухом к трубке. У меня тоже зазвонил телефон. Я бросилась к нему, беря трубку. Шесть пропущенных вызовов. На экране высветился "левый" номер.

– Алло! – прокашлялась я. Но вызов тут же сбросили. Позади меня раздался голос:

– Мне кажется, что я уже никуда не поеду. Ну, здравствуйте, Лена! И где же слуги проектировщика? Я что-то не вижу никого... Дворцы я ваши уже видел, ЛЕ-НА, а слуг пока нет.

Телефон выпал у меня из рук и упал на кровать.

– Я, наверное, схожу, покурю, – озадаченно заметил Феникс, глядя на меня странным взглядом. – Попробую обдумать вероятность таких совпадений. Балконная дверь открывается или замурована?

– Ручку вниз, – брякнула я, закутываясь в одеяло и глядя на свой телефон. Через несколько секунд, без колебаний и сомнений, я набрала последний номер.

– Алло, здравствуйте, – выдохнула я, сглатывая. – Извините, связь оборвалась. У нас такое бывает...

– Здравствуй, ЛЕ-НА, – раздался насмешливый голос и выдох. – Чем вы меня хотите порадовать?

– Простите, мне неловко об этом говорить, но ... – я сглотнула, слушая вдохи и выдохи, – мой директор не собирается вам платить. Он считает, что аванса вполне достаточно... Простите, что не сказала сразу. Я говорила с ним на эту тему вчера...

– А директор не думает, что пусть сумма и небольшая, но мы решительно пойдем в суд? Он не думает, то вы далеко не первые, кто хочет так с нами поступить? У нас большой опыт работы в этой сфере, если что... И мы принципиальны до невозможности. Не важно, о какой сумме идет речь. Так что можете передать директору, что документы на подачу в суд уже лежат у меня на столе и ждут, когда пройдет последний срок оплаты. А это, если я не ошибаюсь, послезавтра, – выдохнул голос, пока я прижимала трубку телефона к горячей щеке. – Поверьте на слово, мы не только собьем с вас деньги, но еще и потрепем вам нервы. Не вам, ЛЕ-НА. Вашему директору. Спасибо, что сказали. Кстати, Лена. Как на счет попить кофе вместе? Или чай? С лимоном? Лимоны есть в холодильнике на второй полке, если что. И вообще, мне кажется, что вас вовсе не Леной зовут. Это имя вам категорически не подходит. Мне почему-то кажется, что вас зовут Леся. Так как на счет встречи? Хотелось бы увидеть вас. А то общение по телефону с вами такое интригующее. И голос у вас сейчас сексапильно-хриплый....

– Леной меня случайно назвали на старом сайте. И когда ко мне обращаются «Лена», я

знаю, что мне звонят по сайту. А вас как зовут? – спросила я, прокашливаясь и поглядывая на силуэт сквозь штору. Мой палец наматывал на себя одеяло.

– Кирилл, если вам интересно. Очень приятно, Леся! – услышала я насмешливый голос. – Вы будете смеяться, но мне очень нравится, когда вы называете меня другим именем. Видите, вот мы и познакомились.

– Извините, – прошептала я, глядя, как балконная дверь открывается впуская легкий запах сигарет. В трубке слышались требовательные гудки второго вызова, – Мне звонит мой директор.

– Ну что там? – нетерпеливо воскликнул Карлсон, шурша каким-то пакетом. – Ты на работе? Приезжали? Че говорили?

– Нет, я не на работе, – вздохнула я, чувствуя, как меня обнимают и прижимают к себе вместе с трубкой телефона. – Но мне только что звонили и сказали, что если мы не оплатим, то на нас подадут в суд. Документы уже готовы. Они это просто так не оставят! Давайте оплатим? А? Так некрасиво поступать...

Меня держали в заложниках, смеясь в мою макушку.

– Да пусть эти придурки хоть треснут! У нас есть свой юрист. Ты, кстати, когда ему в последний раз звонила? – усмехнулся директор, снова шурша пакетом. Женский голос Фрекен Бок на заднем плане что-то вещал о том, что плюшки забыли купить, и молоко, а спагетти вообще – космос! В последний раз берут!

– Оплатите счет, – сглотнула я, шмыгая носом, пока меня гладили по голове. – Я сегодня не приеду на работу. Извините. Завтра – посмотрю по самочувствию.

Директор что-то пофыркал, а потом кинул трубку.

– Давай я тебе деньги отдам. За сайт. Вы же его делали.... Сколько вам должны? – спросила я, пытаюсь встать и снять со своей совести груз участия в мировом заговоре. – Ты долго будешь выбивать с него оплату... Даже через суд...

– Рыжик, я сегодня ночью уже заплатил за тебя по безналу. И даже чаевые оставил. А потом принес акт выполненных работ и заставил расписаться кровью. Так что расслабься, – меня не отпускали. – Мне в тот момент как-то уже все равно было. Раньше, наверное, я бы так не рискнул. Вот Рыжик зря расслабляется. Как только она выздоровеет, я проведу с ней полноценную профилактическую беседу. На тему нездорового альтруизма, бессмысленных подвигов и образа жизни.

Я тонула в объятиях и чувствовала себя той самой счастливой девочкой, которой улыбнулась Судьба.

- Ты останешься на ночь? – спросила я, осторожно отстраняясь. – Завтра поедешь. Прости, но у меня одна подушка и одно одеяло...

- Не привыкать...

Глава восемнадцатая. Спокойной ночи, малыши

Женщине всегда приятно, когда

о ней думают в душе и в душе

- Ой, а можно десерт? – спросила я, открывая холодильник и глядя на чертовски соблазнительную баночку. Я себе два раза такой покупала. Классный. С клубникой и шоколадом! Мур! Ложечку оближешь!

- Нет, Рыжик, нельзя, – ответили мне. И я тут же поникла. Как-то неловко получилось. Мой взгляд ковырял дырочку в обоях. Есть подозрение, что еще немного, и придется здороваться с соседями.

Я смущенно прикрыла холодильник, поправляя снеговика на магните. Этот снеговик – отлично работает тотемом для отпугивания одного коварного рыжего ночного едока. Глядя на шарообразные формы, рыжему едоку становится очень и очень стыдно.

- Еська, ты чего? Конечно можно! Я просто удивляюсь, что ты спрашиваешь! – фыркнул Феникс, доставая десерт и грея его в руках. – Холодный. Пусть постоит немного в тепле. А то куда с больным горлом холодное есть? Не позволю. Согреется, тогда да.

Я подошла и обняла Феникса, украдкой трогая пальцами внутреннюю отделку капюшона. Какая прелесть... Такая славная курточка... И «барашек» такой мягкий.

- Рыжик, скажи, у тебя есть друзья? – спросили меня в лоб, согревая мой десерт руками.
- Рассказывай, Рыжик. Рассекречивай френдзону. Явки, пароли и места последних встреч.

Я слегка помялась, проводя мысленную переписку знакомых.

- Ну как... Есть Вика. Является тогда, когда нужны деньги на...Хм... Пароль: «Займи до зпэ! Такую клевую кофточку видела!». Вышла замуж недавно. Приглашала на свадьбу. В последний вечер все переигралось. Так что явку я провалила, агентурную сеть послала. Есть еще Марина – Критические Дни. У нее все дни критические. Появляется в самый неудачный момент. Курит, как Шерлок Холмс, и требует быть ее Доктором

Ватсоном в красивой жилетке. Пока ловит мужа на измене, муж сам сидит на дикой измене, боясь даже вздохнуть лишний раз, и подумывает о разводе. Если у всех нормальных людей в телефоне есть просто «контакты», то Марине всегда мерещится слово «половые». Марина – единственный человек, у которой слово «раздел» – всегда глагол. «Раздел контакты». «Я... сегодня... смотрела его телефон... и....!» Это был пароль. В последний раз она сморкалась в мою жилетку здесь на кухне, когда позвонила по номеру «Ebank» и услышала женский голос оператора, который интересовался, чем может помочь. Следствие показало, что это – оператор электронного банка. Обижена на меня за то, что, в связи с ранением на голову, я вышла из дела.

– Чьим ранением? – осведомился Феникс, слушая с явным интересом и осторожно ставя десерт на батарею.

– Ее ранением. Марину окончательно в голову ранило. Теперь даже мужские контакты не застрахованы от внезапного: «Я все знаю! Твоя жена спит с моим мужем!» – ответила я, чувствуя, как меня деликатно подтаскивают к себе. – Вот! Была еще как бы приятельница Лена, но мне очень не нравился ее «сидячий» образ жизни. Пароль: «Ой, давай где-нибудь посидим!». Явка в ближайшем заведении, где после третьего бокала она становилась сначала королевой танцпола, потом стриптизершей – волонтером, а после пятого – проституткой милосердия, обещая вдохнуть жизнь в каждого бойца. А утром ей всегда было стыдно и неловко, она виновато звонила и уточняла, как далеко зашла ее «благотворительность»? У нее была мечта, чтобы ... Ты меня слушаешь? Тебе интересно?

Я сидела у него на коленях, закинув руку ему на плечо. Феникс давился от смеха, уткнувшись в мой халат.

– Так, на самом интересном месте не прерывать! Продолжай, – меня погладили по коленке.

– ...кхе... встретить олигарха в кафе «Теремок», в баре «У Палыча» и в забегаловке «Хачебурек» за пластиковым столиком, – продолжила я, вспоминая одинокую стопятидесятикилограммовую килограммовую тушку Лены, сидящую за столиком и глодающую жирный чебурек или хачапури. Изначально принц ей нужен в качестве салфетки, а потом – как пойдет, – Послана мною в пешее кругосветное, но пошла по рукам! Была Саша-Модель. Такое чувство, что я гуляю со своим ребенком и фотоаппаратом. Пароль: «Ой, Леська, сфоткай меня на фоне ступенек! И на фоне вон той машинки! И вот здесь... Погоди, не фоткай... Щас марафет наведу! Ты глянь, нормально выгляжу или нет?». А потом контрольный в голову: «Фу! Перефоткай! Я встала не той стороной!». Еще бы, двести подписчиков жаждут увидеть подробный отчет, как она ходила за хлебом, как выносила мусор, как красила ногти, какой стул она видела, какой стул она выдала...

– Итак, подведем итоги. Рыжик у нас была селфи палкой -выручалкой для одной мочалки, детективом для дефектива, банком, выдающим ссуду для пересудов, рубильником для собутыльника. Все с тобой понятно, Рыжик, – усмехнулся Феникс, проверяя температуру десерта. – Слушая тебя, так и хочется сказать: «Неси бутылку, будем исправлять твое мировоззрение», – но я не стану. Сама исправишь.

Феникс снова проверил мою температуру и сравнил ее с температурой десерта. Поскольку в конкурсе температур мне досталось почетное второе место, я была вознаграждена ложкой и банкой.

Я достала вторую ложку и поставила десерт на стол. Такая мелочь, как чужая ложечка, поддвигающая в мою сторону самые вкусные ягодки и кусочки шоколада, меня поразила до глубины души. Оп! И моя ложка разделила всю вкуснятину на две половинки. Вторая ложечка оценила этот маленький жест, но посчитала, что ей слишком много, поэтому часть отодвинула в мою сторону, а остальное оставила себе.

– Слушай, мне очень стыдно за ту информацию, что я тебе прислала... – внезапно вспомнила я и покраснела. – Спасибо, что не сдал меня с потрохами.

– Да ладно тебе, нам две недели назад принесли логотип для визиток. Магазин назвали просто «Мебельный». Едва заметная буква «м», которая почти сливается с фоном в начале слова «мебельный», сделала наш день. «М... ебельный продавец-консультант Фамилия Имя Отчество». «М...ебельный генеральный директор .....». И лозунг: «Каков стол, таков и стул!» – мне показали фотографию на телефоне. – А неделю назад притащился один общепит в лице генерального директора подписывать контракт на размещение на наших плоскостях рекламы новой забегаловки «Шаурмяу». Предложил даже привезти несколько образцов для дегустации. В этот момент я представил, как беляш когтями царапает мой пищевод ... Просили сделать так, чтобы на картинке был котик. Долго рисовали на бумажке.

Мне снова показали фотографию борда, где жирный котик смотрит на аппетитный беляш.

– А почему котик грустный? – спросила я, разглядывая рекламу.

– А с чего котика веселиться? Это была его лучшая подруга, – ответили мне, показав фотографию с другого ракурса. – Отмучилась, отлУчилась, обжарилась и пусть салфетка будет ей пухом... Почти как мой Рыжик вчера...

Я прыснула и обняла крепко-крепко, прижимая к себе и наслаждаясь запахом его волос. Так бы и съела, честное слово. Как же сладко он пахнет... Понимаю, что физически прижать его крепче у меня не выйдет, в силу слабости рук, но так хочется... Как же хочется... Нежно поглаживая его волосы, я задыхалась от своего маленького невероятного счастья.

– Прости меня, пожалуйста, за то, что не сказала тебе, что плохо себя чувствую, – прошептала я, целуя его макушку. – Прости меня... Я надеялась, что у меня это получится...

– Рыжик, хватит играть в «простишку». До судного дня еще далеко, – прошептали мне в ответ. – Просто сделай выводы и запомни на будущее. Я несколько раз задавал себе вопрос, почему я не услышал от тебя правду? Неужели я такой плохой друг, что меня не нужно ставить в известность о том, что ты загибаешься от температуры?

Уязвленная мужская гордость зализывала раны, но не справлялась с поставленной задачей. Пришлось помочь ей, поцеловав сухими губами в теплую щеку. Мне показалось

мало, поэтому я припала губами к его лбу, мысленно умоляя его не сердиться на меня.

– Ты – замечательный. Просто меня любят только тогда, когда от меня нет проблем. Со мной дружат только когда я здоровая и беспроблемная. Вот я и привыкла скрывать свои болезни и проблемы, – прошептала я свое маленькое откровение.

«Еська, ты что? Заболела? Давай, прекращай болеть!» – я снова слышала мамин голос в теплой трубке телефона. «Хорошо, мамочка!» – я старалась не хрипеть и не кашлять, вслушиваясь в мамин голос. «А то я не приеду! Зачем мне больная девочка? Мне нужна здоровая!» – с показной строгостью говорила мама, а я с детской наивностью обещала себе, что больше никогда не заболею. Никогда-никогда. «Муж любит жену – здоровую! Брат сестру – богатую!» – поучала бабушка, натягивая на мои распаренные ноги носки с горчицей, заматывая меня в пуховый платок, рисуя йодную сетку на моей груди и затапливая мне в ноздри мазь «Звездочка».

В народной мудрости есть доля правды. Насчет меркантильной семейной любви сиблингов, я не знаю. А вот вспотевшее в трех свитерах животное с распухшим носом, исполованное йодной сеткой, в носках-валенках, пахнущее жиром для растирки и ядреной мазью, очень располагает к брачным играм. А если оно к тому же чихает от самодельных капель, икает от каких-то настоек, не моется на протяжении всей болезни, то, считай, второй медовый месяц обеспечен! А в качестве романтической обстановки – духота от задраенных намертво шлюзов в «лазарете», конденсат на окнах, запах хлорки, оставшийся после мытья полов и ректальные свечи от температуры, потому что таблетки – яд!

– Понятно, – выдохнул Феникс, потершись об меня носом. – Все с Рыжиком понятно. Мир к Еське несправедлив. И теперь маленький рыжий ослик Иа сидит и смотрит на свое отражение, роняя слезки. «Жалкое зрелище. Душераздирающее зрелище. Кошмар. Ну вот, я так и думал. С этой стороны ничуть не лучше. А все почему? И по какой причине? И какой из этого следует вывод?». Все. Боль. Тлен. Депрессия. Безысходность. Висморкайся, пожалуйста, а то ты так сопишь, словно сейчас скончаешься у меня на руках... – зевнул Феникс, пряча зевок в моем плече, пока я исполняла соло на бумажной трубе. – Эх, я бы перед сном принял душ... Просто завтра сразу на работу, домой заскочить вряд ли успею.

– Да, да, конечно, – быстро ответила я, слезая с колен и шлепая в ванну. – Только давай я пойду первая! Я быстро!

Как только дверь в ванную закрылась, я схватила губку и принялась со скоростью звука в срочном порядке вытирать раковину. Она у меня, в принципе, чистая, но мало ли! Ванну я драила с усердием шлифовщика, сплевывая волосы. Если честно, я мою ее каждую неделю и думаю о том, что в те далекие времена, которые наверняка застала моя бабушка, это была белая эмалированная ванна из чугуна. Сейчас на ней несмываемый налет истории, приводящий меня в тихую истерию. И как бы не подмигивал Мистер Уксус, обеспечивший если не белизну, то, по крайней мере, иллюзию чистоты, я подозреваю, что в этой ванне солили огурцы, топили котят, сводили баланс с жизнью депрессивные бухгалтера, которые по итогам подсчетов выявили дебиторскую задолженность жизни, купали детей, споласкивали обувь, стирали, резали куриц и занимались изготовлением потомства. Если бы мне сказали, что меня сделали в такой ванной, это послужило бы хоть каким-то оправданием большинства моих неудач.

Ладно, приступаем к туалету. Иссеченный многочисленными струями, срезающими

эмаль, как болгарка, обладатель сталактитов и сталагмитов тоже не хотел чудесным образом стать чище, чем обычно. Туалетный утенок(с) предсмертным криканием скончался у меня в руках. Я вспомнила, как, ловко орудуя отверткой со словами «Один раз – не водолаз!», напевая тирольскую песенку «И-оло-ле-ли!», занималась добычей бесполезных ископаемых со дна керамического бассейна.

– Рыжик, – услышала я дверь, – Хотел спросить, квартира съемная или твоя? Да, и тебе крестики нужны?

– Съемная! Зачем мне крестики? – поинтересовалась я, моя руки. В последний раз мне предлагали «золотые» крестики, полумесяцы, колечки и прочую бижутерию на остановке в рамках цыганской «распродажи» в связи с закрытием... продавца.

– Подозреваю, что ты там новую плитку укладываешь, – усмехнулся Феникс. – Рыжик, я ценю твои бессмысленные усилия, но я жил в условиях и похуже.

– Я купаюсь... – соврала я, натирая засиженное мухами зеркало и пряча шуршащие женские средства гигиены подальше от мужских глаз.

В процессе купания я слегка увлеклась и стала петь. Привычка. Когда душа поет трудно сдержаться. В шикарной акустике санузда мой голос приводил меня в дикий восторг. Мой хриплый французский отлично отражался от отечественной плитки, а заложенный нос идеально соответствовал репертуару. Не знаю, как другие, но я не считаю, что болезнь – повод ходить грязной. Тем более, что в квартире тепло.

– Рыжик! – раздался требовательный стук. – У тебя все в порядке? Тебе плохо?

– Нет, – смутилась я, ища глазами полотенце. – Все хорошо! Это я просто ... пою...

– У меня прямо от сердца отлегло. На каком языке ты ... поешь? – поинтересовался Феникс.

– На французском! – гордо ответила я, расчесывая волосы.

– Тебе репетитор не нужен? – усмехнулись за дверь. – Произношение не поставлю, но процесс изучения доставит удовольствие. Так, Рыжик, хватит прибираться. Я обещаю, что буду мыться с закрытыми глазами. Хотя нет...

Голос стал злорадным.

– Я посмотрю везде... Первым делом я полезу под ванну. Это – неотъемлемая часть купания! Проверю, кто там живет и насколько там чисто! Для меня это принципиально важно! Загляну за унитаз! Обязательно. Вдруг там есть что-то интересное? Даже в бачке

все проверю. Потом я проведу пальцем по всем полочкам на предмет пыли. И даже ободок зеркала... – за дверью раздался смех злого гения. Я на всякий случай полезла под ванну и вытерла там еще разок.

Из зеркала на меня смотрела не больная развалина в ожидании духовника, разминавшая умирающие пальцы для последнего волеизъявления, а девушка с сияющим лицом, чуть покрасневшим носом и самыми счастливыми глазами на свете.

Переодевшись в красивую ночную рубашку и беленькие, как у соседского котика, носочки, я улыбнулась своему отражению и отправилась перестилать постельное белье, уступив ванну дорогому гостю.

– Ять! – раздалось под шум воды из-под крана минут через пятнадцать. Я тоже мысленно вспомнила эту древнюю букву славянского языка, встрепенулась, словно спасатель на пляже, и бросилась к ванной, готовясь спасти утопающего любой ценой.

– Рыжик! Что это? Она меня сейчас съест заживо! Спаси меня! – раздался взволнованный голос. – Убери ее от меня! Я не могу на это смотреть! Прошу тебя... Помоги... мне....

– Что там такое? Что случилось? – заволновалась я, прикидывая, чем бы вооружиться. А вдруг там мокрица? Я рванула на себя незакрытую дверь, влетая внутрь и готовая вступить в неравный бой с любой, но желательно мелкой и безобидной живностью.

– Упс! – рассмеялся Феникс, поправляя полотенце на талии и расчесывая мокрые волосы пятерней. – Смотрите во всех кинотеатрах. Фильм ужасов «Совесть». А что это Рыжик бросилась меня спасать без тапок? И что это такое на ней надето? Что это за чудная рубашечка? Попалась, которая без тапок пробежалась!

Меня взяли на руки. Рыжий ленивец нашел свое дерево, забрался на него и устроился поудобней.

– Меня и вправду совесть чуть живьем не съела, – меня посадили повыше. – Перед тем, как я привел тебя в новый дом в Кадингере, я просто подмел. Подмел предыдущего хозяина. Для совместного проживания душа просила что-то уютное, хорошо защищенное, с удобной планировкой. Я даже подумывал обратиться к местным риелторам...

– А что в Кадингере есть риелторы? – удивилась я.

– Есть. Показываешь на понравившийся дом, платишь и ждешь, когда тебе скажут, что можно заселяться. Трупы хозяев убираются за отдельную плату. Но, видишь ли, обошелся без посредников. Мог бы привести тебя в мой прежний дом, но прибираться мне было так лень, что я решил не рисковать своей репутацией. И теперь мне даже стыдно, – усмехнулся Феникс, неся меня в сторону кровати и сгружая на новое постельное белье с розами, которое я едва успела застелить до того момента, когда послышалось плотоядное чавканье чужой совести.

– А можешь прижать меня к себе еще сильнее? – шепотом на ушко попросила я. – Крепко – крепко. Пусть мне будет даже немного больно... Пожалуйста...

– Ох, Рыжик. Ты не боишься, что я прижму тебя слишком крепко, и постельное белье придется бросать в стирку? – улыбнулся мучитель, заползая под одеяло. – Не думаю, что кровушка раздавленного Рыжика так просто отстира....

Внезапно на нас обрушился громopodobный звук: «... Тоже являются частью мирового заговора! От вас скрывают правду. Мы давно вступили в контакт с обитателями других миров. Еще со времен Вавилона, который на шумерском назывался Кадингирра, города падших, города разврата, города тщеславия, человечество активно сотрудничало с иномирянами...»

Мы посмотрели на потолок.

– И как часто? – спросил Феникс, глядя в потолок.

– Регулярно, – заметила я, слегка удивляясь услышанному. Интересно. Очень интересно.

«... профессор кафедры историологии перед смертью обещал предоставить прямые доказательства существования параллельного мира. Наш эксперт утверждает, что лично вступал в контакты с иномирянами, построившими величественного сфинкса и поражающими своим ...»

– Я оденусь и схожу в гости. Мне это категорически не нравится, – усмехнулся Феникс. – Обычно я не стесняюсь нести культуру в массы, за что предан анафеме половиной своего подъезда. А тут не только приглашают, но и вызывают! Я еще удивляюсь, как это вы тут не организовали народное ополчение? Собрались и настучали по голове словами! Ладно, не будем стесняться...

«... те, кто строили сфинкса... Мы называем их сфинктерами...» – шепелявил какой-то профессор кислых щей.

– Сейчас пару сфинктеров отложат по сувенирной пирамидке, – заметил Феникс, натягивая куртку и штаны. – Не смотри на меня так. Сразу скажу, что я из пятидесятой шестой квартиры, от Леси, вашей соседки, что завтра уезжаю, оставляя вам бедную маленькую Еську на растерзание. Шучу, не скажу.

Входная дверь закрылась. Я сползла с кровати и подошла к двери.

– Как хотим, так и смотрим! Это – наша квартира! – орал сосед, как на трибуне. – Поэтому рот закрой!

- Пробки себе купите! – верещала соседка, так, словно пьяный бомж решил оказать ей двусмысленные знаки внимания.

- ... у меня ребенок болеет! – услышала я знакомый голос. – Громкость убавили. Сначала свою, а потом на телевизоре.

Хозяева медийного пространства и властелины соседских ушей нервно огрызались, а потом захлопнули дверь. Еще бы! С ними никто не связывался. Пытались одно время, но за это были жестоко наказаны новыми колонками. Как выяснилось, это еще не предел их возможностей. Неожиданно наверху все резко стихло. Через пять минут моя дверь тихонько открылась и так же бесшумно закрылась, едва слышно щелкая замком.

- Подставляй ладошки, Рыжик, – усмехнулся Феникс, протягивая мне вывинченную пробку. – Извини, что одна... Я решил последовать совету и разжиться пробкой.

Наверху было тихо-тихо. Изредка из подъезда доносилась ругань. Пробку я спрятала в тумбочку. В хозяйстве пригодится.

Только мы улеглись, у меня зазвонил телефон. Позвонил. Перестал. Позвонил. Перестал. И так восемь раз подряд. Я поползла к нему, глядя на высветившийся номер «инженера». Девять вечера. Я сбросила вызов, но мне тут же настойчиво стали звонить снова.

- Алле, – прорычала я, намереваясь после этих слов вырубить телефон до утра. – Я сейчас не мо...

- Итак, у нас тут выдалась свободная минутка, – деловым голосом заметил «инженер». – Открывайте проект, мы скажем, что нужно исправить... Так, записывайте!

У меня из рук вырвали трубку в тот момент, когда я хотела ее бросить.

- Алле, здравствуйте, – холодно произнес Феникс. – Вы время видели? Сколько сейчас на часах? Я вас спрашиваю, который час? Девять часов вечера. Девять. А теперь записывайте. Рабочее время с восьми до шести. Звонки на этот номер по работе принимают с восьми утра до шести вечера. Записали? Молодцы. Повесьте себе на стенку и учите наизусть.

- А вы кто такой? Мы хотим поговорить с Лесей. Так что дайте ей трубку, – возмутился «инженер». – Мы по работе!

- Мужик, ты по какой работе звонишь в такое время? Если честно, то меня сильно напрягает, что этот номер набирает какой-то левый тип в девять вечера. Работа – с восьми до шести. А остальное – личное время. И сейчас ты звонишь в личное время.

- Да что вы говорите? - возмутился «инженер». - Когда хочу, тогда и звоню! В самом деле! Быстро дал трубку Лесе!

- Ах, ты любишь звонки? Я специально возьму небольшой кредит в шарашкиной конторе, вместо своего номера укажу твой, отойду в сторонку и буду наслаждаться(тем), как коллекторы тебе звонят круглосуточно. И отдавать кредит я не буду до тех пор, пока ты не сменишь номер, - холодно заметил Феникс.

- Да как вы смеее так невежливо разговаривать с моим мужем? Нам нужно внести исправления! - заорал в трубку истеричный и очень громкий голос «дизайнерши».

- Вежливость с восьми до шести. Так что запомните, пожалуйста. С восьми до шести. Спокойной ночи, - Феникс почти положил трубку. - Ах да, пожелания, предложения и все остальное с подписями на электронку.

- Это были клиенты, - вздохнула я, понимая, что кое-кто в целом прав. Мне действительно сели на голову.

- Клиенты они с восьми до шести. А в остальное время - это посторонние люди. Извини, если вспылел. Сколько ты должна на них заработать? Лично ты, а не твой директор? - спросил Феникс.

- Пять тысяч, - вздохнула я, чувствуя себя дешевой проституткой. - Они мне уже полтора месяца мозги натягивают на черепную коробку... Директор на их стороне. Клиентоориентированность.

- Сколько? Пять тысяч? И за пять тысяч тебе круглосуточно выносят мозг? И ты их до сих пор не послала? - удивился Феникс, шаря по карманам куртки и доставая купюру из кошелька. - Вот. Теперь можешь посылать их куда хочешь. Разрешаю. Можешь даже не стесняться в выражениях. Это я тоже разрешаю. Если нужен совет по работе с клиентами, звони мне. Запомни, Рыжик. Не наклоняйся и не становись на колени. Иначе мир залезет тебе на голову. У тебя есть личное время, личное пространство и личная жизнь. И все это нужно уметь защитить. Ладно, давай, выбирай фильм.

Выбор фильма для «засыпания» был предоставлен мне, поэтому я выбрала ужастик, который не рискнула бы смотреть в одиночестве! Выбор был одобрен.

- Ты меня потом ночью за ручку в туалет водить будешь, - предупредила я, слушая тревожную музыку начала фильма. - Я боюсь смотреть такие фильмы одна. Знаешь, как жутко было однажды, когда я посмотрела ужасы, а потом пошла на кухню проверить кран, а на кухне упал дуршлаг!

- За какую ручку тебя водить? За эту маленькую ручку? - мою руку поймали и поцеловали. - Или за другую? За какую конкретно ручку? Давай сразу определимся... А может, я потащу тебя за ножку? Поташу и съем?

На экране неведомая науке и религии тварь, глотая слюнки, тащила за ногу тело автора удивлённого: «Кто здесь?» в ближайшие кусты, оставляя кровавую дорожку. Но, судя по дешевым спецэффектам, ведущую отнюдь не к Оскару.

– Где ножка? Можно ознакомиться с тем, за что я буду тащить свою добычу под одеяло? Какая прелесть! Маленький, беленький носочек... Носочек-носочек, почему ты меня смущаешь? – шептали, рассматривая не самый лучший образец чулочно-носочной продукции. – А вот и второй... Так, я в растерянности, за какую ножку я потащу? За правую или за левую?

Опять раздался телефонный звонок. Фильм встал на паузу. Трезвонила «дизайнерша». Я взяла трубку и решительно сказала:

– Хорошо, что вы позвонили. Я отказываюсь с вами работать в одностороннем порядке. Ищите другого проектировщика, – категорично заявила я. – Всего хорошего. И не надо выносить мне мозг в девять вечера. Мне надоели ваши постоянные звонки в нерабочее время. Спокойной ночи.

В этот момент с моей души упал огромный булыжник. Да что там булыжник. С моих плеч скатилась образная гора и придавила Магомета. Стало почему-то так легко и хорошо. В последний раз так радовались крепостные после отмены крепостного права. Я спокойно отключила телефон и украдкой засунула чужие деньги в карман чужой куртки. И правда, последнее время я стала слишком «клиентоориентированной». Возможно, все потому, что у меня не было поддержки.

– Так, на чем мы остановились? – мучали меня, пока на экране счет был двадцать – ноль в пользу неведомой хреновины, которая капала слюной на обглоданную конечность очередной жертвы и шарахалась от света фонарей поисково-орательной экспедиции, поставившей себе целью найти как можно больше неприятностей за максимально короткий промежуток экранного времени.

Меня положили на живот и стали нежно гладить спину, залезая теплой рукой под рубашку. Феникс сидел на кровати, смотрел фильм и, едва касаясь, поглаживал меня.

– Мне бы так хотелось видеть твое лицо в этот момент, – промурчала я, чувствуя, как от прикосновения по телу разбегаются мурашки. Еще бы! Это просто восхитительно!

– Сейчас, погоди... – я услышала шуршание. Рука снова и снова делала волнительно мягкий круг. Я даже прикрыла глаза от восторга, а когда открыла, то увидела чужой паспорт, раскрытый на странице с фотографией. На меня с фотографии смотрело грустное и строгое лицо, отнюдь не романтическим взглядом.

– Вам как, повеселей или погрустней? – поинтересовался Феникс, тихо смеясь. – Погрустней – ксерокопия. Повеселей – водительское удостоверение.

Вдоволь насмеявшись, мы улеглись, как два котенка, укрылись одеялом.

– Живет, фиг найдешь в GPSe... кудесница дыма Алеся... гордится со стразами кружкой... встречает меня на подушке, – на ушко прошептали мне колыбельную. – Алеся, Алеся, Алеся...

– Ты знаешь, какой у меня с этой песней? – прошептала я, устраиваясь поудобней.

– С такой точно – первый и единственный... – прошептали мне на ухо. Прошло минут десять, и я отключилась.

Открыв глаза, я увидела, что лежу на огромной кровати, а рядом спит завернутое в одеяло тело. Несколько золотых прядей были обожжены. Прожжённая насквозь в нескольких местах рубашка валялась в моих ногах, а на полу – сброшенная явно впопыхах куртка. Рукава куртки сильно обгорели, на спине была дыра. Рядом с курткой лежали пустые пузырьки из-под зелья лечения ожогов.

– Мамочки, – всхлипнула я, закрывая себе рот рукой. – Мамочки...

На глаза навернулись слезы. Всхлипывая, я обняла спящего, потершись щекой о его щеку. Я не знала... Не знала... Как же ему было больно... Из-за меня... Я гладила его лицо, не представляя, как можно после такого взять и приехать... И не убить меня на месте... А потом сидеть и шутить. Ну вот как так можно? Я бы не смогла...

– Короче, – заметил Феникс, открывая глаза, как ни в чем не бывало и сдув короткую прядь с лица. – Того парнишку сожрали после слов: «Я тебя люблю, Эмили!». Нет повести печальнее на свете, чем повесть о дрожащем пистолете. Ты чего?

– Ничего, – всхлипнула я, глядя на рубашку. – Тебя сильно ранили? Сильно? Покажи, где болело?

Я поцеловала его плечо, а потом прикоснулась губами к спине.

– Здесь болело? – грустно спросила я, поглаживая его и снова целуя в предположительное место ожога. – Скажи честно...

– Рыжик, с таким подходом у меня сейчас много чего может заболеть, – заметил Феникс. И тут под подушкой что-то засветилось. Меня вызывал какой-то... Сейчас прочитаю... Нейбит? До свидания, Нейбит.

– Опять стервятники. Видели, как тебе было вчера плохо, поэтому надеются на легкую победу. Вот что значит показать свою слабость в кругу. Заметь, чем выше ты поднимаешь(ся) и лучше себя показываешь, тем меньше вызовов. Особенно с низов

турнирной таблицы, зевнул Феникс.

Второй вызов? Да меня теперь всем Кадингером добивать собрались? Феникс глянул через плечо. Вызывал какой-то Лиор.

- Я такого не знаю, - заметил Феникс, беря мой шар в руку. Перед нами зависла в воздухе турнирная таблица. Я почувствовала себя менеджером среднего звена и средней руки, внезапно получившего понижение. Мое имя было теперь уже не в середине таблицы. Последнее поражение упорно тянуло меня на дно.

- А вот и твой противник. На предпоследнем месте. Обычно там сидят редкостные дарования, - заметил Феникс.

- А что будет, если отклонить три вызова подряд? - нервно спросила я, явно не планируя сегодня сражаться. - За мной придут?

- Рыжик, меньше знаешь - приятней сон, - хмыкнул Феникс, разглядывая то, что осталось от рубашки и куртки.

- Я хочу знать! - настаивала я, стараясь не смотреть на обгоревшие рукава.

- Хорошо, скажу. Сначала сюда придется делегация с целью дотащить тебя до круга. Если окажешь сопротивление, тебя вышвырнут из города. Больше ничего рассказывать не буду. Фильм ужасов мы сегодня уже смотрели, поэтому с тебя вполне достаточно, - заметил Феникс, бросая рубашку на пол.

Третий вызов.

- Придется принять. Не хочу, чтобы ты рисковал жизнью из-за меня, - твердо решила я. - тем более, что противник, судя по всему, не самый сильный.

- Смотри по самочувствию, - услышала я ответ. Посмотрела. Принимаю. У меня нет выбора.

Красиво одетая, с кинжалом в руках, с ядовитым когтем и кольцом иллюзий я была готова встретиться с этим настойчивым Лиором. Пока трибуны, замерев от волнения, следили за тем, как я делаю шаг в круг, ведущий издевался над моим предыдущим поражением.

- Нет, ну вы только представьте себе! Самая красивая и дорогая девушка Кадингера снова в круге? А мы уже думали, что она сейчас ублажает какого-то богача! - развлекался ведущий.

– Мне не нужна любовь одного. Мне нужна любовь всех, – усмехнулась я, мысленно уверяя всех, что не дождутся. – Я так понимаю, что мой противник слегка опаздывает? Не люблю мужчин, которые опаздывают на свидания. Надеюсь, он не тренируется? Если он чего не знает, я подскажу, куда нужно целиться...

Зрители засмеялись. Я сначала думала, что они смеются над шуткой, а потом поняла, что вместо вполне ожидаемого мужчины в круг вошла бедно одетая девушка.

Толпа заревела. Я сглотнула. Девушка была беременной...

Глава девятнадцатая. Том-2

Давайте же сбивать друг с друга алименты,

Ведь это – все любви прекрасные моменты!

То, что беда не приходит одна, давно уже стало прописной истиной. Так вот, в данном случае беда пришла, откуда не ждали. Я не сводила глаз с чужого живота, застыв, как изумленный сурикат – будущий пассажир чужих когтей. «Кто тебе еще мир покажет?» – радостно заявляет орел, перебирая в уме книгу кулинарных рецептов на букву «с»: «сурки», «суслики», «сурикаты», «само пришло». Может, я в чем-то похожа на тамаду, но не на акушерку. А ведь специальность тамада-акушерка пользовалась бы огромной популярностью на большинстве свадеб. Чур, меня! Я слышала, как зрители приходят в восторг от предстоящей битвы. Кто-то кричал: «Двое на одну? Ха! Вот это бой!».

– Нифига себе, кого это аист принес? Так, Еся... – позвал меня шепот. – Еся... Отзовись... Отзовись, чтобы я понял, что с тобой все в порядке! Девочку, скорее всего, кто – то нанял. Ей заплатили за этот бой.

– Толстяк? – выдохнула я, с ужасом глядя на кинжал в своей руке и на ядовитый коготь. – Я не... не могу сражаться с беременной... Это... Это нечестно!

– Сомневаюсь, что платежи с того света проходят без задержки! – фыркнул Феникс. – Я тут навел справки среди зрителей. Это ее первый бой...

– Но ведь она – беременна, – шептала я, глядя, как противница на меня смотрит. Ее взгляд был умоляющим, просящим и каким-то детским, а вид такой жалкий, такой несчастный, что я чуть не заплакала. – Я не могу... Фенечка, я не смогу...

– ... скольких своих котят уже утопила в крови Кошка? И сколько котят было от Феникса? Но ладно, пусть остается ее маленьким секретом. А зря! На такого ребенка наверняка бы нашлись покупатели! И отвалили бы за него кучу солнц!

Мне стало дурно. Что он мелет? Я не... Да я бы никогда! Никогда... Пусть больной, зато мой.

- Заткнись! - крикнула я. - Я никогда не стала бы такой безответственной матерью, готовой рискнуть жизнью ребенка! И своих детей я бы никогда не продала! Думай, перед тем, как нести чушь!

- Тише, Рыжик, тише... - шептал Феникс. - У нас пока нет живого непослушного товара для цыган, бабаек, тетя и дядя из очереди... Возьми себя в руки. Это - всего лишь бой, всего лишь противник. Не важно, беременная она или нет! Это было ее решением. Не забывай! Не ты ее вызывала, а она тебя! Рыжик, слушай меня внимательно. Слушай только меня. Тебя пытаются выбить из равновесия!

- Это ребенок от Феникса, - вздохнула противница, глядя на меня детскими глазами. Публика, явно не смотревшая по телевизору затяжной процесс строительства отношений, друг друга, глазок чужим парням, но явно никак не заявленной в названии недвижимости, разразилась такой бурей оваций, что я чуть не оглохла. Откровение, которое встало у меня комом в горле, пришлось по вкусу голодной до зрелищ публики! Зрители мало того, что прожевали, переварили, но и потребовали добавки!

- Фигасе... Когда я успел? Еська, это - ложь. Это - не мой ребенок! - прошептал изумленный Феникс мне на ухо. - Я не занимался решением вопроса рождаемости в Кадингере настолько вплотную! Этот показатель я не поднимал. Моя заслуга только в увеличении показателей смертности. Не верь ей! Ни одному ее слову!

- Это была незабываемая ночь. Как он был нежен со мной! Такой сладкий, такой нежный, такой восхитительный... Я этого никогда не забуду! - произнесла будущая мать, глядя на меня пристальным взглядом невинных детских глаз, которые обеспечивают «глухарь» убийству с отягчающими, даже если их обладательницу поймали на месте преступления с окровавленным тесаком.

Публика, охочая до интимных подробностей быстро вылизала тарелки со вторым и потянулись за десертом!

- Не верь слезам этого крокодила! - возмутился Феникс. - Там где химии нет, биология бессильна! Она не в моем вкусе! Тьфу! Я ее и пальцем не трогал! И не тронул бы!

- Кажется, она имеет в виду не совсем палец, - выдохнула я, понимая, что мне дурно. Нет, это не температура, это другое. Котенок внутри меня ерзал, нервно оглядываясь по сторонам. «Ничего себе!» - перешептывались на трибунах. «Вот это да! Бывшая наложница и нынешняя! Вот это бой!» - смаковали новости любители скабрезных фактов.

- Неужели он меня не узнает, - уныло заметила мамаша, поглаживая живот. - Это же, я, Рия Лиор! Думаете, я всегда была такой? Нет. Когда-то я носила роскошные платья. Пока он не сломал мою жизнь. Посмотри, во что превратился мой некогда роскошный наряд!

– Рыжик, не дай себя сбить с толку. Если хочется поболтать о тряпочках то, вне круга, пожалуйста! Сколько влезет! – прошептал Феникс.

– У меня было столько золотых украшений, что тебе и не снилось! – заметила будущая мать. – У меня было все... А теперь нет ничего! Он был у меня первым и последним.

– Между первым и последним была золотая середина! Так вот, меня в ее послужном списке не было! Ни среди первопроходцев, ни в унылой серединке, ни среди замыкающих шествие! Рыжик, соберись. На тебя страшно смотреть! – прошептал Феникс, тяжело выдыхая.

Нет, я, конечно, наслышана о почетных «озеленителях» всех окружающих клумб. Садовников от слова «засадить», бросающих свое семя во все ближайшие лунки. От них ждут цветов жизни жены, любовницы, попутчицы, коллеги. Бросая очередную многодетную официальную наречённую на произвол своей минимальной официальной численности, он с усердием Папы Карло начинает строгать новую партию детишек с очередной пассией, радуясь тому, что внес свою существенную лепту в генофонд всея человечества. И пока минимальных алиментов хватает разве что на ежемесячную конфетку каждому чаду, герой, который и которого знает каждый роддом, гордится тем, что внес свою лепту в демографическую ситуацию.

– Знаешь, что он мне шептал? – беременная обняла себя руками. – Любовь моя, радость моя, девочка моя... А потом после нежно целовал и обещал взять на содержание, сулил все сокровища мира... Он тебе говорил ведь то же самое! А потом растворится, бросив тебя одну... О, сколько слез ты прольешь в подушку, проклиная тот день, когда впервые поцеловала его...

– Какие к черту уговоры? – возмутился «предположительный отец», явно не спеша жениться и покупать коляску. – Что за бред она несет? Это что за откровения сумасшедшей «Том-2»?

– Заткнись, идиотка, – процедила я. – Хватит мне сказки рассказывать.

– Заткнуться? – удивилась девушка, положив руки себе на живот. – О, нет, милая... Сейчас ты у меня заткнешься! Начинайте поединок!

Толпа перекричала даже ведущего, который едва успел объявить о начале разборок у позорного столба. В ту же секунду в меня полетела яркая вспышка, выпущенная из руки девахи, заставив меня броситься вправо. Она сражается молнией? Не может быть! Еще одна! Да что она вообще творит? Я снова пустила дым, мельком думая о вреде пассивного курения на поздних сроках беременности. Социальная реклама мелькала у меня перед глазами, рассказывая мне, какая я все-таки сволочь!

– Сколько тебе заплатили? – закричала я, пригибаясь и сохраняя дистанцию. Мне хотелось сказать: «Все, пожила, спасибо, всем до встречи!», потому что противница была девушкой – не промах!

- Нисколько! – ответила яжебудущаямать, нагло пользуясь своим положением.

- Давай я тебе заплачу? – задыхаясь на бегу предложила я, надеясь, что щедрые декретные с моей стороны заставят будущую мать поумерить пыл. Так и быть, исполню роль государства, если уж дело на то пошло!

- Учти, сертификат на материнский капитал будешь рисовать сама! – заметил Феникс. – И обналичить она его сможет только через три года!

- Ты хочешь сказать, что мы здесь на три года застрянем? – я видела, как девица смотрит на свои руки и у нее что-то не получается с заклинанием. Я пустила в нее иллюзию огня, от которой она с ужасом отпрянула. Девица трясла рукой, но разряды, которые проходили между ее пальцами, не складывались в заклинание, заставляя ее психовать и нервничать. Внезапно она схватилась за живот, побледнела и простонала. Я метнулась к ней, представляя, как ей больно.

- Ой... Больно... -задыхаясь от дыма стонала она. – Как мне плохо... Помогите... Ай! Аа-а-ай! О-о-ой! Мне нечем дышать! Кхе... кхе...

- Еська! Не подходи к ней! Не вздумай! – заорал мне на ухо Феникс. – Отключай сестру милосердия! Стой на месте!

- Но ей плохо! – занервничала я, озираясь по сторонам и глядя, как бедняжка опирается на колонну. – Бедная... Бедная... Чем же ей помочь?

- Меня ....., – задыхалась соперница, прижимая руку к животу. – Меня заставили... Мне... мне угрожали... Я не... Ой! Не хотела... Бедный... Бедный малыш... Мамочка с тобой... Все будет хорошо... Мы победим.....

Последние слова прозвучали так жалостливо, что я дернулась в ее сторону, не смотря на предупреждения. Да как можно стоять, когда беременной девушке плохо!

- Р-р-рыжик! – прорычал Феникс. – Стоять!!! Она что-то прячет! Я кому сказал!

Я замерла в трех шагах от страдальцы. В голове грустной и бесконечной шарманкой играла «Ave Maria». Я даже опомниться не успела, как на меня смотрела разъяренная фурия с улыбкой Ганнибала Лектора. Но в отличие от маньяка или полководца, решившего читать лекции по тактике и стратегии, у беременной в руках был нож. Во время беременности раздувается не только живот, но и самомнение, и амбиции. Красавица достаточно резво бросилась в мою сторону, пытаясь нанести удар. Я поймала ее руку на подлете к моей груди, пытаясь разжать пальцы и лишить ее оружия. Ее волосы растрепались по лицу, горящие полубезумным блеском глаза вызывали у меня смесь жалости и сожаления. И попробуйте не принести такой клубники, майонез с сахаром и торт с оливками!

- Отпусти! – процедила я, чувствуя, как она похолодевшими пальцами намертво вцепилась в свое оружие. – Отпусти! Прошу тебя! Я не хочу причинять тебе боль! Ни тебе, ни твоему малышу! Я прошу тебя по хорошему!

Нет, не вести мне курсы для беременных, потому, что целевая аудитория меня вообще не понимает! Судя по силушке, ее танком не прикончишь! Сто процентов после наезда гусеницы, она встанет, отряхнется и заявит, что я испортила ее прическу!

- Пусти, – прошипела я, чувствуя, как лезвие подалось чуть вперед, намереваясь меня оцарапать. Но поскольку про яды я уже наслышана и даже насмотрена, ранить себя не дам. Сейчас соперница была похожа на анаконду, проглотившую глобус.

- Сдохни... Сдохни! – шипел сытая змея. Мой кинжал вылетел у меня из рук. На пальце сверкнул отблеском огня отравленный коготь, который в любой момент готов подписать ей смертный приговор. Я закусила губу от напряжения. Нет, нельзя! Я не должна причинять ей боль!

- Рыжик, ударь ее! – шептал Феникс. – Ударь! Переступи через себя и ударь... Я умоляю тебя! Рыжик, ты ведь тоже станешь матерью! Рано или поздно! Ты подаришь миру маленького рыжика! А то и двух! И будешь хорошей мамой. Не лишай себя будущего! Я прошу тебя... У тебя есть будущее. Прошу тебя... Не дай себя ранить или убить! Кинжал может быть отравлен! Я прошу тебя, не рискуй!

- Не могу, – простонала я, глядя в обезумевшие глаза противницы. – Я не могу... Фенечка, я не могу сделать ей больно... Не проси... Не могу...

- Тогда резко отпуская ее руку и дергайся влево. Она потеряет равновесие. Давай! На счет три. Раз... – шептал Феникс.

- Но ей будет больно... – шепотом выдохнула я, пытаюсь отвести кинжал от себя.

- Или больно будет сначала тебе, а потом мне! – процедил Феникс. – Два... Три! Влево.

Я резко дернулась влево, ослабляя хватку навалившейся соперницы. Она потеряла равновесие, выронила кинжал и упала со страшным криком.

- Подними ее оружие. Твое слишком далеко! – приказал Феникс. Я подняла ее кинжал, и тут же услышала рев толпы: «Убей ее! Убей!». По спине потек холодный пот. Руки предательски задрожали. – Брось его подальше! За границу круга!

- У-бей! У-бей! – скандировала толпа, пока я стояла в растерянности. Соперница поднялась на ноги со страшным стоном.

- Выйди из круга, - произнесла я. - Я не хочу причинять тебе боль. Я прошу тебя, выйди из круга сама.

- Еще чего! - прорычала она, бросая в меня заклинание, от которого я увернулась.

- Не надо, прошу тебя... - шептала я, не сводя глаз с нее и бросая ее кинжал в горящий огонь.

- Если тебе ее так жалко, постой ровно, чтобы она в тебя попала! Нервничать ей тоже как бы нельзя! Когда ты уворачиваешься, она сильно переживает, - фыркнул Феникс. - Направо!

- Убей ее! - оглушительно орала толпа, пытаясь подбодрить меня к решительным действиям. То, что беременным нужно уступать место - это известно всем. А сейчас мне предлагают уступить свое место на том свете! - Кошка! Убей ее! Убей! У-бей!

По моим щекам текли слезы. И снова осечка с заклинанием. Я пятилась к огненной границе круга, глядя как она идет в мою сторону. Через пару мгновений девица бросилась на меня разъяренной кошкой в надежде выцарапать мне глаза. Для пущего удобства «выцарапывания», она схватила меня за волосы, не видя явного сопротивления с моей стороны. Она пыталась вытолкнуть меня за пределы круга, а я пыталась вытолкнуть ее. Кряхтя и краснея, я пыталась вытащить ее за огненную границу, не вынеся ей при этом смертный приговор одним уколом, но девица намертво вцепилась в мои волосы, пытаясь разодрать мне лицо. Она била меня по ногам, шипела, как змея, вызывая ажиотаж у зрителей. Меня повалили на пол, пытаясь задушить голыми руками.

- Рыжик, да пни ее уже! Понимаю, не этично, зато дешево, надежно и практично! - простонал Феникс. - Завтра место в автобусе уступишь другой, нормальной! Эта - неадекватная от слова «совсем»!

Мне удалось вскочить на ноги, оставляя клочок волос в руках соперницы. Я добежала до своего кинжала. Красавица бросила мои волосы в огонь, который тут же их сожрал, встала и преспокойненько двинулась в мою сторону.

- Господи, за что мне все это! - захныкала я, пропуская заклинание и слова зрителей мимо ушей. - Она же - будущая мать!

Соперница снова бросилась на меня, кашляя от дыма.

- Возьми себя в руки и убей ее! - возмутился Феникс. - Или хотя бы попытайся вытолкнуть за пределы круга! Ты - тоже будущая мать! И, возможно, моих детей!

- Что???- удивилась я, в тот момент, когда мои волосы снова оказались в надежных

женских руках. Немного осмелев, мысленно попросив прощение у беременной, я поставила ей подножку. Она потеряла равновесие и зависла над огнем, сжимая в руках мою шевелюру.

- Режь волосы! – услышала я голос и одним движением острого кинжала сделала себе стрижку. Противница после моего толчка в грудь упала за пределы круга, унося в руках прядь моих волос, под оглушительный свист со всех сторон.

- Поединок окончен, – заметил ведущий, пока я ощупывала остатки своей шевелюры и понимала, что в конкурсе: «Варвара-краса, длинная коса», поучаствую года через четыре! Сейчас я могу спокойно позировать для глянцевого журнала, которые стопками валяются в каждой парикмахерской в разделе «криворукий креатив». Такие картинки сильно утешают обладательниц «неудачных» стрижек, по принципу «бывало и похуже». То, что в Париже – высокая мода, то в Урюпинске: «верните деньги за стрижку! Я больше к вам не приду! И казните мастера!».

С одной стороны волосы были длинные, ниже плеч, а с другой стороны едва доставали до плеча. Не-е-ет! Огонь погас. Я пыталась найти глазами соперницу, но от нее уже и след простыл.

- Женский мастер у вас – не очень. Я не такую прическу заказывала! – простонала я, переводя дух. Шутку мою не оценили.

- Ууууу! – орала толпа, осуждая мое милосердие. – Ууууу!

Кто-то даже освистал меня, бросая в меня камнем. Толпа была возмущена. Зрители были вне себя от гнева, швыряя в меня крайне неприятными вещами в виде знакомых корнеплодов и какой-то липкой дряни.

- Позор! – выкрикнул кто-то. – Позор!

Под презрительные выкрики расстроенной моим милосердием толпы, я удалилась, гордо подняв голову. Голову пришлось поднять, чтобы ловко уворачиваться от летящей в меня гадости.

- Ты – не жилец! – разочарованно крикнул женский голос. – Тьфу! Кошка скоро сдохнет! Так ей и надо!

- Надо было убить! – перекикивал возмущенный мужской голос.

- Позор! – скандировала толпа, провожая меня с поля боя. – По-зор!

- Вызовите ее кто-нибудь! Да побыстрее! – орала мне вслед. – И убейте!

***

Сидя перед зеркалом с ножницами в руках я смотрела на себя в зеркало. «Душераздирающее зрелище!» – рыдал в глубине души Ослик Иа, глядя на дикую асимметрию. Настроение было испорчено не только прической, но и тем, что я лишилась благосклонности публики, не выполнив их пожеланий.

– Рыжик, давай я обрежу, все что висит, – предложил Феникс, глядя на мое каменное лицо.

– Я сейчас сама тебе обрежу все, что висит, – со стоном выдохнула я, не решаясь взять ножницы и окончательно сделать из себя Чучело-Мяучело.

Однажды я уже пошла на поводке у моды. В тот день подплыла ко мне парикмахер и спросила: «Чего тебе, девушка, надо?». А я и ответила: «Не хочу быть рыжей-бесстыжей! Хочу быть нежной блондинкой! Да такой, чтобы мужики за мной штабелями падали!».

В тот день был гололед, поэтому штабелями падали все, включая детей. Я воровато продвигалась, словно только что согрешила перед богиней красоты.

«Не хочу быть нежной блондинкой, а хочу быть роковой брюнеткой! Да так, чтобы я победила в конкурсе красоты!» – потребовала я, усаживаясь в парикмахерское кресло во второй раз.

В тот злополучный день я действительно победила в конкурсе красоты, проходившем в моей квартире. Из участников была местная группа, играющая на нервах слушателей депрессивный тяжелый металл, чью фотографию я обнаружила в интернете, чучело огородное и девочка из звонка. Девушка из звонка стала вице-мисс, пока я рыдала над импровизированной короной.

После этого пришлось коротко стричься, ждать, пока отрастет мой родной цвет, пряча кошмар под шапочкой до конца апреля. И больше я в парикмахерскую ни ногой!

– Так Рыжик, не вертись! Сейчас попробуем! Закрой глаза! – с азартом парикмахера взялся за дело Феникс. Он с деловым видом собрал все моим волосы на макушке, а потом одним движением состриг все, что свисало.

– Отлично! Открывай! – восхитился обладатель премии «стилист года». – Хм... Тебе идет.... Сейчас чуток подравняем! А то тут криво! Подожди минутку.

С сосредоточенным видом Феникс что-то состригал с моего затылка, пока я смотрела на свое неровное «каре».

-Упс! Хм... Каре – явно не твое! Рыжик, тебе наверняка пойдет короткая стрижка! – задумчиво начал он, стряхивая мои волосы с ножниц.

- Потому, что ты выстриг больше, чем нужно? – простонала я, ощупывая затылок и ужасаясь. – Может, ты сначала на кошечке потренируешься?

- А я на ком тренируюсь? Так, не вертись! Ответственный момент! – закусив губу, с азартом взялся за дело начинающий стилист, скрипя ножницами и сопя от усердия. – Тэ-э-экс! Еще чуть... Да мать твою! Что ты будешь делать! Ладно, Рыжик, как на счет ... Хотя нет, сойдет! Так, где уши? Вот одно вижу! А второе? Вот и второе! Пока целые... Ты их оттопырь, пожалуйста, чтобы я их видел. Закрой глазки, Рыжик. Все пока идет нормально. Одну минутку... Оп! Какой я молодец! Как ровненько обстриг! Теперь бы и с другой стороны так же... Ну или почти так же... Блин, а тут короче? Или мне кажется? Ничего, никто приглядывать не будет... Хотя, можно еще немного подрезать! И еще чуть-чуть! Пока не открывай глаза... Сейчас-сейчас... Я скажу, когда можно!

Через минуту я услышала «Открывай!». Дверь в спальню тут же захлопнулась.

На меня из зеркала смотрел герой мультфильма про «Антошку», который работал перекапывателем чужих огородов.

- Тили -тили, – шмыгнула носом я, пытаюсь разведеть свою стрижку. – Трали-вали. Почему же мы стилисту до сих пор не навалили!

Я подошла к двери в спальню и попыталась открыть ее. Но ее крепко держали. Я дернула ее изо всех сил, но ее дернули обратно.

- Так, я в домике! – заметил голос «двереподпирателя». – Рыжик, я не открою, пока ты не смиришься.

После короткой схватки с дверью, я бросила взгляд на себя, поникла и села рядом с дверью, глотая слезы. Понимаю, что волосы – не уши, отрастут как -нибудь, но ... Дверь приоткрылась, из щели высунулась злотокудрая голова, явно не понимая, почему я еще не вынесла дверь стулом, жаждающая поквитаться.

- Рыжик, ты чего? – спросил он, увидев меня на полу.

- Ничего, – буркнула я, размазывая слезы по лицу.

- Да ладно тебе, ну чего ты, в самом деле? Короткие волосы удобны! В бою их не сожгут ненароком... Вшей давить... Так, ладно, я пошутил. Рыжик, прекращай плакать! Хорошо, хочешь, вот ножницы. Мсти. Разрешаю, – заметил Феникс, подставляя свою голову под потенциальную стрижку. Я посмотрела на его красивые волосы, игравшие бликами на

свету, посмотрела на ножницы, которые вложили мне в руки. Ножницы полетели в сторону.

– Это ужасно, – вздохнула я, опускаясь на торфяное дно отчаяния. – Я в таком виде никуда не выйду... Это позор...

– Ну да, ты сейчас немного смешная... Особенно, когда нос морщишь... – усмехнулся Феникс, проводя пальцем по моему носу. – Ну чего ты, в самом деле! Прекращай плакать... Давай, иди ко мне, буду успокаивать... Все, сейчас мы вытрем слезы...

Меня подняли на руки.

– Так, все! Прекращай, или я разозлюсь! – заметил Феникс. – Очень сильно разозлюсь!

Легко сказать: «прекращай!».

– Все, я разозлился! – услышала я, чувствуя, как меня целуют в шею, укладывая на кровать. – Рыжик, ты красивая. С длинными или с короткими волосами, ты – красивая... Ты очень красивая... Ты восхитительно пахнешь... Не слушай никого. Только меня. Ты – красивая. Повторяй!

– Да не буду я повторять! – возмутилась я. – Это неправда!

Меня прижали к кровати, целуя.

– Я сказал, повторяй! Я – красивая! Я буду мучить тебя, пока не повторишь! – меня прижали еще сильнее.

– Да ладно тебе, – вздохнула я, глядя в потолок. – Моей, как ты говоришь, красотой никто не восхищается... Мне никто такого не говорил и не скажет. Хватит, пожалуйста....

– Не говорят, потому что думают, что ты и так об этом знаешь! – услышала я шепот у себя на шее.

– Хорошо, я ... ну... эм... симпатичная... Допустим, – отозвалась я, вспоминая свое отражение в зеркале, которое мотало головой, отрицая красоту напрочь. – Хотя, нет... Обычная...

– Так, то, что я буду целовать и гладить, по определению красивое! То, что я буду целовать – красивое. Всегда! – усмехнулся Феникс. – У тебя красивые глаза...

Мне пришлось закрыть глаза, сморщиться, как изюм, чувствуя, как чужие губы прикасаются к веку.

– И нос у тебя красивый, – услышала я, чувствуя, как мой нос целуют. – И ушки... И губы...

Губам долго доказывали, что они у меня красивые... Потом после короткого перерыва им стали доказывать с новой силой, поскольку доказательства не были приняты для рассмотрения.

– И шея у тебя красивая... – еще немного, и я действительно поверю. Уж больно убедительно доказывали. На счет шеи я уже почти согласна... Из глаз катились слезы. Так, случайно было доказано, что щеки у меня тоже очень даже ничего...

– Рыжик красива в любой одежде, – шептали мне на ухо, глядя меня по стрижке. – А без одежды, надо будет посмотреть... Обязательно.... Сейчас посмотрим... Иди ко мне... Ну чего ты?

Пока ценитель искусства снимал мое платье, губам снова доказали, что они красивы. На этот раз губы поверили, и стали нежно и осторожно соглашаться.

– Ты тоже очень красивый, – прошептала я, проводя рукой по чужому лицу и перебирая роскошные волосы.

– Я так не думаю, – прошептала мне в ответ. – Аргументы не очень убедительные... Откуда я могу знать, красивый я или нет? Как по мне, так самый обычный...

– Ах, вот как ты! – прошептала я, нежно прикасаясь губами к его шее. – Все, что я поцелую и поглажу... считается красивым по умолчанию...

– Так не честно, – заметил Феникс, пока я расстегивала его рубашку, доказывая, что у него самые красивые плечи... – Еська, ты играешь не по прави....

Мне кажется, или губам нужны дополнительные доказательства? Хорошо, сейчас будем доказывать...

– Хм... Не убедила, – прошептала мне. – Совсем неубедительно! Чертовски неубедительно! Короче, не аргумент! Я почти убедился, но... Почти-почти... В последний мо...

Я целовалась, как в последний раз.

– И попробуй сказать, что я неубедительна! Сегодня я убедительна, как нико... – прошептала я, улыбаясь и понимая, что доказательную базу неотразимости друг друга мы будем собирать долго, но обстоятельно... Очень обстоятельно... Не упуская никаких делателей. В возбуждении любовного дела, в виду наличия доказательств, отказать было уже невозможно.

***

– Кто посмел уснуть? – прошептали мне, когда я попыталась встать с кровати. – А? Кто посмел уснуть раньше меня? Съехавший носочек уснул раньше меня? Бессовестный носочек... А ну иди сюда!

Я пыталась одернуть съехавшую гармошкой на грудь ночную рубашку, но рубашка оказала сопротивление.

– Продолжаем... На чем мы остановились? – поинтересовались у меня на ушко. Через пару минут, я увидела, как на нас уставился подаренный мне накануне медведь. Он смотрел пристально, с некоторым ужасом, не моргая по вполне понятным причинам.

– Он смотрит, – смутилась я, глядя в глаза игрушке, которая смотрела на нас детским непонимающим взглядом.

– Так, отвернись, – прыснул Феникс, обращаясь к нахальному подарку. – Я кому сказал!

В медведя полетела подушка. Плюшевый мерзавец смотрел на нас изумленно, явно не собираясь отворачиваться. Не хватало, чтобы он высунулся и выкрикнул емкую характеристику принимающей стороны!

– Ладно, подушки кончились. Сделал, все, что мог! Думаю, что он умеет хранить секреты, – услышала я, пока медведь скорбно молчал. Судя по его глазам, по синетпоновой психике был нанесен такой удар, что медведь вряд ли оправится в ближайшее время. Медведь покраснел, потому что сквозь шторы пробивался алый свет наступающего утра. Утра нашего расставания...

Глава двадцатая. Гадкий котенок

Не судите тех, кто воспринимает жизнь близко к сердцу.

По крайней мере, вы точно будете знать, что сердце у них есть.

Я стояла в халате и в тапочках, глядя, как Феникс, проверяет ключи и документы. Каждая секундошка, каждое мгновение были мне дороже всех сокровищ мира. Я мысленно умоляла его остаться хотя бы на полчаса, но понимала, что ему нужно

ехать. Змея разлуки обвила мое горло, сдавливая его и мешая даже что-то сказать на прощание. Казалось, что если я сейчас открою рот, издам какой-то звук, из глаз хлынет такой поток слез, что соседи снизу придут выставить счет за непоправимый ущерб, нанесенный их ремонту.

– Все, Рыжик, иди сюда! – меня притянули к себе, пока я пыталась сохранять спокойствие. – Я поехал. Давай, выздоравливай. Таблетки пей раз в шесть часов. После еды. Холодный десерт не ешь. Обещаешь, греть его?

– О-о-обещаю, – выдавила из себя я, понимая, что первая партия слез уже на подходе.

– Смотри, на работу не вздумай пока выходить, – говорили мне, прижимая к своей мягкой куртке. – Даже если сулят космическую зарплату, которую ты потом потратишь на лекарства! Давай, Рыжик... Вечером встретимся... Расскажешь мне, как таблетки пила и... Рыжик, ты чего?

Я роняла слезы, чувствуя, как губы мои дрожат.

– Так, прекрати, Рыжик! – меня слегка отстранили. Я стояла и молча плакала. Одна слезинка скатилась прямо возле уголка моих губ, и я ее неловко слизнула, выдыхая внутренним жаром.

– Ну чего ты? А? – мои слезы растерли рукой. – Ну я же не навсегда! Я приеду на выходных... Ты как раз подлечишься, и мы сходим куда-нибудь. Подумай, куда бы нам лучше сходить? Что тут у вас интересное есть? Куда Еська хотела сходить?

– В «Горсвет». Там ошибка в платежке. Больше начислили, чем надо... Больше на триста шесть киловатт насчитали. Они по субботам до обеда работают, – всхлипнула я, растирая по лицу свежую партию слез. – И на почту я все никак не попаду. Там всегда очередина такая, что когда подойдет, я уже буду стоять за пенсией...

Не знаете, куда сходить с любимым? Сходите на почту и постоит в очереди. Там вы узнаете все о будущем вашей пары, получите характеристику друг на друга, а заодно проверите стрессоустойчивость. Так что обои, которые обязательно нужно поклеить перед свадьбой – ерунда, по сравнению с многометровой очередью, в которой вам придется простоять минимум два часа на взвинченных нервах. Испытание очередью – не для каждой пары.

– Почта? Отлично. А очередь очень большая? Я предлагаю вариант такой. С утра ты занимаешь очередь на почту, а я в «Горсвет», – улыбнулся Феникс. – Шутки в сторону, где можно мило посидеть?

– В полиции, – ответила я, вытирая слезы, – на скамеечке или дома.

– Найдено два примерзших к лавочке тела! Родственникам срочно явиться на опознание

отморозков! Нет, спасибо. Ладно, а куда Рыжик ходила с друзьями? В кино, например? В боулинг?

– Можно в парке погулять. Тут недалеко, – заметила я. – Рядом чебуречная есть...

– Маленький мой Рыжик, где же ты была, когда я гасил ипотеку? – рассмеялся Феникс. – Ой, Рыжик- Рыжик.... Вот что мне с тобой делать? Что делать с маленьким экономным хомячком, который сам не тратит деньги на себя, и другим не позволяет это делать? Хорошо, я что-нибудь придумаю. Так что готовься. Честно, ты реально забавная. Я тебя хочу пригласить в ресторан. Представляешь, ты одеваешь свое самое красивое платье, делаешь красивую прическу, макияж... Мы с тобой сидим, разговариваем, пьем вино, а потом танцуем... Ну как? Заинтриговал?

– Как-то смутно, – выдохнула я. – Не обязательно тратить столько денег! Посидеть можно и дома!

– Я так понимаю, что Рыжик однажды уже попробовала жизнь на вкус, поплевалась, выплюнула и решила больше не пробовать, – меня снова прижали к себе, а когда отстранили, то на куртке были видны мокрые пятнышки моих, я надеюсь, слез, а не соплей. – Извини, но я все-таки скажу. Странные у тебя родители. Жизнь дали, а пользоваться не научили. Ладно, я поехал. Я тебе позвоню. Все, целую...

Поцелуй, оставшийся на моих губах, слезы, текущие по моим щекам и одеяло, в которое я завернулась, чтобы согреть себя и утешить, все говорило о том, что я снова осталась одна.

В последний раз я так плакала, когда уезжала мама. Мама обнимала меня и шептала, что скоро-скоро обязательно придет! На следующих выходных! И мы пойдем с ней в парк аттракционов, покатаемся на качелях, она купит мне сладкую вату и подарит мне «обалденную» куклу... Помню, как я намертво вцепилась руками в ее красивое пальто, не выпуская маму за порог.

– Мама, мама, мамочка, прошу тебя, не уезжай! – ревела я, не отпуская свою добычу. – Хочешь, я на колени встану! Только не уезжай, пожалуйста... Очень-очень прошу... Мне не нужны куклы... Я не хочу конфет и ваты... И аттракционы не хочу... Ничего не надо... Только не уезжай... Умоляю... Ну побудь еще пять минуточек... Пять минуточек...

Сколько мне тогда было? Девять лет. Прошло уже много лет, а мне до сих пор стыдно за то, что я в отчаянии встала перед ней на колени. Я никогда и не перед кем не стояла на коленях. Но в тот момент, я готова была ползти за ней хоть на край света!

– Умоляю... Ты ведь еще долго не приедешь.... – всхлипывала я, растирая слезы руками. – Я знаю, что ты еще долго не приедешь... Не надо меня обманывать...

– Да что ты, Еська, я приеду. На выходные приеду! Обещаю! – мама гладила меня по голове, пытаясь поднять с колен. – Ма, ну помоги мне... Все, Еська, успокойся... Я обязательно приеду! Клянусь тебе!

Я посмотрела на нее, понимая, что люди просто так не клянутся. Слезы моментально высохли.

– Клянешься? – удивилась я, глядя на нее. Нет, клятва – это не просто обещание! Это – клятва! Настоящая!

– Клянусь! Ты пока думай, куда мы с тобой пойдем! Все, до выходных! – весело попрощалась мама, целуя меня в мокрую щеку. Слезы моментально высохли. Мама поклялась! Мама приедет! Я была такой счастливой, что словами передать это ощущение детского наивного счастья просто невозможно! Целую неделю я думала, куда бы мы с ней пошли бы, спрашивала у одноклассников, куда они ходят с родителями, записывала в блокнотик и мечтала. В четверг я достала из шкафа самое красивое платье, представляя, что именно в этом платье пойду гулять с мамой. Обязательно за ручку! Чтобы все видели, что это – не чужая тетя, а моя мамочка! Пятница показалась мне самым долгим и нудным днем в моей жизни. Сколько я не смотрела на часы, время ползло, как сонная улитка. Я даже пораньше легла спать, чтобы пораньше проснуться. Перед сном, завернувшись в одеяло, я лежала и мечтала о том, чтобы завтра была хорошая погода. Мамин зайчик был зажат в кулачке и спрятан под подушкой. Мы с ним долго шепотом разговаривали, обсуждая, куда же все-таки лучше сходить? Бабушка говорит, что парк аттракционов – дорого! Можно погулять в обычном парке. Там тоже есть качели. Бесплатные. Я бы покачала маму, а мама покачала меня. Мы бы собрали каштаны и желуди. И поделили бы. Но самые красивые, я бы отдала маме! Она у меня самая красивая и заслуживает всего самого красивого!

Субботним утром, в шесть часов, я уже натягивала колготы, с тревогой глядя в запотевшее и сумрачное окно. Вдруг будет дождик? Нет, дождика нам не надо! В семь часов я сидела в колготах, в резиновых сапогах, натянутых на теплые носки, в нарядном платье и теплой куртке. Я даже шарф завязала. Бабушка молчала. Восемь часов утра. Я утепленной капустой сижу в коридоре на стульчике и потею. Девять часов. Я нетерпеливо болтаю ногами, поглаживая пальцами мамин подарок, который убеждает меня, что мама просто задерживается. Мы с зайчиком поругали водителя, как мне казалось, автобуса, потому что с бабушкой мы ездили исключительно на автобусе, что он так запаздывает! Он ведь маму везет! Мою маму! Десять часов. Бабушка потребовала, чтобы я разделась и позавтракала, но я отказалась, поэтому тарелку принесли прямо в прихожую и поставили на тумбочку рядом с телефоном и газетой. Я поела, а потом села читать любимый раздел объявлений. Продам комод. Самовывоз. Продам автомобиль. Состояние хорошее. Куплю оверлоки. Дорого. Продам холодильник «Бирюса». Знакомства. Красивая женщина познакомиться с мужчиной, который считает, что ребенок любви не помеха. Молодая, интересная женщина с двумя детьми ищет любящего и понимающего мужчину от сорока.

– Раздевайся! Нечего сидеть в тулупе! Вспотеешь, простудишься, заболеешь! А лекарства нынче дорогие! – строго проворчала бабушка, пытаясь стянуть с меня шарф. Я сопротивлялась! Нет! Я буду ждать! Полдень. Потный пельмешек уже замариновался так, что сил не было, но все так же сидел у двери, боясь лишний раз отойти в туалет.

– Сходи за хлебом, раз оделась-то! Полбулки бородинского! Горе ты мое, луковое! – бабушка протянула мне деньги, а сама потянулась к телефону. – Купи себе конфету на сдачу! Только недорогую!

– Нет, я маму подожду! Вдруг она приедет, а меня нет! – возразила я, шмыгая носом.

Нет, конфетой меня не соблазнишь! Газета была перечитала несколько раз. Да, я обстоятельно подошла к вопросу прогулки, поэтому на всякий случай достала варежки и сломанный зонтик. Я гипнотизировала дверь, прислушивалась к каждому шороху в подъезде... На улице уже темнело. Бабушка не выдержала, согнала меня с тумбочки и набрала мамин номер.

- Ты зачем ребенку пообещала? Она целый день тебя прождала! Бессовестная! Целый день сидела в куртке под дверью. Сейчас дам! - проворчала бабушка, засовывая мне в руку холодную телефонную трубку.

- Есенька, ну не получилось у меня... Ну прости, пожалуйста... На следующих выходных обязательно! Честно-честно! Даю слово! - тихо говорила мама, пока я смотрела на старые обои, расплывающиеся в моих глазах. По щекам стекли слезы. Я снова смогла прочитать телефоны, записанные карандашом на обоях. Вот он мамин номер. Межгород. Межгород - это дорого.

- Все, не надо плакать... Просто не получилось... - шептала мама.

И тут в трубке раздался голос. Звонкий, детский голос. Он был таким радостным, таким счастливым, что у меня сжалось сердце.

- Мама! Ты там скоро? Мы уже тортик начали! Давай мам! Скоро папа придет, мы ему кусочек оставим! Ну, ма-а-ам! А то Максим уже почти все съел!- кричала какая-то, как мне показалось девочка, а потом удивленно спросила. - Мам, а кому ты звонишь? Тете Жене?

- Да, Тете Жене! Давай, иди, доедай! Мама сейчас придет! Скажи Максиму, чтобы папе кусочек оставил! - прошептала мама, зажимая трубку, чтобы я не слышала. Но на слух я никогда не жаловалась. Странно... Какая-то девочка называет мою маму мамой... Они кушают торт... И ждут папу... Моего папу? У меня есть папа? Я не знала, что у меня есть папа! Настоящий папа! У меня есть папа, есть братик и сестричка. Но я никогда их не видела! Почему же так?

- Давай через две недельки? А, Еська? Точно-точно! - тихо говорила мама, а на заднем плане слышались детские голоса.

- Хорошо, - обрадовалась я, будучи глупой и наивной девочкой. - Я люблю тебя мамочка. Ты познакомишь меня с папой? Он тоже с тобой придет?

- Конечно, познакомлю, - голос мамы дрогнул. - Обязательно. Папа просто много работает, поэтому ... эм... ему пока некогда... Все, Есенька. Я клянусь тебе. На следующих выходных я обязательно приеду. Точно-точно.

И вот я снова счастлива. Бабушка мне соврала! У меня есть и мама, и папа! Все, как у других детей. Пусть они живут далеко-далеко, но они же у меня есть? А у них есть я. И так хорошо стало на душе, так тепло, так здорово. Я долго представляла, как знакомлюсь с братиками и сестричками, как играю с ними во дворе, как показываю

моего котенка...

Кошка, живущая возле школы у теплотрассы, принесла четырех котят. Всех котят разобрали, оставив только одного. Никто не захотел его брать домой! Маленький рыжий, слегка облезлый котенок жалобно мяукал, терся и постоянно просился на ручки. Я бегала, подкармливала малыша после уроков и верила, что вот-вот приедет мама и уговорит бабушку забрать котенка домой. Я рассуждала, ну неужели бабушке сложно взять его домой? Он ведь такой маленький, такой беззащитный, много не съест... «Одна – ребенка, другая – котенка! Дурдом! – ворчала бабушка, когда я умоляла ее забрать малыша с улицы. – Никого мне приносить не надобно! И так уже принесла! Забот полон рот! Нет покоя в старости!». Бабушка запретила мне гулять, стала провожать в школу и забирать из школы. И вот наконец-то "доверие" ко мне вернулось, я бегом бросилась к котенку, а он лежал на опавших листьях и спал. Я приходила к нему каждый день, пыталась разбудить, носила ему булочки, в надежде, что он проснется и съест хотя бы одну. Однажды я пришла, а его уже не было. В моей душе промелькнула надежда, что котенка забрали добрые люди, но подул ветер, поднял опавшие листья, и котенок все так же лежал один, маленький, съезжившийся, неподвижный, а рядом с ним были разбросаны размокшие под дождем хлебные крошки.

– Еська, ну извини, ну не получилось! – слышала я в трубке мамин голос, снимая с себя шарф и варежки. – Прости, в следующий раз обязательно! Я привезу тебе самую красивую куклу! Такой точно ни у кого не будет! Я недавно видела ее в магазине и сразу подумала, что Еське она обязательно понравится! Есь, ты чего молчишь?

– Я тебе больше не верю! – выпалила я маме в трубку, давась рыданиями. – Не верю! Мама! Хватит меня обманывать! Ты ведь поклялась! Сказала бы, что не сможешь, я бы не ждала! Я целый день тебя ждала! Так ждала... Если вы меня не хотите видеть, то так и скажите! Я для вас – гадкий котенок!

Бабушка отобрала у меня трубку, а я бросилась под одеяло, свернулась в клубочек и расплакалась.

– Эх ты, дуреха! – раздался голос бабушки. – Не твой это папка, а ихний. Нет у тебя папки... Нагуляла тебя мама, да на меня скинула. Я, чай, уже не молодая, чтобы с дитем нянчиться! Повесили на бабушку старенькую! Совести совсем у твоей мамки нет! Хоть бы денег присылала, а то, что это за подачки-то? У меня пенсия, чай, не миллионы! А тебя обути надо, одеть, накормить...

Я лежала, засыпала и просыпалась, и в полусне мне казалось, что на мне не одеяло, а ворох мокрых осенних листьев. Когда я еще могла видеть сны, мне часто снился этот котенок. Много лет подряд. Один и тот же сон. Котенок спит, с деревьев на него падает листва, а мир постепенно забывает о том, что по нему еще вчера бегал рыжий котенок, радовался последним теплым лучикам солнца, играл с листиком и камушком, ел мою булочку и жалобно звал свою маму.

Через минуту в дверь снова позвонили, я вынырнула из своего вороха осенних листьев и наострила уши. На пороге стоял Феникс и протягивал мне какой-то чехол со шнуром.

– Держи. Оставляю в залог. Зарядное, аккумулятор, запасной аккумулятор и флешка. Все есть. Приеду, проверю, что ты там наснимала, – меня поцеловали, прижали к себе, а

потом с сожалением отпустили. – До вечера, Рыжик...

Дверь закрылась, оставив рыжий ломбард наедине с залоговым имуществом. Я бережно спрятала фотоаппарат в стол, даже не расцехляя. Детективы, которые усиленно искали отпечатки пальцев на чужой технике, разочарованно вздохнули. Можно было бы конечно попробовать поснимать ковер в анфас и в профиль, узнать, ради интереса, что это за модель, почитать в интернете, но техника чужая, поэтому трогать ее я не рискнула. Мало ли, а вдруг сломаю?

В девять часов я бросила объявление по поводу вакансии, чувствуя себя работником. Если быть предельно честным и откровенным, то объявление должно выглядеть так: «Хочешь похудеть? Звони! Нет лишних денег – нет лишних килограммов!». Или даже так! «В клиентоориентированную фирму, занимающуюся проектированием, требуется клиентоориентированный сотрудник для работы с клиентами. Зарплата – в проекте!». Перечитав десяток вакансий, выбрав понравившиеся моменты, я собрала съедобную солянку, сулившую «достойное вознаграждение за плодотворное времяпровождение», приправила ее аппетитными формулировками, разбавила повышенными требованиями к кандидату с минимальной финансовой ответственностью работодателя. Судя по отзывам на сайте, не мы одни обещаем «соцавоську», экстренное трудоустройство за минимально-номинальную зарплату по результатам внезапной проверки, одноразовый отпуск грехов на предсмертном ложе, потный график и ненормальную рабочую неделю. Все нормально. Мы ничем не хуже других.

Прошло четыре часа. Звонка все не было. Наконец я осмелела, взяла трубку и позвонила. После коротких гудков стало понятно, что абонент – не абонент. Неужели что-то случилось? Дождик, дорога скользкая... Я занервничала. Тем более, что недавно в новостях промелькнула сводка про аварию. Я быстро полезла читать новости. Нет... У Фенечки черная машина, а тут красная... На фото вообще какой-то микроавтобус... Никто не пострадал. Я теперь даже боюсь звонить ему. Вдруг он за рулем? Господи, надеюсь, что с ним все в порядке. Он обещал позвонить, значит, позвонит. Как же я по нему скучаю... Вроде бы и прошло несколько часов, а я так скучаю... Хоть бы он нормально добрался...

Хотя...

Я с хитрой улыбкой завернулась в одеяло. Через полчаса я очутилась в Кадингере. Рядом со мной мирно спал «абонент». Я подползла к нему поближе, укрыла его одеялом, обняла его и долго-долго лежала с закрытыми глазами. Изредка я высовывалась, чтобы поцеловать чужой нос, потереться своим о чужую щеку и осторожным поцелуем раздвинуть сухие губы, ловя дыхание. Как же хорошо, что у нас как бы два тела. Вот интересно, как же так получается? Да одинаковых тела в двух разных мирах. И единственное отличие – волосы. И ведь никогда бы не подумала, что это так чудесно. Соскучилась, легла спать, а он рядом. Да? Я снова вылезла из-под одеяла и поцеловала его. Феникс тоже иногда так делал, когда скучал. Я в этом уверена. А ведь как здорово, что я скучаю по нему, а он скучает по мне. Неожиданно для себя я уснула.

Телефонный звонок! Шестнадцать пропущенных. Два от Карлсона. Он и сейчас мне наяривает.

– Я сегодня плохо чувствую.... – начала я, вежливо поздоровавшись, но директор тут же заметил, что ему плевать на мое самочувствие и потребовал сбросить на почту все мои проекты, логины, пароли от почт, сайта и так далее. А ключи от офиса завезти завтра.

- Это еще зачем? - осведомилась я, глядя на часы. Четыре часа.

- Тебе сказали - сбрось и все. Всю информацию, которая у тебя есть! Болей дальше! - холодно ответил Карлсон. - Почему из-за твоей болезни должна стоять работа? Я тебе скину телефон Виктора, он будет тебе звонить и спрашивать, где в какой папке какой проект. И телефоны всех заказчиков напиши.

- То есть вы меня увольняете? - спросила я напрямую.

- В отличие от некоторых Виктор умеет работать с клиентами и понимает, что фирма создана не для красоты, а чтобы зарабатывать деньги. Мы не отказываемся работать с клиентами. Это - политика фирмы. Если ты не смогла это запомнить, то ... Что уж тут говорить? Так что учись разговаривать с клиентами, а не посылать их матом. И не звонить им в девять вечера, еще и пьяная! - заявил Карлсон так, словно лично поймал меня с бокалом и трубкой в руках. Если все приличные девушки после обильных возлияний звонят своим бывшим, чтобы выдать им полную характеристику личности с использованием нецензурной лексики, то я, оказывается, тоже звоню бывшим. Клиентам. «Да знаете, какие вы... ик! ... сволочи! До сих пор вас помню! Ик! С души вон воротит! А у тебя... ик!... судя по запаху изо рта, там разместился филиал помойки! Ик! И нечего мне было ласкать полушария своими исправлениями! Пошел вон, козлина! И своей козлихе передай! Ой! Мне так плохо, так одиноко... Мне вас так не хватает... Закажите у меня еще проектик? Ик!»

- Я им не звонила в девять, тем более пьяная! И матом их не посылала! Они сами мне позвонили! В девять вечера! - ответила я, готовая отстаивать свои интересы. - Так что это клевета.

- Так, все. Разговор окончен! - надавил Карлсон, в голосе его чувствовалось отвращение. - Не умеешь работать с людьми - учись! А мне нужен тот, кто умеет! Вечно на тебя клиенты жалуются!

- Одни и те же. Итак, я ничего не сброшу, пока не увижу свою зарплату в своем кошельке. Вы мне должны деньги за три проекта, - ответила я с не меньшим отвращением. Карлсон посопел и бросил трубку.

Через минуту мне позвонила «дизайнерша»:

- Вы нам скинете проект на флешку? Мы через час подъедем! - сообщила она, как ни в чем не бывало.

- Подъезжайте. Только меня не будет, - равнодушно ответила я, открывая папку на рабочем столе. - И проект на флешку я вам не скину. Потому, что я его удалила.

- Как? - заорала дизайнерша, пока проект перемещался в корзину. - Игорюсик! Она удалила наш проект! Ты представляешь? Игорюсик! Ты меня слышишь?

– Меня уволили, я удалила проект. Я больше не работаю в ООО «Проект-монтаж». И сейчас я разговариваю с вами абсолютно трезвая, без мата и не в девять часов вечера. Всего хорошего! – усмехнулась я, положив трубку.

Не успела я посмотреть другие звонки, как мне перезвонил «инженер».

– Ой, а можно его как-нибудь восстановить? Просто мы столько работали над ним! – голосом человека, потерявшего мечту по собственной дурости, поинтересовался «инженер».

– Я столько работала на этой фирме, можно меня как-нибудь восстановить? – ядовито заметила я, включая диктофон. – Вы же позвонили директору и сказали, что я на вас матом орала пьяная? А теперь скажите мне, когда я успела? Я что-то не помню. Наверное, пьяная была, как вы говорите.

Трубку бросили. Через минуту меня набрал знакомый рабочий номер.

– Еся! Я звонил тебе десять раз! Ты почему трубку не берешь? У тебя все в порядке? – голос был взволнованный. – У меня телефон разрядился в хлам. Не включался. Сейчас зарядится, и я с него перезвоню. Как себя чувствуешь? Ты таблетки пила?

Весь оставшийся вечер я сжимала телефон в руке, наслаждаясь каждым сообщением, перечитывая нашу переписку по нескольку раз, прежде чем написать ответ. И когда мне пожелали «снгов», упуская такие эпитеты, как «сладкие» и «добрые», я решила, что пора укладываться спать.

Как я ни ерзала, как ни переворачивала подушку, мне не спалось. Сначала я попробовала считать овечек. И пока добрые и наивные дети и взрослые просто считают овечек, злые и практичные стригут и клеймят все стадо. Раз овца, два овца, три овца... Добравшись до сотой, мне стало понятно, что так дело не пойдет. Мысленно вооружившись анкетой, я занялась переписью овечьего населения, уточняя пол, возраст, семейное положение каждой овцы. Этот метод помогал мне всегда, помог и на этот раз.

Когда я открыла глаза, то сразу увидела спину Феникса. На часах было одиннадцать. Он сидел на кровати и молчал. В воздухе пахло плохими новостями. Нет, не настолько плохими, что запах перегара ощущается за километр от эпицентра страданий, но все же. Судя по ожогам на стене, кто-то сильно вспылil. И сейчас сидит и тухнет над какой-то проблемой.

– Не переживай. Что бы ни случилось, все будет хорошо, – прошептала я, чтобы нарушить мучительную тишину, обнимая его и потершись носом об его щеку. – Все хорошо... Не надо расстраиваться...

Я прижималась к спине, чувствуя, как мои сцепленные руки исступленно гладят.

– Все будет хорошо... – шепотом утверждала я, тяжело вздыхая и понимая, что мне не терпится узнать, что конкретно сейчас «плохо». – Ну чего ты так расстроился? Все ж было в порядке... Скажи, что случилось?

– Рыжик, – глухо заметил Феникс, поглаживая мои руки. – Посмотри на свою грудь...

Это что еще за новости? Чем его моя грудь не устраивает? У меня отнюдь не прыщики, чтобы мазать их йодом, дабы обозначить их местонахождение, и не промахнуться мимо них в порыве страсти! И не обвислые уши спаниеля, которые я подбиваю коленками при ходьбе. Да! И правая не настолько больше левой, чтобы в одну чашечку подкладывать три пары носок, чувствуя, как второй слегка тесно в поролоновых альковах! Я не... Ой, а что это? На моей груди была печать. Нет, не печать «уплачено» или не на штамп в паспорте. Скорее круглая печать ООО «Феникс», судя по изображенной птичке. Хм...

– Что это? – удивилась я, недоверчиво пытаюсь вытереть этот круг со своей груди. – Ты что? Решил не останавливаться на стрижке, и сделать мне татуировку?

Я на всякий случай проверила остальные части тела на предмет: «Не забуду Кадингер!» на предплечье или «Не влезай, убьет!» – чуть пониже спины.

– Короче, мы официально зарегистрировали отношения. Как полагается, по залету. Чуть не залетели. После того боя, половина Кадингера выстроилась в очередь, чтобы прикончить тебя, – глухо произнес Феникс, показывая свою печать на руке.

– То есть... – прищурилась я, подозрительно глядя на автора печати. – Теперь я – рабыня? Слушай, я могла просто выйти из круга! И вообще-то я – не шкаф, чтобы меня опечатывать!

– Судя по тому, кто тебя вызвал, не успела бы, – вздохнул Феникс. – Я просто не захотел тобой рисковать. Еська, это – формальность, освобождающая тебя от поединков. Навсегда. И к твоему сведению, официальная рабыня особо ничем не отличается от официальной супруги. Так что горько!

Нет, ну то, что мне горько, я согласна. Я понимала, что в самом слове «брак» кроется двойной смысл, и что после медового месяца невесту ждет ложка дегтя в виде горы посуды, стирки, уборки, готовки и детей. И это помимо основной работы! Но рабством у меня язык не поворачивался назвать даже бесконечную череду бытовых.

– И как к тебе теперь обращаться? О, мой господин? – усмехнулась я, нервно сглатывая ком. – О, мой владыка? Ваша Милость? Или как? Уточни сразу, с колен или нет. Я должна знать на будущее. Не мог сказать мне? Предупредить?

– Рыжик, у тебя в глазах бурлаки заглохшую волгу уже три раза протащили от СТО до СТО, но нигде ее не взялись ремонтировать, – простонал Феникс. – Не смотри на меня, как на эксплуататора! Ты так смотришь, словно я тебя сейчас в поле выведу и скажу, что

пока не перепашешь, домой не приходи. Ничего не изменилось, Рыжик. Я даже сам кушать приготовил сегодня... Так что это – просто формальность. Теперь ты сможешь спать спокойно.

– Спасибо, о, властелин моей жизни! – вздохнула я, растирая печать на груди. – О драгоценный алмаз моего сердца, неужели вы соизволили накормить бедную и голодную рабыню? Теперь это – не пища, а манна небесная, раз мой господин лично решил ее приготовить! О, благодарю вас, всемилостивый хозяин! Земной поклон Вам! О великий и пока еще могущий! Да не оскудеет твой словарный запас, да не оскудеют закрома твои, откуда ты берешь свои гениальные идеи!

– Рыжик, не сыпь мне соль на рану! Если бы был другой выход, я бы им воспользовался! Я тебе скажу честно. Шансов в этом поединке у тебя не было, – простонал Феникс, закатив глаза. – Ешь, давай! Пока не остыло...

– Не вели казнить меня, о, милостивый господин, но я не голодна! – с гадкой улыбкой заметила я. – Или господин желает, чтобы его ублажили? С какого места начинать ублажение? Если желаете, так и скажите! Всегда к вашим услугам, о, солнце моей жизни!

– Я не намерен больше рисковать твоей жизнью! И после того, как ты впала в немилость, твоя смерть в круге – вопрос времени. Я знаю, о чем говорю, так что не спорь! Или ты предлагаешь мне своими руками собирать горстку пепла, оставшуюся от моего Рыжика? Так что ... Думай, что хочешь. Обижайся на меня, как сейчас, ругайся, вредничай, капризничай, но я прошу тебя, не умирай, – меня прижали к себе. – Пожалуйста... Делай все, что угодно, но не умирай. Одно дело переживать, а другое дело пережить... Это – совсем разные вещи...

– Знаешь... На счет прошлого боя.... Если я смогла с этим жить дальше, значит, я поступила правильно. Что бы обо мне не думали, – вздохнула я. – Жаль, что мы оба выбыли из битвы за корону. Иногда представляю, как ты жалеешь, что я вытолкнула тебя за пределы круга...

– А я уже не жалею, – меня нежно поцеловали и прижал и к себе так крепко, словно весь Кадинггер протягивает ко мне свои грязные руки.

– Рыжик, одевайся. Я хочу показать тебе того отморозка, который тебя вызывал. Пойдем, посмотришь, на что он способен.

***

Справа стоял высокий, очень неопрятный и мрачный тип в черной грязной хламиде, с очень короткой стрижкой и блестящими залысинами. Практичная прическа. Особенно в условиях антисанитарии. Стае вшей уже не пастись среди дремучего леса. Отдельные особи еще могли с грустью бродить среди пеньков, вспоминая, какой чудесный заповедник был здесь лет десять назад. Напротив него стоял какой-то хлипкий парнишка – соплежуй, одетый с готическим пафосом. Ростом паренек не вышел, поэтому для полноценной личной жизни со среднестатистической девушкой, ему понадобилась

скамеечка и ходули.

– Ты не замерзла? Может, надо было теплее одеться? – поинтересовался мой заботливый рабовладелец, растирая мои плечи. – Так, на холодное не садиться! Мне на колени! Все. Сиди и смотри!

– О, мой господин, – ехидно заметила я, чувствуя, как меня прижали к себе и поглаживают по плечу. – Вы слишком любезны ко мне. Простая рабыня не заслуживает такого внимания...

Феникс снял куртку, завернул меня в нее и прижал к себе, сдувая прядь моих волос с радиуса обозрения и грея мои руки в своих руках.

Судя по нехорошим взглядам со стороны других зрителей, я – очень любимая рабыня, и все остальные рабыни мне сильно завидуют.

– Хозяин выделил мне по договору краткосрочной аренды свою куртку! Я – самая счастливая из всех рабынь! Господин назначил меня любимой женой! – приторно возликовала я, под напряженное сопение в мои волосы. Сам разрешил вредничать. Никто его за язык не тянул!

– Да начнется бой! – зрители оглушительно заорали. Через секунду на арене начался крошечный ад! Такого я никогда не видела! Сплошной огонь, рев толпы. Я заерзала, нервничая, не успевая рассмотреть все происходящее. Были моменты, когда в голове промелькнуло: «Хорошо, что не я!». Несколько раз я вздрогнула.

– Меня сейчас утешает только одно, что Рыжик сидит у меня на коленях, – прошептали мне на ухо, когда вверх вырвалось такое пламя, что у меня внутри все похолодело от ужаса.

Зрители вскакивали со своих мест, кричали, размахивали руками. Огонь, снова огонь и ...все. В круге стоял парнишка, нехорошо улыбаясь. Недалеко от него лежало искалеченное тело соперника.

– А ты за кого болела? – поинтересовался Феникс, подтягивая меня поближе к себе. – Удивлена? Против этого отморозка у тебя не было бы ни единого шанса.

– Этот мальчик-с пальчик – божий одуванчик меня вызывал? – удивилась я, глядя на сутулого парнишку и понимая, что внешность обманчива.

– Он один из лидеров, – заметил Феникс. – Их сейчас трое, что вполне неплохой расклад. Стоит одному вызвать другого, как третий дождетсЯ исхода вполне интересного поединка и тут же вызовет победителя, не дав ему ни передохнуть, ни оправиться. Кто захочет так рисковать? Правильно, никто... Так что, надеюсь, мы благополучно доживем до конца моей дисквалифи...

Парень был явно на кураже, сделав круг почета вокруг противника, который лежал ничком. Еще бы! Мой внутренний травматолог, значительно поднаторевший на фильмах ужасов, мрачно кивал, что травмы, с жизнью, увы, не совместимы.

– Вот, что бывает с теми, кто осмелится выйти со мной в круг! – дерзко заметил парнишка, изо всех сил избивая ногами изувеченное тело поверженного врага. Бил он так, что мне было противно на это смотреть.

Под конец, отвесив последний удар, вьюноша решил вытереть ноги о мертвое тело, гадко улыбаясь восторженным зрителям. И тут произошло нечто странное. Я даже опомниться не успела, как однорукий противник, который до сих пор лежал трупом, резко дернулся к ноге победителя, которая стояла на земле.

– Ой! – мои глаза округлились. Я вцепилась в руку Феникса.

Мгновение. На трибунах стояла гробовая тишина.

– Ах ты тварь! – парень превращал тело врага в кровавое месиво.

Зрители просто орали от восторга, который мы совсем не разделяли.

– Все в порядке, – усмехнулся победитель, вытирая ноги о то, что некогда было человеком. – Просто живучий попался. Надо же! Давненько таких не было.

Пока зрители ликовали, провожая победителя, тот сделал несколько шагов и... пошатнулся. Все затихли. Еще один шаг, неловкий, неуверенный, и парень схватился за грудь, падая на колени. Зрители с удивленным возгласом встали, заслоня от нас весь обзор.

– Твою мать! – выдохнул Феникс мне на ухо. – Яд... Прямо по нашей франшизе...

– Неожиданный поворот! – выкрикнул ведущий, пытаясь утихомирить взволнованных зрителей. – Кто бы мог подумать?

В воздухе появилась огромная таблица, где было не меньше сотни имен. Моего имени там уже не было. Три имени были подчеркнуты золотистой линией и стояли в самом верху. И тут одно из имен, которое я даже не успела прочитать, вспыхнуло и исчезло.

– У нас осталось двое кандидатов, а это значит, что скоро будет бой, который решит судьбу Кадингера! Теперь им ничто не мешает провести финальный поединок! Один из них получит корону! Ставки принимаются уже сейчас! Оуэль или Теренс? Ну же,

господа, не стесняйтесь! Пока кто-то зарабатывает корону, кто-то заработает столько денег, сколько ему и не снилось! – заявил ведущий.

– Погоди, а как же поединок с Крысой? Она что? Была лидером? – удивилась я. – Я так понимаю, что сражаться будут два лидера?

– Смотри, в финал выходят те, кто одержит больше шестидесяти побед подряд. Одно поражение и начинай сначала. Но для того, чтобы получить корону у бойца должно быть за плечами шестьдесят шесть побед и смерть всех финалистов. Финалистами я занялся сразу. Их было на тот момент трое. Я был четвертым. Хорошая комбинация. Когда я вышел в финал, у меня было шестьдесят две победы. Плюс три финалиста, которых я прикончил собственноручно. Итого – шестьдесят пять. Мне нужен был еще один поединок. И я мог вызвать любого, но Крыса сама вызвала меня. Вызвала три раза подряд, – вздохнул Феникс. – Финалистов может вызывать любой из турнирной таблицы. Точно так же, как и финалисты могут вызвать любого, чтобы набрать нужное число побед.

– Почему шестьдесят шесть, а не сто, например? – удивилась я, поглядывая на табло. Зрители не торопились расходиться. Мы тоже не сильно спешили домой.

– Шестьдесят шесть – любимое число в Кадингере, – Феникс нервничал. Я тоже. – Не думаю, что они вызовут друг друга сегодня... К такому бою готовятся заранее... У одного из финалистов шестьдесят пять выигранных раундов, у другого шестьдесят четыре. Тут как ни крути расклад хреновый.

Бой пока не предвиделся, поэтому часть толпы разошлась по домам, обсуждая столь неожиданный поворот событий, остальные остались смотреть на схватку двух дымопускателей.

Дома я вяло жевала кашу, изредка поглядывая на Феникса, который сидел в задумчивости и ковырял ложкой какой-то слипшийся комок.

– Может, все обойдется? – с надеждой предположила я, понимая, что единственный, кто «обойдется», так это мы. – Вдруг победитель вернет солнышко? Вдруг он сделает то, что хотел сделать ты? И мы проснемся... И все будет хорошо...

– Рыжик, – вздохнул Феникс, поднимая на меня глаза. – Он не вернет солнце. Никогда. Все не так просто, как кажется на первый взгляд.

– Так, я что-то не поняла! – возмутилась я. – Если хочешь что-то переваривать тихо сам с собой, лучше переваривай кашу! Давай, рассказывай, все что знаешь.

– Боюсь, что у тебя аппетит пропадет после моего рассказа, – усмехнулся Феникс. – Представь себе полярную лисичку в виде солнечных циклов, которая навевалась в этот мир каждые шестьдесят шесть лет. Раз в шестьдесят шесть лет активность солнца становилась вредной не только для здоровья, но и для жизни. Ну как вредной? Горстке пепла крем для загара уже, в принципе, не нужен. Люди быстро это просекли и стали

строить подземные города. Но для того, чтобы как-то переждать напасть, нужно было что-то кушать. Соответственно, урожай выращивался на поверхности. За шестьдесят шесть лет нужно было запастись всем необходимым, чтобы потом на год уйти под землю. Население приспособилось и занималось любимым делом, а именно росло в геометрической прогрессии. Подземные города стали тесноваты. Некоторые отчаянные перебирались жить на поверхность. И однажды одна светлая голова заявила, что человек – царь природы, и доколе мы будем норными животными? Есть способ на время погрузить мир во тьму. И тогда не придется ждать, когда выжженная земля снова станет плодородной, не придется прятаться. Просто одна ночь будет очень длинной. Для того, чтобы погрузить мир во тьму понадобится несколько десятилетий работы и масштабная стройка. Так что, скидываетесь, господа. Проект мы уже нарисовали. Строители со всего обитаемого мира стекались сюда, дабы построить Город Надежды. Сначала народ воспринял идею с легкой степенью недоверия, но когда фундамент стройки века был заложен, а по всем городам стали ходить адепты Города Надежды, увещевая становиться пайщиками и дольщиками, многие успокоились. Те, кто не успокоился, тех успокоили с миром. Город был завершен за три года до прихода полярной лисички. Наступил ответственный момент. И... Да здравствует тьма! Человек – царь природы! Мы строили, строили и наконец, построили! Да здравствуем мы! Ура! Прошел год, запасы были съедены, дифирамбы спеты, культ города-башни процветал.

Я даже жевать забывала, внимательно слушая историю обмануток вкладчиков. Конец был немного предсказуем...

– Ну, ладно. Все, выключайте! – вздохнул Феникс, ковыряя ложкой свою порцию. – Эй, ребята, опасность миновала! Спасибо, хватит! Эй! Чего вы, в самом деле! Под стенами отлично защищенной от диверсий и нападения (мало ли кому в голову взбредет?) башни, которая могла находиться на самообеспечении благодаря магии, собралась толпа обмануток вкладчиков с требованием призвать компанию застройщиков к ответственности! Однако, Башня Надежды была неприступной. Сами строили, на совесть! Сначала людям объясняли, что, мол, соблюдайте спокойствие! Все под контролем! Без паники! Солнце скоро будет! Сейчас-сейчас, одну минуту... Прошло несколько месяцев. Припасы были уже на исходе. Обмануток вкладчики, смекнув, что в этом виноваты маги, моментально устроили охоту на ведьм. Надо же было на ком-то сорвать свою злобу? Маги тоже были не лыком шиты, поэтому стали стекаться сюда, подальше от людского суда. И их охотно принимали. Пока человечество за пределами башни пыталась удержаться на жердочке цивилизации, балансируя между «есть друг друга за еду» и «есть друг друга за идею», руководствуясь древним принципом «ужин отдай врагу, пусть он поправляется, чтобы я потом его съел», из башни запахло дохлой совестью.

– А почему именно Кадингер? – спросила я, вспоминая рассказы о Вавилонской Башне. – Это же название из нашего мира?

– Кто-то из гостей придумал Башне Надежды более подходящее название. И оно, как ни странно, прижилось. Немного видоизменилось, но вполне усвоилось вместе с новой историей, откуда вырезали большие неpolitкорректные куски, – заметил Феникс. – Дело в том, что проектировщики постарались на славу. Чтобы вернуть солнце нужно вынести корону за пределы Кадингера. Что фактически невозможно обычным путем. Хотя, пожалуй, я смог бы это сделать. Сама знаешь как.

– А разве нельзя вот так просто похитить эту корону? Она ведь наверняка где-то хранится! – предложила я гениальную идею, хотя, судя по взгляду Феникса, не такую уж и гениальную.

– Нет. Она везде и нигде, и появляется только в исключительных случаях при выполнении определенных условий. Так было продумано изначально. Либо ее передают из рук в руки, либо, если цепочка обрывается, объявляется турнир. Изначально предполагалось право преемственности, а поединки были запасным вариантом, сродни естественному отбору, – задумчиво заметил Феникс.

Внезапно в дверь постучали. На пороге стоял мрачный тип, оглядываясь по сторонам.

– Мой хозяин хотел кое-что уточнить перед покупкой. Это точно ваш ребенок? Девушка, которая сражалась вчера в круге, родила, и мой господин хочет купить у нее ребенка, – пояснил незванный гость. – Но ему нужны гарантии!

– Я ни перед кем не отчитываюсь. Так и передай, – мрачно заметил Феникс, закрывая дверь перед носом посетителя.

– Нет, ну мог бы сказать, что это – не твой ребенок! – заметила я, доедая свою порцию.

– Ага, и тогда его задушат шнурочком. Рыжик, ты просто сама доброта! Не смотри на меня так. Если бы меня заботили все сироты Кадингера, то я бы уже организовал приют, – вздохнул Феникс. – Кстати, пока ты спала, а тебя активно вызывали, я, как приличный человек, тебе что-то наподобие предложения сделал. Для очистки совести....

– А я что? – осведомилась я, представляя эту картину. – Неужели, согласилась?

– Ну... Ты покивала... – усмехнулся Феникс, обнимая меня. – Промолчала и кивнула. Три раза. По законам Кадингера отсутствие сопротивления – знак согласия...

Мы застыли, услышав снаружи странный шум. Такое чувство, словно мы сидим в классе, а за дверью началась большая перемена. И было у меня предчувствие, что это – не большая перемена, а большие перемены.

Глава двадцать первая. Форс-мажор и хнык-минор

Чтобы руки опустились,

Для начала их нужно поднять!

За дверью все стихло. Мы переглянулись. Это только мужественные бабушки под прикрытием кота и герани высовываются из окна по пояс, чтобы на весь двор объяснить шумной гоп-компанией, облева... облюбовавшим детскую песочницу для посиделок, всю политику партии, канувшей в лету еще до рождения этих «пивонеров». И так как разгон демонстрации – не наше основное хобби, мы решили сильно не разгоняться и не выбегать на улицу с криками: «А тише можно? У нас совесть спит!».

– А давай поймаем этих двух в темном переулке, дадим им по голове?– мечтательно затаила я, прикидывая, как лично крадусь с крышкой от канализационного люка, чтобы прицельным ударом обеспечить легкую степень олигофрении каждому из претендентов, а нам – путевку в нормальную жизнь.

– Рыжик, – протянул Феникс таким голосом, словно только узнал, что злодейка-судьба свела его с маньячкой. – Ты ли это? Или не ты? А ну посмотри на меня! ... Нет, в целом, я осуждающе доволен. Осталось найти переулок, где они будут прогуливаться вдвоем, возможно, за ручку или в обнимку, как старые друзья... Одни-одинешеньки, без охраны, эскорта... И тут мы идем им на встречу, обсуждая прелести контрацепции емкой фразой: «Понарожали убюдков!». У тебя есть предположения, в каком конкретно переулке мы их встретим? У меня, к сожалению, нет.

– Слушай, а в Кадингере бывает день города? – спросила я, чтобы разрушить тревожную тишину и не озвучивать вслух свою жутковатую догадку. Шум за окном очень напоминал народное гуляние, которое начинается восхвалением родной территориальной единицы, дифирамбами своей точке на карте, признаниями в любви со сцены любимому городу, а заканчивается горой мусора под ногами на центральной площади, обгаженными укромными уголками и многочисленными актами пьяного хулиганства и вандализма. Пьют, значит, бьют, бьют, значит, любят. Мы любим родной город! Ура-а-а-а! И бутылку об асфальт!

– С салютом, выступлением звезд местного пантеона, морем алкоголя и разврата? – вздохнул Феникс, едва заметно и грустно улыбнувшись. – Нет, никогда не видел! Здесь всегда тихо, мирно, спокойно, уютно и мило. Насилуют, грабят, убивают, травят, обманывают. Но все это делают буднично. Без лишнего пафоса. И если нас с тобой не пригласили, то(,) значит, это вряд ли день города... «Этот город самый худший город на земле! Он как будто нарисован пальцем на го...»

– Вне всякого сомнения, я бы даже не пошла на мероприятие!– запротестовала я, скривившись и заранее отрицая свою причастность к столь значимому празднику, где, судя по нравам, вместо ленты перерезают горло. – Спасибо, я в таком не участвую!

«Ко-ро-на завоевана!» – раздался пронзительный голос, который нужно ставить себе на будильник любителям поспать еще пять минуточек. Под такие крики обязательно проснется совесть, а потом начнет пинать своего хозяина.

– Не может быть, – прошептала я, зажимая себе рот рукой. Мир перевернулся, упал вниз и разбился вдребезги, оставляя звенящую в ушах тишину. Внезапная слабость накатила на меня, я покачнуласьЮ глядя в одну точку. И почему-то мне казалось, что это была та самая точка невозврата. Жизнь взяла в руки черный маркер и перечеркнула две судьбы. Не знаю, смеялась она в этот момент смехом злого гения или рыдала, сморкаясь в бумажные салфетки? Сомневаюсь, что выражение ее лица изменилось, ведь она делает это не первый раз, подписывая твердой рукой начальственную резолюцию: «В исполнении мечты отказать!». Под резолюцией она поставила печать «Неудачники» и бросила нас в долгий и мучительный ящик бессмысленного ожидания. Может, жизнь кому-то и ставит подножки, но сейчас мне показалось, что она ударила в под дых.

Феникс встал и сломал ногою стул, тяжело дыша и сжимая кулаки. Буря мглою, Феню кроет. В его руках горел огонь, лицо исказилось от ярости и гнева, который он мечтал

выместить на чем-то или на ком-то.

– Давай ты немного остынешь, и... – начала я, немного отойдя от потрясения, но огненная вспышка врезалась в стену, рассыпаясь искрами и добавляя к нашему антуражу погорельцев еще одно смелое дизайнерское решение. Он собирался двинуться к двери, но я встала у него на пути.

– Так, успокойся, пожалуйста! – строго произнесла я, глядя, как стена превращается в биеннале рукожопого электрика, не удосужившегося проконтролировать качество воспламеняющихся розеток, купленных по горячей скидке.

– Прекрати немедленно! – закричала я. – Нам еще здесь жить!

– Ты предлагаешь сделать ремонт, обзавестись новым диваном и устраиваться поудобнее, отслеживая последние новости? – скривился Феникс, снова вспыхивая.

– Я предлагаю тебе просто смириться и не делать глупостей, – заволновалась я, глядя на явные следы недавнего пожара.

– Смириться? – нехорошо усмехнулся Феникс, сдувая прядь волос с лица. – О, нет! Я как представлю, что нам придется просидеть здесь еще лет пять минимум, то ...

– ... выбираю новые обои, новую мебель, чиню ванную и покупаю второе одеяло, – вздохнула я, допуская, что даже в мире разброда, разврата и шатания, есть место для уютной семейной идиллии рабовладельца и его рабыни. – Так, все, прекрати! Я кому говорю! Не надо пороть горячку!

Я подошла к Фениксу, положила руку ему на щеку и заглянула в глаза, слегка поглаживая большим пальцем его губы.

– Давай попробуем определить, откуда дует ветер, – утешала я, поглаживая страдальца от форс-мажора.

– Чтобы понять, откуда он дует, нужно приняться. Есть у меня подозрение, что штормовой ветер дует с ближайшей помойки истории, а теперь наша маленькая посудинка «Последняя надежда» медленно терпит крушение, – сардонически ответили мне.

– Хорошо, давай просто опустим руки, – предложила я, подавляя зевок.

– Для того, чтобы опустить руки, их нужно сначала поднять! – парировал Феникс, задумчиво перебирая мои волосы. – И вот сейчас я близок к тому, чтобы бросить вызов свежеепеченному монарху, сбить с него спесь и корону. Хотя, корону сбить будет не так

просто.

– Поднять вверх и сдаться, – согласилась я, понимая, что сама уже почти смирилась с таким исходом. В этом мире, и смех, и грех, мечты сбываются, но не у всех. Я давно заметила, что неудачная жизнь напоминает не отвечающее приложение, когда у тебя есть всего два варианта «закрыть» или «подождать».

– Не все так плохо... Мы живы, здоровы... – задумчиво начала я, мысленно открывая дверь, ведущую к стратегическим запасам необоснованного оптимизма. – Мы просто возьмем таймаут.

– Скажи еще, что бодр и весел... – мрачно заметил Феникс, тяжело вздыхая и целуя мой палец. – Полны оптимизма и энтузиазма... И у нас все хорошо!

– У нас с тобой – все хорошо, – мягко возразила я, не сводя глаз с бледного лица. – Все очень и очень хорошо...И мне с тобой очень и очень хорошо... Ты даже не представляешь, как я счастлива... Да, корону получил кто-то другой, да, мы застряли здесь надолго, но ....

Я опустила глаза, уставившись в его любимое золотое украшение.

– ... главное, что есть ты у меня... – закончила я свою мысль. – И не переживай так сильно... У нас все получится.... Мы что-нибудь придумаем... Только не надо рубить с плеча... Мы еще завоюем себе место под солнцем...

Мои пальцы вплетались в золотые волосы. Мое сердце действительно очень любит золото. Только не то холодное и звонкое, согревающее душу скряг и скупердяев, а это, тонкое, мягкое золото, которое так приятно перебирать и целовать. Это – мое золото. Мое! И я никому его не отдам! Без него мое сердце будет нищим и пустым.

Я обняла его, вдыхая сладковатый запах и крепко-крепко держа за талию мою кровавищницу. Огонь, горевший в руках, начинал медленно угасать.

– Рыжик, – тяжело вздохнул Феникс, глядя на меня пристальным и задумчивым взглядом. – Зачем ты такая?

Он грустно усмехнулся, не сводя с меня этого странного слегка рассеянного взгляда.

– Какая такая? – тихо спросила я, снова задумчиво и увлеченно расправляя золотые волосы и раскладывая их на красивые пряди.

– Такая... – ответили мне, пока я с любопытством смотрела на маленький гвоздик сережки. Точно такой же, как у меня.

- Я не знаю, – пожала плечами я, не понимая, что имеется в виду.

- Почему, когда я смотрю на тебя, мне хочется защитить тебя от всего мира? Спрятать и защитить? – услышала я в тот момент, когда прикасалась к чужой сережке. Я против мужских сережек, но в нашем случае это круче, чем гарнитура.

- Потому, что я слабая и никчемная, – усмехнулась я, осознавая правдивость своих слов.
- Вот и весь секрет. Если бы я была сильной и «кчемной», то у меня на голове давным-давно красовалась корона, которую я отдала бы тебе. За мной, как за серийным убийцей, стелился бы кровавый след, когда я бы выходила в круг, то ты переживал бы не за меня, а за противника... И все закончилось бы по-другому.

Феникс прыснул.

- Конечно по-другому. Я представил «сильного» Рыжика, представил, как я хожу вдоль стеночки по струнке, заглядываю в глаза и боюсь слово поперек сказать. Тихая, спокойная жизнь трусливого подкаблучника. О, нет. Как только я понимаю, что я – не цель, а средство, как только понимаю, что меня, как фотографию, пытаются загнать в рамку, отсекая лишнее, как только осознаю, что девушка почувствовала себя богиней и пытается вылепить из меня что-то другое, удобное и функциональное, я прекращаю отношения в одностороннем порядке. Без объяснений. Я не люблю, когда «сильные» девушки тянут мое одеяло на себя. Я сам укрою.

- Тогда укрой меня. Я буду совсем не против. Только при условии, что ты тоже будешь укрыт, – ответила я, прижавшись лбом к его груди. – Короче, тебе со мной не повезло. Не на ту лошадку ты поставил.

- Сильные люди – это те, кто умеют держать себя и свою жизнь в руках. Рыжик мог бы слиться после первого же боя, но не слился. Рыжик мог бы пойти на поводу у большинства и убить беременную, но не убил. Рыжик мог бы постоять в сторонке, а не брать заложника. Рыжик мог прятаться за моей спиной и выглядывать оттуда, когда происходит что-то интересное, или развернуться и уйти навстречу легкой и веселой жизни. Но вместо этого мой Рыжик сражался, рисковал, плевал на общественное осуждение, бросил вызов целому городу магов, умея пускать только дым из рук... Я ведь тебя не заставлял? Нет. Ты сама решила бороться до последнего, не выходить из круга, не сдаваться. Мне действительно хочется тебя защитить и спрятать, но не потому, что ты слабая. А потому, что ты – мой Рыжик. И второго такого судьба мне никогда не пошлет. В чем я абсолютно уверен.

Я встала на цыпочки и подразнила мягкие губы нежным поцелуем, а потом заглянула в глаза и снова спряталась на чужой груди.

- Это что только что было? – подозрительно поинтересовался Феникс, глядя на меня взглядом Шерлока Холмса на стадии «кажется, я знаю, кто убийца!».

Я снова встала на цыпочки, стала дразнить, едва целуя и снова бросая мимолетный

взгляд на заинтересованные глаза.

– Та-а-ак! Я что-то не понял, – с явным интересом прошептали мне на ухо. – А что это Рыжик делает? Ты меня соблазняешь? Не может быть.

Я усмехнулась, снова потянулась к чужим губам и стала легко их целовать, а потом снова сделала вид, что это получилось случайно.

– Я не хотела... Это случайно получилось... – тихонько оправдывалась я, терзая пальцами пуговицу чужой рубашки.

– Рыжик, ты что творишь? – меня сжали еще сильнее, пока я выжидала паузу между поцелуями.

– Ничего, – ангельским голоском ответила я, пока надо мной сверкал золотой обруч нимба, а сладкоголосый хор пел: «Аллилуйя!». – Не обращай внимания... Это я просто так...

Один Рыжику уже слегка обнаглел, поэтому прерывал поцелуй на самом интересном месте.

– Ах, вот ты какая? – удивился Феникс, резко прижимая меня к себе, да так, что у меня сбилось дыхание. – Маленькая обманщица... Я тут, значит, губу раскатал, а ты ... Значит так, да? Ты меня отвлекать от проблем вздумала? Рыжая, бесстыжая.... Попалась, которая целовалась! И что ты мне еще расскажешь?

– С поцелуем, хмурый день светлей, – нараспев прошептала я, опустив глаза и изредка их поднимая. – С поцелуем в небе радуга проснется... Поделилась нежностью своей... И, надеюсь, что она ко мне вернется...

– А если это будет не совсем нежность? Если это будет что-то другое... Рыжик ведь любит, когда ее обнимают до хруста косточек? – меня сжали так, что дышать стало тяжело, душа поцелуями. Я даже вздохнуть не успевала, жадно впиваясь пальцами в мое золото.

– А как же нежность? – прошептала я, отпихивая ногой подальше комок порванного платья и чувствуя, как мои ноги оторвались от пола.

– Нежность ... после...

***

Я проснулась дома, глядя, как в щель между шторами заглядывает утреннее солнышко. Шторы распахнулись, давая мне возможность насладиться солнечными лучами. Такое яркое, такое теплое, не смотря на календарь, и такой красивое... Столбик термометра показывал чудеса плюсовой температуры. Мне пришло сообщение: «С тебя очень красивая фотография на фоне осенних листьев. Если понравится – приеду завтра вечером к тебе и к любимой кружке!». Почта и смайлик.

Вот шантажист! Я расплывалась в довольной улыбке.

Я с пеной у рта доказывала свою правоту и принципиальную позицию относительно «утром деньги – вечером проекты, логины и пароль». Но Карлсон был явно не о проектах.

– Да какое ты имела право? – орал он в трубку не своим голосом. – Да как ты вообще так можешь? Нет, ну всякое было, но чтобы такое!

– Вы о шем? – удивленно спросила я, сплевывая пену зубной пасты и прополаскивая щетку.

– Не прикидывайся душой! – заорал Карлсон и бросил трубку.

«Как включается второй компьютер? Как сохранить проект на рабочий стол? Почему у меня не печатает принтер? А откуда ты берешь текстуры? Почему программа при открытии выдает ошибку? Что нажимать?». Целая гирлянда сообщений от нового квалифицированного сотрудника, выдающая его квалификацию с головой! «Почему мне пишет «Невозможно открыть проект»? Я нажимаю «окей», а мне пишет, что путь...». В меня полетели скриншоты и фотографии с экрана. Бедняга побился немного головой об стенку моего непонимания и умолк.

Я достала фотоаппарат, включила его, сфотографировала угол стола, стерла и задумалась. Ха! По запросу «красивая осень» мне вывалилась целая куча картинок. Выбрав несколько подходящих, откопав две свои старые фотографии, я, попивая чай и кусая бутерброд, быстро сделала идеальную картинку и отправила на указанную почту.

«Рыжик, ты – молодец!» – начиналось сообщение, а я даже покраснела от похвалы.

«Я в восторге!», – я тоже в восторге. Классно получилось, не так ли?

«У меня нет слов! Ты успела нарастить ресницы, увеличить грудь, сделать ринопластику...»

Я сглотнула и стала читать дальше.

«... получить визу в Канаду, слетать туда, получить пропуск в заповедник, сфотографироваться и вернуться! И все это за какие-то жалкие полтора часа! Ты просто – супергероиня!»

А дальше шла та самая картинка, к которой я лепила себя и указание точного места в другой части света, где был сделан снимок. Мне не поленились прислать точку на карте, куда меня не посылали, но откуда я вернулась раньше, чем люди возвращаются из туалета.

«Ты написал, что нужно фото на фоне листиков. Технически, задание выполнено!» – ответила «супергероиня», поправляя пояс «суперхалата» и ища ногой слетевший «супертапок».

Повисла тишина. Через минут пять упало обширное техзадание.

«Требуется фото красивой рыжей девушки на фоне отечественной природы (город проживания). Задний фон: осенние листья, осенние деревья. С указанием точного места съемки!» – и смайлик.

Красивой рыжей девушки? Я посмотрела по сторонам, в поисках «красивой рыжей девушки». Если нет подходящей, придется брать ту, что есть.

На столе лежала косметичка, на кровати лежал зеленый свитер, футболка и джинсы, а гламурная блоггерша рассказывала мне про основные принципы макияжа, штукатуря себя слой за слоем. Я пыталась повторить все процедуры, чувствуя, как тональный крем выдавливается сухими комками, а старая пудра крошится мне на колени. Подсохший брасматик не хотел придавать моим ресницам нужный объем. Я психанула и бросила свою косметичку на стол, растирая отвратительный результат по лицу. Посмотрев на шкаф, прикинув, что черный день все-таки настал, я пересчитала наличность. Этих денег хватит на три месяца черных дней с учетом оплаты квартиры. Был соблазн броситься на сайты вакансий, начать лихорадочный поиск работы, соглашаясь даже на самые унылые предложения, но меня останавливал опыт. Хватит соглашаться на всякую ерунду! Лучше подождать чего-то стоящего, чем цепляться за первое попавшееся.

Через полчаса я несла фирменный пакет с хорошей косметикой, которую мне подобрали в магазине. Выбросив старый «сушняк», я села изучать основы «красотонаведения». С двадцатого раза у меня получился милый результат, который меня даже порадовал. Одевшись в свитер и джинсы, я сфотографировала себя на светлом фоне обоев, а потом полезла в интернет, искать фотографии красивых парков моего города. Свитер перед фотосессией пришлось брить, потому что на нем было столько катышек, что он больше напоминал кактус.

Результат себя оправдал и уже был отправлен на почту.

Я заварила чай и села ждать похвалы.

«Изобрести за два часа машину времени, вернуться в 2003 год, найти Кропоткина

Виктора Сергеевича (в упор не знаю, кто это!) и попросить его сфотографировать тебя? Я горжусь тобой, Рыжик. Для тебя вообще нет ничего невозможного!» – пришло мне сообщение со ссылкой на портфолио местного фотографа. – «За изобретение и вид ставлю пять. За кусочек обоев в левом углу – неуд!».

А черт! Ла-а-адно! Я сделала большой глоток чая и посмотрела в окно.

Содержимое шкафа было разбросано на кровати. Господи, сколько у меня уродливых и старых вещей! Кофточка-половая тряпочка, линялый свитер, потертые джинсы... Что? И все? Нет, тут еще что-то есть!

Я шла по парку, фотографируя все, что мне нравилось. Красивые листики, кустики, небо, какающую собаку, которая смотрела на меня со всем страданием в глазах, взывая к моей совести. Просто она была очень красивая, но все время бегала, а тут как раз остановилась по вполне понятной причине. Тэкс... Смущенное животное попыталось буквой «зю» отойти от меня подальше, но я была неумолима. Да! Есть! На меня с фотографии смотрела милая морда с грустными глазками. Документалист естественного процесса умудрился познакомиться с хозяином, который был совсем не прочь встретиться «где-нибудь» вечером. Но Рыжий натуралист отказался, щелкнув напоследок пса по кличке Арнольд, когда тот вылизывал себя под хвостом. Три кота разной степени пушистости и откормленности, одна смазанная птичка на скамейке и фотографии себя в автоматическом режиме.

– Ой, а не могли бы вы нас сфотографировать и прислать фотографии? Я скажу, на какой адрес. Я вижу, что вы профессионально занимаетесь фотографией, – попросила женщина с трехлетним ребенком в синем комбинезоне. – Сашенька у нас не любит фотографироваться...

– Ну хорошо, – согласилась я. Почему бы и нет?

– Сейчас, шарфик поправим! – обрадовалась мать, положив сумку на скамейку.

Через минуту я настроилась.

– Саша! Стой ровно!!! – заорала на весь парк мать, одергивая ребенку капюшон. – И руки от лица убери! Руки по швам! Я кому сказала! Улыбайся! Ровно встань! Я кому говорю!!! Смотри на тетю!!! На тетю, говорю, смотри!!! Не на меня, а на тетю!!! Да ты что?!! Нормального языка не понимаешь!!! Улыбайся и смотри на тетю!!!

Пухлые щечки, обтянутые шапочкой, покраснели, в глазах малыша стояли слезы, лицо скривилось. Он вот-вот заплачет. Из покрасневшего носа потекла сопля. Через секунду Сашенька рыдал, растирая лицо руками.

– Извините, – вежливо заметила мать, шлепая по попе свое ревущее чадо и требуя успокоиться. – Он не любит фотографироваться. Спасибо, извините, что потратили ваше время.

Я уже шла по аллее, как вдалеке доносилось:

- Ты че разревелся??? Ты что? Не мужик что ли? Все, прогулка окончена! Мы идем домой!!! Сам виноват!!! Не надо было плакать!!! Все! Ты наказан! Никаких игрушек и мультиков! А ну быстро идем домой!!! Я тебе сейчас ремня дам!!!

Довольная, уставшая и почему-то счастливая, я села смотреть фотографии на компьютере. Я немного поработала над снимками, получая невероятное удовольствие от своего маленького портфолио, а потом отправила все на рассмотрение.

Ответа не было долго. Я даже нервничала.

Через два часа мне упала картинка. Моя слегка отретушированная и подправленная фотография и рекламный слоган осенней распродажи «Зима ближе, цены ниже!» модной одежды.

Я быстро набрала номер, задыхаясь от возмущения.

- С ума сошел? Ты просил фотографии! Кто тебе разрешал делать из них рекламу? У тебя совести нет! - вспыхнула я в трубку, обиженно глядя на себя в зеркало.

- Десять бордов по всему городу украсит мой улыбающийся Рыжик. И получит за это деньги. Заказчику очень понравилось. А я буду ездить и наслаждаться: Рыжиком на перекрестке, Рыжиком возле гипермаркета, Рыжиком напротив моего дома... - мечтательно заявили мне.

- Но ведь... - возразила я, глядя на удачную фотографию. Ее доработали до идеала, да так, что не придраться.

- Рыжик, я печатал твою фотографию для личного пользования, подъехал заказчик, с которым мы не работали еще ни разу. Он посмотрел и сказал: «Вот! Вот примерно то, что я хочу! Сможете, сделать так? Мы хотели брюнетку, но рыженькая выглядит интересней! Хотя, а можно взять эту фотографию? Фотограф будет не против? Авторское право и все такое... Просто предыдущая фирма, с которой мы работали, взяла фотографию без спроса у одного известного фотографа, потом мы судились... Неприятная история...» Я прикинул, что Рыжику идея совсем не понравится, она тут же мне позвонит с криками: «Да как ты мог украсить город мной!» - мы с ней немного поругаемся, она слегка обидится, рассказывая мне о том, что не хочет, чтобы все на нее смотрели...

- Ладно, - буркнула я, представляя, как месяц отсвечиваю своим лицом в чужом городе.

- Что, ладно? - обиженно заметили в трубку. - Я могу позвонить и сказать, что фотограф

не хочет денег, а модель стесняется. И мы возьмем другую девушку. Найдем кого-нибудь... И мы будем возиться с этим заказом еще неделю. И тогда вряд ли я приеду раньше выходных, – усмехнулся Феникс.

Вот какого черта? Это – наглый шантаж!

– Я сказал, что фотограф – очень профессиональный... Клиент не сильно в этом разбирается... Поэтому сумма твоего гонорара удвоилась. Теперь тебе осталось подписать документы на использование изображения в рекламной компании, и все. Рыжик, не сопи так... Ты же не унитаза рекламируешь? – прыснули на том конце трубки.
– И не клинику по лечению венерических заболеваний?

Я подавилась!

– Так как? Ты согласна? – спросил Феникс, мурлыча какую-то мелодию. – Заказчик уже утвердил макет...

– Нет! – возмутилась я. – Я не хочу, чтобы на меня смотрел весь город! Не хочу! Мне стыдно! Я – не модель! Я тебе эти фотографии прислала!

– Рыжик, я утром звонил твоему, я так понимаю, уже бывшему директору с чужого номера... – начал Феникс. – Он мне сказал, что ничего не знает по поводу сайта и так далее. Ты, оказывается, ничего ему не говорила, он вообще не в курсе, никогда даже сайта не видел, а ты уволилась и все такое... Я ответил, что мы не стали ждать, пока их руки дойдут, и сами дошли до арбитража. Почему ты мне не сказала, что тебя уволили, и ты сидишь без работы? Почему я узнаю это от левых людей?

Я молчала, глядя в стол.

– Я ответил, что Леся теперь работает у нас. Как тебе такой вариант? – поинтересовался Феникс. – И тут же получил исчерпывающие рекомендации с твоего предыдущего места работы. Я предлагаю тебе настоящее рабство. Официальное оформление, процент от выполненных заказов и своевременную оплату труда.

– А что по поводу руководства? – спросила я, слегка напрягаясь.

– Нежное, чуткое и очень требовательное, – задушевно просветили меня, в надежде, что я соглашусь.

– То есть за любой косяк меня будут ...хм-хм? – осведомилась я, слегка краснея.

– Ну почему же за каждый косяк тебя «хмы-хмы»? Иногда «хмы-хмы» будет и просто так ... – давился от смеха в трубку потенциальный работодатель. – И косячить для этого

необязательно... Рыжик, ты сделала мой вечер! Я ожидал всего, чего угодно, только не этого вопроса. Не уложились в сроки? Допустила ошибку в тексте? ... Черт, ты меня поймала...

– Тебе придется уточнять, когда – по – любви, а когда – за дело! И объявлять торжественно, чтобы я знала, с каким выражением лица мне нужно ... – начала я, слыша, как в трубке кому-то очень и очень плохо. – С томно-счастливым или мужественно-страдальческим! Я точно должна знать, наслаждаюсь я или отгребаю!

Вдоволь насмеявшись, я решила лечь спать пораньше. Уснула я почти мгновенно.

Открыв глаза и видя рядом с собой спящего руководителя по моему телу, я услышала страшный шум на улице. Судя по звуку, собралась целая толпа людей. Не могу представить, сколько их там! Бамс! Раздалось из комнаты. Я стянула одеяло со спящего тела, завернулась в него и бросилась в комнату. Тышь! Что-то било в дверь, причем такое мощное, что мне стало страшно. При каждом ударе на двери загорались какие-то странные знаки. Маленькое окно тоже не поддавалось!

Я бросилась в кровать, пытаюсь уснуть. В висках пульсировало, тело дрожало, а расслабиться под попытки выломать дверь у меня никак не получалось. Я ничего не слышу! Я просто легла поспать! Ничего страшного не происходит! Я вынырнула из своего домашнего одеяла, схватила телефон и набрала номер, слушая гудки.

– Фенечка, – закричала я, как только поняла, что он взял трубку. – У нас там дверь выламывают!

– Понял. Давай, сейчас домой доберусь. Главное, не паникуй. Через минут пять буду на месте, – услышала я в трубку.

Я завернулась в одеяло и снова попыталась уснуть. Не получается! Расслабились, глубоко вздохнули и ... Тышь! Дверь пока не поддавалась. Да что вообще происходит?

Феникс вскочил, прислушался, а потом кинул мне ворох своей одежды.

– Одевайся теплее! – приказал он, натягивая на себя штаны. – Рубашку на рубашку, штаны на штаны... Быстро!

Дверь захрустела, когда мы уже вскочили на ноги.

– Рыжик, – меня поймали за руку и сунули в руки одеяло. – Держи. Пока неси так. Пригодится.

Дверь распахнулась. Количество появившихся гостей не порадовало бы даже самую

радушную хозяйку, что уж говорить о нас. Судя по тому, что они пришли не с пустыми руками, прибраться перед их приходом явно не стоило.

- Чуть-чуть не успели... - прошептал Феникс, заслоняя меня собой.

- Дом окружен по приказу Его Величества! Все бойцы круга должны быть уничтожены!

- Так мы же больше не сражались! - возмутилась я, чувствуя, как из рук валит едкий дым.

- Феникса убить, Кошку забрать. Таков приказ! Выполняйте! - заорал мужик в серой хламиде. Его руки вспыхнули, и...

Глава двадцать вторая. Свадебное путешествие и первая мрачная ночь

Молодой человек, у вас огоньку не найдется?

- Это стража? - прошептала я, с ужасом глядя на количество незваных гостей.

- Нифига, это - наемники. За нас назначили награду, - прошептал Феникс, явно имея в виду, что пришли к нам не за солью и не за спичками. - Я так понимаю, что твой бывший заказчик....

- Да ну нафиг! Тьфу! - сплюнула я, затравленно осматриваясь. Если дом окружен, то как нам выбираться?

- Отдай Кошку по-хорошему! - заорал предводитель дворяншек, которые дружно и одобительно залаляли. Контактный зоопарк настраивался на бой.

- Я не отдамся. Ни по-хорошему, ни по-плохому! - заорала я, чувствуя, как дым наполняет всю комнату едкой и вонючей, как запах горелых покрышек, мглой. Несколько заклинаний чуть не попало в нас, Феникс тут же ответил на удар, сбивая меня с ног и заслоняя собой. Пламя охватило его с ног до головы, и на вошедших бросилась огромная огненная птица. Мебель горела, обои горели, в комнате стоял едкий дым моего производства. Я бросилась в ванную, вытащила камень с печатью из стены, срывая ногти и калеча руки, и ломанулась обратно в комнату, где уже кипел бой. Я быстро положила руку на камень, поливая всех водой.

- В комнату с печатью! - услышала я голос Феникса. Он бросил огромный по моим меркам шар огня в самую гущу столпотворения, и потянул меня по коридору. Тайная комната, дверь, которую мой Синий Борода рекомендовал мне не открывать, открылась, и я увидела золото. Столько золота, сколько представить себе не могла. Дядя Скрудж готовил акваланг, чтобы искупаться в золотом бассейне, а я поняла, что мы с Феней

были не богатыми, а сказочно богатыми!

– Быстрее! Деньги должны их задержать! – прошептал Феникс, открывая незаметную дверь в следующую комнату и затаскивая меня внутрь.

– Не может быть! – заорал кто-то, у кого хватило смелости, наглости и самоуверенности последовать за нами. – Это мое! Убрал руки!

«Это – наше!» – жалобно заметил маленький экононый Ослик Иа, пока Феникс ставил какие-то печати на дверь. «Мертвым деньги не нужны!» – промелькнуло в моей голове, когда я прикидывала, сколько же здесь золота! Понимаю, что мы не в том состоянии, чтобы считать состояние, но все же...

За стенкой послышался звон монет. Огненные вспышки, крики боли. Дележ добычи был в самом разгаре! Еще бы! Одно дело – найти, а другое дело – заработать. Так вот, работать в Кадингере никто не хочет. Впрочем, как и везде.

– Алчность – это очень плохо, – назидательно заметил Феникс, таща меня за руку к нарисованному на полу кругу. Возле стены стояли две большие сумки, поверх одной из них было еще одно одеяло, свернутое в рулетик. Дальше была еще одна комната, которая зияла темнотой.

– Итак, у нас есть два варианта и немного времени. Попробуем круг. Если ничего не выйдет, то попытаем счастья через подземные коммуникации...

Я стояла, дрожа, как заячий хвостик, трепеща, как осиновый листочек, понимая, что хоть мы и не лохи, но дела наши плохи.

– Рыжик, иди в круг. Быстро, маленькая, в круг, – прошептал Феникс, тревожно поглядывая в сторону двери и поднимая поклажу. Он осторожно затащил сумки в круг, схватил какие-то записи с дивана.

– Ты что делаешь? – спросила я, осматриваясь по сторонам. Дом действительно оказался куда больше, чем я могла себе представить, а эта комната явно когда-то значилась, как жилая. Дорогая мебель сдвинута к стене, на полу валялись какие-то тряпки, а на диване расположилась целая кипа старинных книг.

Феникс убрал волосы с лица, прислушался – и ударил заклинанием в какую-то нарисованную на полу точку.

– Солнечный круг... – тихо и не совсем складно пропел он, глядя, как огонь пополз по всем граням. – Небо вокруг... Это рисунок мальчишки... Как там дальше?

Знаки становились ярче, растекаясь всполохами по всему кругу.

– Нарисовал... Вспомнила! Нарисовал... Он на листке и подписал в уголке... – продолжила я дрожащим голосом, прижимая к груди свернутое одеяло, как маленького ребенка. «Не бойся, одеяльце! Не бойся! Сейчас все будет хорошо!»

Стена огня встала между нами и комнатой, а потом все резко погасло, оставляя черные очертания чужих художеств.

– Два... – прошептал Феникс, беря меня за руку. – Три!

Меня дернуло в одну сторону, в другую, подбросило вверх, как теннисный мячик, а потом опустило вниз, придавив невидимой тяжестью. Вокруг было темно. Я лежала на земле, чувствуя лицом россыпь острых камней. Мамочки... Я попыталась резко вскочить на ноги, но у меня закружилась голова и меня тут же подхватили на руки, прижав к себе.

– Рыжик, ты как? – спросил Феникс, пока я думала, что меня сейчас вывернет наизнанку. Парочка глубоких вздохов, и приступ тошноты прошел, зато из носа потекла кровь, которую я сразу же начала растирать. Вокруг все слегка скрипело, как сотня незакрытых дверей на сквозняке, раздавался страшный вой.

– Не бойся, это – ветер... – с облегчением выдохнул Феникс мне в волосы, вырывая у меня из рук одеяло и набрасывая его мне на плечи. – Мы за городом.

– За городом? – прошептала я, понимая, что мне еще никогда в жизни не было так страшно.

– Мы с тобой в кои то веки решили выбраться за город, взяли одеяла, шампуры, две большие сумки еды! – весело заметил Феникс, хотя я понимала, что за его веселостью скрывается волнение. Иначе бы он не стал постоянно гладить мои плечи и осматриваться по сторонам. – Ну что, Рыжик? Ты давно была на шашлыках?

– Три года назад, – поежилась я, не то от холода, не то от страха. – Ездили на день рождения Марины. Но шашлыков не было, потому что пошел дождь... Пришлось сворачиваться и ехать по домам... Даже д-д-дрова отсырели... Мы их в духовке приготовили.

– Дрова? – спросил Феникс, поднимая поклажу.

– Нет, шашлыки, – вздохнула я.

– И все? Рыжик один раз была на природе? Ну, рассказывай, не стесняйся, – Феникс

откашлялся, зажег огонь в руке и осмотрелся, подозрительно прислушиваясь.

– Хорошо, было дело пять лет назад, на майские праздники, – кисло заметила я. – Колю, парня Марины... Ну... Он ее бросил потом, после шашлыков... Укусил клещ, мы его горячей веткой прижгли... Идея была не моя, и прижигал Витя. А Катю, которая сестра Марины, но сейчас жена Коли, поэтому они уже не общаются, укусила какая-то муха, да так, что на следующее утро половину лица раздуло. Витя, который был на тот момент бойфрендом Кати, обжег себе правую руку, так что мы обмотали ее туалетной бумагой, пропитанной маслом от шпрот. Вроде как помогло.... А потом к нам пристала пьяная компания, которая сказала, что мы заняли их «шашлычное» место. Один из них помочился в наши шашлыки, и никто их после этого есть не стал... Была драка... Но я не участвовала. Я в сторонке постояла.... А потом Люда, подруга Марины, пьяная полезла целоваться с Колей, а Витя выпил и стал бросаться камнями с криками: «Пришельцы атакуют!». Один камень попал в Марину... Коля с Витей тогда подрались из-за этого, сломали Вите...

– Руку? – предположил Феникс, с явным интересом. – Ногу?

– Нет, телефон. Мы как раз его новый телефон обмывали, – скромно заметила я. – Короче, по результатам шашлыка стало понятно, что Витя – больной на голову, я – унылая и скучная, раз не принимала участие ни в одном мордобое, так что нас исключили из компании. Нет, меня позвали потом один раз... А Витю я больше не видала... А Наташа с Димой пошли за хлебом. Там километров пять. Туда пять и обратно пять. Короче, ушли – пропали. Потом мы им звонили и узнали, что они уже дома...

– Нда... Короче, я так понимаю, что темным лесом тебя не испугаешь. Ну все, раз ты умеешь лечить ожоги туалетной бумагой и маслом от шпрот, то мы не пропадем! Кстати, а что Рыжик делал во время этих унылых и скучных посиделок? – поинтересовался Феникс.

– Нудила унести клеенку подальше от муравейника, потому что у меня в минералке сразу три муравья плавало, а в бутерброде с паштетом штук десять нашло свое последнее пристанище, – скромно описала я свой вклад в праздник. – Ну и фотографировала природу на телефон. А еще у меня был компас. Игрушечный, правда, и я пыталась определить, где север...

– Какая прелесть! Сегодня, смотри, какая хорошая погода. Дождя – нет, сушняка вокруг – море, мы с тобой вдвоем. Остальные не поехали. Мы их приглашали, но они не смогли... Зато нам больше достанется! Не так ли, Рыжик? Это же не повод отменять шашлыки, если гости решили посидеть дома... У нас дома, – улыбнулся Феникс, разворачивая второе одеяло и набрасывая его на свои плечи.

– Какие шашлыки? – простонала я, прислушиваясь к вою ветра в сухом лесу.

– Обычные шашлыки с ночевкой. Романтика! Так, мы нож не забыли? Нет? – усмехнулся Феникс, чтобы приободрить меня. – А хлебушек?

– Ты собирался, – буркнула я, оглядываясь по сторонам и ежась от ужаса.

- Ах да, я и забыл. Так, воды хватит нам на три дня... - Феникс начал разбирать сумки. - Плохо. Я планировал на одного, а получилось, что на двоих... Ничего...

- Вода у нас есть... - вздохнула я, протягивая ему булыжник из ванной. Зачем взяла - не знаю! Думала, что смогу им сражаться...

Феникс взял у меня из рук кусок нашего бывшего уюта и удобств, а потом обнял меня так крепко, что я чуть не хрустнула. Если бы он этого не сделал, я бы уже наверняка сломалась.

- Рыжик, - поцеловали меня в лоб. - Умничка... Я что-то в этот момент не подумал... Ладно. Вот видишь, как хорошо, когда собираемся вместе? Итак, сейчас выберем подходящее место для шашлыка...

- А из кого шашлык? - спросила я голосом взволнованного Пятачка, которого другое зверье впервые пригласило в лес на пикник, захватив шампуры, мангал и салфетки. И пока друзья загадочно молчат, поросенок маринуется от волнения, не заметив ни капающего пакета с мясом и луком, ни паштета, ни хлебушка...

- Ну конечно, из тебя, маленькая! Из кого еще! Ам-ма-мам! - меня шутливо погрызли губами, а потом поцеловали в щеку. - Шучу. Еда есть, огонь есть, вода есть, одеяла есть... Мы с тобой все взяли... Так что не переживай, бежать в магазин за хлебушком не придется. Ночь, романтика, мы с тобой вдвоем на природе... Я всегда об этом мечтал. Видишь, когда нужно выбирать, то лучше всего - выбирать на природу!

Мы пошли в выбранную наугад сторону. Брели мы медленно, опасливо, оглядываясь по сторонам. В руке Феникса горел огонь, освещающий наш путь.

- Давай здесь остановимся ... - кивнул Феникс, показывая на какие-то старые руины дома с обрушившейся крышей. Мы затащили наши вещи в дыру, некогда предназначавшуюся для двери. В доме была какая-то старая - престарая мебель, которую мы тут же сломали, чтобы развести большой костер. Я прислонилась спиной к холодной стене, положив голову Фениксу на грудь. Он укрыл меня частью своего одеяла, прижимая к себе. Огонь плясал по сухим дровам, пожирал их в мгновение ока, разгораясь все сильнее и сильнее.

- Мы могли бы спрятаться в городе, - вздохнула я, любясь уютным костром. Костер действительно утешал, придавал уверенности и сил.

- Где? Нас везде найдут! Нет, был вариант катакомб, но, поверь мне, там не лучше, - усмехнулся Феникс, вдыхая запах моих растрепанных волос. - Не могу поверить, что ключи к разгадке кроются не в Кадингере, а за его пределами. Как будто так и должно быть... Хотя, я не уверен. Я раньше не выходил из города. Нет, я пролетал над лесом пару раз, но, поверь мне, пешком я здесь не гулял... Неужели она сказала правду?

-Ты сейчас о чем?- спросила я, мучительно сглатывая и ужасаясь нашему положению.

- Я о Крысе. Она сама пришла ко мне домой с целой речью в стиле: «Ты – волшебник, ты – избранный» и так далее... Я был уверен, что она – сумасшедшая. Крыса совала мне какие-то листочки бумаги.... « Ты думаешь, так просто вернуть солнце? Надел корону и все? Нет-нет-нет, – шептала она. – Вот, вот – единственный путь к солнцу... Понимаю, что звучит нелепо...». Я посмотрел на «рукописи», ничего хорошего и интересного в них не увидел, но, прикола ради, решил попробовать нарисовать круг, указанный на одном листочке. Вуаля! И мы здесь. Я думал, что не сработает, но оно сработало... Как ни странно... И теперь я очень сильно задумался... Кстати, вот ее записи ... – Феникс протянул мне из кармана несколько грязных бумажек.

Я уныло посмотрела на круги, взглянула на почерк, который был поразительно похож на мой. Крыса писала про какие-то ориентиры, отмечая их жирными крестами.

- Я спросил ее, могу ли я ей чем -то помочь... Я предложил ей не делать глупостей и выйти из круга... Я предлагал ей помощь, защиту, деньги, но она отказалась, – начал Феникс, но я при свете костра пыталась разобрать знакомый почерк. Странно, не когда другой человек пишет твоим почерком, ведь написать можно все что угодно. Страшно, когда мысли и чувства совпадают... Или совпадали...

«Я – ошибка природы, я – дым без огня... Я – просто Крыса, которая забилась в свою нору и существует в ней всю свою жизнь. Я живу в самом худшем из миров, хотя других никогда не видела... И я бы давно наложила на себя руки, если бы не моя кровь. Кровь, которая течет в моих жилах – ключ от города. Мой предок строил Башню Надежды и верил, что спасет тысячи людей. Все, что осталось от него –записи, которые передавались из поколения в поколение и кровь, текущая в моих жилах.. Феникс, если у тебя все еще остались сомнения, то я скажу, что моему телу нужна сильная душа... Не такая, как у меня... Очень-очень сильная. Та, которая сможет жить, не смотря ни на что. Та, которая сможет сражаться, даже если бой уже проигран. Сохрани мое тело, дай ему новую душу. И скажи, что я – Элесса, дарю ему (зачеркнуто) ей свое тело и свою кровь. Феникс, ты – мое солнце... Ты никогда не замечал меня в толпе, никогда не смотрел на меня, а я смотрела каждый твой бой, переживала за тебя, часто думала о тебе и мечтала. Если бы не твой лучик света, то моя жизнь стала бы мраком. Извини, что я прошу тебя так поступить. Но когда кто-то тебе очень дорог, пусть даже он об этом не догадывается, ты желаешь ему всего самого лучшего... Элесса»

Я еще раз перечитала, вглядываясь в поплывшие буквы. Мне показалось, что тот, кто писал это – плакал. Я прямо видела, как слезы каплют на бумагу, оставляя чернильные разводы. И мне самой стало грустно-грустно.

- То есть, получается, что ты как-то сделал, что душа Элессы исчезла, а вместо нее появилась я? – задумчиво спросила я, снова и снова перечитывая зацепившую фразу :«ты – мое солнце». – Она тебя любила... Очень сильно...

- Есть заклинание, которое не доступно рядовым магам. Оно позволяет убить душу, призвать на ее место другую. Тело изменяется внешне, тебе становятся доступны навыки твоего предшественника. У Крысы были карие глаза и каштановые волосы, если тебе интересно,- вздохнул Феникс, отворачиваясь. – Так что я виноват в том, что ты оказалась здесь. Готов понести заслуженное наказание.

Я молчала, понимая, что сказать нечего. Набрасываться с кулаками нападок, избивать обидными словами, отползая подальше и дуться в холодном углу, как мышь на крупу, я не буду. Обижаться нужно на ложь, но не на признание. Это такая редкость, когда человек просто берет и говорит правду, ставит под угрозу все, опускает голову и думает, что лучше бы он солгал... Я не понимаю героинь фильмов, которые с истерическими нотками душевнобольных начинают визгливо орать: «Значит, ты лгал мне все это время, а правду решил сказать только сейчас? Да как я могу вообще тебе верить? Да ты – мерзавец, подлец! Не подходи ко мне! Между нами все кончено!». Человек сказал правду не для того, чтобы испортить отношения, а потому, что ценит их. Правда – это знак уважения, какой бы горькой она не была.

– Мне горько, – прошептала я, пытаюсь проглотить чужую правду. Такое чувство, что это – неприятная таблетка, которую не нужно рассасывать. Она тает во рту, мерзкая, противная, но стоит сделать над собой усилие, и ты поймешь, что ее нужно было просто проглотить.

Ко мне наклонились и поцеловали в губы.

– Мне тоже очень и очень горько... – прошептал Феникс, беря меня за подбородок и снова целуя. – Очень горько... Я хотел сказать тебе раньше, но боялся, что ты обидишься и уйдешь от меня.

Я сидела и молчала, глядя в темноту.

– Рыжик, почему ты молчишь? – тревожно спросил Феникс, прижимая меня к себе. – Мешочек горьких дум от чистосердечного признания решил со мной больше не разговаривать?

– Нет, все нормально, – усмехнулась я, хотя мой смех был больше похож на всхлип. – Я не обижаюсь на тебя. Потому, что ты – мое солнце. Даже сейчас мне тепло и светло от того, что ты рядом. Если мы поругаемся, обидимся друг на друга, то солнце, которое нас сейчас согревает – померкнет, а оно единственное меня греет. И в том мире, и в этом.... Спасибо, что сказал. Буду знать. Мне обидно, ведь на секунду мне показалось, что все, что между нами было – это фальшивая игра с твоей стороны, с целью держать меня на поводке. Но я не жалею. Ни о чем не жалею... Давай, если нам удастся выбраться, если мы наконец-то проснемся, но у нас с тобой вдруг ничего не получится, то ...

В горле что-то сдавило.

– ... ты подаришь мне ребенка. Я не буду просить ни алиментов, ни помощи... Не буду запрещать тебе видеться с ним, не стану рассказывать, как это делают некоторые мамы, что: «твой папа – сволочь». Нет. Я буду просто любить этого ребенка больше жизни... Он станет моим маленьким смыслом, маленьким солнышком, которое будет мне улыбаться, которое я буду брать на руки, целовать и обнимать. Он будет называть меня мамой, а я буду счастлива. Я буду самой счастливой женщиной на свете. И никому-никому не отдам моего малыша. Надо будет – устроюсь на две работы, надо – возьму подработку, но мой ребенок будет одет, обут, накормлен ... У него будут самые красивые игрушки... Я все для него сделаю...

Я сглотнула, проглатывая ком слез и представляя маленькие ладошки, которые тянутся ко мне.

– То есть папа вам не нужен? Сделал дело – гуляй смело на все четыре стороны? – почему-то обиделся Феникс. – Использовали папу и выбросили из жизни. Нет, Рыжик, ты, конечно, здорово придумала с «одноразовым папой», не спорю. Но на таких условиях я не согласен. Так что Рыжик облизнется.

– Хорошо, я все прекрасно понимаю. Но одного я понять не могу, что ты во мне нашел? У тебя есть квартира, машина, есть работа, есть деньги. Ты красив, молод и умен. Тебе куда больше подошла бы другая девочка. Красивая, эффектная, уверенная в себе и в своей неотразимости. Чтобы ее не стыдно было показать друзьям, не стыдно раздевать, и которая никогда не наденет белье с котенком, – простонала я, понимая, что, если бы не сон, то мы вряд ли были бы вместе.

– Кота не трогать! Котенок, кстати, мне очень понравился! – возмутился Феникс. – Иначе бы я не посвятил его разглядыванию и обсуждению десять минут своей жизни! Кстати, зверюшки на трусах – отличная идея! Лисенка я на кухне видел... Передай остальному зоопарку, что его ждет та же участь, что и котенка. Даже ежика. Его в первую очередь. Кстати, а ежик там есть? Меня очень волнует этот вопрос.... Огласи список всей живности, пожалуйста...

– Когда ты говоришь про «зоопарк» и «белье», ты говоришь так, будто это что-то плохое! Короче, сравнивая себя и тебя, я понимаю, что ты – Принц, а я – Золушка, – продолжила я, вспоминая, как «котенка» потом поднимали с пола и нежно гладили со словами: «Обидели маленького котенка!». Короче, поиздевался над бедным котенком знатно.

– У Золушки дома наверняка было чисто, – мечтательно заметил Феникс. – И была куча злых родственников... Не смотри на меня так! Речь идет о собственной недвижимости Золушки, а не о съемной квартире. Так что ты – не Золушка. Ты – Спящая Красавица. Спящая, и сопящая во сне. Домашняя, уютная, теплая и нежная... И в тот момент, когда я произносил заклинание, я думал именно о такой девочке, как ты. Я думал, что смогу узнать о ней все, что можно, найду ее в соцсетях, а если повезет, то она сама даст мне номер телефона.... И когда все закончится, то я ей позвоню или напишу. Она долго будет думать, какое же это удивительное совпадение, а я просто стану медленно и последовательно подбираться к ней все ближе и ближе, пока не поймаю.

– А если бы она жила на краю мира? Или география твоих поисков ограничивалась радиусом двести километров? – съехидничала я.

– Рыжик, я что? Пешком к ней в гости собрался? Пока я к ней пешком дойду, она уже внуков нянчить будет! Знаешь, если человек действительно нужен, то расстояние – не расставание. А если человек и нафиг не нужен, то лень будет даже этажом выше подняться. Так что двести километров – это ерунда. Это – совсем немного, если так посудить. Считаю, что рядом. Если нормально втопить по трассе, то это где-то два с половиной часа. Что такое два часа? – фыркнул Феникс.

Мы сидели в обнимку. Феникс внимательно прислушивался к шорохам мертвого леса.

– Если бы ты встретил меня на улице, ты бы ко мне даже не подошел! – обиделась я, понимая, что неизвестно к чему близка. К истине или к истерике. ООО «Крепкие нервишки» предложило мне беспрецедентную акцию на самые крепкие нервы, которые только можно предложить. Консультант уже доставал толстый, как удав, канат и показывал его прочность. Но я понимала, что мне нужно еще немного собраться с духом, чтобы его хватило на столь ценное приобретение.

– Не знаю, но взглядом проводил бы точно. Ты знаешь, сколько людей провожает тебя взглядами? – спросил Феникс, бросая кусок столешницы в огонь. Искры пошли вверх, рассыпаясь светлячками в хмуром ночном небе...

– Нисколько! – ответила я, глядя, как костер поглотил свою жертву, как чернеет дерево, как пламя пожирает ее жадно и беспощадно.

– Ты просто этого не замечаешь. Я лично проверил бы, если бы ты согласилась со мной куда-нибудь сходить... – заметил Феникс, дыша мне в висок. – Если все будет хорошо, то я завтра приеду. Часиков в двенадцать....

Я тоже подбросила в костер ножку стола, глядя, как радостно пламя начинает плясать по ней. Свет от костра освещал то, что осталось от стен старого маленького дома, который когда-то был убежищем для целой семьи. В костер полетела старая деревянная игрушка, сохранившая следы краски.

– Что будем делать? – спросила я, глядя, как игрушка сгорает в огне. Интересно, кто с ней играл? Мальчик или девочка? Маленький счастливый ребенок даже не подозревал, что в мир придет тьма. Он просто жил и радовался каждому дню, ведь у него была любящая семья!

– Смотри на стену, – прошептал Феникс, показывая рукой на странное изображение. – Вот он – Город Надежды. Наверное, в каждом доме был такой рисунок.

– Не трави мне душу! – возмутилась я, отводя взгляд от картинки.

– Рыжик, не бери на себя все грехи этого мира! Даже твоей совести не хватит, чтобы их унести! – фыркнул Феникс. – Ты, что? Лично принимала участие в геноциде местного населения? Нет. Так чего ты себе накручиваешь?

– Хорошо, вернемся к теме. Что делаем дальше? – спросила я, вглядываясь во тьму.

– У нас есть два варианта. Мы подождем, когда все утихнет, и попробуем вернуться. Или проверим сведения Крысы, – вздохнул Феникс, снова прислушиваясь. – Главное, чтобы костер не погас. Это – самое важное.

– Почему Бог отвернулся от нас? – внезапно спросила я, сжимая кулаки от бессилия. Что-то странное, горькое и жгучее, рвалось изнутри, глядя на такую несправедливость.

– Бог – это мораль, – ответил Феникс. – Внутренняя мораль человека. И когда ты говоришь, что бог, неважно какой, от тебя отвернулся, это означает, что ты сама отвернулась от себя. А конфессия, не имеет значения, какая, просто объединяет людей с похожей моралью. Конец света это – конец морали. Те, кто верит в конец света, просто нетерпеливо ждут конца чужой навязанной морали. Твои соседи мечтают о конце света, готовятся к нему, тренируясь плевать на окружающих с высоты своих колонок и самомнения, вот я и организовал им генеральную репетицию... Кстати, как там они?

Феникс быстро достал из рюкзака какие-то корнеплоды, наколот на палку и стал обжаривать их на огне, чтобы со словами: «Горячо – сыро не бывает», – спокойно снять рукой и поделить пополам.

– Слу-у-ушай, – прошептала я, показывая рукой в темноту. – Там кто-то есть...

По коже пробежали мурашки, я чуть не подавилась, глядя на то, как тьма вокруг нас стучается. В каких-то местах она шевелилась, как живая, а я отчетливо видела тени.

– Ну и что? – спокойно поинтересовался Феникс, доедая свою порцию. – Здесь кто-то ест, там кто-то есть... Пусть слюнки не пускает. Я никого, кроме Рыжика подкармливать не собираюсь!

– А вот мне ка-ка-кажется, – проглотила я свой кусок, снова пристально всматриваясь в темноту, – они не на нашу еду, а на нас слюнки пускают... Мамочки...

– Облизнутся, – усмехнулся Феникс. – Знаешь, если пристально вглядываться в темноту, то можно увидеть проблески надежды. Так что, если все сказанное Крысой окажется правдой, то у нас с тобой появится шанс.

– Так что это за хрень? – запаниковала я, глядя, как черная тень метнулась от одного темного куста к другому.

Феникс метнул огненный шар в самую гущу тьмы. Шар осветил десяток таких тварей, что у меня сердце оборвалось, а по спине пробежали мурашки. Черные, с едва светящимися глазами, дымчатые и огромные, размером со льва. И пока горело дерево, мне удалось немного их разглядеть. Они припадали на передние лапы, которые были очень похожи на человеческие руки. Если кто-то и стоял в очереди за «красотой», то явно не они. Надеюсь, что очередь за умом и сообразительностью они тоже не выстояли... Очень на это надеюсь!

– Это? Настоящие хозяева короны, – прошептал Феникс, странно улыбаясь. – Послы с дипломатически – гастрономической миссией. Целая делегация, если быть точнее.

Глава двадцать третья. На худой конец...

Если мир устал нас любить,

нам придется любить друг друга...

– Как я могу взять трубку? – спросил Феникс, прижимая меня к себе. – А то ты так вибрируешь, что мне уже хочется ответить на вызов. Где у тебя волшебная кнопка с надписью: «Принять»?

Е-е-еще б-б-бы не в-в-вibriровать, к-к-когда вокруг нас прогуливают-т-тся невед-д-домые з-з-зверюшки!

– Там на неведомых дорожках, следы невиданных зверей, – усмехнулся Феникс, подбрасывая дрова в костер и поглядывая во тьму. – И Рыжик мой, по кличке Кошка, дрожит час от часу сильнее! И гости там над золотом чахнут. Унылый мир, в нем грустью пахнет!

– Ты хочешь меня развеселить? – тоскливо спросила я, понимая, что была бы не прочь, если бы сюда съехались все комики и юмористы. И мы развеселились бы, и твари поужинали. – И как мы спать будем? Я не усну, зная, что стоит костру погаснуть, как нас тут поделят на первое, второе и десерт!

– Рыжик, ты чего переживаешь? Ты в любом случае будешь десертом, пока я буду исполнять обязанности супа и гарнира! – Феникс грел мои руки в своих руках. – Листочки у тебя?

– Я тебе их вернула! – горько возразила я, чувствуя, как меня нежно гладят, дыша в мои волосы.

– Чего ты, маленькая? – шептал Феникс, крепко прижимая меня к себе и выдыхая мне в ухо. – Просто расслабься... Не надо так нервничать... Все будет хорошо, Рыжик... Еся, не надо смотреть на меня так, словно ты только что бросила горсть земли в мою могилу... Все будет хорошо, не волнуйся... Я тебя в обиду не дам... На растерзание не отдам... А если аборигены тебя внесут в меню, то я быстро вычеркну. Мою девочку я могу есть только один... Ну все, без паники. Понимаю, ситуация хреновая, понимаю, что жутковато, но ты – молодец. Держись... Только не надо себя хоронить раньше времени, договорились? Ну вот и все...

Я смотрела в красивые и невероятно нежные глаза, переводила взгляд на волосы, которые при свете костра отблескивали красным золотом, и мысленно шептала «спасибо» судьбе. Я не могла представить себе, что однажды мир перевернется с ног на голову и на меня обрушится такое счастье. Что-то радостное и грустное одновременно переполняло меня, смешиваясь с нежностью, которую я копила всю жизнь. Я шла по жизни, не смеясь как некоторые, не порхала, беззаботно откинув волосы, а скорее ковыляла, поднимая глаза, только если кто-то улыбнется мне и мне на секунду покажется, что в глазах забрезжил рассвет нежности. Те люди, которым я хотела ее подарить, по закону подлости обладали черными дырами вместо сердец. Они требовали, выпрашивали, возмущали, когда я дарю мало любви и нежности, но сами не дарили ничего. Все мои чувства исчезали в черной бездне бесследно и безвозвратно. Я всегда

радовалась каждому нежному слову, как бы случайно слетевшему в мой адрес в момент разговора, наслаждалась каждой «заюшкой», «котеночком», «солнышком», забывая, что «заюшки», «солнышки», «котята» – пройденный этап каждых предыдущих отношений, дежурное обращение за неимением фантазии, обычный трюк, который растопил не одно наивное женское сердце.

Я немного успокоилась, положив голову на плечо Фениксу, который внимательно сидел и перечитывал записи. Лицо в этот момент у него было очень сосредоточенное, пока я сидела и шмыгала носом, кутаясь в одеяла.

– Хорошо, если нам удастся проникнуть обратно Кадингер, и ... ну я не знаю, убить короля, отобрать у него корону... Я не представляю, как, но все же, то тогда ты ее вынесешь сюда и ... И что? Просто выбросить? – поинтересовалась я, зябко кутаясь в одеяло и прижимаясь к любимой вредине. Если план вам так и не озвучили, то, скорее всего, его нет вообще. – Есть у меня подозрения, что до утра мы не доживем...

– Рыжик, не паникуй! – отмахнулся Феникс, с интересом перечитывая листок и задумчиво глядя в темноту. – Я скажу тебе, когда нужно паниковать. Подойду и торжественно скажу: «Теперь можно паниковать!» и отойду в сторонку.

– Нет, ну как ты себе это представляешь? – нервно спросила я, пока в голове под гитарный перебор играло: «Поручик Га-а-алицын, а может, вернемся. Зачем нам, поручик, чужая земля-я-я!». – И вообще, я в ... хм... хочу... Сильно... Давно уже терплю...

– Ты хочешь прогуляться в кустики? – осведомился Феникс, пока пресловутые кустики подозрительно шуршали. Давай здесь, не надо стесняться...

– Я по маленькому, но, если отважусь на кустики, то там, чувствую, уже будет комплексно! А здесь я не могу.... – прохныкала я, постепенно беря себя в руки. Мне на природе всегда кажется, что за мной кто-то подглядывает, поэтому я отхожу так далеко, продираюсь сквозь такие заросли и прячусь так, что позавидовали некоторые партизаны! Я обязательно проверю все точки обзора, подозрительно осмотрюсь по сторонам, прислушаюсь, и только потом... Одно дело, когда за тобой подглядывают, а другое дело, когда поглядывают с гастрономическим интересом.

– Иди, не бойся, – усмехнулся Феникс, не отрываясь от бумаг. – Я сначала тебе посвечу, а потом посвящу приличную эпитафию!

– Это ведь неприлично! – всхлипнула я и посмотрела по сторонам. Так осматриваются загнанные обстоятельствами и естественными потребностями интеллигентные люди, оказавшись с людном месте без перспектив заплатить десяток рублей за выход из неприятного положения. – Неизвестно, сколько нам тут еще сидеть! Проклятая корона!

– Не корова, – внезапно и как-то совсем неожиданно произнес сиплый голос из темноты. – Нахвостник... То, что вы навеваете коровой, – Нахвостник...

Голос был похож на голос курильщика со стажем.

-Что за нах...? – спросила я, удивляясь не меньше Феникса, у которого даже записи выпали из рук.

- Нахвостник, – терпеливо объяснил невидимый собеседник. – Надевается или надеется на хвост! Есть те, которые надеются или надеваются, я не помню, как правильно, на ... ммм... худой конец, а есть те, которые надеются на толстый... Корова – на толстый...

- То есть в непосредственной близости от того места, которое всегда предчувствует проблемы раньше всех? – подозрительно уточнил Феникс, изумленно глядя в темноту. – Ой, фу, я его на голову собирался надеть! Фу-у-у!

- И целовать, после победы, как кубок или медаль! –изумленно заметила я, вспоминая, как команда чемпионов страстно лобызает заслуженную награду. – Трепетно прижимать ее к щеке! Да ладно, ее наверняка помыли...Или вытерли... Знаешь, сколько ее облизывало до тебя!

- Бывший в употреблении ректальный термометр не становится пероральным, даже если его вымыть с мылом, продезинфицировать, – скривился Феникс, сплевывая на землю.

- Есть ... как там у вас говорить? – раздался голос из темноты. – Забыл слово... Прощение, прощание, поношение...

- Просьба? – предположила я, понимая, что одна из тварей – явный полиглот. Смешно будет узнать, что пока ее сородичи листают книгу: «100 рецептов из человечины», этот экземпляр сидит с разговорником.

- Просьба! Вы так горите о Великом Нахвостнике, как о чем-то плохом! – строго заметила тьма. – Нельзя! Завершено!

- Запрещено! – поправила я.

- Да. Ну и язык у вас! – посетовал переводчик, вселяя в мое сердце надежду, что играть в съедобное-несъедобное мы будем, но не сразу. В рамках беспрецедентной акции я согласна поработать репетитором по человеческому языку на пол ставки, если это хоть как-то продлит нам жизнь. Если тварь предъявит нам диплом об окончании местного ВУЗа с отличием по специальности «Переводчик», то я уже не удивлюсь. И пока все нормальные твари получают образование по специальностям «Кулинар», «Повар» и «Пищевой технолог», одинокий полиглот зубрит склонения и спряжения. Это достойно уважения.

- Мы вас не будем мстить или сечь... – выдал «языковед». – Мы хотим вас растерзать!

- Растерзать? Убить? Да не, ну нафиг! – возмутилась я, гася огонек надежды,

забрезживший в душе.

– Растерзать, раскрывать, распинать, расставать... – запутался «дипломат», демонстрируя не дюжие познания в сфере, о которой если и хотелось думать, то в самую последнюю очередь.

– Расставаться с жизнью? – поинтересовался Феникс, забросив записи и с явным интересом поддерживая диалог. Мне тоже пока не очень нравились варианты.

– Как будет .... когда ты горишь, и я горю? – задумчиво осведомился переводчик.

– Давай проверим? – поднял брови Феникс, бросая на меня изумленный взгляд. Я ответила ему тем же.

– Нет, ну то, что мы ... деваем, нет, не деваем... делаем! Делаем сейчас! – отозвалась тьма.

– Вы хотите с нами поговорить? Расспросить? – предположила я, слушая сопение в темноте.

– Да! – обрадовался невидимка, выдыхая. Тяжело, однако.

– Давно .... тут ядей... Или как вы тебя зовете? – снова напрягся «дипломат». – Они нас увить... Удить язык... Я не заставил... Не застал! Мой .... Мат... Меня мучить... Язык!

– И что? – спросила я, представляя, как радуются остальные, вступив в контакт с представителями иной ...эм.... цивилизации. Ответственный момент. Вся надежда на «дипломата».

– Помогать! Они нам помогать, мы им помогать! – сообщил переводчик, явно потев от столь важной дипломатической миссии. Переговоры двигались в час по чайной ложке.

– Они дать нам язык! Кто-то учить, а кто-то нет! Я помнить язык! – похвастался сиплый дипломат. – Меня учить не ты... Но я учить!

– Молодец, – хором похвалили мы с Фениксом неведомую разговорчивую зверюшку. Было у меня подозрение, что наш невидимый собеседник мечтал попасть в нашу языковую среду, а вот мы, в его языковую среду попасть явно не хотели. Ни целиком. Ни по кусочкам.

– Свет убить! Я подойти! – оживился переводчик. – Я все помазать! Показать!

– Ага, сейчас, – заметил Феникс. – Размечтался! Да ну тебя нафиг!

– Нафик? Моя называться Нафик? – глухо выдохнуло чудовище. – Называть меня Нафик! Законства?

– Хочешь познакомиться? – усмехнулся Феникс, подбрасывая дрова в костер. Я обычно не знакомлюсь на улице, поэтому вполне разделяю опасения.

– Да! Я все поднимать, но задевать... забывать.... Лета много! – с тяжелым вздохом заметил «переговорщик», снова выдыхая так, словно мимо него в миллиметре только что пронеслась шальная пуля. – Мы мог вас любить в ... любой момент...

Перспективы быть «насмёрть залюбленными» неведомой живностью, нас не сильно прельщали. При общении создавалось такое ощущение, что мы работаем в миграционной службе и только что вернулись с рейда по ближайшей стройке.

– Мы не одевать... не убивать... вас, – просипел наш полиглот. – Убрать свет... Мы подохнуть... Подходить...

– Ага, сейчас, разбежались! – выкрикнула я в темноту, а потом потянула Феникса к себе и зашептала. – Это они специально тут играют в трудности перевода... Они просто хотят усыпить нашу бдительность! Как можно верить этому голодному зоопарку? Так что не будем делать глупостей!

– Знаешь, если бы они хотели нас прикончить, то сделали бы это, когда мы брели в темноте, – прошептал Феникс, явно желая вступить в деловой контакт с представителями неведомой фауны.

– Да, – горячо и шепотом возразила я, будучи человеком острожным. – Но вдруг в тот момент они нас не видели, а сейчас видят и пытаются исправить свою оплошность! Я им не верю! Не верю и точка! Это – просто предлог!

– Есть принципиальное различие между предложениями «в» и «на». На земле и в земле. На свете и в свете... – задумчиво заметил Феникс, а потом улыбнулся. – На любимой и ... Кстати, если хочешь сходи в туалет, но только здесь и ложись спать. Я тебя в обиду не дам... Ложись, Рыжик...

– Нет, не лягу! Я буду сидеть с тобой до победного! – гордо ответила я, чувствуя небывалый прилив необоснованной самоуверенности.

– Так вы не одно? Вы два? – удивился «переговорщик», когда я выползла из-под одеяла. Я на секунду представила, как на глазах чудовищ «двухголовое чудовище» разделилось на две части, одна из них отвернулась, пока вторая стала выбирать местечко.

- Два! – рывкнула я, понимая, что в такой ответственный момент зрители меня слегка смущают!

- А что ты делать? – поинтересовался «дипломат», в целях повышения образованности, не иначе!

- Рыжик, – прыснул Феникс, не поворачиваясь. – Оно диссертацию пишет на тему: «Люди, как биологический вид». Ему кандидатская степень светит.

- Ничего я не делать! – ответила я, простонав и поглядывая в темноту и пытаюсь преодолеть отнюдь не кандидатскую степень отвращения, а скорее докторскую, которая возникает при виде халтурного реферата, скачанного по первой же ссылке.

- Нет, ты что-то делать! – заметила подозрительная тварь.

- Фенечка, я так не могу! Отвлеки их чем-нибудь! – проскулила я, слыша сопение.

- Шарик им бросить, пусть поиграют? – предложил Феникс. – У нас тут дипломатические переговоры! Глазки закрой и не стесняйся. Поверь мне, им это не интересно.

- Интересно! – обрадовался невидимый собеседник. – Мы хотим поговорить! Вы нам доверять!

- Мы вас для начала проверять! – передразнил Феникс. – Мы пока подумаем, верить вам или нет. Дров у нас надолго хватит...

Все затихло, а я сидела и думала, верить или не верить. Ситуация дикая. И опасная. Неизвестно, что у них на уме. Твари явно что-то замышляют... Мы сидели уже час в тишине, борясь со сном. Ладно я – официальный безработный, но кому-то завтра на работу...

- Скажи честно, в твоей жизни были хорошие люди? Хорошие девушки? – лениво спросила я, почти засыпая.

- Были. О них я ничего плохого сказать не могу. Я надеюсь, что они искренне счастливы... Я не смог сделать их счастливыми, значит, их счастье в ком-то другом. И я просто ушел с дороги. А в твоей жизни, Рыжик, встречались хорошие люди? – задумчиво спросил Феникс, обнимая меня.

- Были... – выдохнула я, вспоминая с теплотой некоторых своих коллег, знакомых. – Немного, но были...

- И где они теперь? - спросил Феникс, лениво подтягиваясь.

- Я не знаю как, но они куда-то деваются из жизни... И удержать их невозможно. Они уходят незаметно... Это происходит как-то случайно. Кто-то куда-то уезжает, кто-то просто сосредотачивается на семье, карьере... У них нет времени на «посиделки». Они знают, чего хотят от жизни, поэтому я, вечная килька в чужом кильватере, им совершенно не интересна. Наверное, не стоило плохо говорить о моих подругах... Помнишь, я тебе рассказывала... Меня до сих пор мучает совесть... - скривилась я, от воспоминаний о своем откровении. - Я просто была зла на них за то, что рядом с ними я чувствовала еще большее одиночество, чем обычно, хотя надеялась, что одиночество пройдет. Знаешь, что самое страшное? Это когда ты живешь с человеком, все думают, что у вас - любовь, но ты чувствуешь себя таким одиноким. Когда ты в большой компании, шумной и веселой, чувствуешь себя самым одиноким человеком на земле.

Я зевнула... Нет! Не спать! Костер догорал, а я думала, понадеяться на «авось» или подкинуть дров... Феникс, очевидно, думал точно так же, глядя, как пламя становится все меньше и меньше...

- Кто мы такие, чтобы судить людей? Боги? Нет, мы не боги, - продолжила я, уютно прикрывшись на плече.

- Мы просто судим их по себе, вот и все. Если ты пытаешься помочь, если ты проявляешь нежность, если ты жизнь готов отдать за дорогого человека, то почему мы не имеем права требовать этого от других? От тех, кто претендует на «дружбу» и «любовь»? - усмехнулся Феникс. - Жизнь - это вечное собеседование. Это я тебе, как твой, считай, нынешний работодатель говорю. Смотри. Мне нужна девушка, которая сможет меня поддержать в трудную минуту, за которую я хочу сражаться, которой нужна моя нежность и забота, и которая готова подарить мне такую же нежность и заботу.

Материальное положение - не имеет значения, но главное, чтобы не хроническая иждивенка с претензиями на жену олигарха, камень на шее, который снял предыдущий, чтобы перевесить на меня, девочка-коллектор, который каждый день орет мне: «Мужик мне по гроб жизни до-о-олжен!». У девушки должны быть увлечения, хобби, интересы. И желательно, чтобы это были не наркотики, алкоголь и пластический хирург. Только не он! Пока кони падают ей на операции, где-то ходит по земле прекрасный принц, который мечтает о том, чтобы у него была жена на пятьдесят процентов, состоящая из силикона, начиная от губ, похожих на гамбургер в натуральный размер, с грудью шестого размера, и которая соревнуется с голливудскими красотками в номинации «самая большая силиконовая попа». А кони, которые давали деньги на исправление неудачной пластики, бегали ей за соком, лекарствами, обрабатывали швы - пройденный и переступленный этап.

- А что ты можешь предложить девушке? - спросила я, чувствуя, как глаза слипаются.

- Все, что в моих силах. Курю, но не пью. Вспыльчив, но отходчив. Циничен и резковат. Сужу людей по себе. Когда мне говорят: «иди нафиг!», я иду напролом. Я готов любить и обожать, защищать и заботиться. Этого мало, согласен. Наверное, поэтому я одинок... - с усмешкой вздохнул Феникс, поведя плечом, но я уже засыпала.

- Бедный, - раздалось из темноты. - Но ты - мат! Ты должен зачищать свой дитеныш!

- Мат - одиночка, - вздохнула я, в ответ на сиплую ремарку.

- Ладно, ребята, выкладывайте все, как есть! - усмехнулся Феникс, зевая. - Вы говорили про нахвостник...

- Нахвостник - это наш вещь. У нас его оторвать.... - начал голос, пока я представляла, как корону отдирают вместе с чужим хвостом. - Я бы вам все это быстрее нарисовать, чем говорить!

- Нет, - возразил Феникс. - Вы сейчас нам все расскажете, а мы в свою очередь обдумаем ваше предложение.

Через полчаса сбивчивых объяснений, похожих на допрос с пристрастием и словарем ну очень разговорчивого и в словах неразборчивого иностранца, мы выяснили, что гениальность идеи местного мессии, чья кровь холодеет в моих жилах, заключалась в том, чтобы забрать из одного мира и перенести в другой мир один великий артефакт. Об экологических и демографических последствиях для того мира герой-спаситель как-то не сильно задумывался. Впрочем, как обычно. Отобрав у бедного зверья их единственную реликвию, защищающую их от «Злого глаза», герой решил, что неразумная живность, стоявшая на тот момент на начальной ступени эволюции, которая поиздевалась над ними как умела, не стоит того, чтобы задумываться об их скорбной участи. Лепестками благих намерений была выстелена дорога в ад. И теперь зверье, чудом уцелевшее после такого разбоя и оказавшееся на поверку не настолько безнадежным в плане интеллектуальных и магических способностей, пришлось за своим имуществом. Но отдавать его никто не собирается. И сидят они, бедолаги, здесь, несут дежурство уже несколько столетий, периодически терзая в слепой ярости то, что имело несчастье выползти из города. И если бы с Фениксом не обсуждали корону и возможности выхода из города, то наши часы были бы сочтены. Ням!

- Хорошо, что вы можете предложить за помощь? - спросил Феникс, заметно оживившись. Спать мы пока передумали, поскольку после такого рассказа, который пестрил жутковатыми деталями, уснуть можно только от транквилизатора.

Повисла тишина.

- Жизнь, - отчетливо ответила тварь. - И мы все решать....

- Хорошо, мы согласны, - вздохнул Феникс, взявший на себя роль переговорщика с нашей стороны.

- Слушай, - прошептала я. - Мы могли бы потребовать что-нибудь поинтересней!

- Ты хочешь, чтобы благодарность нам отдавали натурой? - хмыкнул Феникс, поглядывая в темноту. - Все по очереди? Тебе самцы, а мне самки?

– Ну почему сразу натурой! – возмутилась я, понимая, что рисковать жизнью ради жизни – это не совсем выгодная сделка.

– Рыжик, нет ничего ценней жизни! – возразили мне. – Хорошо, заключим договор. Остальные условия я готов обсудить с вами лично.

Феникс встал, но я потянула его за рукав, шипя, что он слегка свихнулся.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанское, – вздохнул Феникс, направляясь в темноту. – Заодно проверим наших новых друзей....

– Прошу тебя, не надо, – взмолилась я, повиснув у него на руке и понимая, что он задумал. Когда Феникс шагнул во тьму, мое сердце оборвалось. Мои руки потянулись к лицу, а через пару мгновений захрустел мой ноготь... Не надо... Только не это...

Через минут пятнадцать Феникс вернулся.

– Одним ударом двух зайцев, – усмехнулся он. – Переговоры и все остальное прошло успешно. Рыжик, можешь спать спокойно.

***

Я проснулась на своей кровати дома, сладко потянувшись, посмотрела на фотоаппарат на столе, улыбнулась солнышку, которое решило разнообразить собой прогноз погоды. А ведь солнце – это так чудесно! До боли и рези в глазах я вглядывалась в желтый диск, зная, что оно светит и для меня тоже. И для меня. Мое солнышко. Какое же ты чудесное, красивое и яркое! Как же здорово, что ты вообще есть... Я полчаса всматривалась в него, щурилась и жмурилась, улыбаясь ему. И в какой-то момент мне показалось, что оно улыбнулось мне в ответ. После мира вечного мрака, после беспросветного ужаса, солнце казалось мне настолько прекрасным, что я никак не могла на него насмотреться. Радуюсь, прыгая по комнате, как маленький ребенок, я достала то самое платье, в котором должна была отсвечивать на чужих свадебных снимках, достала туфли, сделала уборку, вылизав квартиру до блеска, а потом с благоговейным трепетом сняла с полки любимую кружку. Погладив пальцем красивый бант, я сделала вид, что пью из нее, нежно целуя вызолоченный ободок. Рядом уже закипал чайник, а в телефоне появилось сообщение: «Буду через два часа».

Я успела привести себя в порядок, надеть обновку и полюбоваться собой в зеркале, которое впервые сообщило мне, что в него смотрится девушка – мечта. И пока другие девушки-мечты фантазируют, объектом чьих грез они являются, я знала наверняка.

Через три часа мы гуляли по осеннему парку, где размещалось огромное колесо «Оборзения», прозванное так аборигенами из-за непомерной жадности владельцев аттракциона. Как шутят местные, скоро будет дешевле увидеть мир из окна самолета, чем насладиться семиминутным созерцанием убогих пейзажей родного города.

- Рыжик, бросай гоняться за голубями, - улыбнулся Феникс. - Давай сфотографируемся на память... Вместе... Я переживаю, что у нас с тобой нет ни одной фотографии... Нет, ни одного доказательства того, что мы были... Ни ты была, ни я был, а мы были вместе и счастливы.

- Ты чего это? - спросила я, понимая, что совсем не прочь иметь красивую совместную фотографию, но что-то меня смущало. Меня смущал его голос. Какие-то неуловимые нотки, которые почему-то заставляли меня задуматься

- Все нормально, Рыжик, - меня притянули к себе и поставили фотоаппарат на скамейку, смахнув с нее осенние листья. - Улыбайся.

Пара секунд ожидания и вспышка. Мы фотографировались вместе при каждом удобном случае, но в моем сердце поселился подозрительный и очень голодный червяк сомнений. Что-то не так...

- Знаешь, я чувствую себя мертвым, - заметил Феникс, держа меня за руку. Я тоже ощутила все прелести загробной жизни.

Справа от нас размещался ресторан «Парадиз», где кроме официантов сидела еще одна пара.

- Я смотрю, что в рай попадают не все, - усмехнулся Феникс, глядя на вполне интересный интерьер, полностью соответствующий претензионному названию. На пороге стоял суровый фейс-контроль в виде двух истуканов-апостолов, который смотрели на всех, как на грешников, со свойственным высокомерием и суровостью.

Напротив «Парадиза» размещалась очень оживленная полуподвальная забегаловка с замахом на ночной клуб под названием «Ад», откуда слышалась веселая музыка, пьяные крики и хохот. В «Аду» было очень многолюдно, а народ все прибывал и прибывал.

- Предпочитаю «Рай», - усмехнулся Феникс, таща меня за руку в сторону двери. - Мы не настолько плохо себя вели, чтобы очутиться в «Аду».

- Куда сели? - заметил недовольный женский голос. - Этот столик забронирован.

К нам спустился ангел таких размеров, что если бы он вдруг упал с неба, то кратер превышал бы размеры парковки возле гипермаркета. У Ангела на обширной груди был бейджик «Администратор». Таблички на столике не было, но мы вежливо решили дать еще один шанс этому оазису спокойствия и пересели за другой столик.

-Вы уже выбрали? - заметила симпатичная официантка с крыльями за спиной, откуда постоянно сыпались перья, пока я ужасалась ценам на манну небесную. Нет, ну я

понимаю, что... Сколько? Нет, я не... А это что? Не может быть! За сто грамм? Да тут цена, как за пять кило стоит! Да за такие деньги я готова полночи салат стругать в тазик!

– Рыжик, ты выбрала? – услышала я, пока мой внутренний калькулятор пытался прикинуть, во сколько обойдется точно такое же, но только дома. Поскольку я сомневалась, пытаясь разведать цены, выбор пришлось делать за меня. Официантка исчезла.

– Тут...хм..., скажем так, не дешево, – робко заметила я, почему-то сильно-сильно смущаясь.

– И что? – спросил Феникс, глядя в окно. – Предлагаешь покушать дома? Дома мы уже кушали.

– Да, но здесь реально дорого, – пожаловалась я, смущаясь еще сильнее.

– Рыжик, я просто хочу, чтобы этот вечер был красивым и романтичным. Я хочу, чтобы ты его запомнила. Чтобы у тебя было что вспомнить... – заметил Феникс, рассматривая получившиеся снимки.

– Так! Не темни! – возмутилась я, заглядывая в экран. Вот, кстати, я очень даже красиво выгляжу.

– Все в порядке, Рыжик. Расслабься... Кстати, они там еще живы? Я просто не понимаю, сколько можно готовить заказ? Или нам сейчас придется играть в игру «достучаться до небес». А еще я надеюсь, что в заказе не будет перьев, – мне показали несколько белоснежных перышек, лежащих на полу.

Я промолчала. Заказ принесли к нам спустя целый час, после того, как мы не единожды воззвали к небу. Либо я что-то не понимаю, либо так оно и есть, но, согласитесь, так не должно быть, чтобы посетители молились на персонал, а не персонал на посетителей. Осторожно ковыряя вилкой и вспоминая все-все-все правила этикета, я пыталась понять разницу между манной небесной и салатом в стиле «Цезарь», но пока что тщетно.

– Рыжик, маленькая моя, ну чего ты? Все хорошо, – улыбнулись мне, беря за руку. – Хочешь потанцуем? Здесь что-то играет заунывное, так что вполне сойдет...

Я смотрела на теплую руку, которая поглаживала мой кулачок, потом подняла глаза, чтобы встретиться взглядом. Меня уже выводили из-за столика, осторожно обнимая за талию. Соблюдать пионерскую дистанцию мы не собирались, точно так же как и эпатировать немногочисленную публику экстравагантными па, поэтому мы просто медленно танцевали под песню, слова которой так и остались для меня загадкой. Я вдыхала сладковатый запах его духов.

– Знаешь, Рыжик, в какой-то момент ты стала моей религией. Именно благодаря тебе я могу оправдать даже убийство, если оно спасет тебе жизнь, – после долгой паузы услышала я. – Я могу оправдать очень многое. И теперь я переживаю, смогу ли я оправдать твои ожидания? Знаешь, я тебе скажу вот что. Запомни это навсегда. Жизнь дается один единственный раз. И ты должна прожить ее так, как тебе этого хочется. Чаще радуй себя, не экономь на себе, гуляй, отдыхай... Ты ведь этого не умеешь, а, значит, придется научиться... Без этого никак... В этом мире столько всего интересного... Он не ограничивается одним единственным городом... И одной единственной квартирой... Если тебе дали жизнь, пользуйся ею. Не стесняйся. Это – твоя жизнь и принадлежит она только тебе. Только ты одна имеешь право ею распоряжаться...

Музыка играла, но мы просто стояли в обнимку. В какой-то момент мне стало страшно, что вот-вот разорвется порочный круг любимых рук.

– Еся, запомни, мы были, и мы есть ...Что бы ни случилось... – мою щеку гладили пальцами, перебирая мои волосы. – Я всегда с тобой... Всегда-всегда... Так или иначе, я буду тебя защищать.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду! – я слегка отстранилась, требуя ответа. – Говори, как есть!

– Знаешь, как я хочу? Чтобы все было, как в сказке... И жили мы долго и счастливо... – с улыбкой заметил Феникс, наклоняясь для поцелуя. Я уже чувствовала его дыхание на своих губах.

– Пока не умерли в один день? – подозрительно шепотом поинтересовалась я, мысленно представляя всю сладость предстоящего блаженства... Вместо ответа к моим губам прикоснулись чужие губы, растворяя все тревоги и печали в одном очень долгом поцелуе.

Глава двадцать четвертая. Огонь, вода и лживые губы

Пусть все кругом горит огнем,

но лишь бы были мы вдвоем!

Я не помню, сколько раз за вечер меня целовали, и уж тем более не помню, сколько раз целовала я. Мне казалось, что бесконечно. Я помню, как мы доехали до дома, как падала на пол одежда, как озноб тревоги сменился жаром мучительной и нежной боли.

– Ты собираешься умереть? – спросила я, прижимаясь котенком к чужой груди и заползая под одеяло. Котенок мурчал и грел любимого, но иногда чертовски безрассудного человека. – Нет, я не допущу! Не такой ценой! Такая цена мне не нужна! Что за жизнь будет без тебя? Это будет не жизнь, а сплошное воспоминание, в которое я окунусь с головой, потерять связь с реальностью. Зачем мне работа? Зачем мне друзья? Зачем мне солнце?

- Рыжик, прекрати, - прошептал Феникс, целуя меня. - Не травми мне душу...

- Ты действительно собрался умереть? - закричала я, наседая на него. - Говори! Отвечай мне!

- Это спрашивает человек, который в данный момент пытается меня задушить! - усмехнулся Феникс, отдавая свою шею мне на растерзание.

- Правду! - прошипела я, веря, что даже если попал в безвыходную ситуацию, всегда можно попытаться найти вход. - О чем вы договаривались с этими тварями? Говори! Отвечай сейчас же! Я хочу все знать!

Не думаю, что твари подготовили договор, в котором уже прописали права и обязанности сторон, обстоятельства непреодолимой силы, арбитраж, поставили печать и подпись. ООО «Твари» и ООО «Феникс» заключили договор на взаимовыгодных условиях.

- Купи энциклопедию! - я увидела улыбку на губах Феникса. - Там все доступно рассказано. Почему трава зеленая, почему небо синее и почему птички улетают на юг! Поверь мне, там все есть!

- Отвечай мне немедленно! - я ловко оседлала любимого, прижала его руки к подушке, под хихиканье не сопротивляющейся жертвы, смотрела в глаза, тяжело дыша. - Я требую ответа! Поверь мне, если вопрос стоит так, то я предпочту сон реальности! Если во сне мы будем вместе, то я согласна! Каким бы отвратительным и страшным он не казался!

- Рыжик, - осторожно заметил Феникс, когда я наклонилась к нему, щекоча его лицо своими волосами. - Я постараюсь не умереть, но есть все шансы, что я останусь там...

- Как? - гаркнула я, подозрительно уставившись на любимого. Мне хотелось его поцеловать, но я знаю, что если сейчас начну, то закончим мы не скоро, и я так ничего толком не узнаю.

- Рыжик, так и быть. Скажу, как есть, - Феникс смотрел на меня. Я смотрела на него. - Мы с тобой похожи, но при этом есть одно существенное отличие... Догадайся, какое!

Нет, ну отличия друг друга мы уже видели, поэтому детской половой идентификацией меня не смутить.

- Ты - мальчик, я - девочка? - спросила я, не понимая, как гендерные признаки влияют на ситуацию.

- Не совсем, но это тоже очень приятно, согласись, - грудь, на которой я сидела душасей жабой, несколько раз вздрогнула в смешках. - Но дело не в этом. Скажу так. То, что для тебя - сон, для меня - реальность. Я - не Кирилл. Изначально, я все-таки Феникс. Ты понимаешь, о чем я?

- То есть, - подозрительно сощурилась я, готовясь к правде, но явно не к такой, - ты не из этого мира. И все, что здесь происходит - это просто твой сон?

- Да, Рыжик, да. Эта жизнь для меня - самый лучший сон. Родная мамочка меня продала за кругленькую сумму одному амбициозному богатею, который сразу понял, насколько я выгодный инвестиционный проект. Он вложил в меня кучу денег, оружие в руки, но так и не сумел вложить в голову мысль о том, что я - просто средство для достижения его цели. Недаром преподаватели время со мною тратили, поскольку я сумел оторвать руку, которая меня кормила после того, как узнал, что в круге убил свою родную мать. Мне об этом так мило сообщили после боя, что я разбираться не стал. Я разбил не только сердце, но и много-много других внутренних органов моего хозяина, фактически освободившись и слегка обогатившись. Умирал он долго, мучительно и очень больно.

Феникс тяжело вздохнул.

- Даже в Кадингере наивные дети рассказывают сказки о том, что их родители их выкупят обратно, как только заработают кучу денег, гордятся своими родителями - бойцами круга, мечтают быть на них похожими. Если они не знают, кто их отец и мать, то придумывают. Помню парнишку, который верил в то, что его отец завоюет корону, а потом выяснилось, что инвестора жестко обманули на кругленькую сумму, подсунув ему сомнительный живой товар, который стал мертвым товаром, как только правда вылезла наружу. А один паренек действительно был сыном одного из лучших магов, однако сам умел пускать только дым. Генетика подвела, - шепотом закончил Феникс, глядя куда-то сквозь меня, словно воспоминания оживали перед его глазами. Нет, я понимаю, что генетика - штука сложная, поэтому даже у Академиков и лауреатов Нобелевской премии может родиться хронический тупица, поэтому удивляться почему природа со страшной силой отдыхает на детях великих магов, не стоит.

- А твои родители? - спросила я, жалея и нежно глядя любимого, которому не досталось маминой любви. Мне захотелось его обнять, завернуть в одеяло, как гусеницу и со страшной силой компенсировать ему всю недополученную любовь. - Ты знал, кто они?

- Я знал, что мать сражается в круге, но я не знал, кто она. Отец - ее учитель. Но я даже не парился. Нет, были сожаления и какое-то смутное чувство... - философски заметил Феникс. - А потом, когда я обеспечил себе очень щедрое наследство в виде горы золота и библиотеки, я узнал про заклинание, позволяющее призывать в Кадингер кого-угодно. Если есть пусть туда, значит, должен быть путь и оттуда, логично? Логично. И, как видишь, я его нашел.

Феникс помолчал немного, а потом продолжил. Моя хватка слегка ослабла. Мне хотелось что-то сказать, но говорить было нечего.

- Помню непривычный белый свет, на коленях рядом со мной стоит седая женщина, -

задумчиво и почему-то мечтательно заметил Феникс. – Она сжимает мою руку и что-то шепчет. Какое-то заклинание, как мне тогда показалось... Но потом я узнал, что она просто молилась... «Ты забрал Лешеньку, не забирай Кирюшу! Прошу тебя... Верни мне моего сыночка...» Я помню, как пошевелил рукой, а эта женщина бросилась ко мне. «Сыночек! Ангелы услышали меня! Услышали!» – рыдала она, целуя, хотя я не совсем понимал, в чем дело. Все мои странности списали на черепно-мозговую травму. И хотя я был уже не похож на того Кирилла, о котором молилась мать, она целовала меня, рыдала от счастья и повторяла, что ангелы вернули сыночка. Мама кормила меня с ложечки, не отходила от кровати, рассказывала мне все, потому что я «ничего не помню». Сначала она меня раздражала, бесила и нервировала, но потом я стал ждать ее. Я помню ее руки, помню ее глаза, помню ее голос... И это чувство, что я кому-то нужен... И у меня есть кто-то.

– И? – удивилась я, даже не подозревая о том, что такое возможно.

– Как потом я выяснил, Кирилл свои двадцать два прославился тем, что родители его жили на сердечных каплях, друзья сидели на иголках, потому как большинство из них было наркоманами со стажем, и ни один работодатель не осквернил его девственно-чистую трудовую своей унылой и недостойной записью. Зато у Кирюши была приличная машина, подаренная не самым бедным отцом, карманные деньги, подкинутые сердобольной мамой и неумная тяга к приключениям. Почетный «и в кого ты у нас такой?», «эй, ты, старая тварь, дай денег!», «да как вы меня задрали! Не лечите мне мозг!» во время ночных гонок по трассе чуть не удостоился премии Дарвина, когда за рулем сидел его обдолбанный друг. Но судьба распорядилась иначе, и премия досталась водителю, а пассажиру – утешительный приз в виде четырехмесячной комы и травм средней тяжести. Все, как обычно. Ничего интересного.

– Не может быть, – простонала я, закусывая губу. Я не верила своим ушам. – То есть за одиннадцать лет ты сумел ...эм... как бы это так сказать?

– О, нет. Одиннадцать лет я только учился пользоваться микроволновкой и включать и выключать компьютер из розетки. Рыжик, ты меня вообще за умственно-неполноценного держишь? Мне понадобилось три года, чтобы освоить школьную и университетскую программу заново. Поскольку Кирилл никогда не учился, а числился то, прогресс был на лицо. Так что в отличие от него, диплом юриста у меня настоящий. Мама во всем меня поддерживала, во всем помогала. А через пять лет выяснилось, что она смертельно больна. Она скрывала от меня правду, тянула до последнего. Когда поставили окончательный диагноз, врачи дали два месяца. Я сумел продлить ей жизнь на полгода, ухаживал за ней, а потом, там, в Кадингере, держал в руках лекарство, которое могло бы ей помочь, и рыдал, как ребенок, понимая, что бессилён вытащить его из сна... Мы с ней боролись до конца. Мама не сдавалась. Я пытался вызвать ее в Кадингер, пытался, но почему-то не получалось. Мои ошибки стоили нескольких загубленных судеб... Хотя... они неплохо повеселились, скажу откровенно... Не помню, чтобы кто-то из них сильно роптал на судьбу... Однажды маме стало плохо ночью. Я прилетел к ней в больницу, чтобы услышать слабое: «Кирюша, ты хоть покушал?» Ее только что вытащили с того света, а ей важно знать, покушал я или нет... – Феникс смотрел куда-то в потолок и молчал. Я видела, как он стиснул зубы, проводя рукой по моей руке. – Помню, как она лежала... Бледная, худая... Одни глаза... А потом говорит.... Тихо-тихо... «Ты на меня столько денег потратил, сыночек... Не надо, прошу тебя...» А я в этот момент стою и думаю, что в этом мире болеть нельзя... И жду звонка одного светила, который обещал перезвонить и назначить встречу... Надеюсь, она меня простила... Я верю в то, что она простила меня за обман... Ладно, на этой грустной ноте я закончу вечер воспоминаний, – вздохнул Феникс, нахмурившись. – Вернемся к теме. Я поговорил с нашими временными союзниками. И пока что у нас цели совпадают. Но это пока. Как только мы получим корону, наши пути резко разойдутся. Ты проснешься в любом случае, а вот что будет со мной – науке неизвестно... Корона нужна мне. Любой ценой.

– Так, а теперь объясни простым языком, ибо Магических Академий я не кончала! – потребовала я. Даже курсов повышения магической квалификации в моем послужном списке не числилось. Если считать магическим умением в критический момент пускать пыль, тьфу ты! ... дым в глаза, то даже в мире меча и магии, я – почетный лузер.

– Я не хочу тебе ничего объяснять. Все будет так, как будет, – вздохнул Феникс, прижимая меня к себе. – Ничего не бойся, ни о чем не жалею, никого не вини. Не надо, если что-то пойдет не так, мучить себя воспоминаниями и возвращаться в прошлое, анализируя каждый шаг. Это бессмысленно. Ты просто себя изведешь, замучаешь, доведешь до петли. Не надо, прошу тебя... Что бы ни случилось, просто знай, что я всегда с тобой. Мне другая не нужна. Если останусь в живых, то буду помнить о тебе всегда... Рыжик, прекращай плакать! Рыжик, посмотри на меня! Не. Надо. Плакать. Ты меня слышишь? Рыжик!!! Прекрати немедленно! Да что ж такое! Все... успокаивайся... Тише, маленькая... Все...

На мое разгоряченное лицо, по которому стекали жаркие и горячие слезы несправедливости, страха ужасного будущего и боли мучительного расставания, подули, вытирая пальцами мои переживания. Как от сердца отрываю... Хотя нет, я не от сердца отрываю. Я вырываю вместе с сердцем.

– Рыжик, мы сегодня пойдем на штурм. Не вижу смысла оттягивать неизбежное, – продолжил Феникс, тяжело вздыхая и прижимая меня к себе. – Я поведу наших новых белых, мягких и пушистых друзей, а твоей задачей будет открыть нам дверь, погасить огни и ждать. Ты меня поняла? Ты не будешь сражаться! Никакой самонадеянности и самостоятельности!

Я целовала лицо, глаза, губы, подавляя душившие меня рыдания. Сначала мама, потом котенок, а теперь ... Почему судьба ко мне настолько несправедлива? Почему мне кажется, что судьба – это школьная учительница, у которой, как и у любой другой учительницы есть любимчики, знающие ответы на все вопросы, и есть «нелюбимчики», которых изредка вызывают к доске, чтобы потешить свое самолюбие и вклеить смачную двойку? Если это действительно так, то судьба редко вызывает меня, зная, что я не смогу ответить ни на один каверзный вопрос и тем более мне не по зубам решить сложнейшую задачу из сборника «Как страшно жить». И какие бы подсказки не давали мне «любимчики» судьбы, я едва-едва тяну на троечку. Судьба прощает любимцам все. Зато если ты двоечник или троечник, то у тебя отберут все шпаргалки, выставят посмешищем перед классом, уколот едким замечанием. И пока любимцы претендуют на золотые медали, мы серая масса, не смеем претендовать ни на что. «Кто-то не согласен?» – поднимает брови судьба, глядя на нас. – Кто-то претендует на что-то большее?». И ты тухнешь под этим взглядом, понимая, что тебе уже ничего не нужно. Даже если ты хочешь этого больше всего на свете. Единственный подарок, который она мне подарила, единственное счастье, которое я себе даже представить не могла – возможность любить и быть любимой. Искренне, по настоящему, а не «люблю-люблю, трамвай куплю, немного покатаю, а потом либо потребую деньги за билет или высажу, как безбилетницу на следующей остановке».

Я открыла глаза в темноте. Костер догорел, а пепелище даже успело остыть. Рядом со мной сидела большая тварь. Чуть поодаль еще с десятков таких же. Белые, мягкие и пушистые друзья, хотя на поверку оказались темными, жесткими и лысыми с длинными толстыми, как у кенгуру хвостами... Я подумывала заняться описанием, но потом пожалела теплое и мягкое одеяло. Утешая себя мыслью «на лицо ужасные, но добрые внутри», я всеми силами постаралась сдержать вопль ужаса.

– Нафик! – обрадовалась животинка, сидевшая ближе всех и тарашившая на меня светящие, как китайские светодиодные фары, глаза. – Нафик!

А вот и наш полиглот, который терпеливо ждет, когда проснется Феникс. Я должна обрадоваться? Нет, вроде не должна! Хотелось сказать что-нибудь вежливое, но «очень приятно познакомиться» застряло в горле сухим комом.

– Я – Нафик! – повторило животное, поражаясь моей непроходимой тупости. – Нафик!

Согласна, ну нафиг! Я посмотрела на морду, понимая, что это – последнее, что я бы хотела видеть, внезапно открыв глаза в крошечной темноте.

– Мы тут все собраты! – порадовал меня Нафик, пока его остальные собраты молча и терпеливо ждали нашего пробуждения, как голодные грифы на облетевшей акации.

Нафик внимательно меня изучал, не смотря на то, что я пыталась деликатно отвести взгляд. Он смотрел на меня так, как модницы во время шоппинга на флакон дорожных духов, зная, что могут позволить себе только пробничек. Делиться пробничком я не собиралась, опасливо соблюдая дистанцию.

– Мы с тобой говорить! – напомнили мне, в надежде, что я моментально вспомню и сразу же побегу дружить. – Ты говорить, и я говорить! Теперь мы тебя смотреть!

А я вас опасаться.

– Ты некрасивый! Я бы тебя испугаться, если бы не знать! – заметила тварь, претендуя на эталон красоты в кунсткамере. Чья бы корона... тьфу ты! ... корова мычала!

– Ты тоже не фонтан! – буркнула я, в надежде разбить чужую самооценку в пух и прах, как только что разбили мою.

– Нафик красивый! – возразила гадинка, подходя ко мне поближе, чтобы я как следует разглядела неземную красоту. – Нафик очень красивый! Ты – некрасивый.

Заглядывая в пасть, усыпанную клыками, как у аллигатора, я склонна была согласиться с таким утверждением. Но стоит отойти подальше, как я тут же изменю свои показания. Я стала горячо отстаивать свое право ходить без мешка на голове, понимая, что если правота будет оцениваться по количеству пены у рта, то у меня есть победить в этом споре.

– Рыжик, ты что им пытаешься доказать? – усмехнулся Феникс, подтягиваясь и зевая. –

Они людей сто лет не видели!

- Видели! - возразил наш полиглот. - Я видеть!

- Хорошо, поступим проще. Нафик - мисс Вселенная, Рыжик - ты вице мисс, - снова зевнул Феникс. - Теперь поговорим о короне...

- А почему я - вице мисс? - возмутилась я, скептически глядя на вторую конкурсантку. Было у меня подозрение, что Нафик - это девочка.

- Потому что в конкурсах красоты выигрывают только крокодилы! - закатил глаза Феникс. - Вернемся к короне. План таков. Я смогу снять защиту с Кадингера. Она сумеет дымом потушить огни... - начал он, но тут же вмешался Нафик, поигрывая хвостом.

- Не смочь! Просто так не смочь - возразила животинка, заметно нервничая и путаясь в словах. - Но с Хней смочь! Мы давать здюли...

- С чем? - удивилась я, рассчитывая скорее на божью помощь, собственные силы, но явно не на какую-то хню. И «здюли» хоть и бесплатны, но я как -то воздержусь от их получения.

- Твой мат называть это Хней, - пояснил Нафик. - Мы называть это ...

- Не важно, как называть! Хня есть хня! Рыжик, попробуй так! Я не позволю ставить на тебе эксперименты! - возразил Феникс, приобнимая меня. - Сосредоточишься и попробуешь. Соберешься с силами призовешь столько дыма, сколько можешь. Сегодня ветра нет, поэтому мы сможем долго продержаться дым. Мы подойдем вплотную к городу, откроем вход. Скорее всего, я пойду впереди, туша огни... Вы пойдете за мной. Рыжик будет сидеть здесь. Ладно, Рыжик, давай пробовать!

В сопровождении наших новых друзей мы подошли к городу, который, к слову был не так уж и далеко. Если считать по меркам нашего мира, то всего лишь в каких-то четырех остановках. Город - Башня, сверкал огнями, освещая все вокруг в радиусе ста метров. Возле города лежала плита, на которой было высечено: «Город Надежды, Башня Надежды. Воздвигнута ради спасения! Мы благодарны строителям за то, что они даровали будущее нам, нашим детям и потомкам! Мы склоняемся перед Вами, перед вашим усердием и подвигом во имя жизни! Мы никогда не забудем вашей жертвы!». Рядом с плитой стояла разбитая статуя женщины с ребенком, к повернувшись лицом к Кадингеру. Черные очертания статуи, протягивающей обрубок руки в сторону сверкающего гнезда разврата, маленький ребенок, который тянет ручки к городу счастливо улыбаясь, смотрелись так странно.

- Надежда умирает последней, - язвительно заметил Феникс, поднимая глаза вверх.

- Причем здесь жертвы? - удивилась я, вспоминая, что обычно в жертву приносят

главного инженера, а не простых работяг. Особенно в жертву прокуратуре, если что-то вдруг обрушится. Я читала когда-то страшилки про мертвых рабочих, замурованных в стены и тем самым экономивших уйму строительных материалов, но не думаю, что здесь практиковалось такое зверство.

– Всех, кто строил Башню, принесли в жертву, чтобы поставить завесу, которую нам предстоит снять, – вздохнул Феникс, доставая из кармана свои записи. – Не отвлекай меня...

Мы стояли под инвестпроектом на миллион... жизней, который казался мне воистину огромным, ослепляя наши привыкшие к темноте глаза, ярким волшебным светом.

– Рыжик, уходя, гасите всех, – заметил Феникс, обнимая меня и снова пряча листки. – Так называется наша операция. Не бойся. Все будет хорошо...

– Город Греха, – прошептала я, понимая, что мне самой далеко до святоши. Почему-то горело лицо, тряслись руки и полыхали уши.

– Грехи – ключ к выживанию человека.... Гордыня породила культ. Лень – ложную надежду. Уныние собрало рабочую силу. Алчность и чревоугодие присвоили ресурсы. Гнев дал возможность защитить себя. Похоть обеспечили жизнь популяции. Давай, Рыжик, – прошептал Феникс, обнимая меня сзади.

Твари дражайшие предусмотрительно не вошли в освещенную зону, оставаясь позади и прячась во тьме.

– Но ведь погибнут люди, – прошептала я, оглядываясь по сторонам. – Дети погибнут... Хотя... Либо мы, либо они... Мы и так бросили вызов всему миру...

Я вспомнила все зло, которое причинил мне Кадингер, но дымок, который пошел из рук явно не тянул на дымовую завесу.

– Что? И все? Не верю. Хорошо, давай сначала снимем печать... – хмыкнул Феникс, глядя на мои ладони и вкладывая в них знакомый кинжал. – Держи... Режь руку... Режь и повторяй то, что я тебе скажу. Давай, маленькая... Еще немного...

Я зажмурилась и полоснула по ладони. Из длинной царапины выступила алая кровь... Мне шептали на ухо слова, похожие на бред, которые я повторяла, глядя, как кровь устремилась по запястью вниз и уже капает на землю.

– Прикладывай руку к стене, – прошептал Феникс, помогая донести руку до черных камней. Как только я соприкоснулась со стеной, по стене пробежала алая волна, разливаясь во все стороны. Мне показалось, что стена загудела... Нет, огни не погасли, зато перед нами появилась огромная дверь. Меня знобило, алые волны света струились сквозь мои пальцы, вызывая у меня смесь восторга и удивления.

- Сработало! Можешь убирать руку, - прошептал Феникс, глядя на результат и тяжело дыша. Он наклонился к моей окровавленной руке и поцеловал ее. Через минуту на моей руке была повязка. - Все идет по плану... Теперь дым...

- Я так не могу, - заметила я. - Только в случае опасности...

- Нафик тебя съесть! - заметил радостный голос из темноты. - Нафик тебя терзать!

- Рискни здоровьем! - огрызнулся Феникс, оглядываясь назад и пуская в темноту огненный шар.

- Я подбадривать! Думать, что она испугаться! - обиженно пояснил Нафик, которого хотелось послать в одноименное место. - Бояться и делать! Подержать!

Еще бы, извечный принцип: «коси и забивай», практикующийся в отечественной сборной по футболу, сразу же был бы предан анафеме. Косить бабло и забивать на игру с такой группой поддержки было бы м совсем нелегко.

Еще одна тщетная попытка Я поджала губы, не сколько от разочарования в собственных силах, а скорее в из-за того, что разочаровываю других. От себя - то я вполне ожидала эпического провала. Пришлось сконцентрироваться, понимая, что именно от меня зависит успех всей операции. То, что струилось из моих рук, выглядело как муравьиных чих в масштабах мировой катастрофы. Так, яичница на сковороде, пока я отвлеклась на секундочку проверить почту.

- Фенечка, я не могу... Я стараюсь, но ... - я снова поджала губы, проклиная собственное бессилие, - это - предел моих сил... Предел моих возможностей...

- Хочешь, я открою секрет? - нежно прошептал Феникс, наклоняясь к моему уху. Я уже приготовилась услышать три заветных слова, от которых сердце стало сладко млет. Слова, которые мне никогда не говорили. Я всю жизнь мечтала услышать это волшебное заклинание, которое очарует меня, околдует и даст мне силы свернуть любые горы. Да что там горы! При должном усердии и правильном приложении силы, я смогла бы заставить землю вращаться в другую сторону.... Ну мне так кажется...Хотя, просто скажите мне их и мы проверим!

Шепот. Сердце сделало несколько глухих ударов, постепенно замедляя свой ход. То, что я только что услышала, заставило меня остолбенеть и окаменеть. Внутри меня все вздрогнуло и резко упало куда-то вниз, оставив меня оглушенной и растерянной. Чужие слова, провернулись в моем сердце острым ножом, оставляя страшную, ужасную, кровоточащую рану. Мне на секунду даже показалось, что я ослышалась....

- Ты мне осточертела, - услышала я спокойный и холодный голос. Объятия прекратились. После теплых объятий холод одиночества ощущался еще сильнее. Нет, он не мог это сказать... Это шутка...

Я нашла в себе силы повернуться и встретиться взглядом. Нет, не мог... Мне это слышалось...

- Чего смотришь? – холодно произнес Феникс, стоя напротив меня. – Мне уже надоело с тобой нянчиться, надоело изображать самого доброго, самого нежного самого ласкового! Как же ты меня задолбала, честное слово... Давай быстрее, я не собираюсь тут торчать вечно!

Что он говорит? По гортани медленно течет слюна, а я даже не могу ее проглотить.

- Ты что говоришь? А как же... – хрипло спросила я, не сводя глаз с насмешливо искривленных губ.

- Что как? – осведомился Феникс, закатывая глаза. – Ты себя в зеркале видела? Ты что? Думаешь, я всю жизнь мечтал о такой как ты? Мне просто нужна была дура, которой можно манипулировать, как мне вздумается, которую можно завоевать, не прилагая усилий. Была бы ты опытной и искушенной, ты бы меня сразу раскусила. Мне нужна была наивная дурочка, которая поведется на любую нежность. Тебя завоевать – нефиг делать! Я же тебе сказал, что ненавижу рыжих, особенно веснушчатых... И тогда, кстати, я сказал тебе истинную правду.

Я умерла... Меня больше нет... Каждое слово проворачивалось в моем сердце, заставляя его кровоточить еще сильнее. В ушах звенело, в голове мутнело, а кулаки, которые я пыталась сжать, никак не сжимались.

- Ты шутишь...Ты говоришь это специально, – во мне вспыхнул огонек надежды.

- А вот и нет. Я говорю тебе правду. Ты свое дело сделала и больше мне не нужна, – холодно и спокойно заявил Феникс. – Катись куда хочешь, пока я тебя не прикончил на месте.

- Ты просто мне отомстил? – безнадежно спросила я, не видя ничего перед собой. – Это была просто месть? Мсть за то, что я не дала тебе завоевать корону?

- Какая месть? – усмехнулся Феникс, глядя на меня не только, как на магически неполноценную, но и умственно особо одаренную. – Нет, это была не месть. Нет, ты мне нужна была не для этого... Знаешь, о чем я мечтал последнее время? Чтобы этот цирк поскорее закончился. Я тебя целую и думаю о том, как же мне все это надоело! Но надо, надо... надо еще немного потерпеть... Еще чуть-чуть... Отлипла? Фу... Ладно, натянули улыбочку, окунули мордочку в сметану и продолжаем играть прекрасного принца. Нежность, забота, ути-пути... Смотрю, ведется. Я думал, что придется постараться, а тут погладил, приласкал, посмотрел нежно-нежно... Все, вуаля, ты уже расстаяла. Честно, как котенок... Стоит один раз погладить, как он уже думает, что ты заберешь его домой...

– Зачем ты так со мной? – если честно, то я не знала, что сказать, поэтому брякнула первое попавшееся. Я даже сразу не заметила, как по моим щекам потекли слезы. Уже потом, прикасаясь к своему лбу и проверяя температуру, ибо все услышанное хотелось списать если ни на воображение, то на жар и бред, я почувствовала пальцами влажные дорожки.

– Я действительно родом отсюда, и тот мир мне только снится. Но я хочу выбраться из этой помойки. Я пытался подкатить к Крысе, но она оказалась намного умнее и хитрее. Крыса неплохо пряталась от меня, но я нашел способ заставить ее выйти на поединок. А всю эту писанину, которую тебе показывал, написал я. Даже тот листок, что валялся у тебя на столе...

– Ты... – я не могла поверить. Мое сердце отказывалось верить, роняя кровавые слезы. Котенок в моей душе превратился с маленькое чудовище, с наслаждением царапая когтями все, что попадалось ему на глаза.

– Когда у меня был шанс прикончить Крысу, я почему-то подумал, что мало ли... Надо бы оставить ее в живых... Кто его знает, как дело повернется... Но Крыса хотела броситься в огонь, поэтому пришлось ее остановить... Мне нужна была наивная, одинокая дура в радиусе нескольких сотен километров с терпимым и приемлемым количеством недостатков. Я получил то, что хотел и тут же проверил. Да, так и есть... То, что нужно. Кто ж знал, что наивная дура решит меня вытолкнуть за пределы круга? Несколько дней я обдумывал ситуацию, а потом решил разыскать ее, разыграть героя, покорить сердце, дабы в нужный момент она добровольно отдала свою кровь. На кинжале достаточно крови, чтобы я смог осуществить задуманное, – Феникс криво улыбнулся, а потом взял меня за подбородок. Может быть надо было сопротивляться, выкрикнуть ему все, что я о нем думаю после этого, но мое сердце было разбито, мое тело отказывалось меня слушать... Каждый удар сердца отмерял секунды моей невыносимой, адской боли, вперемешку с горечью.

Из моих рук потек едкий черный дым. Черные клубы застилали все вокруг, пока я беззвучно рыдала над могилой разбитого сердца. Тот, кто пять минут назад был для меня смыслом жизни, стал моим злейшим врагом, высмеяв мои чувства, поиздевавшись над моей наивностью и глупостью...

– Все, сдыхай здесь. И не вздумай мне мешать! – резко произнес Феникс, сгребая меня в охапку и волоча куда-то в сторону леса. Я сопротивлялась, вырывалась, пыталась его пнуть, но меня уже привязывали к сухому дереву так, словно сейчас стадо Робин Гудов будет тренироваться по прицельному попаданию в яблоко, стоящее у меня на голове.

– Прощай, Рыжик, – услышала я. Сквозь мутную пелену слез я еще различала силуэты. Из темноты в сторону города, покрытого черным смогом моего производства ломанулась сотня черных теней. – Я рад, что все почти закончилось. Кстати, целуешься ты просто отвратительно. Мне иногда хотелось сплюнуть на землю, но вежливость не позволяла...

Глава двадцать пятая. С глаз долой, а в сердце он...

Уходя, гасите всех

Я умерла. Меня больше нет. Такое чувство, что меня только что огрели по голове чем-то тяжеленьким, да так, что мысли смешивались, тасовались, как колода карт, создавая ощущение нереальности всего происходящего. Они сливались и слипались воедино, связывались гордиевым узлом, становясь поперек горла. Я стала тем самым Котом Шредингера, поставившего научный мир в коленно-локтевую позу легкого недоумения. Такое ощущение, что я здесь и нигде, меня испепелили, а мой пепел уже стал ветром.

Черная тоска, липкая и противная, как гудрон, которым поливают отечественные ямы в преддверии дырочного ремонта, напознала и душила меня тугим комком тошноты. У меня больше нет сердца.... Больше нет.... Мое маленькое сердечко всю жизнь мечтало кого-то любить... Оно так готовилось подарить всю любовь, нервничало, екало, переживая, а вдруг любви окажется мало? Сердце бережно подбирало каждую улыбку, подаренную мне в жизни, каждый смайлик, взгляд, поцелуй. Оно старательно училось любить и спрашивало меня: «У меня ведь получается? Да? Я все правильно делаю?». А я улыбалась, и в этот момент меня переполняла невероятная, необъяснимая, непередаваемая радость взаимности. «Я так хочу ему понравиться!» – трепетало сердечко, готовясь выпрыгнуть из груди, когда я чувствовала прикосновение чужих губ. Еще десять минут назад сердце билось, радовалось каждому дню, предвкушало, маялось, переживало, волновалось, трепетало и восторгалось, боясь расплескать надежду на лучшее, но злые слова, сорвавшиеся с чужих губ, как с цепи, набросились на него, разрывая на части. Закрыть дверь своей души я не успела. Сердце так боялось, так сжималось, так сопротивлялось, рыдало кровавыми слезами, когда его терзала безжалостная стая чужих слов, впиваясь когтями и вгрызаясь в него острыми зубами.

Мне нужен цветной картон, клей и ножницы, чтобы склеить себе новое сердце, такое как у большинства моих знакомых. Оно будет похоже на настоящее и все так же будет умиляться при виде котят, щенят и карапузов в коляске, но не дрогнет, когда голодный котенок подойдет, и с истошным писком будет тереться об мою ногу. Оно будет сладко екать в волнительном предвкушении чего-то хорошего, радоваться, грустить, быстро-быстро колотиться, но любить оно уже не сможет. Никогда. Я просто сделаю его таким, каким оно должно быть изначально. Нет, картон не подойдет. Нужно брать камень. Чтобы никакие слова не оставляли на нем царапины. И если кому-то в голову взбредет искать к ключ, я пожелаю ему успехов и терпения. Замочная скважина проектом предусмотрена не будет. И можете не стучаться. Я больше никогда никому не откроюсь. Даже последний Дон Жуан, сгрызший гранит науки обольщения, сломает зубы, пытаясь разгрызть мой камень.

Я закашлялась, задыхаясь от мучительной сердечной агонии. «Ничего! – шептало умирающее сердце, растекаясь кровью. – Я умру, а вместо меня будет другое... Жесткое, твердое, циничное и равнодушное... Так всегда бывает... Так бывает со всеми... Рано или поздно это случается!»

Откинув голову и упершись в сухое дерево, я закрыла глаза. Да, мне срочно нужно новое сердце. Холодное, спокойное, расчетливое. Я обязательно включу «Бэмби», чтобы проверить, как хорошо оно справляется со своей главной задачей. И если новое сердце не дрогнет и не станет выталкивать из меня ручьи слез и глухих рыданий, то это то сердце, которое мне нужно. Ни один попрошайка не выбьет из меня ни копейки, ни один благотворительный фонд не сможет выжать из меня скупую слезу при виде ребенка со страшным диагнозом, ни один котенок не дождется от меня помощи. Я смогу спокойно есть, когда другие умирают от голода, смеяться, когда другие рыдают, проходить мимо горя, втайне радуясь, что меня оно не касается. Даже если моя мама внезапно полюбит меня, захочет меня видеть, то единственное, чего она удостоится – так это насмешливого: «Где ты была раньше, когда у меня было сердце, способное простить, найти тебе тысячу оправданий, любить тебя только потому, что ты родила меня? Скорый поезд любви ушел со скоростью сто девяносто четыре километра в час, преодолев именно то расстояние, которое ты не могла преодолеть, чтобы приехать ко мне!».

Ай как больно... Как же больно... Ничего... Еще немного, и точка невозврата будет пройдена... Еще капелька боли, еще несколько воспоминаний о предательстве, еще толика ненависти, и все пройдет... Скоро эти воспоминания будут вызывать только нервную насмешливую улыбку. Лишь иногда по ночам, когда сердце сожмется от старой призрачной боли, я проснусь, чтобы долго лежать и пристально смотреть в темноту. Я не замечу, как из уголка глаза прямо на подушку скатится холодная слеза – воспоминание... Бесчувственные люди с разбитыми сердцами живут годами, обнимают нелюбимых, даря холодные поцелуи своим детям, улыбаются дежурными улыбками, поправляют монокль цинизма. А где-то по миру ходят их убийцы, осужденные заочно, казненные прямо в сердце и похороненные в ворохе воспоминаний.

Осталось погрузиться в глубину отчаяния, чтобы оттолкнуться от черного дна и начать новую жизнь.

Я открыла глаза в своей комнате. Рядом, крепко обнимая меня, спал человек, на которого мне предстоит смотреть другими глазами, после сказанных им слов. На столе стоял букет, застряв по состоянию где-то между славой вождя пролетариата и египетскими мумиями. Я молча вытащила его, сломала и выбросила в мусорное ведро, проталкивая с ноги, от души, и с брызгами выплеснув воду в раковину. Стянув с подоконника чужие сигареты и зажигалку, криво и нервно улыбаясь, я с щелчком передернутого затвора отдернула шторы, распахнула балконную дверь и вышла на улицу в одном халате. Игрушечный медведь полетел навстречу мутным огням чужих квартир и детской площадке, застряв в колючих ветках акации. Давясь сигаретным дымом, вдыхая горечь и яд, я пыталась сделать несколько затяжек, кашляя и подавляя чувство тошноты и отвращения. Окурочек полетел вниз. Я взяла еще одну сигарету, подкурила и продолжила душить едкой горечью нечто куда более страшное, чем просто боль.

Наверху раздался шум, а потом послышалось: «Спецслужбы всего мира следят за вами, прослушивают все телефоны... А ведь именно ваш телефон сможет рассказать о вас куда больше, чем вы сами! Они уже знают, кого вы любите, с кем встречаетесь, а история мобильного браузера, которая так же фиксируется, сможет рассказать им очень многое о вас, как о личности...». Таинственный мужской голос под тревожно-депрессивную музыку повествовал о теории мирового заговора, утверждая, что конкретно за мной следит не только мой телефон, но и фен, микроволновка и даже... холодильник. Музыка выдала жуткий аккорд, нагнетая и без того непростую обстановку тотальной безнадёги. Я сглотнула, пытаюсь дышать глубоко и ровно. Информация, которой располагает мой фен, будет очень важна для спецслужб всего мира, а вот по поводу холодильника я уверена на сто процентов, что он отморозится и не выдаст информацию о моих ночных похождениях и перекусах. Чтобы хоть немного отвлечься, я представила, как пытаются мой фен, окуная в ванну с ледяной водой, не вынимая при этом вилку из розетки. Микроволновка меня сдаст сразу же, с потрохами, которые я в ней иногда разогреваю... Сигарета тлела, огни гасли, мороз и маразм крепчали. То, что стиральная машина стучит, я и так знаю, но мне казалось что это из-за неровностей пола, а тут оказывается... Так хотелось забить голову всякой ерунд...

... Ой! Горящий фильтр обжег мне пальцы. Обидно, когда ты думаешь, что упала звезда, загадал заветное желание, а это – не звезда, а летящий с балкона окурочек, рассыпаясь в полете алыми искрами. Через минуту я получила разрешения у всех внутренних инстанций на вторжение в чужую жизнь. Мозг требовал ответов, поэтому тут же поставил резолюцию. Совесть, скрипя зубами и скрепя умирающее сердце, поставила размашистый автограф, дописав: «Только один раз!». Гордость долго отказывалась, подбивая меня на «смертельную обиду в любом случае и грандиозный скандал по результатам шпионских изысканий», но потом смиростивилась и поставила свою печать. Страх, который возникает всегда, когда закрадывается подозрение, что правда настолько горька, что ее не удастся проглотить, тоже согласился и молча подписал

приговор тайне чужой переписки. Ревность промолчала и пожала плечами, понимая, что ее нет в списке подписантов, но если нужно будет, то она тоже поставит свою закорючку. Будем иметь в виду.

Для разблокировки чужого телефона требовался отпечаток пальца. Были мысли оторвать палец, а потом прислонить к экрану, но я решила не ставить крест на возможной чужой карьере пианиста, и обошлась методом тыка. Я достала свой телефон и набрала последний номер. Секунда, две, три и пошел вызов. «Живет... в белорусском Полесье...»

На экране высветилась моя фотография и подпись «Рыжик». Мне это напомнило анекдот о наивной девушке, которая спрашивает подруг: «Он ведь меня любит? Любит? Иначе бы не стал дарить перед сексом маленькую шоколадку «Аленка»?». Ложь. Он все продумал. Думал, что я захочу проверить со своего телефона... Не показатель... Нет...

Телефон был разблокирован, и я увидела свое лицо на заставке. Вот наша переписка, вот звонки. Кто тут у нас? Нотариус, нотариус, какое-то ООО, типография, нотариус, Алена Б. Я посмотрела сообщения, из которых стало понятно, что Алена Б. представительница отнюдь не древнейшей, а важнейшей профессии – бухгалтер и она заплатила налоги, чтобы начальство спало спокойно. Ира, Игорь, Вячеслав Типография... Рыжик... Так, а теперь история браузера. «Как оформить завещание на лицо, которое не является членом семьи?». «Оформление завещания не на родственника», «Как отвратительно расстаться с девушкой?», «Как отшить девушку раз и навсегда?», «Свадьба за один день», «Загсы города», «Как узнать размер кольца?». Браузер заранее извинялся за свою историю. Где-то в глубинах моей души на меня воспаленными глазами смотрела разведчица Марина, кутаясь в домашний халат и сжимая в руке чужой телефон. «Видишь! – с укором смотрела она, перезванивая по каждому подозрительному номеру в двенадцать ночи. – И ты докатилась до такой жизни!»

Я снова потянулась за сигаретами, внимательно читая все последние страницы, просмотренные пользователем, понимая, что штангенциркуль, который рекомендовали некоторые мужчины для замеров диаметра пальца будущей жены, это еще не предел мужской изобретательности. Кто-то предлагал обмотать ей палец проволокой, пока она спит, кто-то утверждал, что самым лучшим вариантом будет не жениться. Здравый смысл, сквозивший в одном посту о том, чтобы взять колечко, которое она носит, был заглушен гневными постами тех, кто легких путей не ищет!

А теперь посмотрим про расставания. Я открыла сугубо мужской форум, где представители сильной половины человечества щедро делились способами надолго остаться в памяти слабой половины редкостными козлами. Один товарищ с героическим ником радостно описывал историю, как вывалил некой Н. на голову тонну грязи, объяснив, что просто воспользовался ею. Остальное было подозрительно знакомым. И про поцелуй, кстати, тоже. Я сглотнула, потушила окурок и посмотрела на спящего красавца. «А из-за чего расстались?» – спросил какой-то страдалец от личной жизни. «Она удалила мою игру и все сохранки!» – прозвучал ответ, который горячо одобрили все отписавшиеся. Вина бедняжки была очевидна, действия мстителя были одобрены основной массой, а сама девушка предана такой анафеме, которая не снилась тиранам, диктаторам и маньякам с очень большим послушным списком жертв.

Переписка с нотариусом была недолгой.

«Пусть девочка подъедет по адресу, чтобы я мог все оформить, как полагается... Сбрось

копию ее паспорта...».

Я увидела фотографии своего паспорта, сделанные в коридоре на тумбочке. Моя сумка застегнута, но молния не заправлена. Я расстегнула сумку, сжимая в руках чужой телефон, увидела свой паспорт, в который были вложены деньги и записка с адресом. Посмотрев воспаленными глазами на адрес, на купюры, торчащие из моего паспорта, решительно прошла в комнату, швырнув чужой телефон в его спящего обладателя.

Я перерыла чужую сумку, нашла там визитку нотариуса, несколько визиток каких-то фирм, ключи от машины, чеки, паспорт, портмоне и блокнот. Я пролистала блокнот, глядя на размашистые пометки. Ложь. У нас абсолютно разный почерк. Я скребу, как курица перебитой лапой, нанизывая гирлянду букв – бусинок, а здесь почерк, что называется, «от души». Размашистый, слегка витиеватый, при этом чертовски неразборчивый. Первый шаг к карьере врача был сделан. В блокноте лежала маленькая фотография немолодой женщины, бережно вложенная между страниц. В тот момент, когда я листала блокнот, она вылетела и упала на пол. Я подняла ее, взглянув в глаза незнакомке, а потом бережно положила ее обратно. Феникс видел записку на столе. Скорее всего, он меня и притащил домой. Но это писал не он. Сомневаюсь, что он стал бы заморачиваться с почерками.

Я замахнулась, прикусив губу от бессильной ярости и глядя воспаленными глазами на обманщика. А потом от всей души отвесила ему звонкую пощечину. Странно, но на моих пальцах кровь. На щеке Феникса открылась рана, из которой ему на шею и на подушку потекли красные струйки. Я откинула одеяло и увидела ожоги на его руках. Вторая рана появилась на плече, орошая мою постель свежей порцией крови. Еще одна царапина. Нет, нет, нет... Никому не трогать его! Он мой. Я имею полное моральное право уничтожить его на месте. Задушить...

Я легла рядом, отвернулась от него и попыталась уснуть. Я считала не овечек, а патроны, которые потратила на отстрел тупой живности, мешающей мне уснуть. Пару патронов я приберегла для соседей. Звук нарастал, вещая о том, что, помимо смартфонов, за каждым из нас охотятся шпионы – телепаты. Я пыталась закрыть уши, но подробности складывания шапочки из фольги никак не способствовали быстрому засыпанию. Натянув халат, вдев ноги в тапки, озверев до крайности, я вышла на лестничную клетку. Не знаю, как на счет защиты от телепатов, но от удара по голове шапочка из фольги не спасет.

Я поднялась по лестнице, чуть не потеряв тапок, чтобы зажать старую светлую кнопку звонка так, словно я выдавливаю гнойный прыщ.

За дверью послышалось шевеление. «Кто-там?» – глазок на секунду померк.

– Соседи, – отрезала я, вдавливая кнопку.

– Чего надо? – спросил меня мужской голос, под аккомпанемент замочного щелчка.

– Вы потише сделать можете? – спросила я, глядя не самым добрым взглядом на небритого соседа в рубашке, доставшейся ему по наследству от какого-то пенсионера. –

Я СКАЗАЛА, ЕСЛИ ВЫ СЕЙЧАС НЕ ЗАТКНЕТЕ СВОЮ ШАРМАНКУ, ПЕНЯЙТЕ НА СЕБЯ!!!

– Рот закрой! – возмутилась подросевшая соседка, глядя на меня мятым лицом. – Ишь разоралась!

Я молча подошла к щитку, который обзавелся внушительным амбарным замком. Понятно. Этот номер уже не пройдет.

– Хорошо, вы сами напросились! – рявкнула я, спускаясь в свою квартиру и закрывая дверь. Содержимое моего мусорного ведра тут же полетело вниз на соседскую машину, припаркованную прямо на газоне под нашими окнами. Сработала сигнализация. Через пять минут в дверь раздался стук.

– Ты что? Охренела? – возмутился сосед.

– Сначала мусор, потом кирпич сорвется с моего старого балкона. Я ясно выразилась? Уберешь машину подальше, найдешь с пробитыми колесами! Как только я услышу, что громкость нарастает, я вспорю тебе колеса! – злобно рявкнула я, захлопывая дверь. – А еще у меня есть банка с краской! Я буду очень изобретательна. И никто ничего не докажет!

Громкость была убавлена, а я, отдышавшись, оперлась о стену спиной. И тут меня что-то дернуло за плечо, причем так, что стало очень больно! И не просто больно, а дьявольски больно! Сквозь халат проступила кровь. Я сначала не поверила, но ...

Передо мной появилась огромная тварь, глядя на меня желтыми глазами. Пасть была окровавлена и явно неспроста...

– Бивать... Всех бивать... – прохрипела тварь, готовясь добить меня. – И тебя бивать... И его бивать...

Из складок платья выпал камень, который я тут же схватила. Струя воды брызнула в морду твари, которая отшатнулась от меня, пока я пыталась освободиться от веревок. ООО «Твари» – отличные союзники!

Я дернулась в сторону, пытаюсь порвать веревку. Кровь на руках, но я пытаюсь вылезти, пока гадина не пришла в себя. Кора осыпалась, веревка цеплялась за лицо и волосы. Есть! Я вскочила на ноги и бросилась бежать в сторону города. Никогда в жизни я не бежала так... Внезапно что-то дернуло меня назад, заставив упасть... Оставив клок одежды в зубах твари, я вбежала в город, оглядываясь и задыхаясь.

Город умер. На земле валялись тела, ветер поднимал пепел, а по брусчатке стелились алые ленты крови. Неподалеку лежала, страшно хрипя, другая огромная тварь, из которой торчал кинжал. Я вытащила окровавленный кинжал из раны, сжала его

скользкую рукоять. Загнанная в угол по лабиринтам города, план которого не удосужилась выучить, едва успела увернуться от молниеносного броска черной тени...

- Иди нафиг! - отчаянно заорала я, выставляя вперед оружие. Дальше плохо помню. Помню, как все стихло, а тяжесть чувствовалась не только на сердце, но и на теле. Выбравшись из-под тяжести, я посмотрела на свою руку и поняла, что рука пока на месте. Кровь, много крови. Под животным растекалась огромная темная лужа. Кто это сделал? Сердце внезапно дрогнуло от страха. Кто? Никого здесь нет... Я попыталась вытереть лицо, но в правой руке мертвой хваткой был зажат окровавленный кинжал. Претензии по договору принимаются в письменном виде. Желательно, кровью....

Прокушенное плечо горело адским пламенем, но я терпела боль. Я сжала сережку и прохрипела, задыхаясь от боли и ужаса: «Нас предали!». Надеюсь, что сработает.

- Рыжик? - услышала я изумленный шепот, пока чувствовала сухость во рту и озноб.

- Слушай... - я сглотнула, понимая, что мне дурно. - Нас... предали... Не дове...

- Рыжик! Ты где? - прошептал Феникс, так, словно ничего не случилось.

- В городе... - прошептала я, мучительно сглатывая и опускаясь на землю. - Нас предали... Не верь им...

Я все еще лежала на спине, глядя в черное небо, судорожно ловя воздух. Внутри меня все горело, полыхало, сменяясь ознобом. На глаза напал туман...

- Прощай... - прошептал мой срывающийся голос, чувствуя, как меня несет по невидимому течению. - Прощай...

- Рыжик! - услышала я сквозь ватное облако.

- Прощай... - едва слышно прошептала я. - Ты меня обманул... Я не... Не надо было...

Даже не знаю, что дальше говорить. Все мысли перепутались. Какая короткая и бесславная битва! У меня с уголка глаза стекла слеза. Я ведь не умею сражаться... Мне хотелось сказать что-то важное, но я не могла понять, что сейчас важно... Мне кажется, что я сказала все, что могла...

- Рыжик, где ты? - прошептал голос. - Не надо молчать... Я прошу тебя...

- Я нигде... - выдохнула я, улыбаясь черному небу и закрывая глаза. - Мне жаль... Что мы расстались... врагами...

Нет, я не хочу так умирать...Надо как-то себя пересилить... Я прикоснулась к плечу, чувствуя, что оно все в крови. И тут мне на горло набросилась жесткая удавка, которую я отчаянно пытаюсь снять, понимая, что меня волоком тащат по земле. В окровавленной руке был сжат кинжал. Если бы хватило сил поднять и замахнуться...

– Мы находить твоего детеныша! – заявил знакомый голос, пока я пыталась сориентироваться. – Вы сражаться и отдавать корону нам! Мы не отдавать вам камни! Нам нужна весь! Мы так решить! Наш мир погибать из-за вас.

– Отлично, – усмехнулся Феникс. Рядом с ним лежало тело и дергалось в конвульсиях. Несчастную жертву Феникс немилосердно и хладнокровно добил мечом. – Я собирался с ним сразиться, чтобы получить корону. Но теперь мы с Рыжиком остались вдвоем. Мне нужно выйти с кем-то в круг, чтобы получить корону. И этим «кто-то» будет Рыжик. Поскольку нас в мире осталось двое, старые правила не действуют. Так что отпустите ее. Выбирайте, или отпускаете ее, или корона вам не достанется.

– Искать еще ядей! – скомандовал Нафик, нервничая. – Всех смотреть!

Черные тени метнулись в разные стороны.

– Потерпи, Рыжик, – услышала я шепот. – Потерпи, прошу тебя... Я договаривался с ними на то, что камни, которыми украсили корону люди – мои, а сама корона – их. Но они не соглашаются. Они хотят все... В короне три камня. Эти три камня ...

Удавка сжималась на шее, рука не поднималась, тело знобило и выкручивало. Я уже не слышала, что мне говорят... Прошло минут десять, которые показались мне вечностью... Никого нет...

– Хорошо, мы отдавать детёныш! – заявил Нафик. Удавка на моей шее ослабла. – Если ты с нами сражаться, то вы сразу умирать! Оба! Корова наша! Камни тоже наша!

Меня взяли на руки. Через пару мгновений я почувствовала, как на плечо мне что-то льется. Рана затягивалась на глазах.

– Ты сможешь сделать шаг? – спросил Феникс, положив руку мне на грудь. – Все, все будет хорошо... Потерпи...

– Не знаю, – сглотнула я, глядя, как перед глазами все двоится. Озноб усиливался. Пальцы рук медленно холодели. Что-то со звоном упало. Я попыталась сжать рукоять кинжала, но поняла, что сжимаю пустоту.

– Один шаг, Рыжик. Один единственный шаг, – меня поставили на ноги. Громогласный

голос, который давно сидит у меня в печенках, что-то произнес.

- ... но правила могут быть нарушены... Так что, дамы и господа, это – особый случай! – голос в голове гудел, как колокол. Откуда он доносится? Я почему-то думала, что это человек озвучивает поединки, но кроме нас никого не должно было остаться. Мне показалось, что голос раздается из той самой черной колонны, стоящей в центре круга. – Это будет невероятный поединок! Невероятный! Последний невероятный поединок! Рабыня и дисквалифицированный хозяин сражаются за корону! Исключение из правил! А все потому, что их осталось только двое! И корона будет принадлежать одному из них! Да начнется бой!

- Догадайтесь, кому... – прокашлялась я. Не смотря на то, что рана затянулась, дурнота не ушла. Озноб усиливался. Кольцо огня плыло перед глазами, заставив тварей отшатнуться подальше. Они затаились в темноте. Немые, черные зрители, которые будут наблюдать за боем. Я сделала шаг, глядя, как пламя расступилось в последний раз.

- Здесь мы в безопасности, – прошептал Феникс, подхватывая меня. – Рыжик, потерпи немного, скоро все закончится... Для тебя точно... Для меня – не знаю...

- Ты мерзавец, подлец, негодяй! – прокашлялась я, чувствуя солоноватый привкус во рту. – нотариус, адрес.... Ты завешание на меня оформлять собирался?

- Знаю... Подлец, мерзавец и так далее... – меня придерживали, обнимая. – Я просто знаю, что предательство ты переживешь легче... Намного легче, чем мою смерть... Там... Ты представляешь себе вечную разлуку... И сны... Сны- воспоминания... Они будут приходить и к тебе, и ко мне... Как ты будешь с ними жить? Я не знаю, как буду с ними жить...

Я снова прокашлялась, зажимая ладонью рот. На руке были сгустки крови. Озноб усиливался, но я держалась.

- Я бы жила только ими, – прошептала я, глотая кровь и слезы. – Не привыкать...

- Рыжик, я не отдам им корону. Точнее, отдам, но не сразу... – прошептали мне, тревожно проверяя меня на целостность. – Давай... Ты знаешь, что делать... Давай, Рыжик, как в первый раз... Меня отпустили, оставив стоять... Мимо уха пролетела огненная вспышка. Из моих испачканных кровью рук пошла убогая струйка дыма, похожая на тлеющую сигарету. Все смешивалось. Мне казалось, что темнота того мира и этого смешивались... Я видела сквозь мрак, как загораются и гаснут окна... А в очертаниях темной квартиры, которую услужливо подсовывала память – полыхал огонь. Губы пересохли, во рту все слиплось от мучительного порыва кашля. Сил стоять уже не было, поэтому я опустилась на землю, обессиленно борясь с неведомой слабостью.

- Рыжик, я выхожу из круга... – услышала я шепот, выдохнув в ответ тихое: «Да...». – Потерпи немного, скоро все закончится... Как хорошо, что это оказалось правдой... Я про правила...

Все смешивалось, полыхало, расплывалось... На смену мучительному ознобу пришел жар... Голос в голове превращался в протяжный гул. И тут перед моими глазами появилось странное свечение. Я сглотнула, протягивая к нему руку... Свечение усиливалось, и через секунду мне на голову обрушилось что-то тяжелое, сдавливающее виски до пульсации. Пламя вокруг погасло, а я сорвала с себя железку, поймав себя на ускользающей мысли о том, что один мерзавец все-таки не рискнул нацепить на голову, судя по весу, чугунное, украшение с чужого хвоста... Я чувствовала пальцами острые грани короны, видела угасающим взглядом, как сверкают три одинаковых камня, цвета киновари. Три камня, слегка мутноватые, ограненные и такие холодные...

- Рыжик, - прошептал Феникс. Вокруг нас выросла стена огня. Я только сейчас увидела на его лице застывшую кровь и размазанную сажу.

- Держи, - усмехнулась я, провожая взглядом черный обруч, в камнях которого отражалось пламя. Корону приняли из моих рук.

- Отдать нам все! - зашипели наши недавние союзники.

- Нифига, - ответил Феникс, вырывая из короны три камня и бросая их рядом со мной на землю.

- Твой детёныш умирать! Мы сказать, как его исцелить! Детёныш долго не протянуть. Его отравить... Мы его отравить... Наш укус смертелен для вас, человеков... - задумчиво и просто заметил знакомый голос по ту сторону пламени.

Я выдала свежую порцию сгустков крови, с ужасом вдумываясь в смысл чужих слов. Меня подхватили на руки.

- Проваливайте в свой гребанный мир! Камни вы не получите! На счет короны я подумаю, - прошипел Феникс, откидывая окровавленные волосы. Хоть бы не его кровь... Хоть бы не его кровь...

- Если ты не отдавать нам камни и корону, он умрет! - занервничали наши «друзья». Так, словно я - олигарх, и должна в предсмертном широком жесте подписать им дарственную на все мое имущество. С такими друзьями и врагов не надо. - Мы менять жизнь детеныша на камни.... Мы знать, как ее спасти... Поверить нам... Верить...

Судя по тому, сколько злости на род людской твари собрали внутри себя, сидели они под городом не одну сотню лет... Думать о том, кем или чем они питались все это время, мне не хотелось. Я снова зашлась в приступе кашля...

- Нет, - испуганно прошептала я, чувствуя, как слова застревают в горле. - Не надо... Я не хочу, чтобы ты оставался здесь один... Не хочу... Я не прощу тебя... Не прощу... Они солгут... Солгали один раз, солгут и второй... Не верь им...

Я зажмурилась, пытаюсь подавить кашель и озноб. Пламя горело вокруг нас, защищая огненной стеной.

- Не верь им... - вздохнула я. - Нельзя верить тому... кто предал...

- Он умирать, - заметил сиплый голос, пытаюсь качнуть чашу весов в пользу надежды.

- Нет! - закашлялась я, сжимая руку Феникса.

- Мы ждать, пока детёныш не умирать, - заметил Нафик, отправленный мною мысленно в одноименное место. - Камни и корову.

Ага, несите седло.... Для коровы... Бред... Феникс в ответ значительно пополнил словарный запас наших бывших союзников, обогатив его такими словами, которых даже я не знала. Ну, может быть, и знала... Просто не использовала, вспоминая вкус хозяйственного мыла после первых филологических открытий.

- Рыжик, мне нужно солнце... Ты сможешь продержаться? Немножечко... Чуть-чуть... - спросили меня шепотом, целуя в щеку. - Чуть-чуть... Капельку... Я вынесу корону за пределы Кадингера... Только продержись... Я прошу тебя...

Меня поцеловали, пока я давилась кашлем. В мутном ореоле огня я видела силуэт с короной в руках. Через секунду огромная огненная птица взлетела в небеса.

- Что? - изумился Нафик, явно не подозревая о талантах Феникса. Судя по шипению, наши бывшие союзники занервничали. Я лежала на земле, провожая взглядом огненную точку в мутно-черном небе. Рядом со мной лежали камни. Я даже нащупала один из них рукой, ощутив, как он холодит пальцы. Какое-то странное чувство... Если вдох - это жизнь, а выдох - смерть, то мы каждую секунду сражаемся за жизнь, сами того не замечая. И я никогда не думала о том, что каждый вдох-выдох - это сражение не на жизнь, а на смерть. Странно, но я никогда не ценила то, за что сражалась. Только сейчас, когда каждый вдох дается тяжело, понимаешь, насколько он бесценен. Вдох... Еще вдох... Я не хочу, чтобы мы расстались врагами... Вдох... Вдох... Еще один вдох... Сколько всего я могла бы сделать.... Сколько времени потрачено впустую... На вещи, которые скучно вспоминать, на людей, которые не стоят ни одного вдоха... Почему-то мне начинается казаться в моей мутной полуяви, что самым ценным является ни содержимое земных недр, ни виртуальные валюты, ни золото всех цветов и консистенций.... Вдох... Самое ценное - это вдох... Все должно измеряться во вдохах, а не в грязных, условно ценных бумажках. Сколько вдохов стоит вещь? Сколько тяжелых вдохов пришлось потратить, выслушивая придирки начальства, прихоти клиентов и возмущения коллег, чтобы купить себе ее? Сколько вдохов потрачено на осуществление мечты? Сколько лет ты старался, тяжело пытаясь, чтобы добиться результата? Сколько вдохов стоит любовь? Миллионы горьких вдохов, тысячи нервных, сотни сладких...

Нет, я жила в не худшем из миров... Я просто умудрялась не жить в лучшем из миров, тратя драгоценные вдохи на какие-то пустяки... Почему-то я всегда была уверена, что все успею... Успею найти себя, успею найти друзей, успею найти любовь, успею поговорить с мамой... Как офисный планктон, оставивший масштабный проект аккурат

на дедлайн, чтобы потом за одну бессонную ночь попытаться наверстать упущенное, я откладывала жизнь до лучших времен. А где-то в магазине висело то самое платье, о котором я мечтала... На рынке труда размещались вакансии, которые я не дерзнула штурмовать... Где-то на расстоянии сто девяносто четыре километра живет моя мама... Я хотела к ней приехать. Просто поговорить. Она бы не отказалась, я так думаю... Просто поговорить... Мне нужен этот разговор.... Вдох! Поздно... Все поздно...

Мне кажется, или на небе появилось солнце... Оно становилось все жарче и жарче... Прямо среди мутной тьмы горит яркий огонь, становясь все больше и больше... Вдох! Так хорошо... Солнце... Ну вот солнце светит и мне... Прямо, как в детстве... Яркое-яркое... Теплое... И тут мое солнце померкло. А надо мной склонилось знакомое лицо.

- Иди ко мне, маленькая... Иди ко мне... - меня подтащили к себе и обняли, вкладывая в руку камень. - Сожми крепко... Просто держи его... Ничего делать не надо... Скоро тьма рассеется и взойдет солнце... И вот второй... Держим его вместе... Попробуем так... Потерпи немного... Я прошу тебя...

Волосы перебирали, прижимая меня к себе.

- Фенечка... - прошептала я, проводя рукой по изодранной одежде. - Я не хочу, чтобы мы расстались врагами... Ты хотел, чтобы я тебя ненавидела, но я не хочу тебя ненавидеть... Я хочу любить... Это единственное, ради чего стоило прожить мою никчемную жизнь...

Я замолчала, думая над своими словами. Еще один драгоценный вдох...

- Рыжик, не молчи... Рассказывай... Что угодно, просто резко не замолкай... Прошу тебя... Я чувствую, что ты дышишь, но лучше не молчи... - мне в волосы прерывисто дышали. - Нет, нет, врагами мы не расстанемся...

- Что тебе рассказать? - тяжело спросила я, понимая, что говорить не хочется. Хочется просто помолчать. - У меня была унылая жизнь... Вдох... очень... унылая... Вдох... Извини, что повторяю... Просто я хочу не забыть, что нужно вдохнуть... Я повторяю это, чтобы знать... Вдох... Знаешь, мне почему-то не страшно... За тебя страшно, за себя нет... Вдох... Давай договоримся... Если я не... Вдох...

- Давай о чем-нибудь хорошем и жизнеутверждающем! - прошептал Феникс.

- Жизнеутверждающем? - я снова вдохнула. - У тебя будет все хорошо... Ты выберешься... Я мечтаю о том, чтобы ты встретил девушку, которую полюбишь... Потом... Хорошую девушку... И чтобы она тебя любила... Сильно-сильно... Вдох... У вас будет все хорошо... У вас будет красивая свадьба... Она будет в белом платье... Вдох... А ты будешь в черном костюме... Вы будете жить... долго и счастливо... Вместе... Я действительно хочу этого... Я хочу, чтобы ты разбил мою кружку... Я не хочу... Вдох.... Не хочу, чтобы тебе что-то напоминало обо мне... Боже, как я хочу, чтобы ты был счастлив... Я все отдам, чтобы ты был счастлив...

Я помолчала, понимая, что несу какой-то бред. Но я отчетливо видела красивую пару

возле алтаря, луч света, который освещает их клятву.

– Ей ты никогда не скажешь, что она плохо целуется... – прошептала я, усмехнувшись через силу. – И что тебе хочется сплунуть после поцелуя с ней...

– Рыжик! Давай, выживем, а потом выясним отношения с битьем посуды и грандиозным скандалом? – простонал Феникс. – Все выскажешь... Согласен, виноват. Но каяться буду после второй разбитой тарелки....

– Об голову, – вздохнула я, глядя, как становится чуть светлее. Может, мне кажется? Или действительно стало светлей. – Об ту... Вдох... которая придумала гениальную идею расставания... И ту, которая завещание оформляла... Вдох... на не родственника...

– Ты что? – спросил Феникс, слегка меня сжав. – Лазила в моем телефоне?

– Было дело, – призналась я, понимая, что убивать меня за это не надо. Сама умру. – Боже, как я хочу, чтобы она тебя любила... Думаю, что ты такую встретишь... Давай подумаем, где ... Вдох... ты ее встретишь? Я думаю, что на улице... Было бы здорово, если бы я смогла тебе ее показать... Или на работе...

И тут мне стало плохо... Помимо кашля меня стали душить слезы призрачной ревности.

– Знаешь, я не знаю, веришь ли ты в ангелов-хранителей, но я... – стало еще немного светлей. Я видела слабую тень, падающую от столба. Длинную тень, которая становилась все короче и короче. – ... Я хочу стать твоим ангелом хранителем... Вдох... Знаешь, как будет удобно? Я буду следить за тобой, оберегать тебя, защищать тебя... Предупреждать об опасности... Хоть бы так и вышло... Просто ты не будешь меня видеть... Но я буду рядом... Вот было бы здорово... Вдох... Пусть так и будет... Пусть меня услышат...

Меня сжали так, как не сжимали никогда.

– Рыжий ангел хранитель, – шепотом заметила я, вдыхая и понимая, что с каждым разом все тяжелее и тяжелее дышать. – Надеюсь, ты будешь не против... Мне сейчас хочется расстаться врагами... Давай, я скажу... тебе... правду?

Я снова судорожно вдохнула.

– Ты ужасно целуешься... Мне противно было тебя целовать... Как унитаз облизать, честное ... слово... Ты меня целуешь, а я жду, когда этот цирк закончится... Так и хотелось сплунуть... И зубы почистить... Вдох... Три раза... Ах да... Я тобой воспользовалась... Мне нужно было выжить в Кадингере. Любой ценой... Мне нужно было к кому-то ... Вдох... прислониться... Сама бы я не выжила... А тут... ты сам подвернулся... Ну... думаю... Вдох... потерплю... Авось, вытащит... Сама бы я все это не провернула...

– Значит так, да? Как унитаз облизать? – глухо ответил Феникс. А тень все уменьшалась. Мир становился ярче.

– Угу, – отозвалась я, выдыхая. Вдохнуть я уже не могла. Хотя нет... Еще вдох. – Я хочу к маме... Очень хочу...

На секунду я представила себе мамино лицо и запах.

– Я хочу к мамочке... – прошептала я, очарованная мечтой, что она вот-вот меня обнимет. – Мне так... Вдох... Ее не хватает... Мамочка... Мне так больно и плохо... Мама... Спаси меня... Прошу тебя...

У меня из глаз покатались слезы. Мне казалось, что мама пусть далеко, но она придет... Придет ... Она должна прийти! Когда ребенок зовет маму, она должна прийти! Если бы меня звал мой ребенок, то я бы пришла... Даже с того света...

– Все-все-все, – меня поцеловали в лоб, прижав к себе. – Не надо звать маму... Рано еще к ней на небеса. К маме всегда успеешь... Пусть мама руки не протягивает. Пусть лучше смотрит на нас с небес...

– Мама жива... И я хочу к мамочке... Я хочу обнять ее и попрощаться... – перед глазами стоял мамин образ. Он расплывался, меняя очертания, как пятно от чая на диване. – Я ее прощаю... За все прощаю... Пусть только придет... Я так этого хочу... Я умоляю... Пусть придет... Ко мне... Мамочка...

– Рыжик, ну что мне сделать? Нет мамы... Здесь мамы нет... Но я думаю, что она с тобой... Всегда с тобой... – я почувствовала тяжелый вздох. Я растворялась в мечте о маминых объятиях. Боже, как это прекрасно... И совсем не страшно.

– Мамочка... – призрачная мама мне улыбалась и обнимала меня. Она пахла так же, как и настоящая. – Я люблю тебя... Мамочка... Люблю... Не уходи... Мама... Не бросай меня... Не бросай...

Я почувствовала, как меня целуют. Я выдыхаю в последний раз, а в меня вдыхают. Я снова выдыхаю, зная, что это мой последний выдох, а в меня снова вдыхают. Я опять выдыхаю, понимая, что моя жизнь окончилась, но вдох делают за меня. Мне показалось, что вокруг нас пламя.

– Тише... Это – не солнце... Это я... Так надо... – прошептал Феникс, снова вдыхая в меня и впиваясь пальцами в мои волосы. До боли... – Не смотри... Так должно быть... Еще чуть-чуть... Хоть бы получилось...

Я смотрела, щурясь на яркое солнце этого мира, которое стояло в зените, освещая все

убожество вокруг. Нас пожирает огонь, а я прижимаюсь к чужой груди, понимая, что скоро останется лишь горстка пепла, которую тут же поднимет ветер и развеет по опустевшему миру.

Глава двадцать шестая. Сквозь тернии к солнцу

Пусть всегда будет солнце,

пусть всегда будет мама,

пусть всегда будет Феникс,

пусть всегда буду....

Мир сгорал перед моими глазами. В черных клубах дыма мерещились образы. Как будто огромная дверь, ведущая в темноту, пугающая и монументальная открылась передо мной.

- Прощай, мой Рыжик, - меня крепко обняли. - Прощай... Вот, я указал тебе на дверь...

- Никаких «прощай»! - возмутилась я, чувствуя, как силы возвращаются. - Я кому говорю, никаких «прощай»!

- Рыжик, ну чего ты? Хочешь сказать, что я зря угробил целый город? - в мои волосы вплетались чужие пальцы.

- Я сказала, никаких «прощай»! - процедила я, тяжело дыша.

- Все, любимая, вперед... Чего смотришь? Дверь открыта. Это твой путь к нормальной жи... - Феникс не успел договорить, как я его толкнула в плечо. - Я не пойду с тобой... Не потому, что не хочу, а потому, что вдвоем нам будет сложно выбраться. А ты и так сейчас слаба... Так что, давай, люблю, целую, буду скучать... Может быть, когда-нибудь я приду к тебе... во сне...

- Нет! - взвизгнула я, хватая его за руку. - Никаких «приду». Мы уходим вместе. И точка!

- Рыжик, ну все не так просто, - усмехнулся Феникс, глядя на меня, как на наивного ребенка. - Было бы просто, тут бы миграционная служба работала без сна и отдыха! Или ты хочешь проташить в тот мир нелегального иммигранта? Знаешь, Рыжик, мне все равно очень приятно, что ты хотя бы попытаешься. Людей пугают трудности, а когда речь идет о выживании, обычно каждый сам за себя...

– Так, все, достаточно! – возмутилась я, понимая, что контрабанду через границу миров не возила. – Пойдем.

Я потащила его к двери за руку.

– Подожди, послушай меня, – вздохнул Феникс, потрепав меня по голове. – Знаешь, а ведь в истории с камнями и короной не все так просто и радужно. Один великий маг, предок Крысы, создал три камня и тут же решил их опробовать. Он предполагал, что камни могут дать возможность для путешествий между мирами. Эксперимент удался, и перед ним появилась тварь. После диалога выяснилось, что мир тварей сильно перенаселен, они сожрали все, что можно было сожрать. А тут ... ммм... мир гастрономических изысков для верхушки пищевой цепочки. Наш изобретатель посоветовал на то, что у нас тут тоже не все так гладко, а скорее гадко. Тварь подумала и заявила, что проблему можно решить, в обмен на переезд для всей ее оголодавшей семьи. «Нет, что вы, мы не будем охотиться на людей! Мы мирно проживем в пещерках, а ночью будем выходить щипать травку на полянке... Да-да-да!». Тщеславный маг представил себя на местной доске почета и увидел перед глазами свою золотую статую в полный рост с подписью «Великий спаситель», и согласился на сделку. Тварь ушла в свой мир паковать вещи, а наш герой поскакал на научный симпозиум патентовать открытие. Наши друзья похитили корону у своих сородичей, оставив соотечественников умирать, и всей семьей переехали сюда. Маг обнаружил, что корону можно удерживать в нашем мире с помощью камней, слегка приоткрыв створку двери для сквознячка из другого мира. Когда наступила тьма, стали пропадать дети. Наши с тобой предки, я имею в виду предка Крысы и моего предка, от которого передалось умение обращаться в птицу, поругались, причем очень серьезно. Они оба стояли у истоков этого мероприятия. Мой предок знал, что творится за пределами Кадингера, знал, что некоторые выжили и на них теперь охотятся наши «друзья». Мой предок поддерживал связь с некоторыми поселениями, которые умудрились сохранить остатки культуры и цивилизации. Выжившие за пределами рассказывали о том, как стали пропадать дети... Наши предки поругались. Мой хотел вынести корону за пределы города, вернуть солнце, которое убьет тварей и даст людям надежду. Твой упивался своей властью, рассказывая о «великом спасении» и «меньшем зле». И мой предок убил твоего. Дальше были турниры, перевороты... Так мы с тобой очутились на самом дне. Я нашел кусок карты, который показывал, что записи спрятаны за городом. И сумел их отыскать. Не хватало только записей Крысы о камнях. Я думал, что они не сохранились.

Я слушала очень внимательно, чувствуя, как перед глазами мелькают события, очевидцем которых я не могла быть.

– Так что мы с тобой принц и принцесса, – усмехнулся Феникс. – Королевская кровь Кадингера. Твари хотели забрать корону и камни, чтобы найти себе новый дом. Новые охотничьи угодья в другом мире, потому что здесь сожрали всех и уже начали жрать друг друга, сетуя на то, что их обманули. Обе стороны обманули друг друга, и вот к чему это привело.

– Я смогу провести тебя в тот мир? – спросила я, пристально глядя в глаза.

– Не знаю. Не волнуйся, если что я вернусь, займу лучший дворец, буду жить холостяком. Я изменять тебе не буду! – усмехнулся Феникс, целуя меня. – Ибо не с кем...

Червяк сомнения больно укусил мое сердце. Наши тела в Кадингере погибли. Куда он собрался вернуться?

– Ложь. Мы сгорели, – покачала головой я. – Не надо мне лгать.

Я потянула его за руку и шагнула в пугающую темноту. Первые шагов десять дались мне на удивление легко. Моя рука сжимала чужую руку, а я бодрым шагом шла по черному туннелю, в надежде увидеть свет как можно быстрее. Так и хотелось радостно выдохнуть: «Вот! А ты боялся!». А потом стало тяжелей. Каждый шаг стал даваться с невероятным трудом. На меня бросилась черная тень. Я от страха чуть не разжала руку, но тут же спохватилась и вцепилась в нее намертво.

– Зачем он тебе, Еся? Подумай сама, он тебе солгал один раз, солжет и второй. Твой отец тоже мне много чего обещал, – раздался грустный мамин голос. – Когда он узнал о ребенке, то исчез и сказал, что воспользовался мной. Он не стал портить себе жизнь, испортив ее мне!

– А я при чем? – ответила я, чувствуя, как темнота поглощает все звуки, и я не слышу своего голоса.

– Я дотянула до нужного срока, надеясь, что он одумается и вернется... А потом врач сказала мне, что делать аборт в столь раннем возрасте чревато последствиями... – продолжал мамин голос.

– Заткнись, – прошептала я, сжимая пальцы посильней. Каждый шаг давался с таким трудом, словно ноги прирастали к земле. Я чувствовала, что неведомая сила тянет меня назад.

– Он из Кадингера, – заметил мой голос. – Он такой же подлый, как и они. Он так ловко ранил словами, даже не задумываясь о том, что после такого ты можешь наложить на себя руки...

– Заткнись, – выдохнула я в темноту.

– Еся, ты допускаешь большую ошибку! – заметил мой голос. – Снова на те же грабли. Тобой просто воспользуются и выкинут, как салфетку.

– Заткнись, – шептала я, чувствуя, как пальцы слабеют.

– Рыжик, – услышала я голос Феникса. – Я тобой просто воспользовался. Я солгал, чтобы Рыжик вытащила меня. Ты нужна была для того, чтобы вывести меня на свет... Чтобы упорно тащила меня в свой мир... Ну и дура ты, Рыжик... Как здорово, что мы с тобой встретились, ведь найти вторую такую дуру, что влюбится в меня без памяти, было бы сложно.

– Заткнись, – повторила я, не понимая, кто это говорит. Мне показалось на секунду, что это говорит сам Феникс, но я отогнала наваждение. Вернемся – разберемся. Хочет – пусть катится на все четыре стороны. Больше мне ничего не нужно. Захочет жить отдельно – пусть живет, как знает. Я даже номер удалю.

Внезапно на горизонте забрезжило яркое пятно. У меня словно открылось второе дыхание.

– Рыжик, – снова услышала я голос, – более легковой дуры я никогда не встречал! Ты и нафиг мне не нужна.

– Дома поговорим, – выдохнула я, глядя как белое пятно расширяется. Пальцы соскользнули, но я резко перехватила его за кисть. Так проще. И тут я поняла, что не могу идти дальше. Я даже не могу поднять ногу, чтобы сделать следующий шаг.

– Брось его! – твердил нестройный хор голосов. – Ты легко дойдешь одна! Брось его!

– Рыжик, брось меня, – услышала я насмешливый голос. – Брось, маленькая...

– Если надо, поползу, – я закусила губу, делая рывок. – Хватит! Прекратите!

Я обернулась и увидела, как меня сжимает черная костлявая рука.

Нет, нет, нет! Пусть даже это его настоящая рука, я все равно буду ее держать до последнего. Как он держал мою, когда я умирала. Я не помню, как сделала несколько шагов, с каким неимоверным усилием тащила свою ношу. Яркий свет ударил мне в лицо, и ... начался какой-то сумбурный бред. Снились кошки, какой-то дом с перевернутыми окнами, облака, черная трава, провода, какие-то странные железные конструкции. Снилось даже четырехногая курица, которая, видимо, сходство между мной и своим создателем, поэтому гонялась за мной, дабы отомстить мне по полной. Скажу честно, она была достаточно шустрой и должна благодарить судьбу за такой апгрейд. Снилось, что я ползу по дороге, а кто-то очень глубокомысленным голосом дает советы: «Если ты на южном полюсе, не вздумай идти на север! Все идут на север и погибают! Это их ошибка! Нужно идти на юг!». И тут прямо на меня налетела машина, и.... я проснулась. Рядом никого не было. Сумка валялась разобранной. С кухни слышался звук подпрыгивающей крышки кастрюли. Что-то упорно выкипало. Утирая сонные слезы, осматриваясь по сторонам, я соскочила с кровати, снова прислушиваясь. Два часа дня. Робко и осторожно я выползла из комнаты, положила руку на старую кухонную дверь с треснутым стеклом-изморозью, так полюбившимся строителям коммунизма и ставшему памятником жадности моего квартирного хозяина.

Крышка подпрыгнула, и раздалась тихая ругань. Не может быть! Я снова прислушалась, пытаюсь прийти в себя. Сон или не сон? Просто сны шли один за другим, словно пытаюсь наверстать упущенное. Осторожно приоткрыв дверь, я увидела идиллическую картину. Плита была выключена, а по стенкам кастрюли стекала пена. Я попыталась по запаху определить меню, но пока что терялась в догадках. Феникс сидел на стуле, задумчиво

что-то читая. Его рука шарилась по столу в поисках открытого пакета с печеньем.

Я бросилась, как кошка, и вцепилась в него, прижимаясь щекой к волосам и сжимая так, словно собираюсь задушить. Жив... Жив... Какое счастье! Мамочка, какое счастье... Меня обняли, отложив что-то на стол.

- Проснулся, Рыжик? - поинтересовались у меня, пока я большой и наглой кошкой топталась по своему хозяину. Пока я радовалась, мой взгляд упал на старенькую знакомую тетрадку. Третий том. Та-а-ак!

- Эй! - вполне справедливо возмутилась я, пытаюсь дотянуться до нее. - Как ты мог? Это.. Так, пусти меня!

- Думаю, что выпотрошенная сумка дала мне такое право. Кстати, я ножницы искал. И, кстати, не нашел, - меня оттаскивали от тетрадки.

- Да как ты ... - у меня во рту очутился кляп из печенья.

- Жуй, а я дочитаю. Мне еще десять страниц осталось, - заметил Феникс, фиксируя мои руки, пока я пыталась справиться с крошками, падающими мне на грудь. - Так, на чем я остановился... А, вот...

- Ыыыы! - возмутилась я, пытаюсь вскочить на ноги. - Ыыхыхы...

- Согласен, - задумчиво выдал Феникс, перелистывая страницу моих детских каракуль. - Печенье - дрянь, но увлекательное... Я тут уже половину сточил...

- ЫЫЫЫЫЫ!!! Кхе! - прокашлялась я, давась крошками.

- Ах, да... Чай... - мне ко рту поднесли кружку с теплым чаем.

-Бхе-е-е! - прокашлялась я, проглатывая сладкий бисквитный ком. - Это не...

И тут в дверь забарабанили, что есть силы. Я вышла в коридор, встала у двери и прислушалась.

- Откройте, полиция! - раздался голос на лестничной клетке. Все внутри меня рухнуло вниз, пока моя рука пыталась нашарить собачку замка. Не помню, чтобы имела проблемы с законом, но закон почему-то так не считал.

На лестничной клетке стоял мой сосед, который вчера узнал о том, что мы ели и чем занимались.

– Итак, на вас поступило заявление от гражданина Глухова, который утверждает, что вы сегодня в два часа ночи выбросили мусор на его автомобиль, разбили лобовое стекло, спустили ему колеса, а потом украли из салона магнитолу стоимостью в десять тысяч рублей, барсетку с деньгами, в котором лежало сто шестьдесят девять тысяч рублей, навигатор стоимостью в двадцать тысяч рублей, ноутбук стоимостью в сорок пять тысяч рублей и ... все, – заявил полицейский, зачитывая мне заявление и сжимая в руках кожаную папку, выдавшую лучшие времена и лучшие зарплаты. Соседушка кивал, подтверждая все вышеперечисленное, в том числе и факт кражи бесценной магнитолы.

– Клевета, – холодно заметила я, чувствуя, как мне на плечо ложится рука.

– Гражданин Глухов утверждает, что лично видел, как вы при помощи самодельного устройства взломали... – начал участковый, осматривая мой убогий интерьер.

– Пусть предъявит чеки на магнитолу и прочую технику. Это раз. Я тоже могу сказать все что угодно. Кто подтверждает факт наличия барсетки в машине? За дачу ложных показаний вам грозит уголовная ответственность. За клевету мы взыщем моральный ущерб, это два, – зевнул Феникс, пока я стояла и люто смотрела на соседа.

– А вы, простите, кто такой? Фамилия, имя, отчество? – поинтересовался участковый, обращаясь к явно недовольному таким сюжетным поворотом Фениксу.

– А он угрожал мне физической расправой! – заявил сосед, злобно дыша. – И его посадите тоже! Привлекайте к ответственности! Я – законопослушный гражданин! Вы обязаны меня защищать от произвола!

– Вообще-то, я – юрист. И в данный момент исполняю обязанности адвоката. Где припаркована машина со следами взлома? – поинтересовался Феникс. – Если под окнами, то давайте спустимся и посмотрим. Моя машина стоит напротив, а видеорегистратор я не отключаю. Пойдемте... Рыжик, одевайся. Мы идем в кино...

Машина соседа выглядела не лучшим образом, лобовое стекло было разбито, дверь приоткрыта.

– Я ничего не трогал! – заявил потерпевший. – Все, как есть... Вдруг там какие-то улики остались!

Проходя мимо машины, я увидела разбитые яйца, очистки, пакеты и повисший на зеркале ... ой! Я стала красной, как помидор, мечтая провалиться сквозь землю. Полицейский тоже внимательно изучал состав преступления, украсивший машину.

Феникс открыл дверь своего авто, вытащил флешку, вставил ее в ноутбук и поставил его

на капот.

– Кинокомпания «Звиздеть, не мешки ворочать» представляет... – гнусным голосом выдал Феникс, вызывая у меня тихий нервный смешок. – В главных ролях. Лада восьмерка. Мусор ... Я не вас имею в виду, уважаемый полицейский, как вас там? Сережа? Отлично, Кирилл, очень приятно. И тот кого вы обязаны привлечь за дачу ложных показаний...

– А могли бы не комментировать? – осведомился полицейский Сережа, внимательно изучая состав преступления. Особенно, водительское зеркало с явным намеком, что кто-то кого-то имел... в виду!

Десять минут мы смотрели записи с видео-регистратора. Полет мусора был зафиксирован.

– Красота! – восхитился Феникс, еще раз проматывая назад кадр. – Теория большого разрыва пакета доказана. Еще разочек! Вау! В яблочко!

– Вот! – полицейский указал ручкой на экран и внес что-то в протокол. – Остановите кадр, я запишу, на какой минуте. Сбросите мне потом видео-запись. Дальше...

Фонари освещали нетронутую машину до утра, пока ее владелец не вышел в четыре часа и не стал скрестить чем-то возле замка, отключив сигнализацию.

– Появилась мышка – норушка. Кто в теремочке живет? – осведомился Феникс, поглядывая на «норушку». – Кто в невысоком живет?

Сосед на видео осмотрелся по сторонам, а потом взял камень, бросил его в лобовое стекло своей «ласточки». На экране замаячила его супруга.

– А вот и лягушка – квакушка... Так, кто у нас следующий? – усмехнулся Феникс, снова бросая взгляд на заявителя.

Семейство на экране что-то обговаривало, поглядывая на самый верх, словно взывая к небесам в поисках справедливости. Но кто-то свыше уже послал им знак. И пусть – не манна небесная, а вполне приличная позавчерашняя манка, правда, слегка подгоревшая...

– А давай подадим заявление в полицию? – предложил Феникс, озвучивая немое кино по ролям. – Конечно, моя пушинка!

При слове «пушинка» я прыснула, глядя на бегемотика – супругу.

- Как страшно жить! - продолжил Феникс с непередаваемыми интонациями. - Это - произвол! Нас ограбили, дорогая! Но ведь полиция обязательно найдет виновника? Это их работа!

Супруга на экране критически осмотрела машину и стала кому-то звонить. Для пущей убедительности хозяин открыл дверь своим ключом, а потом ушел, чтобы вернуться. Жена вынесла нож, а главный герой вспорол себе колеса.

- Помогите! Хулиганы отняли у нас все, что нажито непосильным трудом! - Феникс развлекался на полную катушку. Лицо Сережи было непроницаемым. Таким лицом нужно портить настроение в клубе оптимистов.

Но кино еще не окончилось. Мимо шел какой-то сутулый мужик из нашего подъезда с собакой. Имя в упор не вспомню, но лицо знакомое. У собаки точно. Дальше шло немое кино с активной жестикуляцией в сторону верхних этажей.

- Вы только посмотрите, что эти уроды сделали с моей ласточкой! - грустно заметил Феникс. - Да как они могли! Бессовестные! Украли все... Три портсигара отечественных. Дайте вашу псинку, пусть возьмет след! Они не могли далеко уйти! Их надо догнать и покарать по всей строгости закона! Вперед, Мухтар! Взять!

И тут не выдержал Сережа, глядя на Мухтара, которому от горшка два вершка снились в самых смелых снах. Сережа с тоской заметил, что у его тещи такой же. Тойтерьерчик на голове обнюхивал колесо и чуть не задохнулся от восторга, оставляя метку.

- Давай, Мухтар, ты же полицейская собака! Вспоминай все, чему тебя учили! Бери след! - развлекался Феникс. - Мы верим в тебя, Мухтар! Так, зайчик мимо пробегайчик уже был... А вот волк...

Парочка дворовых псов устрашающих размеров подбежали к колесу и оставили поверх Мухтаровой метки свои. Огромный бродячий Барбос стоял минуты две, орошал колесо важной для других собачек информацией.

На мониторе замаячила машина полиции, и наш Сергей проверял пальцем то самое место, где еще недавно разместился нелегальный собачий туалет.

- Эм... - заметил сосед, слегка растерявшись.

- А вот и лисичка-сестричка! - обрадовался Феникс, глядя на меня, подходящую к машине. - И я, призванный развалить ваше уголовное дело.

- Распишитесь в протоколе, - грустненько попросил Сережа, протягивая ручку. - Вы всегда оставляете регистратор включенным? Аккумулятор не садит?

– Аккумулятор есть запасной, а вот запасных нервов у меня нет, – заметил Феникс, ставя свой автограф. – Флешку я вам не отдам, но запись скину. Удачи.

Мы вернулись домой, оставив соседа наедине с «защитником».

– Ты помнишь туннель? – спросила я, пробуя чужую стряпню и обдувая ложку. – Думаешь, все закончилось? Тебе тоже снились сны? Настоящие? Мне снились!

– Рыжик, все прекрати... Я встал сегодня раньше тебя на два часа. Мне снилось, что у меня патрубков порвало. Я даже во сне перенервничал. Ах да, я проверил, что все в порядке, потискал тебя немного, принял душ и решил что-нибудь сварганить на обед. Так что доедай. И собирай вещи. Звони своей хозяйке, отдавай ключи, и ... – задумчиво заметил Феникс, сгружая тарелку в раковину. – Ах да, я готовил, так что посуду моешь ты!

***

– Так, Рыжик, зачем тебе старая зубная щетка и дырявый халат? А это что? Тапки? Рыжик, они на меня налезут! Покажи ногу? А я – то думаю, кто у нас лыжник? Так, тапки, старые тряпки выбрасывай. Я, что? Тебе новый халат и зубную щетку не куплю? Рыжик, бери самое ценное и вперед. Я пошел прогревать машину. – выдохнул Феникс, глядя, как я трамбую халат поверх остальных вещей.

Я осталась наедине с сумками, куда стала трамбовать все, что попадалось на глаза.

– Ого! – заметил Феникс, возвращаясь и пытаясь поднять мою ручную кладь с разъехавшейся молнией. – Стоп! А что это гремит?

– Кастрюли и сковородка! – выдохнула я, снова пытаясь застегнуть сломанную молнию.

– Те, в которых я готовил? – настороженно спросил Феникс. – Рыжик, будем ехать мимо металлобазы, сдадим в металлолом. Так, я лезу смотреть на твое приданое.

Сумку открыли, и ...

– Рыжик! Можно вопрос? А старый утюг нафига с собой брать? Нет, изоленга на шнуре – отлично смотрится, но ... Будем проезжать мимо музея, подарим его в качестве памятного подарка! Пусть нас увековечат как спонсоров! А это что? Рыжик! Шампунь? Тут на донышке литрового пузыря... А я – то думаю, что столько места занимает? – возмутился Феникс. – Там еще на донышке осталось шампуня! Не пропадать же добру? Правда, Рыжик? Ой! Рыжик, у меня дома нет тарелок. Нет, таких точно нет. Разбитую и треснувшую посуду я выбрасываю сразу... А это что за? Варенье? Ладно, варенье пусть остается... Имеет право на жизнь... А это что за пакетик в пакетике и в газетке?

Погоди... Нет, нет... Это эмалированная кружка с утенком? И порошок стиральный? Рыжик, у меня мешок дома стоит! Для ручной стирки и для машинной... Хозяйственное мыло... Сколько его тут? Раз... Два... Три... Щетка для обуви? Так, все, короче!

Я обиделась. Все, что нажито непосильным трудом...

- Хорошо, Рыжик, я все отнесу в машину... Ты собирайся, собирайся... – миролюбиво кивнул Феникс, мило улыбаясь. – Только не обижайся, маленькая. Все отнесу...

Я сложила ноутбук, завернула кружки в газету, словно елочные игрушки, а потом выгребла из шкафа свою заначку, увлеченно пересчитывая финансы, не забыв коллекцию трусов-носок, а потом позвонила хозяйке, попросившей оставить ключи соседке.

Феникс с милой улыбкой носил сумки вниз. Мои старые свитера были утрамбованы к старым потертым джинсам и платьям. Все, вроде бы все. Тетрадки я положила в портфель для ноутбука, где уже лежал фотоаппарат, кружки и копилка. Я готова!

На секунду стало страшно что-то менять в своей жизни. Все казалось таким привычным, таким родным... Даже старые обои почему-то выглядели так уютно и мило. Знакомая трещина на стекле, прикольные занавески.... И тут мне стало действительно не по себе.

- Ты где? Рыжик? – услышала я голос. – Давай, маленькая. Нам пора.

Я сжала губы, глядя на привычный интерьер, а потом кулаки, чтобы придать себе храбрости. Если я упущу эту возможность начать жизнь с чистого листа, если я вдруг сдрейфлю, снова заползая, как улитка, в свою раковину, то уже никогда-никогда не смогу вернуть время вспять, чтобы все изменить. Чужой город меня пугал, чужие люди меня настораживали, чужая квартира заставляла нервничать... Все чужое... Привыкну ли я? Сумею ли не потеряться?

- Иди сюда, – меня прижали к себе. – Чего ты? Боишься? Нервничаешь? Не нервничай... Доверься мне... Ты же доверилась мне однажды? Доверься и сейчас... Еще один раз... Я многого не прошу. Ты всегда сможешь вернуться, если тебе не понравится... У тебя, что? Куртка прожжена? Ты куришь?

- Нет, я ее на сэшке брала. Такая и была... – выдохнула я, понимая, что, может быть, там все чужое, незнакомое, но рядом будет самый родной человек. Я закрыла дверь, отдала ключи, в последний раз спускаясь по ступенькам старого подъезда.

- Где сумки с посудой? – поинтересовалась я, положив на заднее сидение ноутбук, кружки, тетрадки, сбережения и фотоаппарат. Собственно, все, что представляло для меня особую ценность.

- В надёжном месте... – сладенько заметил Феникс, трогаясь с места. – Дранные

полотенца, застиранные простыни, старая посуда, все в надежном месте...

Я пристегнулась, вдыхая незнакомый запах чужой машины. Мы выезжали со двора, а рядом, возле помойки, стояли три моих сумки, сиротливо прислонившись друг к другу.

- Эй! - возмутилась я, припадая к стеклу.

- Все, что нажито непосильным трудом... - усмехнулся Феникс, выруливая на дорогу и пропуская пешеходов. - Кроме варенья... Варенье в багажнике... Так, не вредничай. У меня есть посуда, есть постельное, есть даже кружка... Для тебя... Завтра у нас что? Суббота! Мы поедем и все купим. Начинать новую жизнь со старым хламом - неправильно. Помаши сумкам ручкой!

Светофор мигнул красным, и мы снова поехали по оживленной улице. Я задумчиво смотрела в окно.

- Рыжик, - чужая рука легла мне на колено. - Ты чего? Ры-ы-ыжик... Давай, выше нос...

- Угу, - вздохнула я, глядя, как потеет стекло от моего дыхания и мелькают улицы, вывески, витрины, машины и люди. - Стой!

Мои глаза округлились. Не может быть! На витрине магазина я увидела ... мое платье!

- Платье! - взволнованно прошептала я, глядя на адрес улицы. Проспект Революции... Какое-то странное чувство воодушевления, какой-то знак, поданный свыше, случайное совпадение. - Тормози! Я его куплю! Пожалуйста! Без него не уеду!

Через пятнадцать минут я вынырнула из примерочной, сжала губы и спрятала руки за спину, чтобы тихо и робко спросить: «Ну как?».

- «Ну как?» нужно говорить кокетливо, - заметил Феникс, критически осматривая мою мечту. - В первый раз в первый класс...

- Тебе не нравится? - удивилась я, чувствуя, как все внутри опускается. Мне нравится, а ему нет? Так получается? Или оно мне не идет? А вдруг оно мне не идет?

- Восьмиклассница-а-а, - промурлыкал Феникс, снимая какую-то черную курточку с мехом. - Как тебе? Платье мы берем. С твоей курткой нужно что-то делать...

- А мне белая больше нравится, - заявила я, глядя на ценник и ужасаясь. Мои глаза устремились по витрине в поисках бюджетного варианта. - Хотя... Эм... Зеленая тоже ничего так... Отличная куртка! Теплая! Большая! И размер мой! И тут тоже мех есть! Я

вообще за то, чтобы зверюшек не убивали ради воротников и капюшонов! Да! Поэтому предпочитаю искусственный мех!

Чебурашка на капюшоне отлично импонировал моему бюджету. Моя любовь к пушным братьям нашим меньшим просыпалась во мне каждый раз, когда я видела ценники на меховые изделия.

– Смотри, что я нашел! – обрадовался Феникс, вытаскивая красивую коричневую курточку с лисьим воротничком. – Меряй!

– Фень, у меня денег не хватит. Все равно на один сезон... – замялась я, глядя на ценник. «Да!» – согласились зоозащитники.

– Меряй! И ботиночки к ней найдите! – мне сунули куртку и отправили в примерочную. – У вас карточкой можно рассчитаться?

Простите меня, маленькие, пушистые зверюшки, мне действительно идет эта куртка... Простите...

***

Оставалось семьдесят километров, а я пыталась подавить внезапные приступы паники, потираясь лицом о лису.

– Все, завезу тебя в лес, – развлекался Феникс, положив руку мне на колени. – Свяжу... Изнасилую пару раз... И оставлю тебя умирать... Печальный и бесславный конец Рыжику. Потом вернусь и, возможно, еще разочек изнасилую... Ну чего ты? Что ты за кино себе крутишь? Выключай триллер, включай романтическую комедию. Сейчас мне будет очень стыдно за то, что не прибрался перед уходом... Ты кофе пить идешь? Я просто покурить хочу и перекусить... Жертву, перед тем как завезти в лес, обязательно нужно одеть и накормить!

Мы стояли и смотрели на какую-то лесополосу. К заправке подъезжали машины, а в стаканах остывал горячий кофе. Феникс уронил ключи, пытаясь открыть багажник, наклонился и замер, что-то разглядывая.

– Рыжик, иди сюда, – встревоженно позвал он. – У меня там что-то висит... Напрашивается слово «патрубок»... Блин, а что там может висеть? Шланг какой-то... Это не есть хорошо. Давай, на СТО заедем, пусть глянут.

Улыбаясь тремя золотыми, двумя своими и дырками, автослесарь подошел к нам и поднял за шкуру маленькое грязное чудовище кошачьей наружности. Котенок жался и пищал.

- Вот ваш патрубок. Забирайте, – заметил мастер, с ухмылкой демонстрируя «поломку». – Сколько километров вы его прокатили?

Я смотрела, словно заколдованная, на рыжего, чумазого котенка, вопящего во все горло, отчаянно и безнадежно.

- Сколько с нас? – спросил Феникс, глядя на «патрубок».

- Стольник дай, – усмехнулся автослесарь, пока я протягивала руку к маленькому рыжему комочку, который, мало того, что озяб, – еще и испугался до полусмерти. Мне хотелось его взять, хотелось прижать к себе, утешить, накормить. Я даже представила, как он мурчит у меня на руках. Но тут же меня что-то кольнуло. Я и сама буду жить на кошачьих правах, а тут еще ...

- Рыжик, там твой старый свитер на заднем сидении лежит. Заворачивай Патрубка и садись с машину, – заметил Феникс, разглядывая котешку-путешественника. – Рыжик, ты чего плачешь? Рыжик? Ну, да, котик маленький, да, покатался... Да... Мы же его не на помойку выбрасывать везем? Он потом еще на нас покатается... Надеюсь, он когда-нибудь передаст нам за проезд любовью и лаской?

Я задремала. На коленях в гнездышке свитера уснул маленький рыжий котенок, тихонько мурча.

- Будем пока на котике тренироваться, – вздохнул Феникс, выворачивая руль. – Да, наглая рыжая морда?

- Эм? – сонно спросила я, пытаюсь понять, куда мы приехали.

- Рыжик, я не тебе... Как мы его назовем, после того, как заглянем под хвост? – спросил Феникс, снова сворачивая.

- Патриций, Патрик, – задумчиво предложила я, понимая, что мы скоро будем для него плебеями.

- Предлагаю Патефон, Патрубок, Потняк, – усмехнулся Феникс, осторожно паркуясь в каком-то дворе. – Ну что, Рыжики, приехали.

Вот так все мечты: детские, взрослые и самые сокровенные стали почему-то резко сбываться. Но иногда перед глазами вставал разрушенный Кадингер, и я ловила себя на мысли, а был ли другой выход? Не знаю. Мы утопили этот город в крови, сожгли его дотла, истребили его. Странно, но в тот момент, когда я зябла от холода и страха, переживала за любимого, меня переполняла смертельная ненависть к этому проклятому месту. Я готова была разрушить его своими руками...

Зато сейчас, сидя с кружкой горячего чая, положив руку поверх руки любимого, чувствуя, как вокруг моих ног трется маленькое рыжее чудо, мурча, как вибровывоз, я думаю, что это было слишком жестоко.

Легко рассуждать о жестокости на грани выживания, когда сидишь в тепле, когда тебя обнимает любимый, когда в духовке допекается пирог нашего совместного производства, когда лампа на кухне светит так уютно, а твои ноги греются в новых пушистых тапках. Очень легко и просто. Можно спокойно говорить о тьме и отчаянии, когда в окно светит яркое солнце, пронзая красивыми лучами узор ажурной занавески... Это похоже на обсуждение страшной книги за чашкой чая. Осуждая поступки героев, ты снова вынырываешь из придуманного мира в уютную реальность и убеждаешься, что здесь все хорошо.

Все мировые шедевры, созданные человеком, – всего лишь пыль, осевшая на скрижалях вечности. Именно этот тонкий слой цивилизации, состоящий из законов, правил, морали и культуры, делает нас людьми, разрешая смотреть на животных свысока. Однако, стоит подуть сильному ветру, как вдруг вся пыль слетит, обнажая уродливую природу, от которой никуда не убежишь. Два загнанных угла животных растерзали всех, без разбору. Но они не жаждали крови. Нет. Они жаждали жизни.

Эпилог. И....

Чудеса на виражах

– Сереж, привет. Ты сегодня до шести? До восьми? Отлично! А кузовщики? До шести. Отлично. А шиномонтаж работает? Отлично. Если что, займетесь мной вне очереди? Спасибо, – Феникс положил трубку и глубоко вздохнул. – Рыжик, трогай!

Я медленно повернула ключ зажигания, напряженно щурясь и ложась грудью на руль. Машина задергалась так, словно под нами прошло девятибалльное землетрясение, и медленно тронулась с места. Я – сама внимательность... Я – сама внимательность...

Феникс молча посмотрел на меня, нашарил ремень и пристегнулся. Это был недобрый знак. На горизонте площадки для новичков было как минимум десять машин будущих королей и королев дороги.

– Я не трус, но я боюсь! – сглотнула я, глядя, как не могут разъехаться жигуль, на котором перед свалкой еще можно повозить арбузы, и малолитражка с ромашкой и надписью на заднем стекле: «Спасибо за день, спасибо за ночь, спасибо за сына и за дочь!». Судя по крикам из «маленького спасибо», благодарность за детей выражалась исключительно в нецензурных выражениях.

– Рыжик, чего ты боишься? – зевнул Феникс, глядя, как я ползу улиткой к импровизированному перекрестку. – Здесь все учатся...

– Вот этого я и боюсь! – возразила я, наблюдая, как заглохла на перекрестке красная иномарка, а потом резко дернулась вперед, – так, словно до финиша осталось три метра, чтобы снова вкопаться и заглохнуть. Сегодня с утра я читала статистику аварий на дорогах, поэтому была настроена решительно осторожно. Все вокруг казались мне врагами. Особенно – белый прорыв отечественного автопрома. Хм... Я снова подозрительно осмотрелась по сторонам, глядя, как из чужой машины вышли два мужика, обсуждая за сигаретой будущий маневр.

– Я их сейчас задавлю! – запаниковала я, вцепившись в руль и чувствуя, как шевелятся волосы у меня на голове. Огромный, как мне казалось, капот требовал минимум четырехполосного автобана и ковша, сгребающего впереди себя и пешеходов, и чужие машины. Еще срочно нужны были мигалки и человек с матюгальником, орущий: «Всем прижаться к обочине! Едет Леся!». Да-а-а-а....

Нам навстречу двигался большой шедевр трудолюбивых азиатских народов, норовя пойти в лобовую атаку. Я занервничала, представляя, как за рулем сидит слепой водитель, шарящий палочкой впереди себя сквозь открытое окно! Мамочки!

– Рыжик, возьми левее, – заметил Феникс. Слушаюсь и повиную-у-у-уюсь, о-о-о, д-д-драгоцен-н-н-ный ... Аа-а-а! Куда я заехала... Мама!

- Рыжик!!! - услышала я, глядя на внезапно выросший на моем пути кустарник, и вдавливая тормоз с такой силой, что мы чуть не поцеловали лобовое стекло.

- Не дави на меня, - превентивно прохныкала я, понимая, что придется сдавать задом.

- Пока что у меня всего два варианта первой машины для Рыжика, - хмыкнул Феникс, помогая одной рукой мне вырулить на трассу. - БТР и Т34? Можно надпись краской изобразить! «Сильно не ругайте, надо - обгоняйте!» или «Не дави на меня, иначе я раздавлю тебя!».

Мимо нас снова проехала машина - трогательная благодарность любимой жене. Благодарность тронула кого-то до глубины двери, оставив подарку памятную вмятину на крыле...

- Давай, Рыжик, чуть быстрее, - усмехнулся Феникс. - Жми на газ...

- Мы и так очень быстро едем! - заметила я, глядя четко обозначенные спидометром двадцать километров в час. - Я бы снизила скорость. Еще немного. А то слишком быстро!

После долгих убеждений, я добавила скорости и даже вошла во вкус, демонстрируя чудеса на виражах.

- Рыжик!!! Налево!!!! - простонал Феникс. - Я сказал тебе, повернуть НАЛЕВО! Лево - там!

- Но там дорога хуже, - оправдывалась я. - И яма большая!

- А теперь направо! Направо!!! Рыжик, я тебя сейчас убивать буду!!! Мало того, что ты скорость не сбавила, машина пошла в дрифт, так еще и повернула налево! Я куда сказал поворачивать? - вспыхнул Феникс. - Рыжик, тормози!!! Ты куда разгоняешься... Рыжик!!! Направо!!! Да не налево, а на...

Перед нами была башня из старых лысых покрышек. Я запаниковала, вдавила педаль тормоза, бросила руль и сжалась в комочек. Меня дернуло вперед ... И все... Удара не было. Машина вкопалась в нескольких сантиметрах от препятствия.

- Вышла из машины! - прошипел Феникс, гася зажигание и забирая ключи. Все, это конец... Смерть моя смотрела на меня гневным взглядом. Чиркнула зажигалка, поджигая сигарету, и тяжелый вздох ознаменовал начало моего конца.

- Почему ты не пристегнулась? - голос не предвещал ничего хорошего. - Я сидел и

молчал, надеясь, что ты вспомнишь. Но ты не вспомнила! В критической ситуации ты выпустила руль! Не выпускать руль до конца! Каким бы он ни был! Если выпустила руль, ты уже не водитель! Урок окончен! Поверь мне, инструктору будет на тебя плевать! Он не станет выбирать выражения! Рыжик, я не стану покупать тебе права! И платить больше, чем за две пересдачи!

Я молчала, опустив голову и горестно вздыхая. Несправедливость повсюду. И сейчас она смотрит на меня красивыми глазами, сдвинув брови.

– Не ори на меня! – засопела я, глядя исподлобья на «мучителя». – Понимаю, тебе машину жалко! Понимаю, извини...

– Рыжик! Ты хорошо подумала, что ты сказала?! – меня испепелили взглядом. Я смотрела, как мимо проехала машина с «благодарностью», откуда доносились истошные мужские крики: «Ты куда ... рулишь, курица! На дорогу смотри, овца!!!». Я сглотнула, а на глазах выступили слезы негодования от столь яркой любви к животным.

– Вот опять ты орешь! – обиженно заметила я, провожая взглядом семейную пару. – Спокойно сказать нельзя? Мы даже не женаты, а ты на меня голос повышаешь!

Внезапно меня прижали к себе, так, что я даже не успела вздохнуть, как следует. Мою правую руку подняли, зажимая меня левой. Я почувствовала, как что-то усиленно накручивают на мой безымянный палец. Мимо нас проехал жигуль, волоча выхлопную трубу по земле. Какой-то юнец только что получил затрещину от седого мужика и сжался. Парковка недалеко от нас закончилась тяжкими телесными повреждениями.

– Там, где кольцо – право. Остальное – лево! – меня отпустили, оставив наедине с кольцом и крайней степенью недоумения. – Садись за руль, орать на тебя буду.

Я не ... Не так я все это представляла... Из глаз потекли слезы. А где же: «Любимая, будь моей женой?». Где же испачканная штанина и романтическая обстановка? Где все это? Почему в моих мечтах все было иначе?

– Рыжик, ты чего? – Феникс заглянул в мое лицо, явно не подозревая, что когда плачут от счастья, не морщатся, как чернослив. И соплей от счастья не бывает. – А ну посмотри на меня! Слушай, машину я могу купить новую, а вот нового Рыжика я купить не смогу. Максимум, что я смогу для тебя сделать посмертно – поставить красивый памятник! И все. И что? Мне потом всю жизнь твой памятник обнимать и целовать, проклиная тот день, когда мы с тобой учились водить? Я вспомню сегодняшний день и подумаю, что, может быть, стоило дать тебе по рукам? И пускай ты смертельно обиделась, но запомнила, что нужно водить не так, как тебе хочется, а по правилам! Я буду корить себя всю жизнь, что уберег во сне, но не смог уберечь наяву!

Я посмотрела на других учеников и учителей. Отец орет на сына, награждая его затрещинами, муж орет на жену, вспоминая всех обитателей фермы... Потому что любят и боятся потерять...

- А как же романтика? – спросила я, вертя кольцо на пальце от непривычки. – Я себе не так это представляла! Я представляла ужин, свечи, поцелуй...

Феникс полез в багажник, достал пиццу, которую мы купили, термос с чаем, который я заваривала с утра. Я смотрела, как все это появляется на капоте.

- А свечи? – спросила я, с грустью понимая, что все не так...

Феникс достал новые свечи зажигания, которые собирался менять на днях.

- Это я тоже учел, – усмехнулся он, вскрывая ключом упаковку. – Вот свечи... Все, как договаривались... Ладно, доедаем, допиваем и делаем второй дубль.

- Жаль, – вздохнула я, доедая свою пиццу и отхлебывая горячий чай. – Я все представляла не так... Совсем не так...

- Так это было не помолвочное кольцо. Помолвочное будет вечером. Это была генеральная репетиция, – усмехнулся Феникс. – Давай, ездунья, готовься морально... Сейчас будем змейку проходить...Пощады не жди...

- Ты как меня назвал??? – возмутилась я, поперхнувшись пиццей.

- Так, не толкайся, у меня чай горячий в руках... – рассмеялся Феникс, уворачиваясь от ударов. – Хорошо, наездница... Давай, доедай и погнали... ездунья.... Ай! Рыжик...

Любовница

- Рыжик, это что такое? – спросили меня, предъявляя увесистый мешочек сухарей.

- На черный день. Мы хлеб не доедаем, поэтому я сушу сухари! – заметила я, тяжело вздыхая и глядя на духовку. – Хлеб нельзя выбрасывать!

- Рыжик, у меня не все так плохо... Хотя нет, на всякий случай позвоню бухгалтеру! – Феникс ушел в комнату, оставив меня с моим мешочком наедине.

Дверь открылась через пять минут.

- Все нормально. Мы налоги заплатили... Все хорошо... Можешь выбрасывать... Птички склюют... – выдохнул Феникс, положив трубку и вытаскивая из моих рук мешочек. – Птич-ки... склю-ю-ют.... Пусти, Еська! Я кому сказал! Скоро – скоро по всему городу

будут летать птички... дай сюда!... со сломанными клювиками!

Мешочек был вырван из моих рук.

- Я возьму твои ключи? - спросил из коридора Феникс, гремя стратегическими запасами продовольствия на черный день, который мы встретим со сломанными зубами. - Свои я на работе оставил... Надеюсь, что на работе...

- Бери, - разрешила я, планируя заняться редактурой фотографий с чужого юбилея. Юбилярша выглядела лет на пятнадцать моложе, но как заказали, так и делаю. В реальности время летело, приближая вечер, а на фотографиях машина времени превращала героиню вечера в цветущую юную деву.

***

- Ешь, твои ключи. Возвращаю. Свои я на работе оставил...Все, нашлись, - Феникс протянул мне моего зайца. - Я тут его постирал.... А то он грязный, как ...

- Постирал? - с перебила я, отрываясь от ноутбука и глядя на непривычно чистого зайца.
- Постирал.... моего... зайчика...

Я приложила зайца к носу, пытаюсь уловить едва ощутимый мамин запах, но чистый заяц пах жидким мылом с ягодами. Мамочка...

- Еле отстирал! - гордо заметил Феникс, любуясь своей работой в ожидании похвалы. - Зато смотри, какой чистый. Его бы неплохо в стиральной машинке покатасть, но пока что и так сойдет... Я сначала вообще не понял, что это за живность....

Мама... Я снова принюхивалась к моему зайчику, глядя в его глазки-бусинки.

- Его нельзя было стирать! - выдохнула я, сжимая брелок в руке. Почти первозданный вид зайца меня радовал, но...

- Это еще почему? Я так понимаю, что это - талисман, поэтому специально посмотрел по феньшую, можно ли стирать талисманы? Мне ответили, что можно! И даже нужно, - Феникс насторожился, понимая, что что-то здесь не так.

- Спасибо, - улыбнулась я, пытаюсь придать улыбке хоть какие-то оттенки жизнерадостности.

- Нет, ну если ты хочешь, я могу вывалить его в грязи! - предложил Феникс, пытаюсь отобрать у меня ключи. - Верну его в исходное состояние!

- Он пах мамой... Это она мне его подарила, - выдохнула я, беря себя в руки. - Мамиными духами... И с того момента, как мне его подарили, я его ни разу не стирала...

- Как духи назывались? - вцепился в брелок Феникс, пока я мертвой хваткой держала свою любимую игрушку. - Давай мы тебе купим целый флакон. Будешь поливать его хоть каждый день! Только не в спальне!

- Я не знаю... Я искала, но не нашла таких точно, - я стиснула зубы. Феникс не знал, он не виноват, он ведь хотел, как лучше... - Ладно, не парься... Все хорошо... Просто у меня рука не поднималась... Я бы и сама постирала... А то и правда... Грязный...

- Поехали в магазин. Будем искать такие духи, - решительно заявил Феникс, беря ключи от машины. - Опишешь запах, тебе поищут. Просто я не хочу, чтобы мы поругались в очередной раз уже из-за какого-то зайца!

- Ладно, все хорошо, - я обняла любимого, прижавшись к нему щекой и разжимая его пальцы. - Не бери в голову...

***

Я не знаю, но после этого между нами словно пробежала черная кошка. Ком в горле стоял и не растворялся ни в поцелуе, ни горячим чаем. Иногда при звонках Феникс, не имея привычки прятаться, уходил курить на балкон и плотно закрывал дверь. У меня от него не было секретов, а тут ... Однажды я услышала кусочек разговора, когда пришла с детского праздника, который снимала за родительское вознаграждение.

- Я к тебе приеду, - отчетливо слышала я голос любимого, но пока еще не мужа. - Еся пришла. Я перезвоню тебе, когда ее не будет... Не хочу, чтобы она знала... Давай... Ты вспомнила? Нет? Вспоминай.

Вот все, что я слышала. Сердце обмякло и оборвалось. С этого момента его телефон стал для меня недоступен. Стоило протянуть к нему руку, как его тут же убирали подальше.

И вот я сижу, привожу в порядок фотографии с чужой свадьбы, которую снимала за приличное вознаграждение, и думаю... Мои пальцы автоматически выбивают поисковой запрос. «Как узнать, что у мужа появилась другая?». Пробегаю глазами советы с женского сайта, я отхлебывала чай. «Он стал внезапно заботливей и внимательней! Это - комплекс вины!». Да, стал... Он даже... даже... кружку за мной моет! И стоило мне заикнуться о новом жестком диске, как мне тут же его подарили. А нежность? Да он никогда не был таким нежным и внимательным... Сердце сделало несколько ударов ради приличия и замерло. «Он прячет свой телефон и свою переписку!» - прочитала я, вспоминая, как буквально вчера у меня из-под носа увели телефон, после того, как я захотела поиграть в любимую игру, которую лень было ставить у себя. «Семейный бюджет ужас!» - прочитала я, прикидывая, ужасся ли наш семейный бюджет? Если и ужасся, то не настолько, чтобы я заметила. И в тарелке у нас не шнурки, а вполне себе нормальная еда. Или любовница ничего не требует, либо... Реквием Моцарта играл в

моей голове, заставляя проглатывать все чудесные воспоминания. «Он уходит раньше и возвращается поздно!» – зацепило меня сразу. Так оно и есть... Но мне говорят, что это связано с выборами. Нужно делать кучу материалов, за которые очень щедро заплатили. Меня тоже задействовали для съемки трех кандидатов, за которых я не стану голосовать никогда. Именно я автор «одухотворенного» лица одного унылого и противного мужика, обещающего возродить «духовность» и «поднять зарплаты». Вторым кандидатом, которого мне довелось снимать, был похож на Пингвина из старого Бэтмена, причем настолько, что я чуть не попросила автограф. Из него мне пришлось делать Алленделона, пытаюсь убрать увесистые мешки под глазами, добавить шевелюры и хоть как-то облагородить человека «слова и дела». Третий был не столь привередлив, попросив сделать его мужественным по максимуму. Прямо супергероем от выборов. И пусть скошенный подбородок, плавно переходящий в шею и нос-курнос явно не пахли мужеством, пришлось вертеть кандидатом во все стороны, дабы уловить единственный ракурс «мужества» для борьбы «с произволом!».

– Любовница, – вздохнула я, вынося свой вердикт. Отношения дали трещину. Это – конец. Форумы советовали покраситься, купить красивое белье, стать самой лучшей женой и сожительницей, дабы удержать благоверного от развода. И чтобы супруг трижды подумал, прежде чем покидать обитель уюта и обожания!

Белье я купила, его оценили и ... И все...

В офисе на меня смотрели жалостливо, особенно полная Ира, которая едва ли не утирала слезы при виде меня. Не знаю почему она прятала глаза и молчала... Хотя нет, догадываюсь... Женская солидарность требовала выдать мне правду-матку, а трудовая книжка велела молчать, как партизан.

Мои попытки поймать изменщика и поговорить с ним заканчивались шутливыми ответами. Я стала плохо спать, чувствуя, как невидимая сила, рожденная моим воображением, отдаляет меня от самого дорогого человека на свете. И пусть он спит рядом, уткнувшись в мои волосы, пока по нам ходит наглая Потя, оказавшаяся не просто кошечкой, а очень крупной и вредной кошатиной.

– Мяу? – спросила Потя, глядя на меня. А я уже задумчиво представляла, как мы будем делить любимую кошку. Вдоль или поперек. У бедной кошки очень грустные перспективы. Лотком и играми занимается совесть Феникса. Кормежкой – моя совесть. Так что, либо она уныло живет со мной, зато хорошо кушает. Или вечно резвится, но кушает строго через раз.

– Мяу! – заметила Потя, намекая, что я просто накручиваю себя. Потя тоже умеет накручивать. Она накручивает и наворачивает вокруг моих ног круги, эгоистично пытаясь обеспечить себе и культурную жизнь, и регулярную кормежку.

Я проснулась от того, что входная дверь открылась и закрылась. Поплотней завернувшись в одеяло, я недовольно засопела. Мне не нужны подарки! Мне нужна правда! Если изменяешь, то так и скажи! Объясни, что тебя не устраивает в наших отношениях! Не надо прятаться и темнить! Эту речь я репетировала мысленно перед сном, чувствуя, как меня гладят под одеялом. А теперь я хочу вместо подарка получить правду!

- Проходи, - услышала я тихий голос за дверью. - Тихонько... Давай на кухню... Сейчас чай сделаю. И вообще, у тебя совести нет. Мне, честно сказать, неприятно тащить тебя сюда, но что поделаешь...

- Кухня где? - поинтересовался женский шепот. - Она спит?

- А как ты думаешь? Вчера полночи сидела за работой. Ей завтра фотографии отдавать... - услышала я шепот. - Давай, раздевайся быстрее. Мы должны успеть. Я прикрою дверь в комнату, чтобы Еська не слышала. Обувай ее шлепки.

- А у нас с ней один размер ноги! - заметил женский голос. Дверь на кухню закрылась под возмущенное: «Тише!».

Нет! В моей душе все вознегодовало! Пока я сплю? А гостиницу снять слабо? Я решительно встала, накинула халат, запахнула его и твердым шагом двинулась на кухню, где уже свистел чайник. Открыв дверь, я приготовилась вывалить все на голову измен...

- С Днем Рождения, Еська, - услышала я, глядя на красивый торт со свечками, которые Феникс поджигал зажигалкой.

- С Днем Рождения, - тихо произнесла ... моя мама, - Доченька, с Днем Рождения...

Я стояла, глядя, как мутнеют свечи, на которые я смотрю сквозь слезы. Не может быть!

- Мама! - зарыдала я, сползая на пол и не веря своим глазам. - Mamochka... Ты... Ты приехала... Mamochka...

- Еська, ты чего? - Феникс быстро поставил торт на стол и бросился меня поднимать, пока у меня отказывали ноги. По щекам градом катились слезы. - Еська, маленькая, а свечки кто будет задувать?

Ребенок во мне хотел броситься на шею к маме и не отпускать ее никогда-никогда, но взрослая Еся была в растерянности.

- Есь, неси зайца, мама опознавать будет, - усмехнулся Феникс. - Давай, дубль два. Я как раз все свечки зажгу...

Я взяла ключи в коридоре, бережно сняла зайчика и понесла в ладошках, роняя слезы.

- Дубль два! С Днем Рождения, Еся! Давай, задувай! - мне под нос сунули торт со свечами. Я выдохнула, пытаюсь задуть все сразу.

– Что? И все? Давай, дуй нормально! Набирай воздух в легкие и дуй! – мне подсунули оставшиеся свечи. – Если бы знал, то купил бы просто циферки.

Я поднатужилась и задула. Мама сидела и смотрела на меня, неловко улыбаясь сквозь слезы.

– А вот заяц для опознания! – заметил Феникс, отбирая моего зайца и выкладывая его на стол. – Узнаешь?

Мама помялась, а потом покачала головой, извиняющимся взглядом заглядывая мне в глаза.

– Ты подарила его Еське, когда ей было лет шесть или семь... И с тех пор она хранит его. А недавно я его постирал на свою голову, – прохладно заметил Феникс, явно недовольный результатами опознания.

– Вот, Еська, – улыбнулась мама сквозь слезы, доставая красивую коробочку с ленточкой.
– Это тебе, доченька...

Я дрожащими руками приняла коробку, не представляя, что внутри.

– Ну, разворачивай, Еська! – заволновалась мама, глядя, как я бережно глажу красивый бантик.

Мои пальцы меня не слушались, бантик не хотел бережно развязываться. А мне так не хотелось его повредить подсунутыми Фениксом ножницами. Справившись с бантом, я бережно сложила ленточку в карман, думая о том, что потом, когда дома никого не будет, поглажу ее утюгом и спрячу. Ленточка от мамы...

В коробочке лежал очень красивый альбомчик с надписью «Еся и ее семья»... Я осторожно раскрыла его и увидела фотографии. Я и мама. Кто-то поработал на славу, совмещая фотографии меня и мамы. Вот мама держит меня на руках. Вот я иду по улице в смешной шапочке, а рядом идет мама. Даже тени лежат правильно. У меня по щеке потекла слеза. Я точно знаю, что на фотографиях была одна, а теперь я не одна. Мы с мамой вместе. А вот фотографии, где собралась вся семья. Мама, какой-то незнакомый мужчина с усами, двое детей и я... Меня обнимает незнакомая девочка...

– Они приедут сюда на следующих выходных. Они все хотят с тобой познакомиться. Или вы приедете к нам! Тут недалеко, – всхлинула мама, беря салфетку со стола. – Еся, у тебя есть семья... Есть папа, есть братик, есть сестричка... И все они очень хотят тебя видеть... Это твоя сестричка заказывала альбом, а твой братик выбирал фотографии. Папа тоже недавно узнал ...

- А что изменилось? – спросила я, листая альбом второй раз и вытирая слезы рукавом. – Раньше вам было на меня плевать!

- Не говори так! Я потом расскажу, – мама тоже плакала, глядя, как я прижимаю к груди альбом и смотрю на Феню. Ей было неловко, но уйти она не могла. – Давай, оставим это в прошлом! Все обиды... Все-все-все... Ты уже взрослая....

- Ладно, Рыжик, я поехал. В четыре буду. Свой подарок я подарю вечером, – коварно заметил он, а потом наклонился к моему уху. – Сходите с мамой куда-нибудь. Если хотите, можете посидеть здесь... Если что, деньги в столе...

Мою мокрую щеку поцеловали и убежали. На работу. Я молча взяла деньги, посмотрела на маму, оделась и предложила ей прогуляться. Мы шли по парку аттракционов, где вовсю шумели горки, качели, а из динамиков лилась веселая музыка.

- Сладкая вата, – вздохнула я, протягивая маме огромный ком сладкой ваты. Отщипнув от своего кусочек, я почувствовала, как сладость тает во рту. Но никакая сладость не заменит странную горечь разбитых детских грез.

- Может, зайдём в кафе? – осторожно предложила мама.

- Позже, мам, – ответила я, кусая губы и снова отрывая кусок ваты. Неподалеку от мороженого продавали огромные красивые шары. Я всегда мечтала, чтобы мама купила мне шарик. Большой, красивый... Я бы несла его, намотав на палец и переживала, что веревочка выскользнет из рук.

- Постой немного, я сейчас, – задумчиво заметила я, бросаясь к шарам и выбирая самый красивый. Огромный блестящий шар со сказочной принцессой, улыбавшейся глупой улыбкой, свойственной всем сказочным принцессам. Если бы мама в моем детстве купила мне такой шар, то я была бы на седьмом небе от счастья!

- Держи, мамочка, – улыбнулась я, протягивая ей шарик. – Держи его крепко, а то улетит...

Мы гуляли с ней, ели мороженое, смотрели на карусели. А потом я увидела качели.

- Садись мама, я тебя покатаю, – прошептала я, потянув ее за рукав, усаживая в люльку и вынимая у нее из рук сумку. – Плыет, плывет кораблик, кораблик золотой... Везет-везет подарки... Подарки нам с тобой...

- Еся, прекрати! – не выдержала мама, пока я слегка ее покачивала. Шарик, который она держала, в руках вырвался и полетел в синеву небес. Вот так всегда...

– Мам, ну посиди немного, – умоляла я, не понимая, зачем это делаю. Это сон, а я вижу себя со стороны. Я не могу понять, что со мной происходит, зачем я вместо кафе потянула ее сюда, зачем купила сладкой ваты, мороженое, шарик... Мне безумно хотелось это сделать... Кукла! Кукла! Как же я могла забыть? Я зашла в магазин игрушек, где долго выбирала куклу. И вот она, рыжая красавица в розовой коробке, в пышном платье и маленькой сумочкой.

Мама ждала меня на улице. Сквозь витрину, я видела, как она кому-то звонила. Стоило мне выйти, как мама положила трубку.

– Знаешь, что сделал твой Кирилл? Он отсканировал твои тетрадки и сбросил их всем. И мужу моему, и детям. Вика прорыдала весь вечер. Максим вообще со мной не разговаривал. Они сами хотели к тебе приехать. А папа... Мы с ним сильно поругались... Понимаешь, до свадьбы он рассказывал мне, что никогда бы не связал отношения с женщиной, у которой есть ребенок от другого мужика... А теперь хочет тебя видеть... Они с Кириллом созванивались. Понимаешь, я так любила Николая... Так любила, что согласна была на любые условия... Ты ведь взрослая, ты должна меня понять... – всхлипнула мама, заглядывая мне в глаза. – Представь, что у тебя есть ребенок, а твой Кирилл говорит, что не стал бы заводить отношения с женщиной с ребенком... Что он никогда бы не стал воспитывать чужого ребенка... А ты любишь его... Вот как бы ты поступила на моем месте?

– По-другому, мама, – заметила я, живо представляя ситуацию и пряча куклу за спиной.

Мама посмотрела на меня скептически. «Это ты сейчас так говоришь, а вот если бы...!» – читалось в ее взгляде. О, нет! Любовь заканчивается там, где начинаются условия.

– А это тебе, мамочка. Самая красивая кукла! Ты ведь такую хотела мне подарить? – улыбнулась я, вручая подарок. Мама стояла, стояла, а потом зарыдала, сжимая в руках красивую коробку. Она горько плакала, растирая слезы рукой.

– Прости меня... Прости меня, доченька... – рыдала она. – Если бы ты знала, какая у меня была ситуация! Понимаешь, там все не так просто... как кажется... Если бы все было по-другому, то я бы тебя забрала... Конечно, забрала бы... Есь, ты меня слышишь? Прости меня... Если бы все было по-другому, я бы тебя никогда бы не бросила! Не злись на меня! Я прошу тебя... Прощу тебя... Есенька...

– Я не злюсь, мам, – я шмыгнула носом. – Это – подарок от маленькой Еськи. Правда, мы с ней похожи? Если не нужна, можешь выбросить ее....

***

Мама уехала, слезно обещав приехать к нам на следующих выходных всей семьей. На столе лежал новый фотоаппарат, штатив к нему, обернутый красивой ленточкой. Я даже успела опробовать подарок, приходя в детский восторг, который тут же изливала на дарителя, целуя его каждые пять секунд. Рядом лежал альбомчик с фотографиями. Я только вечером заметила надпись, сделанную от руки: «Еське, от сестрички Вики, братика Максима, мамы и папы! Мы тебя любим! Не грусти!».

- Зачем ты это сделал? – спросила я, понимая, что дома маму ждет большой скандал. – Зачем отсканировал мои тетрадки?

- Ты обиделась? – сонно спросил Феникс. – Если да, то зря... Кстати, сначала сканировал я, потом мне нужно было уехать и пришлось попросить Иру. Приехал, а она плачет. Работа встала. Ее все утешают. Оказывается, ее нынешний был категорически против ребенка, так что ... теперь она здесь ищет школу с языковым уклоном. Сопли-слезы... Кстати, она взяла отгул, чтобы забрать Артема... Это я к чему? Поможешь мне с визитками? Реально горит! И во сколько мне это обойдется, если не секрет?

По моему носу скользнул палец. Бдзень! Сейчас откушу.... Ей, богу!

- Сто поцелуев! – с усмешкой ответила я. Потом мне показалось, что слегка продешевила, и тут же добавила. – И кофе в постель!

- На счет кофе – я поторгуюсь... У нас аванс какого числа? Пятого? Значит, тридцать поцелуев у нас пятого числа. Готовь губы. А зарплата – тридцатого! Нет, давай, я лучше в рассрочку? – мне выдали немного поцелуев сразу. Для поддержания настроения. – А можно безналичный расчет? Я имею в виду воздушные?

Засыпая в объятиях любимого «изменщика», я чувствовала себя самым счастливым человеком на свете. И тут мне приснился котенок... Снова... Он лежит на земле, а на него падают листики. Он свернулся клубочком, озябший, одинокий, продрогший... Листья с шорохом и шелестом осыпаются, закрывая его от моих глаз. Я стою и плачу, а потом...

- Есь, – меня потрогали за плечо. В комнате горел свет, сонный Феникс сидел на кровати, а рядом вальяжно расположилась Потя. Они смотрели на меня, а я все еще видела осень и своего котенка.

- Сон плохой приснился, – зевнула я, чувствуя, как по щекам текут слезы. – Котенок умер... Рыжий котенок умер... Он умер...

- Рыжик, это всего лишь сон, – меня обняли. Потя, распушив красивый хвост, тоже подлезла под мою руку с требованием обнять и ее. Как же так? Все обнимаются, а о ней, бедной, забыли? Не порядок! Мяу!

- Он часто мне снится... Один и тот же, – выдохнула я, пытаюсь отогнать наваждение и чувствуя, как пушистый хвост касается моего подбородка.

- Котенок жив, живет всех живых... Вот он, Еськ... Ай! Кто тебе разрешал когти выпускать! Не надо мне массаж делать! – возмутился Феникс, сплевывая хвост, который решил погладить хозяина. – Бессовестная кошка! Все! Иди к Еське! Будешь спать на Рыжики. Ко мне больше не подходи... До завтра точно! И не надо мурчать! Давай, дуй на ту половину!

Мы погасили свет и снова улеглись. Недовольную Потю переложили на мою подушку. Она повертелась, свернувшись калачиком на моих волосах и успокоилась. Котенок жив... Вот он... Он не умер... Он вырос и стал красивой кошечкой, которой не спится, поэтому она устраивает променады по нам. Ай! Волосы! Все, улеглась... Спокойной ночи...

Теория мирового заговора

Я только что поговорила по телефону с Викой, которая теперь звонит мне каждый день. Недавно они всем семейством были у нас в гостях. Странно, когда незнакомые люди вешаются тебе на шею и требуют называть их родными... Сначала это казалось мне дикостью, а потом я немного привыкла... Вика была чересчур разговорчивой симпатичной девушкой, мечтающей покорять подиумы, Максим был полным и молчаливым. Он поставил себе цель сделать карьеру до тридцати лет, о чем гордо заявлял во всеуслышание. Забавные. Мужчина, который с порога сказал, что я могу называть его папой, отметил, что я очень похожа на маму. Внешне. Если честно, то после их визита у меня дико болела голова от избытка информации. Они обещали звонить и приглашали к себе. Я пока не знаю, когда у нас получится... Я пока еще не до конца верю в то, что у меня есть как бы семья...

Сбросив фотографии, я решила прибраться на кухне, сгоняя Потю с пылесоса. Осколок? Откуда он под кухней? Ладно... Не помню, чтобы что-то разбивала... Белый, красивый, с золотой ажурной каймой... И тут меня прошиб холодный пот. Я бросилась искать глазами любимую кружку. Да, вот она... Целая, с бантиком... Повертев осколок в руках и приложив его к кружке, я ахнула... Один в один!

– Конечно, не можешь дозвониться. Они уже три часа там сидят! – заметила в трубку Ира, пока я вертела находку в руках.

Я прилетела в офис быстрее ветра. Еще бы, я докатываю машину, доставшуюся мне по наследству от чьей-то дочки. Мне сразу поставили условие, что если откатаю без аварий год, то купят новую. И деньги, что я собирала на черный день, частично ознаменовали новую, не самую лучшую эпоху для пешеходов и других автомобилистов. Шучу. Я – очень осторожный водитель. Мне добавили недостающую часть суммы, так что теперь я обладатель хорошо зашпаклеванных крыльев, красивой оплетки для руля в цветочек и своего парковочного места под окнами, за которое мы сражались не на жизнь, а на смерть. В какой-то момент мне показалось, что в Кадингере попроще было. Половина соседей, которая еще с нами здоровалась, резко разучилась это делать, когда им пришлось подвинуться.

Я доехала до офиса и увидела одинокую Иру, которая ела булочку, поясняя, что только что все уехали, и у нее наступил долгожданный обед.

– Ируся, – ласково начала я, подсаживаясь к ней и видя, что она что-то знает, иначе бы не нервничала так сильно. – А ты ничего не хочешь мне рассказать?

После третьей кружки чая, Ира сдалась и выдала все и всех. Теория мирового заговора действовала уже два месяца. Ровно два месяца назад моя кружка разбилась... Разбилась она утром. Отвалилась ручка... В тот злополучный день работа встала. Весь офис

перерывал интернет, в поисках точно такой же кружки. Феня нашел на телефоне фотографию. Типография, Ира, Игорь и остальные, включая бухгалтера Алену, бросились по магазинам, с фотографией для опознания. Еще бы! На кону была премия! Квест по городу завершился успешно. Игорь нашел в одном магазине для подарков точно такую же кружку, купил ее и стал счастливым обладателем приличной награды. Кружку тут же отвезли домой и поставили на место, утирая холодный пот. Пока все обсуждали происшествие и раскачивали Игоря проставиться на премию, в интернете был найден сайт производителя. Там же было заказано еще ... Тут Ира понизила голос до шепота. Десять кружек! Десять одинаковых кружек! И буквально неделю назад они пришли. И сейчас стоят в шкафу... Вот!

- Ты говорила десять? А тут девять, - шепотом заметила я, глядя на одинаковые коробочки и поигрывая ключами.

- Неделю назад бантик отпал... - тихо заметила Ира, смущаясь. - Только не говори ему, я тебя прошу... Ой, кстати, а чего ты на ключах вонючку для машины носишь?

- Что? - переспросила я, глядя на своего зайца.

- Вонючку для машины! - пояснила Ира, закрывая шкаф. - Просто мне тоже когда-то такую подарил один жмотяра... Подруга сказала, что это - дешевая вонючка для машины... Ароматизатор... Я же вспомнила, недавно брала себе освежитель для машины, чувствую, что запах знакомый. Ваниль с апельсином и корицей... Что-то наподобие... Прикольных запах, кстати... Могу сказать, где продается...

Вечером, поливая зайца из флакона и наслаждаясь знакомым запахом, я была на седьмом небе от счастья! Целый флакон! Можно КАМАЗ поливать... Ах, какая прелесть!

Входная дверь открылась, я бросилась к ней, обнимая любимого крепко-крепко.

- Ешь, ты чего? - спросили меня, подозревая самое худшее. - Что такое? Чем у нас таким пахнет? Напрашивается слово «удушающим»...

- Я люблю тебя, - вздохнула я, поднимая счастливые глаза. - Люблю тебя...

- И я люблю тебя, - прошептали мне, подозрительно принюхиваясь. - Так, стоп, ты мне зубы не заговаривай! Что это за запах?

Я подсунула под нос моего любимого зайчика.

- Потя, - страдальчески обратился Феникс к пушистой единомышленнице. - Не надо на меня так смотреть. Это не я так пахну... Это маленький зайчик... И нам с тобой придется привыкать...

***

Иногда мне снился Кадингер. Он вставал передо мной в мутных снах, искаженный, абстрактный и нереальный, навсегда застрявший осколком воспоминаний в глубине души. Я пыталась его вытащить, но мне становилось больно и страшно. Постепенно, я привыкла. Я терпеливо ждала, когда он зарастет хорошими воспоминаниями, перестанет кровоточить, сотрется в памяти раз и навсегда. Может быть, где-то действительно уцелели люди, которым мы подарили надежду на нормальную жизнь, а может быть, мы были последними в этом мире... Лишь однажды, гуляя в парке, я видела двух детей лет двенадцати. Один из них старательно чертил круг вокруг дерева.

– Смотри, это – позорный столб! А это – круг. За круг выходить нельзя. Мы с тобой сражаемся магией! Только магией! Ты понял? – спросил пацаненок, сдвигая портфель с траектории корявого круга.

– Прикольно! – заметил второй, зевая. – А заклинание смерти бьет заклинание огня? Я могу поднять скелетона? Или демона?

Дальше я не услышала, потому что у одного из детей зазвонил телефон.

– Ну все, валим домой! Завтра доиграем! – буркнул пацаненок. – Мама звонила... Короче, ты готовься...